

**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ.
СЕРИЯ: ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА**

2023 Том 20 № 2

DOI 10.22363/2313-1683-2023-20-2

<http://journals.rudn.ru/psychology-pedagogics>

**Научный журнал
Издается с 2003 г.**

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61178 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИЧНОСТЬ И ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ

- Galyapina V.N., Tuchina O.R., Apollonov I.A.** Mutual acculturation of Russians and Armenians in the Krasnodar territory (Взаимная аккультурация русских и армян в Краснодарском крае) 197
- Потанина А.М., Моросанова В.И.** Особенности конструирования представлений о трудноразрешимом межгрупповом конфликте в дискурсе российских и украинских СМИ 211
- Poznyakov V.P., Poddubny S.E., Panfilova Yu.M.** Personality features that contribute to transition of young people from unregistered marriage to marital relations (Личностные особенности, способствующие переходу молодых людей от незарегистрированного брака к семейно-брачным отношениям) 229
- Кочетова Ю.А., Голованова И.А., Климакова М.В.** Особенности эмоционального интеллекта, эмпатии и алекситимии у лиц, зависимых от психоактивных веществ, с разной длительностью их употребления 244

ЛИЧНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

- Dzhurinsky A.N., Zhukova T.A., Bogoslovskiy V.I., Andreeva E.Yu.** Theoretical bases for designing a methodology of training teachers for intercultural interaction (Теоретические основания проектирования методики подготовки педагогов к межкультурному взаимодействию) 269
- Дорфман Л.Я., Калугин А.Ю.** Вклады индивидуально-интеллектуальных интеграций в академическую успеваемость студентов гуманитарного профиля подготовки 289
- Радчикова Н.П., Одинцова М.А., Сорокова М.Г.** Отношение преподавателей российских вузов к цифровой образовательной среде 311

ЛИЧНОСТЬ И ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА: ПРИРОДА, ГОРОД, СОЦИУМ

- Андзаурова П.О., Нартова-Бочавер С.К.** Садоводство и садовая терапия как ресурс психологического благополучия человека 331
- Зотова О.Ю.** Предметно-пространственная и физическая среда города как условие психологической безопасности жителей городов 352
- Штроо В.А., Дайнеко В.В.** Конструирование опросника «Позитивное организационное поведение»: результаты предварительной валидизации 374

НАУЧНАЯ ХРОНИКА

- Berberyayn A.S., Bashkin E.B., Bzhoyan E.A., Ermakov D.S., Amantai Zh.** Mentoring technologies in psychotherapy, education, management and intercultural relations: results of the international psychological forum at the Russian-Armenian University (Технологии наставничества в психотерапии, образовании, управлении и межкультурных отношениях: итоги Международного психологического форума в Российско-Армянском университете) 399

МИРОВАЯ НАУКА В ЛИЦАХ

- Бовина И.Б.** Слова прощания: памяти А.И. Донцова 407

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Куриленко Виктория Борисовна, доктор педагогических наук, заведующая кафедрой русского языка № 5, Институт русского языка, Российский университет дружбы народов, *Москва, Россия*

Почетный редактор

Григоренко Елена Леонидовна, доктор психологических наук, Ph.D., выдающийся профессор департамента психологии, Хьюстонский университет, профессор-исследователь департамента педиатрии, молекулярной генетики и генетики человека, Бейлорский медицинский колледж, *Хьюстон, США*; профессор Центра детских исследований, старший научный сотрудник лаборатории Хаскинс, Йельский университет, *Йель, США*

Ответственный секретарь

Новикова Ирина Александровна, кандидат психологических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой психологии и педагогики, Российский университет дружбы народов, член-корреспондент МАНПО, *Москва, Россия*

Члены редакционной коллегии

Барбот Баптисте, Ph.D., профессор Института психологических исследований, Лувенский католический университет, *Лувен-ла-Нев, Бельгия*

Бовина Инна Борисовна, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры клинической и юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет, *Москва, Россия*

Джарвин Линда, Ph.D., профессор психологии Парижского колледжа искусств, *Париж, Франция*

Ключуков Христо, доктор педагогических наук, Ph.D., профессор Университета Силезии в Катовице, *Катовице, Польша*

Нью Вильям, Ph.D., профессор, профессор и глава департамента образования и исследований молодежи, Колледж Белойта, *Белойт, США*

Оздорска-Мазур Ева, Ph.D. in Education, профессор, профессор факультета этнологии и образовательных наук, Университет Силезии в Катовице, *Катовице, Польша*

Раицкая Лилия Климентовна, доктор педагогических наук, кандидат экономических наук, советник ректора, профессор кафедры педагогики и психологии, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, *Москва, Россия*

Рич Грант, Ph.D., профессор психологии, психотерапевт, *Джуно, Аляска, США*

Стоишич Лазар, Ph.D., профессор факультета менеджмента, Университет «Юнион – Никола Тесла», *Сремски Карловцы, Сербия*

Такушьян Гарольд, Ph.D., профессор психологии и руководитель программы по организационной психологии, Университет Фордхэм, *Нью-Йорк, США*

Тарноу Юджин, Ph.D., научный сотрудник «Авалон Бизнес Систем», *Фэйр Лоун, Нью-Джерси, США*

Хархурич Анатолий Владимирович, Ph.D., доцент департамента психологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», *Москва, Россия*

Шейнов Виктор Павлович, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры психологии и педагогического мастерства, Республиканский институт высшей школы, *Минск, Беларусь*

Редактор *Ю.А. Заикина*

Редактор англоязычных текстов *Ю.Н. Бирюкова*

Компьютерная верстка *Ю.А. Заикиной*

Адрес редакции:

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии журнала:

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2

Тел.: +7 (495) 778-38-07 (доб. 12-67); e-mail: psyj@rudn.ru

Подписано в печать 23.06.2023. Выход в свет 30.06.2023. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 19,60. Тираж 500 экз. Заказ № 680. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН им. Патриса Лумумбы
Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 955-08-74; e-mail: publishing@rudn.ru

RUDN JOURNAL OF PSYCHOLOGY AND PEDAGOGICS

2023 VOLUME 20 NUMBER 2

DOI 10.22363/2313-1683-2023-20-2

<http://journals.rudn.ru/psychology-pedagogics>

Founded in 2003

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA
NAMED AFTER PATRICE LUMUMBA

CONTENTS

PERSONALITY AND CONTEMPORARY CHALLENGES

- Victoria N. Galyapina, Oksana R. Tuchina, Ivan A. Apollonov.** Mutual Acculturation of Russians and Armenians in the Krasnodar Territory 197
- Anna M. Potanina, Varvara I. Morosanova.** Features of Constructing Representations Regarding Intractable Intergroup Conflicts in the Russian and Ukrainian Media Discourse 211
- Vladimir P. Poznyakov, Sergey E. Poddubny, Yuliya M. Panfilova.** Personality Features That Contribute to Transition of Young People from Unregistered Marriage to Marital Relations 229
- Yulia A. Kochetova, Irina A. Golovanova, Maria V. Klimakova.** Features of Emotional Intelligence, Empathy and Alexithymia in Persons Dependent on Psychoactive Substances with Different Experiences of Their Use 244

PERSONALITY IN CONTEMPORARY EDUCATIONAL ENVIRONMENT

- Alexander N. Dzhurinsky, Tatiana A. Zhukova, Vladimir I. Bogoslovskiy, Ekaterina Yu. Andreeva.** Theoretical Bases for Designing a Methodology of Training Teachers for Intercultural Interaction 269
- Leonid Ya. Dorfman, Alexey Yu. Kalugin.** Contributions of Individual Intellectual Integrations to the Academic Achievement of Humanities Students 289
- Nataly P. Radchikova, Maria A. Odintsova, Marina G. Sorokova.** The Attitude of Russian University Teachers Towards the Digital Educational Environment 311

PERSONALITY AND ENVIRONMENT: NATURE, CITY, SOCIETY

- Polina O. Andzaurova, Sofya K. Nartova-Bochaver.** Gardening and Garden Therapy as a Resource for Human Psychological Well-Being 331
- Olga Yu. Zotova.** Subject-Spatial and Physical Urban Environment as a Condition for the Psychological Security of Urban Residents 352
- Wladimir A. Stroh, Vasilisa V. Dayneko.** Designing the Positive Organizational Behavior Questionnaire: Prevalidation Results 374

SCIENTIFIC CHRONICLE

- Asya S. Berberyan, Evgeniy B. Bashkin, Elene A. Bzhoyan, Dmitry S. Ermakov, Zhuldyz Amantay.** Mentoring Technologies in Psychotherapy, Education, Management and Intercultural Relations: Results of the International Psychological Forum at the Russian-Armenian University 399

PERSONS OF GLOBAL SCIENCE

- Inna B. Bovina.** Farewell Words: In Memory of Alexander I. Dontsov 407

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Viktoriya B. Kurilenko, D.Sc. in Education, Head of Department of Russian Language No. 5, Russian Language Institute, RUDN University, *Moscow, Russia*

Honorary Editor

Elena L. Grigorenko, Ph.D. in Psychology, D.Sc. in Psychology, Hugh Roy and Lillie Cranz Cullen Distinguished Professor, Department of Psychology, University of Houston, *Houston, USA*, Research Certified Adjunct Professor, Departments of Pediatrics and Molecular and Human Genetics, Baylor College of Medicine, *Houston, USA*, Adjunct Professor of Child Study Center and Senior Scientist of Haskins Laboratories, Yale University, *Yale, USA*

Assistant to the Editor-in-Chief

Irina A. Novikova, Ph.D. in Psychology (Candidate of Psychological Sciences), Associate Professor, Associate Professor of the Psychology and Pedagogy Chair, RUDN University, *Moscow, Russia*

Members of the Editorial Board

Baptiste Barbot, Ph.D. in Psychology, Professor of Psychological Sciences Research Institute, University of Louvain, *Louvain-la-Neuve, Belgium*

Inna B. Bovina, D.Sc. in Psychology (Doctor of Psychological Sciences), Professor of Department of Clinical and Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, *Moscow, Russia*

Linda Jarvin, Ph.D. in Psychology, Dean of Paris College of Art, Paris College of Art, *Paris, France*

Anatoliy V. Kharkhurin, Ph.D. in Psychology, Associate Professor of School of Psychology, National Research University "Higher School of Economics" (HSE University), *Moscow, Russia*

Hristo Kyuchukov, Ph.D. in Education, Professor of Intercultural Education, University of Silesia in Katowice, *Katowice, Poland*

William S. New, Ph.D. in Education and Psychology, Professor and Chair, Department of Education and Youth Studies, Beloit College, *Beloit, USA*

Ewa Ogrodzka-Mazur, Ph.D. in Education, Prof. hab., Professor of Institute of Education, Faculty of Ethnology and Educational Science, University of Silesia in Katowice, *Katowice, Poland*

Lilia K. Raitskaya, D.Sc. in Education, Ph.D. in Economics, Rector's Adviser and Professor of Department of Pedagogy and Psychology, Moscow State Institute of International Relations at the Ministry for Foreign Relations of the Russian Federation (MGIMO University), *Moscow, Russia*

Grant J. Rich, Ph.D. in Psychology, Fellow, American Psychological Association, *Juneau, Alaska, USA*

Harold Takooshian, Ph.D. in Psychology, Professor of Psychology & Urban Studies, Director of the Fordham Program in Organizational Leadership, Past-President and Representative to APA Council, Fordham University, *New York, USA*

Eugen Tarnow, Ph.D. in Physics, researcher, Avalon Business Systems, Inc., *Fair Lawn, NJ, USA*

Viktor P. Sheinov, D.Sc. in Sociology (Doctor of Sociological Sciences), Professor, Professor of the Psychology and Pedagogical Mastery Chair, Republican Institute of Higher Education, *Minsk, Belarus*

Lazar Stosic, Ph.D. in Computer Science, Professor, Faculty of Management, University "Union – Nikola Tesla", *Sremski Karlovci, Serbia*

Copy Editor *Iu.A. Zaikina*

English Texts' Editor *Yu.N. Biryukova*

Layout Designer *Iu.A. Zaikina*

Address of the editorial office:

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation

Ph.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the editorial board of RUDN Journal of Psychology and Pedagogics:

10 Miklukho-Maklaya St, bldg 2, Moscow, 117198, Russian Federation

Tel.: +7 (495) 778-38-07 (ext. 12-67); e-mail: psyj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price.

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation

Ph.: +7 (495) 955-08-74; e-mail: publishing@rudn.ru

© Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, 2023

**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ.
СЕРИЯ: ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА**

ISSN 2313-1683 (Print); ISSN 2313-1705 (Online)

4 выпуска в год (ежеквартально).

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Материалы журнала размещаются на платформах РИНЦ на базе Научной электронной библиотеки (НЭБ), RSCI, PsycINFO (APA), DOAJ, WJCI, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Cyberleninka, Dimensions, ResearchBib, Lens, Research4Life, JournalTOCs, British Library, Bodleian Libraries (University of Oxford), Ghent University Library.

Цель и тематика

Ежеквартальный научно-практический рецензируемый журнал по проблемам психологии, педагогики и образования «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика» издается Российским университетом дружбы народов имени Патриса Лумумбы с 2003 г. Редколлегия журнала строго придерживается международных стандартов публикационной этики, сформулированных в документе COPE (Committee on Publication Ethics): <http://publicationethics.org>

Цель журнала – публикация результатов фундаментальных и прикладных научных исследований российских и зарубежных ученых по актуальным проблемам современной психологии и педагогики в виде научных статей, научных обзоров, исторических справок, посвященных деятелям российской и зарубежной науки, научно-информационных сообщений.

Журнал адресован научным работникам, исследователям, преподавателям в сфере психологии и педагогики, практическим психологам, педагогам и учителям, а также аспирантам и студентам, обучающимся по психолого-педагогическим и смежным специальностям.

«Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика» включен в обновленный Перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата наук и доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки);

5.3.2. Психофизиология (психологические науки);

5.3.3. Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика (психологические науки);

5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки);

5.3.5. Социальная психология, политическая и экономическая психология (психологические науки);

5.3.7. Возрастная психология (психологические науки);

5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки);

5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования) (педагогические науки);

5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки).

С 2017 г. журнал включен для индексации в базу данных PsycINFO (Американская психологическая ассоциация): <http://www.apa.org/pubs/databases/psycinfo/coverage.aspx>, с 2020 г. – в базу RSCI на платформе WoS.

Функционирует сайт журнала на Портале научных журналов РУДН: <http://journals.rudn.ru/psychology-pedagogics>, который содержит полные сведения о журнале, редакционной политике и этике, требованиях к подготовке и публикации статей, полнотекстовые выпуски журнала с 2008 г. и другую информацию.

В базе данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) на платформе Научной электронной библиотеки (НЭБ) представлены полнотекстовые версии статей с 2003 г.: <http://elibrary.ru/contents.asp?titleid=25721>

По всем вопросам, связанным с публикацией статей в журнале, можно связаться с редакцией по электронному адресу: psyj@rudn.ru

RUDN JOURNAL OF PSYCHOLOGY AND PEDAGOGICS
Published by the Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba (RUDN University)

ISSN 2313-1683 (Print); ISSN 2313-1705 (Online)

Publication frequency: quarterly.

Languages: Russian, English.

Indexed in Russian Index of Science Citation (Core Collection), RSCI, PsycINFO (APA), DOAJ, WJCI, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Cyberleninka, Dimensions, Research-Bib, Lens, Research4Life, JournalTOCs, British Library, Bodleian Libraries (University of Oxford), Ghent University Library.

Aim and Scope

“**RUDN Journal of Psychology and Pedagogics**” is a quarterly scientific peer-reviewed journal on the current problems of psychology, pedagogy and education. The journal has been issued since 2003. Until December 2016 the Journal was titled “**Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Psychology and Pedagogics**”.

The founder and publisher of the Journal is Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University). Editorial Board strictly adheres to the international standards of publication ethics of the COPE: <http://publicationethics.org>

The purpose of the Journal is publishing the results of the fundamental and applied scientific research of the Russian and international scientists on the current trends of psychology and education in the form of the scientific articles, scientific survey materials, scientific reports, reviews, historical background information devoted to the prominent figures of the Russian and international science. The articles are published in Russian and English.

The Journal is addressed to scientists, researchers, teachers in the field of psychology and pedagogy, practical psychologists, educators and teachers, as well as graduate and undergraduate students.

Since 2017 the Journal has been officially accepted for coverage in PsycINFO (American Psychological Association): <http://www.apa.org/pubs/databases/psycinfo/coverage.aspx>

The main thematic rubrics of the Journal are:

- Theoretical, Methodological and Polemic Problems of Modern Psychology and Pedagogy;
- Current Problems of Personality Psychology;
- Contemporary Social Psychological Research;
- Cross-Cultural and Ethnopsychological Research;
- Current Trends of Modern Health Psychology and Psychophysiology;
- Theoretical and Methodological Problems of Modern Education;
- Psychological and Pedagogical Research of Higher and Secondary Education;
- Cross-National Scientific Cooperation;
- International Conferences on Psychology and Education.

Rubrics are constantly updated and reflect the current trends in the development of modern psychology and education.

The Journal website operates on the Portal of RUDN University scientific journals: <http://journals.rudn.ru/psychology-pedagogics>. The website contains full information about the Journal, editorial policy and ethics, requirements for the preparation and publication of the articles, etc., as well as full-text issues of the Journal since 2008.

The database of the Russian Science Citation Index on the platform of the Scientific Electronic Library provides full-text versions of the Journal articles published since 2003: <http://elibrary.ru/contents.asp?titleid=25721>

For all matters relating to the publication of articles in the Journal you can contact with the Editorial Board by e-mail: psyj@rudn.ru

DOI: 10.22363/2313-1683-2023-20-2-197-210

EDN: VUXLTR

UDC 316.6

Research article

Mutual Acculturation of Russians and Armenians in the Krasnodar Territory

Victoria N. Galyapina¹, Oksana R. Tuchina², Ivan A. Apollonov²¹National Research University Higher School of Economics,
20 Myasnitskaya St, Moscow, 101000, Russian Federation²Kuban State Technological University,
2 Moskovskaya St, Krasnodar, 350072, Russian Federation vgalyapina@hse.ru

Abstract. Mutual intercultural relations between the dominant population and representatives of ethnic minorities or migrants have been studied in sufficient detail by both foreign and Russian researchers. However, some minorities have a special status and are referred to by Russian researchers as ‘indigenized’ ones. Armenians belong to such ethnic groups. In this regard, it is of interest to study the mutual intercultural relations between representatives of the ethnic majority and Armenians as an indigenized ethnic minority. This study was conducted in the context of J. Berry’s ecocultural approach. The purpose of the study was to test three hypotheses of intercultural relations (multiculturalism, contact and integration). The sample included Russians ($N = 198$; men – 50%; $M_{age} = 19.7$) and Armenians ($N = 186$, men – 43%, $M_{age} = 23.3$) from the Krasnodar territory, the total sample $N = 388$. The research methods included scales from the MIRIPS questionnaire adapted to the Russian sample. Using structural equation modeling, the results indicating that the perceived security of the Russian and Armenian respondents predicted their attitudes to support a multicultural ideology were obtained; for the Armenians, this was also positively associated with the integration strategy and negatively associated with the assimilation attitudes. Intercultural friendly contacts among Russians and Armenians were positively associated with ethnic tolerance; however, among the Armenians they were also associated with the integration and assimilation strategies. The Armenians’ preference for the separation strategy predicted their life satisfaction; for the Russians, however, their expectation of the Armenians’ separation did not contribute to their self-esteem. In general, the results of the study had shown that the perceived security and especially intensive intercultural friendly contacts lead to the mutual integration of the non-indigenous ethnic minority and the ethnic majority. The historically determined features of the Krasnodar territory, multiculturalism and multi-confessionalism, as well as the absence of assimilation imposed by the ethnic majority, are important conditions for the successful mutual acculturation of the Russians and representatives of the ‘indigenized ethnic minority’, i.e., the Armenians of the Kuban.

Key words: mutual acculturation, multiculturalism hypothesis, contact hypothesis, integration hypothesis, Russians, Armenians, Krasnodar territory

Acknowledgements and Funding. The study was carried out as part of the HSE University Program for Fundamental Research (“Mirror Laboratories” project).

© Galyapina V.N., Tuchina O.R., Apollonov I.A., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Sociocultural context of the study

Russia is a multiethnic state, where more than 190 ethnic groups live.¹ Among them are indigenous and non-indigenous peoples. Armenians belong to non-indigenous peoples; their number is 1182 thousand people (0.83%) of the number of Russians (Leontieva, Mkrtchyan, 2020). Armenians in Russia as an ethnic minority are sufficiently consolidated and organized, which allows them to be considered as a diaspora (Leontieva, Mkrtchyan, 2020).

The Armenian diaspora is quite active in the South of Russia, especially in the Kuban (Shapovalov, 2015; Berberyan, Tuchina, 2018). The regional group of Kuban Armenians has been formed over the past thousand years as a result of large migration flows.² There are several hundred Armenian villages and about two dozen active Armenian churches in the Krasnodar Territory. Currently, Armenians make up 3.62% (211,000) of the region's population.³ This is the second largest ethnic group after the Russians. A significant part of the Armenian diaspora in the Krasnodar Territory is a fully integrated old-timer population, which is actually recognized here as 'indigenous'.⁴

As noted by a number of researchers (Dmitriev et al., 2017), the Armenian diaspora in the Kuban is distinguished by its openness and readiness to interact with other ethnic groups. The Armenians are actively involved in the life of the region; Russian is native language for the majority of them. The Armenian community makes a great contribution to the development of the Krasnodar Territory. In 2022, a monument to I. Aivazovsky was created and donated to the city at the expense of the Armenian community. One of the main charitable organizations of the region, the 'Armenian Charity', provides social support and protection to citizens regardless of their ethnicity, and also contributes to "strengthening peace, friendship and harmony among peoples, preventing social, national, religious conflicts".⁵ Kamo Hayrapetyan, Chairman of the Regional Branch of the All-Russian Public Organization 'Union of Armenians of Russia' in the Krasnodar Territory, noted in his interview that "Armenians are part of the multinational people of the Russian Federation and are united by a common destiny on this land."⁶

On the other hand, as studies have shown (Berberyan, Tuchina, 2018), the Armenians of the Krasnodar Territory represent an internally consolidated

¹ *All-Russian population census 2020. The national composition of the population* (vol. 5). (In Russ.) Retrieved April 29, 2023, from <https://rosstat.gov.ru/folder/56580>

² Savva, M.V. (2009). *Armenians of the Krasnodar territory: Persons of Kuban nationality*. (In Russ.) Retrieved November 17, 2021, from <https://www.isc-s.ru/istoriya-armyan-kubani/nauchnye-raboty/armyane-krasnodarskogo-kraya.html>

³ *All-Russian population census 2020. The national composition of the population* (vol. 5). (In Russ.) Retrieved April 29, 2023, from <https://rosstat.gov.ru/folder/56580>

⁴ Savva, M.V. (2009). *Armenians of the Krasnodar territory: Persons of Kuban nationality*. (In Russ.) Retrieved November 17, 2021, from <https://www.isc-s.ru/istoriya-armyan-kubani/nauchnye-raboty/armyane-krasnodarskogo-kraya.html>

⁵ Armenian Charity. Retrieved from <https://www.kuban-arm.ru/abo/about/>

⁶ Airapetyan, K.D., & Dvinov, A. (2023, April 30). Armenians of Kuban for a united and great Russia. *Yerkramas*. (In Russ.) Retrieved April 30, 2023, from <https://yerkramas.org/article/190903/armyane-kubani-za-edinuyu-i-velikuyu-rossiy>

community along ethnic lines, their level of loyalty to ‘insiders’ is higher than to representatives of the ‘broad’ society.

Based on the definition of acculturation (Redfield et al., 1936), we can say that intercultural interaction between the Armenians and Russians of the Kuban can be considered as ‘mutual acculturation’, since the representatives of these groups are in direct and continuous contact, which resulted in changes in the elements of the original culture of both groups.

Study of mutual acculturation of ethnic groups in Russia

The problem of mutual acculturation of the peoples of Russia has been sufficiently studied by researchers (Galyapina, Lebedeva, 2016; Galyapina et al., 2021; Galyapina, 2017; Kodzha et al., 2019; Lepshokova, 2017, and others). Basically, their research was carried out in the national republics or through the prism of migration processes, for example, Mutual Acculturation of Russians and Migrants from Central Asia and the South Caucasus (Lebedeva, Tatarko, 2013; Ryabichenko, Lebedeva, 2017). This study showed that both Russians and migrants from the countries of Central Asia and the South Caucasus prefer integration attitudes. In all the groups studied, the perceived security predicted their multicultural ideologies and integration attitudes, and integration was positively associated with self-esteem among members of all these groups. These similarities support the reciprocal nature of intercultural relations. However, some differences were also revealed. For example, the contact hypothesis found partial confirmation among the Russian majority and the migrants from Central Asia, but was not confirmed among the migrants from the South Caucasus.

Studies conducted in the republics of the North Caucasus (Galyapina et al., 2021; Lebedeva et al., 2017) showed the importance of the sociocultural context in the mutual acculturation of ethnic groups. For example, in the context of North Ossetia-Alania, ‘culturally close’ for the Russians and the ethnic majority group (Ossetians), integration attitudes increased the positive effect of perceived security and intercultural contacts on the well-being of Ossetians, but in the context of the Kabardino-Balkarian Republic, ‘culturally distant’ for the Russians and the ethnic majority groups (Kabardians and Balkars), such a role was played by attitudes towards assimilation.

Also, the research data showed that the conformity/discrepancy between the acculturation preferences of the minority groups and the majority defines problematic or even conflict zones. For example, a study of intercultural relations in Kabardino-Balkaria showed that the Russians there preferred the integration strategy, while the Kabardians and Balkars preferred segregation. The discrepancies between one group’s acculturation preferences and their preferences as to acculturating the other group predicted a lower level of life satisfaction and negative intergroup attitudes (Lebedeva et al., 2017).

That is, we can say that intercultural relations have been studied in sufficient detail among the ethnic majority groups and ethnic minorities in national republics. However, non-indigenous minorities have almost never been the subject of separate studies. Moreover, in the Krasnodar Territory one can observe an interesting phenomenon that requires analysis: the Armenians (representatives of

an ethnic minority) behave like an ethnic majority in certain areas of the region's life, while the Russians (representatives of an ethnic majority) use behavior patterns characteristic of ethnic minorities⁷ (Koryakin, 2007).

All of the above actualizes the study of the problem of mutual acculturation of the Russians and Armenians in the Krasnodar territory.

Theoretical foundations of the study

The theoretical basis of our study is J. Berry's ecocultural approach (Berry, 2019). This author proposed a model that included acculturation attitudes, changes in behavior or lifestyle in a new society, and acculturative stress (Berry, 1990).

In the course of this study, we tested three hypotheses of intercultural relations (multiculturalism, contact and integration hypotheses) proposed in the framework of the acculturation model (Berry, 1990). According to this model, the multiculturalism hypothesis is based on the postulate that the reason for accepting people from a different culture and reducing discrimination is a sense of cultural, economic and physical security (Berry, 2017). Several studies conducted in Russia and abroad have proven the positive relationship between perceived security and multicultural ideology or ethnic tolerance (Ward, Masgoret, 2008; Lebedeva, Tatarko, 2013; Galyapina, 2017, and others).

The contact hypothesis proves that intercultural friendly contacts promote mutual acceptance of cultural groups. However, it is very important that this contact should take place under certain conditions, including equality of the contacting individuals or groups, voluntariness of contact, support for intercultural contacts by politics, social norms and laws prohibiting discrimination, etc. (Tropp, Pettigrew, 2005). Previous studies in Russia have proven that intercultural friendly contacts promote tolerance, attitudes towards integration and assimilation (Ryabichenko, Lebedeva, 2017; Galyapina, 2017; Lepshokova, 2017).

The integration hypothesis proves that the integration strategy, which assumes the involvement of groups and their members both in preserving their own culture and in adopting another one, contributes to the achievement of greater psychological and social well-being than participation in the life of only one cultural group (Berry, 2017; Lebedeva, Tatarko, 2013, 2017).

Based on the theoretical analysis, we formulated *the hypotheses of this study*:

1. The multiculturalism hypothesis: among the Russians and Armenians in the Krasnodar territory, perceived security is positively associated with the support of multicultural ideology, ethnic tolerance, and integration and assimilation attitudes.

2. The contact hypothesis: among the Russians and Armenians in the Krasnodar territory, their intense intercultural friendly contacts are positively relationship with ethnic tolerance, integration and assimilation attitudes.

3. The integration hypothesis: among the Russians and Armenians in the Krasnodar territory their integration attitudes are positively related to self-esteem and life satisfaction.

---

⁷ Konovalova, E.N. (2007, December 2). Armenians in the Kuban: Migrants or locals? *Yuga*. (In Russ.) Retrieved September 25, 2021, from <https://www.yuga.ru/articles/society/4760.html>

In addition, taking into account, on the one hand, the fairly strong consolidation of the Armenians of the Kuban, and, on the other hand, the high ethnic mosaic of the Krasnodar territory, we assumed that the separation strategy can play a significant role in intercultural relations. It can be weakened by both intense intercultural contact and increased perceived security (Kodzha et al., 2019). In addition, the analysis shows that the separation strategy is positively associated with life satisfaction (Galyapina, Lepshokova, 2017). Based on the above, we put forward *additional hypotheses*:

4. Among the Russians and Armenians their perceived security and the intensity of intercultural friendly contacts are negatively related to separation attitudes.

5. Among the Armenians, their separation strategy is positively associated with their self-esteem and life satisfaction.

6. Among the Russians, their separation expectation of the Armenians is negatively related to their self-esteem and life satisfaction.

Research methods

Sample. The participants of the study were Russian and Armenian residents of the Krasnodar territory. The total sample size was 388 persons. Table 1 presents the age and gender characteristics of the participants.

Table 1

Gender and age characteristics of the sample

Ethnic groups	Number N = 384	Age			Gender	
		M	Min – Max	SD	Male, N, %	Female, N, %
Russians	198	19.7	18–30	2.5	99 (50%)	99 (50%)
Armenians	186	23.3	17–43	7.8	78 (43%)	108 (57%)

Note: N – total sample size; M – mean value; Min – minimum age; Max – maximum age; SD – standard deviation.

An analysis of the level of education in the Armenian sample showed that 17 respondents (9.1%) had incomplete secondary education, 79 respondents (42.4%) had secondary education, 21 respondents (11.3%) had specialized secondary education, and 69 respondents (37%) had higher education. In the Russian sample, one respondent (0.5%) had an incomplete secondary education, 10 respondents (5.1%) had secondary education, 72 respondents (36.4%) had secondary specialized education, and 117 respondents (59.1%) had higher education.

Research procedure. The participants completed a socio-psychological survey in person in the Krasnodar territory in 2019–2020. Convenient sampling ('snowball' method) was used. The participants did not obtain any reward.

Measure. In this study, we used scales from the MIRIPS questionnaire, which were translated into Russian and adapted to the Russian sample (Lebedeva, Tatarko, 2009). All the responses were given on a 5-point scale from 1 (absolutely disagree) to 5 (absolutely agree). The reliability and consistency of the scales were assessed using the reliability coefficient (Cronbach's α).

Perceived security: 6 questions, for example, "There is room for a diversity of languages and cultures in the Kuban" (for the Russians, $\alpha = 0.54$; for the Armenians, $\alpha = 0.59$).

Intercultural friendly contacts: this scale included 2 questions: “How many Russian/Armenian close friends do you have?” and “How often do you meet with your Armenian/Russian friends?” (for the Russians, $\alpha = 0.67$; for the Armenians, $\alpha = 0.52$).

Multicultural ideology: 10 questions, for example, “We must help cultural and racial minorities preserve their cultural heritage in the Kuban” (for the Russians, $\alpha = 0.65$; for the Armenians, $\alpha = 0.56$).

Ethnic tolerance: 6 questions, for example, “We must strive for equality of all groups, regardless of their racial or ethnic origin” (for the Russians, $\alpha = 0.62$; for the Armenians $\alpha = 0.59$).

Acculturation expectations: for the Russians: integration (4 questions, for example, “Representatives of other ethnic groups (non-Russians) living in the Kuban must be fluent in both their native and Russian languages”) ($\alpha = 0.58$); assimilation (4 questions, for example, “Representatives of other ethnic groups should participate in those activities where only Russians participate”) ($\alpha = 0.56$), separation (4 questions, for example, “I believe that representatives of other ethnic groups should, above all, preserve their cultural traditions”) ($\alpha = 0.56$).

Acculturation strategies: for the Armenians: integration (4 questions, for example, “I believe that Armenians should be fluent in both their native and Russian languages”) ($\alpha = 0.64$); assimilation (4 questions, for example, “I believe that it is more important for Armenians to be fluent in Russian than in their native language”) ($\alpha = 0.67$), separation (4 questions, for example, “I believe that Armenians should make friends only with Armenians”) ($\alpha = 0.81$).

Self-esteem: 4 questions, for example, “I believe that I have some good qualities” (Rosenberg, 1985) (for the Russians, $\alpha = 0.80$; for the Armenians, $\alpha = 0.66$).

Life satisfaction: 5 questions, for example, “I have everything I need in life” (Diener et al., 1985) (for the Russians, $\alpha = 0.81$, for the Armenians, $\alpha = 0.79$).

Sociodemographic characteristics: gender, age, education.

Mathematical statistical data processing. The data were processed using the SPSS 26.0 statistical software package. The following methods were involved: the differences between the groups were measured using multivariate analysis of variance (MANOVA); the hypotheses were tested using SEM (structural equation modeling).

Results

Results of comparison of means of all the variables. The results showed that the Russians and Armenians of the Kuban significantly differ from each other in the studied variables (Table 2): Wilks' $\Lambda = 0.517$, $F(23.011) = 1.98$, $p < 0.01$, Partial $\eta^2 = 0.048$.

Structural equation modeling results. Further, to test the main hypotheses, we analyzed the data using structural equation modeling. We controlled for the gender and age of the respondents. However, since they did not have significant effects on the variables under study, we did not display them in the model.

At the first stage, we conducted a multigroup analysis. The results indicated the absence of invariance ($\Delta CFI > 0.01$; $\Delta RMSEA > 0.01$). Therefore, we carried out further analysis separately for each group.

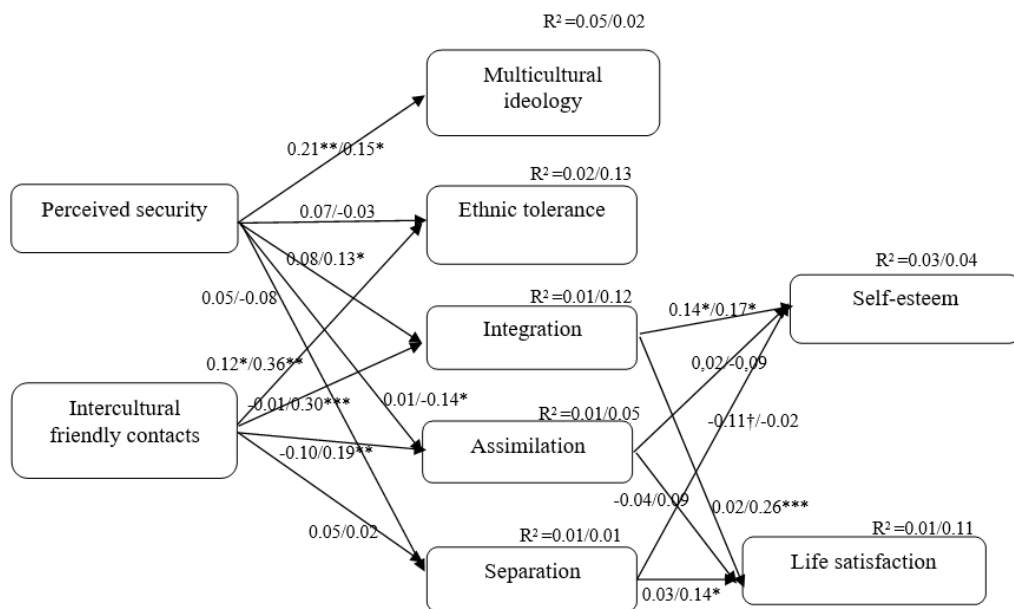
Table 2

Results of the survey of the Russian and Armenian respondents

Variables	Russians		Armenians		F(3,381)	Partial η ²
	M	SD	M	SD		
Perceived security	3.15	0.46	3.56	0.51	25.183***	0.061
Intercultural friendly contacts	3.22	1.11	4.80	0.86	79.282***	0.170
Multicultural ideology	3.34	0.55	3.71	0.80	66.763***	0.147
Ethnic tolerance	3.60	0.62	3.78	0.50	49.814***	0.114
Integration	3.85	0.69	4.42	0.59	80.470***	0.173
Assimilation	2.35	0.67	2.83	0.63	5.988**	0.015
Separation	2.65	0.61	2.45	0.68	6.139**	0.016
Self-esteem	3.89	0.63	4.1	0.88	31.300***	0.075
Life satisfaction	3.62	0.86	4.19	0.48	51.256***	0.118

Note: M – mean value; SD – standard deviation; F – Fisher’s F-test; Partial η² – partial eta squared (non-linear correlation coefficient). * effects are significant at $p < .05$. ** effects are significant at $p < .01$. *** effects are significant at $p < .001$.

To test the hypotheses, we built path models for the Russians and the ethnic minority group, the Armenians (Figure). The characteristics of the models correspond to the requirements for models in structural modeling: $\chi^2/df = 1.4/2.1$; SRMR = 0.03/0.05; CFI = 0.98/0.94; RMSEA = 0.07/0.08; PCLOSE = 0.43/0.31.

Path model for testing the hypotheses of intercultural relations among the Russians and Armenians of the Kuban (coefficients are presented through a slash: Russians/Armenians)

Note: * $p < 0,05$; ** $p < 0.01$; *** $p < 0.001$; † $p = 0.06$.

The multiculturalism hypothesis was partially confirmed in both samples: for the Russians, their perceived security predicted attitudes towards maintaining the multicultural ideology; for the Armenians, their perceived security was positively associated with attitudes toward maintaining the multicultural ideology and integration strategy, but negatively associated with assimilation attitudes.

The contact hypothesis was partially confirmed in the Russian sample and completely confirmed in the Armenian sample: for the Russians, the intensity of intercultural friendly contacts was positively related only to ethnic tolerance; among the Armenians, the intensity of intercultural friendly contacts was positively associated with ethnic tolerance as well as integration and assimilation strategies.

The integration hypothesis was fully confirmed in the Armenian sample and partially confirmed in the Russian sample: for the Russians, their expectation of the Armenians' integration predicted their self-esteem; for the Armenians, the integration strategy was positively associated with both their self-esteem and life satisfaction.

The additional hypothesis (4) about the negative relationship of the perceived security and intercultural contacts with separation attitudes was not confirmed in both samples.

However, the additional hypotheses (5 and 6) were partially confirmed: the Armenians' separation strategy was positively related to their life satisfaction; for the Russians, the expectation of the Armenians' separation reduced their self-esteem (at the level of trends).

Discussion

The multiculturalism hypothesis was partially confirmed in the sample of the ethnic majority (Russians of the Kuban): their perceived security predicted attitudes towards maintaining the multicultural ideology. In the ethnic minority group (Armenians of the Kuban), the hypothesis was also partially confirmed: their perceived security was not associated with the ethnic tolerance; however, it was positively associated with attitudes towards maintaining the multicultural ideology and the integration strategy. These data can be interpreted in the context of the hypothesis of ideological asymmetry proposed by the social dominance theory, according to which multiculturalism is more beneficial for an ethnic minority than for a group of the host population, since multiculturalism allows the minority to preserve their culture and receive a higher social status in society, whereas the host population may perceive the minority and their desire to preserve their culture as a threat to their identity and status (Schalk-Soekar, Van de Vijver, 2008).

Interesting in this study was the result that the perceived security of the ethnic minority (Armenians) was negatively associated with their assimilation attitudes. Accordingly, for the representatives of this group, security is seen as a factor in preserving themselves as an ethnocultural community. The Armenians see the problem not in the imposition of other traditions and rules of conduct, but rather in the gradual loss of their own national traditions. Consequently, they do not feel anxiety in relation to their acceptance by the majority; on the contrary, they want to demonstrate their cultural characteristics and their influence on the life of the region.

The contact hypothesis was partially confirmed in the sample of the ethnic majority: the intensity of intercultural friendly contacts was positively associated only with the ethnic tolerance of Russians. Given the rather high level of ethnic tolerance both in the ethnic minority group and in the ethnic majority group, as well as the high level of intercultural contacts, it can be assumed that these results are

due to the low level of interethnic tension in the multicultural society of the Krasnodar territory, as well as long-standing historical relationship between the indigenous population and the “indigenized” Armenian diaspora.

The contact hypothesis was fully confirmed in the Armenian sample: their friendly contacts with Russians were positively associated with ethnic tolerance and preference for the integration and assimilation strategies. The representatives of the Armenian diaspora of the Kuban are characterized by a large number of intercultural contacts, openness in communication and active interaction with representatives of other ethnic groups. This feature suggests that intercultural contacts are a powerful factor in effective interethnic relations.

The integration hypothesis was partly confirmed in the sample of the ethnic majority: their expectation of the Armenians’ integration in the Krasnodar territory predicted their self-esteem. This is consistent with the results of numerous previous studies, namely, the ethnic majority most often expects the minority to be integrated or assimilated (Barrette et al., 2004; Jasinskaja-Lahti et al., 2003; Ljubic et al., 2010). Migrants who choose the assimilation or integration strategies are perceived by most as less threatening to the host society (Berry et al., 2006; Kosic et al., 2005).

The integration hypothesis in the ethnic minority group was fully confirmed. Their preference for the integration strategy was positively associated with the measures of psychological well-being (self-esteem and life satisfaction). The high level of self-esteem and life satisfaction in this group demonstrates that the Armenians of the Kuban are a fairly adapted and psychologically prosperous ethnic group within the region, and one of the predictors of their well-being is the orientation towards integration into the host society.

The additional hypothesis about the negative relationship of the perceived security and intercultural contacts with the attitudes towards separation was not confirmed in both samples. This is apparently due to the fact that the Kuban is historically a multiethnic region, with a high frequency of intercultural contacts. However, the additional hypothesis about the relationship between the separation strategy of the Armenians and their life satisfaction was partially confirmed. Therefore, we can say that the orientation of the Armenians to preserve their culture and language, maintaining contacts with members of their ethnic group, participating in the diaspora events contributes to their life satisfaction (Galyapina et al., 2022). Thus, “closure” within one’s own ethnocultural community can be a factor in life satisfaction, but does not contribute to an increase in self-esteem. That is, it can be said that in the multiethnic Krasnodar territory, intensive intercultural contacts of the Armenians lead to the blurring of ethnic boundaries, to their assimilation, which does not contribute to their well-being, since the Armenians of the Kuban are quite consolidated and focused on preserving their culture. Their life satisfaction was promoted by the strategy of separation rather than that of assimilation. This is consistent with the results of a number of other studies (e.g., Lebedeva, 2017).

For the ethnic majority group (Russians of the Kuban), the following trend was revealed: their expectation of the Armenians’ separation reduced their self-esteem. This is a rather disturbing trend demonstrating that the Russians perceive the Armenians as a rival group, potentially threatening the status of the Russians

in the region, since low-status groups are more sensitive to subtle status differences in the contact situation than representatives of larger high-status groups (Dixon et al., 2005; Tropp, Pettigrew, 2005).

A number of studies have shown that the leading role in intercultural relations in the region belongs to the ethnic majority, which sets the tone and atmosphere of interaction (Lebedeva et al., 2017). In general, if a hypothesis is completely confirmed in the majority group, then, as a rule, it is confirmed at least partially in the minority group. If it is partially confirmed in the majority group, then most likely it is partially or not confirmed in the minorities. In our study, on the contrary, the hypotheses were fully or partially confirmed in the minority group (Kuban Armenians), and partially confirmed in the majority group (Kuban Russians). This may indicate that the Armenians in the Krasnodar territory are becoming not only a numerous but also influential group that largely determines intercultural interaction in the region.

Conclusion

The results of the study of mutual acculturation of the Russians and Armenians in the Krasnodar territory allow us to conclude that intercultural relations between these groups are successful and fruitful. This is, first of all, due to the coincidence of acculturation preferences of the Armenians and Russians of the Kuban: integration is seen as the most preferable strategy, it positively affects both the psychological well-being of the ethnic minority (Armenians) and the self-esteem of the ethnic majority (Russians). However, a rather disturbing trend has also been revealed, the expectation of the separation of the Armenians negatively affects the self-esteem of the Russians, which demonstrates their concern in relation to this group but, at the same time, this strategy contributes to life satisfaction of the Armenians.

The perceived security and especially intense intercultural friendly contacts lead to mutual integration. The specifics of the socio-cultural context of the Krasnodar territory, namely multiethnicity and multiconfessionalism, historical background, as well as the absence of assimilation imposed by the ethnic majority, are important conditions for the successful mutual acculturation of the Russians and Armenians of the Kuban.

In general, the results obtained show that it is important to actively involve representatives of the Armenian diaspora, especially young people, in citywide and regional public and cultural events, providing them with the opportunity to position themselves as representatives of the Kuban.

It is equally important for national public organizations to more actively involve representatives of other ethnic groups in their activities, to focus not only on their ethnic characteristics, but also on value, cultural and ideological similarities with them.

References

- Barrette, G., Bourhis, R.Y., Personnaz, M., & Personnaz, B. (2004). Acculturation orientations of French and North American undergraduates in Paris. *International Journal of Intercultural Relations*, 28, 415–438.
- Berberyan, A.S., & Tuchina, O.R. (2018). Research of national identity and historical experience of a person in the titular Armenian ethnos and associated Armenian

- diaspora in Russia. *Russian Journal of Psychology*, 15(2), 190–214. (In Russ.) <https://doi.org/10.21702/rpj.2018.2.8>
- Berry, J.W. (1990). Psychology of acculturation. In J. Berman (Ed.), *Cross-Cultural Perspectives, Nebraska Symposium on Motivation* (pp. 201–234). Lincoln, NE.: University of Nebraska Press.
- Berry, J.W. (2019). Ecocultural psychology. *Cultural-Historical Psychology*, 15(4), 4–16. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/chp.2019150401>
- Berry, J.W. (Ed.). (2017). *Mutual intercultural relations*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781316875032>
- Berry, J.W., Phinney J.S., Sam, D.L., & Vedder, P. (2006). Immigrant youth: Acculturation, identity, and adaptation. *Applied Psychology*, 55, 303–332.
- Diener, E., Emmons, R.A., Larsen, R.J., & Griffin, S. (1985). The satisfaction with life scale. *Journal of Personality Assessment*, 49, 1–5. https://doi.org/10.1207/s15327752jpa4901_13
- Dixon, J., Durrheim, K., & Tredoux, C. (2005). Beyond the optimal contact strategy: A reality check for the contact hypothesis. *American Psychologist*, 60, 697–711.
- Dmitriev, A.V., Voronov, V.V., & Mikhailova, E.A. (2017). Predictive modeling of inter-ethnic relations in Russian regions based on the analysis of identification strategies of diaspora and compatriot groups. *Monitoring of Public Opinion: Economic and social Changes*, (6), 97–124. (In Russ.)
- Galyapina, V., Tuchina, O., & Apollonov, I. (2022). Acculturation of Armenians in Russia: Role of social identities and diaspora activity. *Central Asia and the Caucasus*, 22(4), 104–111.
- Galyapina, V.N. (2017). Intercultural relations in the Republic of North Ossetia – Alania. In N.M. Lebedeva (Ed.), *Intercultural Relations in the Post-Soviet Space* (pp. 186–211). Moscow: Menedzher Publ. (In Russ.)
- Galyapina, V.N., & Lebedeva, N. (2016). Is multiculturalism in Russia possible? Intercultural relations in North Ossetia-Alania. *Psychology in Russia: State of the Art*, 9(1), 24–40. <https://doi.org/10.11621/pir.2016.0102>
- Galyapina, V.N., & Lepshokova, Z.Kh. (2017). Interethnic relations in modern Dagestan. In N.M. Lebedeva (Ed.), *Intercultural Relations in the Post-Soviet Space* (pp. 212–239). Moscow: Menedzher Publ. (In Russ.)
- Galyapina, V.N., Lepshokova, Z., & Molodikova, I.N. (2021). Intercultural relations in Dagestan: The role of perceived security, intercultural contacts, and mutual acculturation. *Central Asia and the Caucasus*, 22(1), 75–90.
- Jasinskaja-Lahti, I., Liebkind, K., Horenczyk, G., & Schmitz, P. (2003). The interactive nature of acculturation: Perceived discrimination, acculturation attitudes and stress among young ethnic repatriates in Finland, Israel and Germany. *International Journal of Intercultural Relations*, 27(1), 79–97.
- Kodzha, E.A., Lebedeva, N.M., Galyapina, V.N., Lepshokova, Z.Kh., & Ryabichenko, T.A. (2019). Intercultural relations in the Russian Crimea: An empirical test of three hypotheses. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 16(2), 250–268. (In Russ.) <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2019-2-250-268>
- Koryakin, K. (2007). *Social and cultural aspects of the adaptation of Armenian migrants in the Krasnodar territory* (1988–2006). Ph.D. in Sociology Thesis. Moscow. (In Russ.)
- Kosic, A., Mannetti, L., & Lackland, S.D. (2005). The role of majority attitudes toward out-group in the perception of the acculturation strategies of immigrants. *International Journal of Intercultural Relations*, 29(3), 273–288
- Lebedeva, N., Galyapina, V.N., Lepshokova, Z., & Ryabichenko, T. (2017). Intercultural relations in Russia. In J.W. Berry (Ed.), *Mutual Intercultural Relations* (pp. 34–58). Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781316875032.002>
- Lebedeva, N.M. (Ed.). (2017). *Intercultural relations in the post-Soviet space*. Moscow: Menedzher Publ. (In Russ.)

- Lebedeva, N.M., & Tatarko, A.N. (2013). Immigration and intercultural interaction strategies in post-Soviet Russia. In E. Tartakovsky (Ed.), *Immigration: Policies, Challenges and Impact* (pp. 179–194). New York: Nova Science.
- Lebedeva, N.M., & Tatarko, A.N. (2017). Intercultural relations of Latvians and Russians in post-Soviet Latvia. In N.M. Lebedeva (Ed.), *Intercultural Relations in the Post-Soviet Space* (pp. 301–323). Moscow: Menedzher Publ. (In Russ.)
- Lebedeva, N.M., & Tatarko, A.N. (Eds.). (2009). *Strategies for intercultural interaction between migrants and the population of Russia*. Moscow: RUDN University. (In Russ.)
- Leontieva, O.B., & Mkrtchyan, L.G. (2020). Armenian diaspora in Russia: Contemporary approaches to studying. *Vestnik of Samara University. History, Pedagogics, Philology*, 26(4), 8–14. (In Russ.) <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2020-26-4-8-14>
- Lepshokova, Z.Kh. (2017). Intercultural relations of Kabardians, Balkars and Russians in the Kabardino-Balkarian Republic. In N.M. Lebedeva (Ed.), *Intercultural Relations in the Post-Soviet Space* (pp. 156–186). Moscow: Menedzher Publ. (In Russ.)
- Ljubic, V., Vedder, P.H., Dekker, H., & Van Geel, M. (2010). *Serbian adolescents' Romaphobia and their acculturation orientations towards the Roma minority*. Paper presented at the British Psychological Society, Social Psychology Section Annual Conference. Winchester: University of Winchester.
- Redfield, R., Linton, R., & Herskovits, M.J. (1936). Memorandum for the study of acculturation. *American Anthropologist*, 38(1), 149–152. <https://doi.org/10.1525/aa.1936.38.1.02a00330>
- Rosenberg, M. (1965). *Society and the adolescent child*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Ryabichenko, T.A., & Lebedeva, N.M. (2017). Mutual acculturation of migrants and the host population in central Russia. In N.M. Lebedeva (Ed.), *Intercultural Relations in the Post-Soviet Space* (pp. 57–81). Moscow: Menedzher Publ. (In Russ.)
- Schalk-Soekar, S.R.G., & Van de Vijver, F.J.R. (2004). The concept of multiculturalism: A study among Dutch majority members. *Journal of Psycho-Social Studies*, 9(38), 2152–2152.
- Shapovalov, S.N. (2015). Some aspects of Armenian migration to the Krasnodar territory. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogy*, (4), 13–15.
- Tropp, L.R., & Pettigrew, T.F. (2005). Relationships between intergroup contact and prejudice among minority and majority status groups. *Psychological Science*, 16, 951–957.
- Ward, C., & Masgoret, A.M. (2008). Attitudes toward immigrants, immigration, and multiculturalism in New Zealand: A social psychological analysis. *International Migration Review*, 42(1), 227–248.

Article history:

Received 26 January 2023

Revised 11 April 2023

Accepted 17 April 2023

For citation:

Galyapina, V.N., Tuchina, O.R., & Apollonov, I.A. (2023). Mutual acculturation of Russians and Armenians in the Krasnodar territory. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 20(2), 197–210. <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2023-20-2-197-210>

Author's contribution:

Victoria N. Galyapina – concept, design of the study, analysis of the results. Oksana R. Tuchina – writing the text, discussing the results. Ivan A. Apollonov – collection and processing of materials, writing the text.

Conflicts of interest:

The authors declare that there is no conflict of interest.

Bio notes:

Victoria N. Galyapina, Ph.D. in Psychology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Psychology, Chief Researcher of the Center for Sociocultural Research, Faculty of Social Sciences, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia). ORCID: 0000-0002-3885-1455; eLIBRARY SPIN-code: 2391-7845. E-mail: vgalyapina@hse.ru

Oksana R. Tuchina, Doctor of Psychology, Associate Professor, Professor of the Department of History, Philosophy and Psychology, Kuban State Technological University (Krasnodar, Russia). ORCID: 0000-0001-5525-7645; eLIBRARY SPIN-code: 6989-5374. E-mail: tuchina@yandex.ru

Ivan A. Apollonov, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of History, Philosophy and Psychology, Kuban State Technological University (Krasnodar, Russia). ORCID: 0000-0002-1926-8213; eLIBRARY SPIN-code: 7423-6142. E-mail: obligo@yandex.ru

DOI: 10.22363/2313-1683-2023-20-2-197-210

EDN: VUXLTR

УДК 316.6

Исследовательская статья

Взаимная аккультурация русских и армян в Краснодарском крае

В.Н. Галыпина¹, О.Р. Тучина², И.А. Аполлонов²

¹Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20

²Кубанский государственный технологический университет,
Российская Федерация, 350072, Краснодар, ул. Московская, д. 2

 vgalyapina@hse.ru

Аннотация. Взаимные межкультурные отношения между доминирующим населением и представителями этнических меньшинств или мигрантов достаточно подробно исследовались как зарубежными, так и российскими учеными. Однако некоторые меньшинства имеют особый статус и относятся российскими исследователями к «укоренившемуся меньшинству». В частности, к такой группе принадлежат армяне. В этой связи представляет интерес изучение взаимных межкультурных отношений представителей этнического большинства и армян как укоренившегося этнического меньшинства. Исследование проводилось в контексте экоккультурного подхода Д. Берри. Цель – проверка трех гипотез межкультурных отношений (мультикультурализма, контакта и интеграции). Выборку составили русские ($N = 198$; из них 50 % мужчины, средний возраст 19,7 лет) и армяне ($N = 186$, из них 43 % мужчины, средний возраст 23,3 года) Краснодарского края, общая выборка $N = 388$. В качестве методов исследования использовались шкалы из опросника MIRIPS, адаптированные на российской выборке. На основе моделирования структурными уравнениями получены результаты, позволяющие заключить, что у русских и армян воспринимаемая безопасность предсказывает установки на поддержание мультикультурной идеологии; у армян она также положительно взаимосвязана со стратегией интеграции и отрицательно – с установками на ассимиляцию. Межкультурные дружеские контакты и у русских, и у армян положительно связаны

с этнической толерантностью; а у армян также со стратегиями интеграции и ассимиляции. Предпочтение стратегии сепарации у армян предсказывало их удовлетворенность жизнью; а у русских ожидание сепарации армян не способствовало их самоуважению. В целом выявлено, что воспринимаемая безопасность и особенно интенсивные межкультурные дружеские контакты приводят к взаимной интеграции некоренного этнического меньшинства и этнического большинства. Исторически обусловленные особенности Краснодарского края – поликультурность и поликонфессиональность, а также отсутствие навязанной ассимиляции со стороны этнического большинства являются важными условиями успешной взаимной аккультурации русских и представителей «укоренившегося этнического меньшинства» – армян Кубани.

Ключевые слова: взаимная аккультурация, гипотеза мультикультурализма, гипотеза контакта, гипотеза интеграции, русские, армяне, Краснодарский край

Благодарности и финансирование. Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ (проект «Зеркальные лаборатории»).

История статьи:

Поступила в редакцию 26 января 2023 г.

Принята к печати 17 апреля 2023 г.

Для цитирования:

Галяпина В.Н., Тучина О.Р., Аполлонов И.А. Взаимная аккультурация русских и армян в Краснодарском крае // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2023. Т. 20. № 2. С. 197–210. <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2023-20-2-197-210>

Вклад авторов:

В.Н. Галяпина – концепция, дизайн исследования, анализ результатов. *О.Р. Тучина* – написание текста, обсуждение результатов. *И.А. Аполлонов* – сбор и обработка материалов, написание текста.

Заявление о конфликте интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Сведения об авторах:

Галяпина Виктория Николаевна, кандидат психологических наук, доцент, доцент департамента психологии, главный научный сотрудник центра социокультурных исследований, факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). ORCID: 0000-0002-3885-1455; eLIBRARY SPIN-код: 2391-7845. E-mail: vgalyapina@hse.ru

Тучина Оксана Роальдовна, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры истории, философии и психологии, Кубанский государственный технологический университет (Краснодар, Россия). ORCID: 0000-0001-5525-7645; eLIBRARY SPIN-код: 6989-5374. E-mail: tuchena@yandex.ru

Аполлонов Иван Александрович, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры истории, философии и психологии, Кубанский государственный технологический университет (Краснодар, Россия). ORCID: 0000-0002-1926-8213; eLIBRARY SPIN-код: 7423-6142. E-mail: obligo@yandex.ru

DOI: 10.22363/2313-1683-2023-20-2-211-228

EDN: WETRLJ

УДК 316.6

Исследовательская статья

Особенности конструирования представлений о трудноразрешимом межгрупповом конфликте в дискурсе российских и украинских СМИ

А.М. Потанина , В.И. Моросанова

Психологический институт Российской академии образования,
Российская Федерация, 125009, Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 4

 a.m.potan@gmail.com

Аннотация. Феномен трудноразрешимого межгруппового конфликта активно исследуется в современной зарубежной психологии. Изучение такого типа конфликтов сейчас становится особенно важным в связи с повышением их числа в современных реалиях. Важное место занимают работы израильской научной школы, изучающей феномены этоса конфликта, коллективной памяти о конфликте и коллективной эмоциональной ориентации, являющиеся основной интерпретации информации о конфликтной ситуации. Несмотря на большое количество моделей и подходов, в исследованиях трудноразрешимых конфликтов присутствует еще достаточное количество пробелов (так, отсутствует общепринятое определение трудноразрешимого конфликта), а многие подходы к их исследованию слабо операционализированы. Цель исследования – анализ представлений о трудноразрешимом конфликте в дискурсе российских и украинских СМИ в период 2014–2018 гг., а также способов конструирования представлений о трудноразрешимом конфликте в дискурсе СМИ через обращение к социально-психологической инфраструктуре конфликта. Основным методом исследования выступил критический дискурс-анализ в традиции Дж. Поттера и М. Уэзерелл. Обнаружено, что и в российском, и в украинском медиадискурсе представления о конфликте конструировались через обращения к этосу конфликта: в частности, через оправдание групповых целей, представлений действий оппонента как нелегитимных и несправедливых, виктимизацию групп-оппонентов и поддержание позитивного образа группы. Выявлено, что и в российских, и в украинских СМИ присутствуют обращения к теме коллективной памяти, однако частота их возникновения не позволяет говорить о тенденции. Полученные результаты могут быть использованы для разработки мер по снижению предубежденности при освещении конфликтов в средствах массовой информации. Обсуждаются перспективы дальнейших исследований, например анализ представлений о конфликте аудитории различных СМИ и их сопоставлении с теми репертуарами, которые удалось выявить в дискурсе средств массовой информации.

Ключевые слова: трудноразрешимый конфликт, этос конфликта, коллективная память, представления о конфликте, дискурс-анализ

Введение

Феномен трудноразрешимого межгруппового конфликта в последние годы является предметом интереса специалистов в психологии конфликта и психологии межгрупповых отношений (Halperin, Levy, 2017). Интерес к этому типу конфликтов во многом обусловлен повышением их распространенности и интенсивности в последние 20–30 лет. Современные работы, проводимые в данной области, в основном сконцентрированы на изучении психологических феноменов, связанных с восприятием ситуации трудноразрешимого конфликта, а также на способах преодоления возникающих вследствие конфликта когнитивных искажений (Голынчик, 2018, 2020). Трудноразрешимый конфликт может быть определен как затяжной, насильственный конфликт, отличающийся высокой степенью интенсивности, вовлекающий в себя всех членов группы или общества – участника конфликта, и воспринимаемый как неразрешимый его участниками (Halperin, Levy, 2017). Согласно Д. Бар-Талю, одними из наиболее важных характеристик трудноразрешимого конфликта являются его центральное место в общественных дискуссиях и восприятие участниками конфликта как затрагивающего основные потребности и ценности групп-оппонентов (Bar-Tal et al., 2012).

Важное место в современных исследованиях трудноразрешимого конфликта занимают работы израильской школы (Bar-Tal et al., 2012; Halperin, 2016). В рамках этих исследований трудноразрешимый конфликт рассматривается как сложный социальный и психологический феномен, порождающий уникальное психологическое явление: так называемую социально-психологическую инфраструктуру конфликта (*sociopsychological infrastructure*). Данный феномен возникает в ответ на так называемые вызовы конфликтной ситуации и включает три основных элемента: этос конфликта, коллективная память о конфликте и коллективные эмоции (коллективные эмоциональные ориентации) (Bar-Tal, Avrahamzon, 2017).

Понятие этоса конфликта, хотя активно используется в исследованиях израильской школы, не имеет устоявшегося определения. Ведущие исследователи определяют его и как «метаидеологию», определяющую контекст социальных дискуссий, и как доминирующую ориентацию общества, вовлеченного в конфликт (Cohrs et al., 2015; Bar-Tal et al., 2012). Наиболее операционализированным нам представляется определение Д. Бар-Талья (Bar-Tal et al., 2012). Он предлагает определять этос как систему представлений о том или ином объекте или событии (в данном случае – о конфликте). Бар-Таль выделяет восемь типов таких представлений или тем: поддерживающие позитивный образ группы; оправдывающие групповые цели; делегитимизирующие оппонента; виктимизирующие ингруппу; о безопасности; о патриотизме; о мире и о единстве (Bar-Tal et al., 2012). Бар-Таль отмечает, что этос конфликта является устойчивой структурой, определяющей восприятие ситуации конфликта вовлеченными в него индивидами и группами. Современные исследования подтверждают это положение: этос конфликта оказывает влияние на когнитивные процессы, в частности на получение и интерпретацию информации о конфликте: повышает враждебность по отношению к аутгруппе и усиливает формирование негативных стереотипов (Nasie et al., 2021). Ряд

исследователей в этой связи рассматривают конфликтный этос как психологический (когнитивный) барьер восприятия, «замораживающий» процессы оценки и переоценки информации о конфликте и, как следствие, формирующий упрощенную, «черно-белую» картину конфликтной ситуации (Wohl et al., 2016; Rosler et al., 2018). Исследования демонстрируют, что убеждения, формирующие этос конфликта, также тесно связаны с идеологической позицией (Гулевич, Неврюев, 2015; Gulevich et al., 2020; Solak et al., 2021).

Коллективная память о конфликте является репрезентацией конфликтного прошлого, представляющей определенное видение прошлых событий (Páez, Lui, 2015). Показано, что коллективная память о конфликте отражает историю конфликта основанную в первую очередь на потребностях группы или общества, в связи с чем она зачастую является предвзятой и искаженной: так, например, в коллективных воспоминаниях изменяется порядок изложения событий и их интерпретация, а факты изменяются или исключаются в соответствии с целями группы (Páez, Lui, 2015; Halperin, Levy, 2017). Важной характеристикой коллективной памяти является ее общность: она разделяется всеми членами общества, а также часто становится доминирующим нарративом в коллективных дискуссиях (Емельянова, 2019). Еще одной характеристикой коллективной памяти, важной для исследований представлений о конфликте, является избирательное включение группами-оппонентами фрагментов одних и тех же исторических событий (Páez, Lui, 2015). В контексте социально-психологической инфраструктуры конфликта коллективная память тесно взаимосвязана с этосом конфликта: она позволяет поддерживать позитивный образ своей ингруппы; оправдывает дальнейшее развитие конфликта; делегитимизирует противоборствующую сторону; позволяет представить собственную группу как «жертву» (Páez, Lui, 2015; Rosler, Branscombe, 2020). Все вышеперечисленное является важным фактором формирования конфликтного этоса.

Коллективная эмоциональная ориентация (ориентация на преувеличение определенной эмоции) в ситуации трудноразрешимого конфликта взаимосвязана с коллективной памятью и конфликтным этосом (Halperin, 2016). Так, например, Э. Каманс и колл. продемонстрировали, что представления о неразрешимости конфликта приводят к формированию эмоционального климата безысходности, а негативные представления об оппоненте определяют эмоциональную ориентацию ненависти (Kamans et al., 2014). Чувство унижения возникает, с одной стороны, вследствие оценки враждебности оппонента как проявления несправедливости, с другой – вследствие оценки высокого статуса оппонента как обесценивающего статус группы (Fernández et al., 2018). Коллективная вина может возникать как вследствие оценки совершенных группой действий, так и в качестве последствия угрозы позитивному образу группы (Shuman et al., 2018). Коллективные эмоции также могут выступать в качестве психологических барьеров, препятствующих процессу переоценки информации (Wohl et al., 2016). Так, чувство ненависти снижает уровень ожиданий позитивных изменений, а чувства угрозы и страха могут повышать уровень этноцентризма, предубеждений и интолерантности, что, в свою очередь, ведет к затягиванию и эскалации конфликта (Halperin, Levy, 2017). Современные исследования коллективных эмоций также пока-

зывают связь политической ориентации с выражением определенных коллективных эмоций (Cohen-Chen et al., 2020). Рассматривается феномен манипуляции эмоциями аутгруппы, который исследователи связывают с предрасположенностью к определенным видам коллективных действий. Показано, что мотивация вызывать у аутгруппы страх связана с предрасположенностью к агрессивным действиям, а мотивация вызывать сожаление связана с предрасположенностью к ненасильственным действиям (Hasan-Aslih et al., 2019).

Несмотря на большое количество моделей и подходов (например: Coleman, 2014; Bar-Tal, Avrahamzon, 2017; Halperin, 2016), в исследованиях трудноразрешимых конфликтов наблюдается еще достаточное количество «пробелов»: нет общепринятого определения трудноразрешимого конфликта, а многие подходы до сих пор слабо операционализированы. В данном исследовании мы видим возможность вклада в развитие научных представлений о социально-психологических феноменах, сопровождающих трудноразрешимый межгрупповой конфликт.

Цель исследования – анализ способов конструирования представлений о трудноразрешимом межгрупповом конфликте в дискурсе средств массовой информации. Ранее мы анализировали новостной медиадискурс российских и украинских СМИ, а также дискурс российской блогосферы с точки зрения риторических средств и социально-психологических феноменов, к которым обращаются СМИ для конструирования представлений о конфликте (Потанина, 2018, 2022). Мы обращаемся к анализу способов интерпретации конфликтной ситуации в СМИ, опираясь на модель, предложенную Д. Бар-Талем (Bar-Tal et al., 2012). Основной **исследовательский вопрос** данной работы: к каким компонентам социально-психологической инфраструктуры обращаются СМИ для конструирования представлений о трудноразрешимом межгрупповом конфликте?

Процедура и методы исследования

Исследование проведено на материале публикаций, посвященных конфликту в Украине. Согласно результатам исследований, проведенных под руководством Т.Г. Стефаненко и Е.О. Голынчик на кафедре социальной психологии МГУ им. М.В. Ломоносова, отношения России и Украины возможно рассматривать как начинающийся трудноразрешимый конфликт (Голынчик, 2020). Для анализа мы выбрали временной период за 2014–2018 гг., поскольку он ознаменовался как эскалациями, так и периодами «затишья», то есть позволил исследовать дискурс СМИ в контексте конфликтной динамики. На первом этапе исследования осуществлялся отбор материала и первичного анализа текстов. В качестве источников публикаций отобраны наиболее популярные на тот момент российские и украинские издания по версии интернет-поисковиков Yandex и Google: rbc.ru, ria.ru, regnum.ru, lenta.ru, rg.ru, 24tv.ua¹, unian.net, correspondent.net, hromadske.ua. При выборе

¹ Внесен в Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено от 23.10.2017.

статей мы опирались, прежде всего, на наличие/отсутствие в них описаний выделенных структур образа межгруппового конфликта и риторических средств, используемых при конструировании образа конфликта, а также обращений к темам этоса и коллективной памяти. По результатам первичного анализа сформирована выборка для развернутого дискурс-анализа (Potter, 1996). Выборка для развернутого анализа формировалась по критерию достаточности: поскольку наблюдалось избыточное количество материалов о данном событии, тексты из разных источников анализировались до тех пор, пока полученные в результате анализа данные не начали повторяться, не приводя никаких содержательных изменений в выводы. Итоговую выборку исследования составили 42 публикации российских и украинских интернет-изданий (по 21 публикации). Развернутый дискурс-анализ проводился по процедуре, предложенной и валидизированной Д.А. Хорошиловым в его кандидатской диссертации (2013): в каждом тексте выделялась основная тема предложения или смысловой части текста, далее выделялись и эксплицировались основные риторические средства, используемые в предложении, определялись конструируемые в смысловой части текста социальные факты, выделялись интерпретативные репертуары. Для осуществления последней части анализа мы несколько модифицировали данную процедуру, не просто выделяя системы связанных между собой, стилистически и грамматически когерентных терминов, но и анализируя, вокруг каких элементов социально-психологической инфраструктуры они организуются. Для этого мы опирались на работу М. Нази и Д. Бар-Талья (Nasie, Bar-Tal, 2012), в которой проводился похожий тип анализа. Валидность полученных данных, в соответствии с критериями валидности качественного исследования, обеспечивается: обоснованностью применения качественной методологии к исследованию проблемы, применением эмпирически валидизированной процедуры развернутого дискурс-анализа и ее прозрачностью, использованием стратегий триангуляции (Хорошилов, 2022).

Результаты и обсуждение

В наших прошлых работах (Потанина, 2018, 2022) мы подробно анализировали те риторические средства, при помощи которых в СМИ конструируются представления о конфликте. Нам удалось обнаружить, что в СМИ обеих стран используется устоявшийся риторический репертуар, выражающийся в «ярлыках», задающих стереотипизированное описание сторон конфликта в дихотомии «агрессоры – защитники». Атрибуция причин действий сторон характеризуется приписыванием внутренних причин действий стороне-«агрессору» и внешних причин действий стороне-«жертве агрессии». Дискурс российских СМИ характеризуется постепенным исчезновением альтернативных интерпретаций и формированием единой, внутренне непротиворечивой позиции относительно конфликта, тогда как в украинском она присутствовала изначально. В данной работе мы сосредоточились на анализе дискурсов СМИ с точки зрения совокупности речевых практик, рамок обсуждения, которые определяют конструирование образа конфликта. Проведенный анализ позволил нам выявить особенности конструирования представлений о трудноразрешимом конфликте в средствах массовой информации

участников конфликта. Перед переходом непосредственно к изложению и интерпретации полученных результатов отметим, что в российских СМИ обсуждение конфликта осуществлялось в контексте противостояния властей Украины и представителей самопровозглашенных республик², которые рассматривались в качестве сторон конфликта. Отметим также, что хотя в контексте той рамки обсуждения данного конфликта, которую задавали российские СМИ рассматриваемого временного периода, их аудитория не являлась включенной в конфликт напрямую, в качестве ингруппы в них рассматривались представители самопровозглашенных республик, а в качестве аутгруппы – власти Украины. В украинских СМИ наблюдалась иная картина: обсуждение конфликта осуществлялось в контексте противостояния властей Украины и представителей самопровозглашенных республик, поддерживаемых Россией (имплицитно – противостоянии Украины и России).

Обратимся к результатам анализа. Нам удалось обнаружить в проанализированных текстах четыре интерпретативных репертуара, соотносящихся с темами этоса конфликта: делегитимизация оппонента, виктимизация группы, оправдание групповых целей и поддержание позитивного образа группы. В табл. 1 представлено их сопоставление в российских и украинских СМИ.

Таблица 1 / Table 1

**Интерпретативные репертуары – этос конфликта /
Interpretative repertoires – ethos of conflict**

Тема этоса / Theme of ethos	Российские СМИ / Russian media	Украинские СМИ / Ukrainian media
Делегитимизация оппонента / Delegitimizing the opponent	Негативные представления о властях Украины / Negative beliefs about Ukrainian authorities: «каратели», «агрессоры», «боевики», «силовики» / “punishers”, “aggressors”, “militants”, “security agents”, в отдельных случаях / in some cases «неонацисты» / “neo-nazis”. Описание действий властей Украины как «намеренных» / Description of Ukrainian authorities' actions as “intended”: «...украинский агрессор продолжил обстрелы населенных пунктов...», «...украинские силовики... обстреляли...» / “...the Ukrainian aggressor continued shelling settlements...”, “...Ukrainian security forces... fired...” и нелегитимных / and non-legitimate: «Вместо переговоров в Минске украинская армия начала варварский обстрел Донецка», «...украинские войска и так нарушали все, что только могли нарушить» / “Instead of negotiations in Minsk, the Ukrainian army launched a barbaric shelling of Donetsk”, “...Ukrainian troops already violated everything that they could violate”	Негативные представления о представителях самопровозглашенных республик, а также о представителях России, их поддерживающих / Negative beliefs about representatives of self-proclaimed republics and Russians supporting them: «боевики», «террористы», «сепаратисты», «агрессор», «захватчики», «оккупанты», «бандформирования», «враг» / “militants”, “terrorists”, “separatists”, “aggressor”, “invaders”, “occupiers”, “bandit formations”, “enemy”. Представление действий оппонента как намеренных и нелегитимных / Description of the opponent's actions as intended and non-legitimate: «Боевики нанесли артиллерийский удар...», «...враг совершил 6 прицельных обстрелов...», «...террористы намеренно обстреливают населенные пункты...» / “The militants launched an artillery strike...”, “...the enemy made six targeted attacks...”, “...terrorists intentionally fire at settlements...”

² Анализируемые тексты относятся к периоду до признания суверенитета ДНР и ЛНР властями РФ.

Окончание табл. 1 / Table 1, ending

Тема этоса / Theme of ethos	Российские СМИ / Russian media	Украинские СМИ / Ukrainian media
Виктимизация группы / Group victimization	Агрессия по отношению к мирному населению / Aggression towards civil population: «...украинский агрессор продолжил обстрелы населенных пунктов...», «...массированный обстрел жилых районов Донецка и Горловки, где, по сообщениям местных жителей, горят школы и жилые дома...», «Власти Незалежной готовы пролить кровь для подавления протестов» / “...the Ukrainian aggressor continued shelling settlements...”, “...massive shelling of residential areas of Donetsk and Gorlovka, where, according to local residents, schools and residential buildings are on fire...”, “The authorities of Nezalezhnaya are ready to shed blood to suppress protests”	Агрессия по отношению к мирному населению / Aggression towards civil population: «...оккупанты осуществили ... обстрел», «В результате обстрела ... со стороны российско-оккупационных войск...», «...террористы намеренно обстреливают населенные пункты, где еще живут мирные люди» / “...the occupiers carried out... shelling”, “As a result of shelling... by the Russian occupying forces...”, “...terrorists deliberately shell settlements where peaceful people still live”
Оправдание групповых целей / Justifying of the group goals	Позитивный образ представителей самопровозглашенных республик / Positive image of representatives of self-proclaimed republics: «ополченцы», «защитники» / “militias”, “defenders”	Позитивный образ украинских военных / Positive image of Ukrainian military: «защитники», «бойцы», «воины» / “defenders”, “fighters”, “warriors”. Актуализация героического образа участников конфликта / Actualizing the heroic image of the conflict parties: «...были ранены двое воинов ВСУ...», «...один боец погиб», «...Украина потеряла одного защитника» / “...two soldiers of the Armed Forces of Ukraine were wounded...”, “...one soldier died”, “...Ukraine lost one defender”
Поддержание позитивного образа группы / Maintaining positive self-image	Пересекается с вышеупомянутыми репертуарами. Действия представлены как вынужденный «ответ» на «преступные посягательства» / Intersects with the repertoires mentioned above. Actions presented as a “forced” response to the encroachment: «самые большие жертвы по-прежнему среди мирного населения», «Украинские власти бросили вертолеты и танки, чтобы не допустить народного волеизъявления...» и «провокации»: «украинский агрессор продолжил обстрелы населенных пунктов, а также, по всей видимости, готовит очередные провокации» / “the biggest victims are still among the civilian population”, “Ukrainian authorities used helicopters and tanks in order to prevent the people from expressing their will...” and “provocations”: “the Ukrainian aggressor continued shelling settlements, and also, apparently, is preparing another provocation”	Пересекается с вышеупомянутыми репертуарами. Действия представлены как справедливый ответ на внешнюю агрессию / Intersects with the repertoires mentioned above. Actions presented as a justified response to the invasion: «на территории, временной занятой одним из контролируемых РФ бандформирований», «заботливо оккупированных российскими войсками районах», «...российско-террористические войска осуществили 86 обстрелов...» / “on the territory temporarily occupied by one of the bandit formations controlled by the Russian Federation”, “areas carefully occupied by Russian troops”, “...Russian-terrorist troops carried out 86 attacks...”

Результаты анализа демонстрируют, что обнаруженные интерпретативные репертуары, связанные с этосом конфликта, оказались фактически зеркальными в российских и украинских СМИ. В дискурсе и российских, и украинских СМИ мы обнаружили интерпретативные репертуары делегитимизации оппонента, виктимизации группы, оправдания групповых целей, положительного образа группы (Bar-Tal et al., 2012). Нам не удалось обнару-

жить в анализируемых текстах репертуары, связанные с единством, патриотизмом, безопасностью и миром. В контексте российских СМИ, по-видимому, это связано с тем, что в анализируемый временной период Россия была представлена как некая «третья сторона», официально не вовлеченная в конфликт напрямую, для которой данные темы не являются важными. Что касается остальных репертуаров, то они, по-видимому, связаны с представлением конфликта в СМИ как атаки на мирное население и, кроме того, на русскоязычное население. То есть использование данных репертуаров призвано солидаризировать аудиторию с участниками конфликта, в данном случае – со стороной, представленной как «жертва». Отметим также, что в российских СМИ встречались и альтернативные интерпретации, не поддерживающие социально-психологическую инфраструктуру. Они представлены в анализируемых текстах двумя интерпретативными репертуарами: репертуаром поддержки (в скрытом виде) властей Украины и репертуаром приписывания ответственности за военные действия обеим сторонам. Эти репертуары выражались в использовании таких ярлыков, как «сепаратисты» и «пророссийские активисты», при описании представителей самопровозглашенных республик и ярлыков «силовики» и «военные» при описании представителей Украины. Также в данных источниках обнаруживалось приписывание ответственности за военные действия в равной степени обеим сторонам, подчеркивалось, что стороны обвиняют в продолжении военных действий друг друга. Тем не менее эти позиции встречались только в источниках, относящихся к 2014–2015 гг. В источниках более позднего времени присутствовали доминирующие позиции, проанализированные выше. Интересно, что в украинских СМИ, так же как и в российских, не удалось обнаружить репертуары единства, безопасности, патриотизма и мира. Возможно, данные компоненты этоса не являются центральными, поэтому не обнаруживаются в текстах. Другим объяснением может быть характер анализируемых источников. Поскольку анализировался только новостной дискурс, предположим, что в других видах медиадискурса эти убеждения могут обнаруживаться: например, в редакторских колонках, мнениях экспертов, высказываниях политических лидеров и пр. (Rosler et al., 2021).

Далее обратимся к анализу репертуаров, связанных с коллективной памятью в российских и украинских СМИ. Результаты анализа представлены ниже в табл. 2.

Отметим, что в контексте российских СМИ темы коллективной памяти практически не встречались – во всех текстах контекст обсуждения конфликта прежде всего касался текущей ситуации: непосредственно военных столкновений или анализа дипломатических переговоров и действий как украинских властей, так других стран в попытке урегулировать конфликт, тогда как данные темы встречались только на уровне отдельных упоминаний. Что касается украинских СМИ, то, как и в российских, темы коллективной памяти не были представлены в явном виде. Можно предположить, что позиционирование действий оппонента как оккупации, как и в случае российских СМИ, призвано актуализировать коллективные воспоминания о Великой Отечественной войне. Однако в текстах отсутствовали прямые попытки со-

отнесения этих событий, поэтому мы можем только предполагать возможную связь.

Таблица 2 / Table 2

Интерпретативные репертуары – коллективная память / Interpretative repertoires – collective memory

Интерпретативный репертуар / Interpretative repertoire	Российские СМИ / Russian media	Украинские СМИ / Ukrainian media
Коллективная память / Collective memory	<p>Темы национализма, выраженные в ссылках на события Великой Отечественной войны / Themes of nationalism through references to the Great Patriotic War: «...не первый месяц создается героический миф [...], сравнимый по масштабам с тем, как героизировало 6-ю армию Паулюса в Сталинграде ведомство Геббельса», «Так уже происходило во время Второй мировой войны, когда отряды украинских карателей из числа бандеровцев выполняли по поручению руководства СС всю грязную работу...», «Украинские неонацисты, существующие при попустительстве и поощрении нынешних местных властей [...]» / “...not for the first month a heroic myth has been created [...] comparable in scale to how the Goebbels department heroized the 6th Army of Paulus in Stalingrad”, “This already happened during the Second World War, when detachments of Ukrainian punishers from among Banderites carried out on behalf of the leadership of the SS all the dirty work...”, “Ukrainian neo-Nazis, existing with the connivance and encouragement of the current local authorities [...]”</p>	<p>Явных обращений не обнаружено, присутствует уже ранее проанализированная тема оккупации / No explicit references found, there is a previously analyzed topic of occupation: «заботливо оккупированных российскими войсками районах» / “carefully occupied by the Russian troops areas”</p>

Что касается коллективных эмоций, то данный репертуар во многом пересекается со всеми проанализированными выше, поскольку коллективные эмоции формируются на основе этоса и коллективной памяти. В контексте российских СМИ мы можем говорить об интерпретативном репертуаре гнева, формирующем данный дискурс. Как уже было отмечено, действия украинской стороны представлены как преступные, нелегитимные, как агрессия, направленная против мирного населения, что подчеркивается ярлыками «каратели», «агрессор», описанием их действий как намеренных атак и провокаций. Что касается других коллективных эмоций, то они представлены не были. Исключение составляет эмоция ненависти, связанная с темой национализма – однако в текстах не обнаруживается прямое выражение ненависти, скорее выражение чувства осуждения: «Сегодня участники госпереворота в Киеве бросили в бой новое поколение бандеровцев. Бросили против тех, кто отстаивает право жить на своей земле, говорить на родном русском языке, отмечать свои праздники.». Тем не менее, поскольку данный репертуар связан только с одной темой, мы не можем говорить о том, что он характерен для российских СМИ в целом. В контексте украинских СМИ мы

также можем говорить об интерпретативном репертуаре гнева, однако он выражается в изображении действий представителей самопровозглашенных республик (и России) как преступных, нелегитимных, как внешнюю агрессию, вторжение, что подчеркивается ярлыками «террористы», «оккупанты», «захватчики», «бандформирования», «враг», а также описанием их действий как намеренных атак. Эмоция гнева, обнаруживаемая в текстах обоих СМИ, может быть объяснена представлением действий оппонентов как несправедливых, нелегитимных и даже преступных, и осуществляемых по отношению к участникам конфликта, с которыми должна солидаризироваться аудитория. Исследования демонстрируют, что регуляция эмоций путем актуализации определенных лингвистических знаков может влиять на поддержку людьми различных действий в конфликте (Idan et al., 2018), что в данном контексте может быть связано с целью вызвать у аудитории поддержку одной из сторон конфликта.

Подводя итог анализу дискурсов российских и украинских СМИ, можно отметить их схожесть в аспекте конструирования представлений о конфликте: в них обнаруживаются одинаковые элементы социально-психологической инфраструктуры – представления, формирующие конфликтный этос и коллективную память о конфликте, а также обращения к коллективной эмоции гнева, конструирующие образ конфликта как трудноразрешимого. Различия между ними заключаются в меньшем обращении украинских СМИ к коллективной памяти, а также в разных темах в контексте представлений, ее формирующих.

Конструирование образа данного конфликта как трудноразрешимого отвечает представлениям, разработанным в израильской школе об ответе на вызовы конфликта (Bar-Tal et al., 2012; Halperin, 2016). В частности, данная ситуация отличается высоким уровнем неопределенности, а также постоянным присутствием в общественной дискуссии. В данном контексте, формирование единого, непротиворечивого видения конфликта может являться основной целью СМИ, поскольку в перспективе может позволить консолидировать общество, предложив ясную, «черно-белую», упрощенную картину ситуации (Bar-Tal et al., 2012; Wohl et al., 2016). Привлекая идеи регуляции групповых эмоций через предоставление определенного эмоционального стимула в информации о конфликте (Halperin, Pliskin, 2015), мы можем предположить, что СМИ путем поддержки социально-психологической инфраструктуры пытаются регулировать представления своей аудитории. Хотя, как показывают опросы общественного мнения³, мнения большинства в период анализа совпадали с картиной, предлагаемой в средствах массовой информации, исследования, проведенные на кафедре социальной психологии факультета психологии МГУ на материале интервью с москвичами, демонстрируют, что данный конфликт не воспринимается как реальный, считается «искусственным» и «инсценированным» (Голынчик, 2018, с. 57). Данный факт может быть объяснен с точки зрения идей немецкой школы К. Хора (Cohrs

³ Например, аналитические обзоры ВЦИОМ от 20 февраля 2018 г. <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=8953>, от 21 июля 2017 г. <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=2967>

et al., 2015): присутствия в обществе групп, отличающихся идеологическими представлениями. Другим объяснением могут быть особенности воздействия медийных сообщений: ряд исследователей отмечает, что медийные сообщения не содержат единственный набор значений и их смысл может по-разному конструироваться и интерпретироваться аудиторией СМИ (Мельникова, Хорошилов, 2018). Наличие такого рассогласования именно между российскими СМИ и частью общества может объясняться тем фактом, что в 2014–2018 гг., времени, к которому относятся проанализированные нами тексты, Россия официально не была вовлечена в непосредственные военные столкновения. То есть, привлекая идею критической дискурсивной теории о выражении в дискурсах интересов властных групп (Ван Дейк, 2014), можно предположить, что СМИ отражали видение ситуации в политических элитах, вовлеченных в конфликт непосредственно, для них данная ситуация представляла собой тот самый «вызов неопределенности», требующий консолидации и более упрощенного, ясного понимания конфликта. Непротиворечивая позиция по отношению к конфликту в украинских СМИ может быть объяснена тем, что Украина вовлечена в конфликт напрямую с его начала, что выводит на первый план вызовы конфликтной ситуации, для ответа на которые требуется социально-психологическая инфраструктура конфликта. Кроме того, в ситуации трудноразрешимого конфликта идеологическая поляризация может приводить к обострению вражды между противоборствующими идеологическими группами, что, в свою очередь, может снижать способность общества справляться с внешним конфликтом и затягивать его (Orjan et al., 2020). В этой связи СМИ также могут выполнять функцию консолидации общества для того, чтобы справиться с ситуацией трудноразрешимого конфликта.

Заключение

Проведенное исследование позволило выявить особенности конструирования представлений о трудноразрешимом конфликте в дискурсе СМИ на примере конфликта, разворачивающегося на наших глазах. При помощи анализа интерпретативных репертуаров удалось показать, что и в российском, и в украинском медиадискурсе представления о конфликте конструировались через обращения к темам этоса конфликта: в частности, через оправдание групповых целей, представлений действий оппонента как нелегитимных и несправедливых, виктимизацию групп-оппонентов и поддержание позитивного образа группы. Также удалось обнаружить, что в дискурсе российских СМИ присутствуют обращения к теме коллективной памяти, однако частота их возникновения не позволяет говорить о тенденции. В дискурсе украинских СМИ присутствуют обращения к теме оккупации, однако нельзя утверждать, что обращение к данной теме является попыткой актуализировать коллективную память. Полученные результаты вносят вклад в проблему исследования трудноразрешимых конфликтов, а также могут быть использованы для разработки мер по снижению предубежденности при освещении конфликтов в средствах массовой информации.

Отметим ограничения исследования: анализировался только новостной дискурс, несущий прежде всего функцию информирования о происходящих событиях и только потом – формирования определенной позиции по отношению к ним. В связи с этим важно осознавать, что характер полученных результатов может быть связан с характером анализируемых источников. Перспектива дальнейших исследований видится в анализе представлений о конфликте аудитории различных СМИ и их сопоставлении с теми репертуарами, которые удалось выявить в дискурсе средств массовой информации, а также в анализе других видов медиадискурса (например, телевизионных СМИ, интернет-дискуссий) и общественного дискурса (экспертного дискурса, высказываний политических лидеров и др.).

Список литературы

- Ван Дейк Т.* Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: ЛИБРОКОМ, 2014. 344 с.
- Гольничик Е.О.* Преимущества использования качественных методов в современных исследованиях восприятия конфликта // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 3. С. 53–61. <https://doi.org/10.17759/sps.2018090306>
- Гольничик Е.О.* Этнос трудноразрешимого межэтнического конфликта: исследовательские подходы и перспективы изучения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2020. Т. 17. № 1. С. 29–50. <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-1-29-50>
- Гулевич О.А., Неврюев А.Н.* Социальные верования и оценка военного вмешательства в дела других стран: роль авторитаризма и национальной идентификации // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2015. Т. 12. № 3. С. 52–68.
- Емельянова Т.П.* Коллективная память о событиях отечественной истории: социально-психологический подход. М.: Институт психологии РАН, 2019. 299 с.
- Мельникова О.Т., Хорошилов Д.А.* Развитие исследований коммуникаций в социальных контекстах отечественной психологии // Коммуникации. Медиа. Дизайн. 2018. Т. 3. № 2. С. 45–64.
- Потанина А.М.* Анализ новостного медиадискурса вокруг трудноразрешимого межгруппового конфликта // Вестник Московского государственного областного университета. 2022. № 1. С. 69–80. <http://doi.org/10.18384/2310-7235-2022-1-69-80>
- Потанина А.М.* Образ трудноразрешимого межгруппового конфликта в российских СМИ // Человеческий капитал. 2018. № 7 (115). С. 93–103. <http://doi.org/10.25629/HC.2018.07.09>
- Хорошилов Д.А.* Психология социального познания в изменяющемся обществе: дис. ... д-ра психол. наук. М.: МГУ, 2022. 318 с.
- Bar-Tal D., Avrahamzon T.* Development of delegitimization and animosity in the context of intractable conflict // *The Cambridge Handbook of the Psychology of Prejudice* / ed. by C.G. Sibley, F.K. Barlow. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. Pp. 582–606. <https://doi.org/10.1017/9781316161579.026>
- Bar-Tal D., Halperin E., Sharvit K., Zafran A.* Ethos of conflict: the concept and its measurement // *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*. 2012. Vol. 18. No. 1. Pp. 40–61. <https://doi.org/10.1037/a0026860>
- Cohen-Chen S., Lang O., Ran S., Halperin E.* The prevalence of despair in intractable conflicts: direct messages of hope and despair affect leftists, but not rightists // *Journal of Applied Social Psychology*. 2020. Vol. 50. No. 10. Pp. 588–598. <https://doi.org/10.1111/jasp.12697>
- Cohrs J.C., Ulug O.M., Stahel L., Kışoğlu R.* Ethos of conflict and beyond: differentiating social representations of conflict // *The Social Psychology of Intractable Conflicts* / ed. by

- E. Halperin, K. Sharvit. Cham: Springer, 2015. Pp. 33–47. https://doi.org/10.1007/978-3-319-17861-5_3
- Coleman P.T.* Intractable conflict // *The Handbook of Conflict Resolution: Theory and Practice* / ed. by P.T. Coleman, M. Deutsch, E.C. Marcus. 3rd ed. Jossey-Bass, 2014.
- Fernández S., Halperin E., Gaviria E., Agudo R., Saguy T.* Understanding the role of the perpetrator in triggering humiliation: the effects of hostility and status // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2018. Vol. 76. Pp. 1–11. <https://doi.org/10.1016/j.jesp.2017.12.001>
- Gulevich O., Nevryuev A.N., Sarieva I.* War as a method of conflict resolution: the link between social beliefs, ideological orientations and military attitudes in Russia // *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*. 2020. Vol. 26. No. 2. Pp. 192–201. <https://doi.org/10.1037/pac0000434>
- Halperin E.* Emotion in conflict: inhibitors and facilitators of peace making. New York: Routedge, 2016. <https://doi.org/10.4324/9781315850863>
- Halperin E., Levy A.* Intractable conflicts // *The Sage Encyclopedia of Political Behavior* / ed. by F.M. Moghaddam. Sage, 2017. Pp. 406–408.
- Halperin E., Pliskin R.* Emotions and emotion regulation in intractable conflict: studying emotional processes within a unique context // *Advances in Political Psychology*. 2015. Vol. 36. Suppl. 1. Pp. 119–150. <https://doi.org/10.1111/pops.12236>
- Hameiri B., Sharvit K., Bar-Tal D., Shahar E., Halperin E.* Support for self-censorship among Israelis as a barrier to resolving the Israeli-Palestinian conflict // *Political Psychology*. 2017. Vol. 38. No. 5. Pp. 795–813. <https://doi.org/10.1111/pops.12346>
- Hasan-Aslih S., Netzer L., van Zomeren M., Saguy T., Tamir M., Halperin E.* When we want them to fear us: the motivation to influence outgroup emotions in collective action // *Group Processes & Intergroup Relations*. 2019. Vol. 22. No. 5. Pp. 724–745. <https://doi.org/10.1177/1368430218769744>
- Idan O., Halperin E., Hameiri B., Reifen Tagar M.* A rose by any other name? A subtle linguistic cue impacts anger and corresponding policy support in intractable conflict // *Psychological Science*. 2018. Vol. 29. No. 6. Pp. 972–983. <https://doi.org/10.1177/0956797618772823>
- Kamans E., van Zomeren M., Gordijn E.H., Postmes T.* Communicating the right emotion makes violence seem less wrong: power-congruent emotions lead outsiders to legitimize violence of powerless and powerful groups in intractable conflict // *Group Processes & Intergroup Relations*. 2014. Vol. 17. No. 3. Pp. 286–305. <https://doi.org/10.1177/1368430213502562>
- Nasie M., Bar-Tal D.* Sociopsychological infrastructure of an intractable conflict through the eyes of Palestinian children and adolescents // *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*. 2012. Vol. 18. No. 1. Pp. 3–20. <https://doi.org/10.1037/a0026861>
- Nasie M., Reifen Tagar M., Bar-Tal D.* Ethno-political socialization of young children in societies involved in intractable conflict: the case of Israel // *Journal of Social Issues*. 2021. Vol. 77. Pp. 1257–1281. <https://doi.org/10.1111/josi.12479>
- Orian H.T., Maoz I., Halperin E.* A conflict within a conflict: intragroup ideological polarization and intergroup intractable conflict // *Current Opinion in Behavioral Sciences*. 2020. Vol. 34. Pp. 52–57. <https://doi.org/10.1016/j.cobeha.2019.11.013>
- Páez D., Lui J.H.* The collective remembering of conflict and its role in fueling an ethos of conflict in society // *The Social Psychology of Intractable Conflicts* / ed. by E. Halperin, K. Sharvit. Cham: Springer, 2015. Pp. 61–75. https://doi.org/10.1007/978-3-319-17861-5_5
- Potter J.* Discourse analysis and constructionist approaches: theoretical background // *Handbook of Qualitative Research Methods for Psychology and the Social Sciences* / ed. by J.T.H. Richardson. Leicester: BPS Blackwell, 1996. Pp. 125–140.
- Rosler N., Branscombe N.R.* Inclusivity of past collective trauma and its implications for current intractable conflict: the mediating role of moral lessons // *British Journal of Social Psychology*. 2020. Vol. 59. No. 1. Pp. 171–188. <https://doi.org/10.1111/bjso.12336>
- Rosler N., Hagage Baikovich H., Bar-Tal D.* Rhetorical expressions of ethos of conflict and policymaking in intractable conflict by leaders: a comparative study of two Israeli

- prime ministers // *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*. 2021. Vol. 27. No. 3. Pp. 381–392. <https://doi.org/10.1037/pac0000491>
- Rosler N., Sharvit K., Bar-Tal D. Perceptions of prolonged occupation as barriers to conflict resolution // *Political Psychology*. 2018. Vol. 39. No. 3. Pp. 519–538. <https://doi.org/10.1111/pops.12444>
- Schori-Eyal E., Halperin E., Saguy T. Intergroup commonality, political ideology, and tolerance of enemy collateral casualties in intergroup conflicts // *Journal of Peace Research*. 2019. Vol. 56. No. 3. Pp. 425–439. <https://doi.org/10.1177/0022343318818658>
- Shuman E., Johnson D., Saguy T., Halperin E. Threat to the group's image can motivate high identifiers to take action against in-group transgressions // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2018. Vol. 44. No. 11. Pp. 1523–1544. <https://doi.org/10.1177/0146167218768800>
- Solak N., Tamir M., Sümer N., Jost J.T., Halperin E. Expressive suppression as an obstacle to social change: linking system justification, emotion regulation, and collective action // *Motivation and Emotion*. 2021. Vol. 45. No. 5. Pp. 661–682. <https://doi.org/10.1007/s11031-021-09883-5>
- Wohl M.J.A., Porat R., Halperin E. Unfreezing cognitions during an intractable conflict: does an external incentive for negotiating peace and (low levels of) collective angst increase information seeking? // *British Journal of Social Psychology*. 2016. Vol. 55. Pp. 65–87. <https://doi.org/10.1111/bjso.12121>

История статьи:

Поступила в редакцию 5 декабря 2022 г.

Принята к печати 10 апреля 2023 г.

Для цитирования:

Потанина А.М., Моросанова В.И. Особенности конструирования представлений о трудно-разрешимом межгрупповом конфликте в дискурсе российских и украинских СМИ // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика*. 2023. Т. 20. № 2. С. 211–228. <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2023-20-2-211-228>

Вклад авторов:

А.М. Потанина – дизайн исследования, сбор и обработка материалов, анализ полученных данных, написание текста. В.И. Моросанова – научное руководство, анализ полученных данных.

Заявление о конфликте интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Сведения об авторах:

Потанина Анна Михайловна, научный сотрудник, лаборатория психологии саморегуляции, Психологический институт, Российская академия образования (Москва, Россия). ORCID: 0000-0003-4358-6948; ResearcherID: AAF-9474-2021; eLIBRARY SPIN-код: 6840-4027. E-mail: a.m.potan@gmail.com

Моросанова Варвара Ильинична, доктор психологических наук, профессор, заведующая лабораторией, лаборатория психологии саморегуляции, Психологический институт, Российская академия образования (Москва, Россия). ORCID: 0000-0002-7694-1945; ResearcherID: J-5946-2016; AuthorID: 6506351065; eLIBRARY SPIN-код: 4335-5542. E-mail: morosanova@mail.ru.

DOI: 10.22363/2313-1683-2023-20-2-211-228

EDN: WETRLJ

UDC 316.6

Research article

Features of Constructing Representations Regarding Intractable Intergroup Conflicts in the Russian and Ukrainian Media Discourse

Anna M. Potanina^{ID}✉, Varvara I. Morosanova^{ID}

Psychological Institute of the Russian Academy of Education,
9 Mokhovaya St, bldg 4, Moscow, 125009, Russian Federation

✉ a.m.potan@gmail.com

Abstract. The phenomenon of intractable intergroup conflict is being actively studied in modern foreign psychology. The study of conflicts of this type is now becoming especially important due to the increase in their number in today's reality. Of great importance are the works of the Israeli scientific school, which considers the phenomena of the ethos of the conflict, the collective memory of the conflict and the collective emotional orientation, which are the basis for interpreting information about the conflict situation. Despite the large number of models and approaches, there are still quite a few gaps in the research of intractable conflicts (for example, there is no generally accepted definition of an intractable conflict, and many research methods are poorly operationalized). The representations regarding an intractable conflict in the Russian and Ukrainian media discourse are analyzed. The ways of constructing such representations in the media discourse are considered through a reference to the socio-psychological infrastructure of the conflict. The main research method was critical discourse analysis in the interpretation of J. Potter and M. Weatherell. It was found that in both Russian and Ukrainian media discourse representations regarding the conflict were constructed through references to the ethos of the conflict: in particular, through the justification of group goals, the presentation of the opponent's actions as illegitimate and unfair, the victimization of opposition groups, and the maintenance of positive image of the group. It was revealed that in both Russian and Ukrainian media there are references to collective memory, but the frequency of their occurrence does not allow to talk about a trend. The results can be used to develop measures to reduce bias in media coverage of conflicts. The prospects for further research are discussed, in particular, the analysis of intractable conflict representations in audiences of different media and their comparison with those repertoires that have been identified in the media discourse.

Key words: intractable conflict, ethos of conflict, collective memory, conflict representations, media discourse, discourse analysis

References

- Bar-Tal, D., & Avrahamzon, T. (2017). Development of delegitimization and animosity in the context of intractable conflict. In C.G. Sibley, F.K. Barlow (Eds.), *The Cambridge Handbook of the Psychology of Prejudice* (pp. 582–606). Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781316161579.026>
- Bar-Tal, D., Halperin, E., Sharvit, K., Zafran, A. (2012). Ethos of conflict: The concept and its measurement. *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*, 18(1), 40–61. <https://doi.org/10.1037/a0026860>

- Cohen-Chen, S., Lang, O., Ran, S., & Halperin, E. (2020). The prevalence of despair in intractable conflicts: Direct messages of hope and despair affect leftists, but not rightists. *Journal of Applied Social Psychology*, 50(10), 588–598. <https://doi.org/10.1111/jasp.12697>
- Cohrs, J.C., Ulug, O.M., Stahel, L., & Kişhoğlu, R. (2015). Ethos of conflict and beyond: Differentiating social representations of conflict. In E. Halperin, K. Sharvit (Eds.), *The Social Psychology of Intractable Conflicts* (pp. 33–47). Cham: Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-319-17861-5_3
- Coleman, P.T. (2014). Intractable conflict. In P.T. Coleman, M. Deutsch, E.C. Marcus (Eds.), *The Handbook of Conflict Resolution: Theory and Practice* (3rd ed.). Jossey-Bass.
- Emelyanova, T.P. (2019). *Collective memory of the events of national history: A socio-psychological approach*. Moscow: Institute of Psychology of the RAS. (In Russ.)
- Fernández, S., Halperin, E., Gaviria, E., Agudo, R., & Saguy, T. (2018). Understanding the role of the perpetrator in triggering humiliation: The effects of hostility and status. *Journal of Experimental Social Psychology*, 76, 1–11. <https://doi.org/10.1016/j.jesp.2017.12.001>
- Golynchik, E.O. (2018). Potential of qualitative methods in the modern research of conflict perception. *Social Psychology and Society*, 9(3), 53–61. (In Russ.) <http://doi.org/10.17759/sps.2018090306>
- Golynchik, E.O. (2020). The ethos of intractable interethnic conflict: Research approaches and prospects. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 17(1), 29–50. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-1-29-50>
- Gulevich, O., Nevryuev, A.N., & Sarieva I. (2020). War as a method of conflict resolution: The link between social beliefs, ideological orientations and military attitudes in Russia. *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*, 26(2), 192–201. <https://doi.org/10.1037/pac0000434>
- Gulevich, O.A., & Nevryuev, A.N. (2015). Social beliefs and evaluation of military intervention in other countries affairs: The role of authoritarianism and national identification. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 12(3), 52–68. (In Russ.)
- Halperin, E. (2016). *Emotion in conflict: Inhibitors and facilitators of peace making*. New York: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315850863>
- Halperin, E., & Levy, A. (2017). Intractable conflicts. In F.M. Moghaddam (Ed.), *The Sage Encyclopedia of Political Behavior* (pp. 406–408). Sage.
- Halperin, E., & Pliskin, R. (2015). Emotions and emotion regulation in intractable conflict: Studying emotional processes within a unique context. *Advances in Political Psychology*, 36(1), 119–150. <https://doi.org/10.1111/pops.12236>
- Hameiri, B., Sharvit, K., Bar-Tal, D., Shahar, E., & Halperin, E. (2017). Support for self-censorship among Israelis as a barrier to resolving the Israeli-Palestinian conflict. *Political Psychology*, 38(5), 795–813. <https://doi.org/10.1111/pops.12346>
- Hasan-Aslih, S., Netzer, L., van Zomeren, M., Saguy, T., Tamir, M., & Halperin, E. (2019). When we want them to fear us: The motivation to influence outgroup emotions in collective action. *Group Processes & Intergroup Relations*, 22(5), 724–745. <https://doi.org/10.1177/1368430218769744>
- Idan, O., Halperin, E., Hameiri, B., & Reifen Tagar, M. (2018). A rose by any other name? A subtle linguistic cue impacts anger and corresponding policy support in intractable conflict. *Psychological Science*, 29(6), 972–983. <https://doi.org/10.1177/0956797618772823>
- Kamans, E., van Zomeren, M., Gordijn, E.H., & Postmes, T. (2014). Communicating the right emotion makes violence seem less wrong: Power-congruent emotions lead outsiders to legitimize violence of powerless and powerful groups in intractable conflict. *Group Processes & Intergroup Relations*, 17(3), 286–305. <https://doi.org/10.1177/1368430213502562>
- Khoroshilov, D.A. (2022). *Psychology of social cognition in a changing society*. ScD in Psychology Thesis. Moscow: Moscow State University. (In Russ.)
- Melnikova, O.T., & Khoroshilov, D.A. (2018). The development of communication studies in social contexts of Russian psychology. *Communications. Media. Design*, 3(2), 45–64. (In Russ.)

- Nasie, M., & Bar-Tal, D. (2012). Sociopsychological infrastructure of an intractable conflict through the eyes of Palestinian children and adolescents. *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology, 18*(1), 3–20. <https://doi.org/10.1037/a0026861>
- Nasie, M., Reifen Tagar, M., & Bar-Tal, D. (2021). Ethno-political socialization of young children in societies involved in intractable conflict: The case of Israel. *Journal of Social Issues, 77*, 1257–1281. <https://doi.org/10.1111/josi.12479>
- Orian H.T., Maoz, I., & Halperin, E. (2020). A conflict within a conflict: Intragroup ideological polarization and intergroup intractable conflict. *Current Opinion in Behavioral Sciences, 34*, 52–57. <https://doi.org/10.1016/j.cobeha.2019.11.013>
- Páez, D., & Lui, J.H. (2015). The collective remembering of conflict and its role in fueling an ethos of conflict in society. In E. Halperin, K. Sharvit (Eds.), *The Social Psychology of Intractable Conflicts* (pp. 61–75). Cham: Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-319-17861-5_5
- Potantina, A.M. (2018). An image of an intractable intergroup conflict in the Russian media. *Human Capital, (7)*, 94–103. (In Russ.) <https://doi.org/10.25629/HC.2018.07.09>
- Potantina, A.M. (2022). The analysis of news media discourse around intractable intergroup conflict. *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychology, (1)*, 69–80. (In Russ.) <https://doi.org/10.18384/2310-7235-2022-1-69-80>
- Potter, J. (1996). Discourse analysis and constructionist approaches: Theoretical background. In J.T.H. Richardson (Ed.), *Handbook of Qualitative Research Methods for Psychology and the Social Sciences* (pp. 125–140). Leicester: BPS Blackwell.
- Rosler, N., & Branscombe, N.R. (2020). Inclusivity of past collective trauma and its implications for current intractable conflict: The mediating role of moral lessons. *British Journal of Social Psychology, 59*(1), 171–188. <https://doi.org/10.1111/bjso.12336>
- Rosler, N., Hagage Baikovich, H., & Bar-Tal, D. (2021). Rhetorical expressions of ethos of conflict and policymaking in intractable conflict by leaders: A comparative study of two Israeli prime ministers. *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology, 27*(3), 381–392. <https://doi.org/10.1037/pac0000491>
- Rosler, N., Sharvit, K., & Bar-Tal, D. (2018). Perceptions of prolonged occupation as barriers to conflict resolution. *Political Psychology, 39*(3), 519–538. <https://doi.org/10.1111/pops.12444>
- Schori-Eyal, E., Halperin, E., & Saguy, T. (2019). Intergroup commonality, political ideology, and tolerance of enemy collateral casualties in intergroup conflicts. *Journal of Peace Research, 56*(3), 425–439. <https://doi.org/10.1177/0022343318818658>
- Shuman, E., Johnson, D., Saguy, T., & Halperin, E. (2018). Threat to the group's image can motivate high identifiers to take action against in-group transgressions. *Personality and Social Psychology Bulletin, 44*(11), 1523–1544. <https://doi.org/10.1177/0146167218768800>
- Solak, N., Tamir, M., Sümer, N., Jost, J.T., & Halperin, E. (2021). Expressive suppression as an obstacle to social change: Linking system justification, emotion regulation, and collective action. *Motivation and Emotion, 45*(5), 661–682. <https://doi.org/10.1007/s11031-021-09883-5>
- Van Dejk, T. (2014). *Discourse and power: Representation of domination in language and communication*. Moscow: LIBROKOM Publ. (In Russ.)
- Wohl, M.J.A., Porat, R., & Halperin, E. (2016). Unfreezing cognitions during an intractable conflict: Does an external incentive for negotiating peace and (low levels of) collective angst increase information seeking? *British Journal of Social Psychology, 55*, 65–87. <https://doi.org/10.1111/bjso.12121>

Article history:

Received 5 December 2022

Revised 4 April 2023

Accepted 10 April 2023

For citation:

Potanina, A.M., & Morosanova, V.I. (2023). Features of constructing representations regarding intractable intergroup conflicts in the Russian and Ukrainian media discourse. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 20(2), 211–228. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2023-20-2-211-228>

Author's contribution:

Anna M. Potanina – design of the research, data analysis, text writing. *Varvara I. Morosanova* – direction of the research, data analysis.

Conflicts of interest:

The authors declare that there is no conflict of interest.

Bio notes:

Anna M. Potanina, Research Fellow, Laboratory of Psychology of Self-Regulation, Psychological Institute, Russian Academy of Education (Moscow, Russia). ORCID: 0000-0003-4358-6948; ResearcherID: AAF-9474-2021; eLIBRARY SPIN-code: 6840-4027. E-mail: a.m.potan@gmail.com

Varvara I. Morosanova, ScD in Psychology, Head of the Laboratory of Psychology of Self-Regulation, Psychological Institute, Russian Academy of Education (Moscow, Russia). ORCID: 0000-0002-7694-1945; ResearcherID: J-5946-2016; AuthorID: 6506351065; eLIBRARY SPIN-code: 4335-5542. E-mail: morosanova@mail.ru

DOI: 10.22363/2313-1683-2023-20-2-229-243

EDN: WFIHOU

UDC 316.6

Research article

Personality Features That Contribute to Transition of Young People from Unregistered Marriage to Marital Relations

Vladimir P. Poznyakov , Sergey E. Poddubny , Yuliya M. Panfilova

Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences,
13 Yaroslavskaya St, bldg 1, Moscow, 129366, Russian Federation

 pozn_v@mail.ru

Abstract. The study examined the role of personality traits and value orientations of young people (both men and women) as factors contributing to the transition from an unregistered marriage to marital relations. The differences in the severity of personality traits and the importance of individual values among the partners living in unregistered and registered marriages were revealed. The sample of the study included two groups of respondents aged 18 to 35: partners in an unregistered marriage (cohabitation) – 144 persons (men and women 50% each) and partners in a registered marriage – 120 persons (men – 42.5%, women – 57.5%). The research methods and tools included: S.H. Schwartz’s Values Questionnaire (Personality Profile Section), 50-point form of L. Goldberg’s Five-Factor Personality Inventory and a scale for assessing the intention to marry and commitment to have and raise children. The results of both questionnaires were processed using the Multipsycometer hardware-software diagnostic complex, which converted the initial test scores into a 10-point equal-interval Sten scale. The presence and nature of the statistical influence was established using multiple linear regression analysis, statistical differences were identified using Student’s *t*-test and Mann – Whitney *U*-test. According to the results of the study, the personality trait “agreeableness” was the leading factor in the commitment to have and raise children as well as in the readiness to register a marriage with a partner. The significant differences in the severity of personality traits and the significance of individual values in the partners who were in a registered and unregistered marriage were identified statistically. It was found that the respondents in a registered marriage, compared with their counterparts in an unregistered marriage, had significantly more prominent personality traits such as “agreeableness” and “emotional stability” and, for them, the values “universalism”, “benevolence” and “self-direction” were more important. The obtained results can be used to scientifically substantiate practical recommendations for managers and specialists involved in the support and development of the family institution in modern Russian society, as well as in the practice of individual and family counseling.

Key words: unregistered marriage, marital relations, personality factors, value orientations, personality traits

Acknowledgements and Funding. The study was supported by Russian Science Foundation grant No. 22-28-00356.

© Poznyakov V.P., Poddubny S.E., Panfilova Yu.M., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Introduction

Relevance of the study and problem statement. Researchers note regular and constant changes in the structure of the modern family, its structure and membership, group processes and norms, which are the result of sociocultural changes (Bim-Bad, Gavrov, 2010; Galkina, Kadnichanskaya, 2015; Emelyanova, Schmidt, 2021; Kabanova, 2021; Koltsova, Levkovich, 2018; Makhnach, 2016; Nagornova, 2019; Makhnach, Zuev, 2015; Tikhomirov, 2015, etc.). One of the manifestations of these changes is the emergence and wide spread of new forms of marital relations, including an increase in the number of unregistered marriages (i.e., cohabitation relations). Because of these changes, researchers face new scientific problems caused by the insufficient knowledge of partner relations in these unions (Lidovskaya, 2009; Poznyakov, Panfilova, 2017; Rean, Andreeva, 2009; Shukshina, Mizonova, 2018, etc.). To define this type of unofficial partner relations, various terms are used, including in the scientific literature: ‘unregistered marriage’, ‘civil marriage’, ‘cohabitation’, etc. (Bagdanova, Shchukina, 2003; Voevodina, 2009; Kovaleva, 2009; Papa, 2012; Stasyuk, 2009, and others). However, in Russian legislation, only one form of marital relations is recognized as a marriage union, namely an officially registered marriage.

In modern scientific literature there is no single point of view on the definition of the concept of family. There is no such definition in the regulatory documents. However, most experts refer to the attributive features of the family: (1) cohabitation of a man and a woman, (2) joint housekeeping, and (3) child-parent and kinship relations between family members. In Russian legislation, marital relations are defined as involving the registration of marriage with the intention of having and raising children.¹ Relations in an unregistered marriage (or cohabitation) do not legally belong to such and are considered by us as a stage that precedes marital relations, or as a form of close relations between partners, an alternative to marital relations.

According to regularly conducted sociological studies, unregistered marital relations quite often precede legal marriage, which is formalized in the civil registration office. Moreover, foreign researchers note that the majority of couples who officially register their marriage first lived for some time in an unregistered marriage. For example, in Germany, the vast majority of couples (almost 90%) first live in an unregistered marriage for some time, and only then formalize their relations (Stasyuk, 2009).

In Russia, according to 2002 data, approximately 9.8% of married couples (3.3 million couples) lived in informal unions. In 2010, this figure increased to 13% of all the alliances (4.4 million couples) (Saraliev et al., 2015) and, in 2015, according to the micro-census results, 12.5% of the couples were not officially registered.² Among the European population, the corresponding figure was approximately 15%, and the average birth rate of extramarital children in European

---

¹ Family Code of the Russian Federation of December 29, 1995 No. 223-FZ (as amended on 03.08.2018). *Collection of Legislation of the Russian Federation*. January 1, 1996. No. 1. Art. 16.

² Federal State Statistics Service. (2015). Population Microcensus 2015. Retrieved January 12, 2022, from http://gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html

countries increased from 17.7% in 1993 to 41.9% in 2020.³ The above statistics indicate the widespread prevalence of informal ‘marital’ relations in modern society. In this regard, there is a reasonable interest in the study of the socio-psychological aspects of relations in unregistered cohabitation.

Among the main problems faced by young people living in an unregistered marriage, researchers indicate the following: low satisfaction with relations and a high risk of breaking down them, especially in the case of the birth of children in such a union (Treter et al., 2021), uncertain goals in relations (Willoughby et al., 2012), and risks of re-creativity and depopulation (Tikhomirov, 2015).

At the same time, the results of a number of studies show that people who have decided to register their marriage have a significantly higher level of subjective happiness (Quari, 2014) as well as satisfaction with relations in the future (Kanter et al., 2021). Moreover, some researchers note a higher level of satisfaction with relations among partners in a registered marriage compared to premarital relations (Brown et al., 2021).

Analysis of the results of research and publications on this issue allows us to highlight the socio-economic and socio-psychological factors of the transition to a registered marriage. As for the socio-economic factors, it is noted that the socio-economic status of the partners’ parental family (i.e., the partners’ belonging to one or another class in society) does not influence the decision of young people to register their marriage (Koops et al., 2021). It is also argued that in both unregistered and registered marriages, men have higher incomes than women, which indicates that financial equality between partners is not a feature of couples moving from an unregistered marriage to marital relations (Kapelle, Lersch, 2020). According to American researchers, partners who are in an unregistered marriage, belonging to the middle class, are more focused on engagement and marriage registration than partners of the same form of relations, belonging to the working class (Sassler, Miller, 2011). At the same time, it is indicated that subjective dissatisfaction with the economic situation stops young people from making a decision to start a family (Joshi et al., 2009).

The results of studies of the socio-psychological factors of readiness to move from an unregistered to registered marriage suggest that a high commitment to the alliance, in which the partners are, is associated with their desire to have children in the short term and their readiness to register a marriage: those couples who consider their unregistered relations as a preparation for marriage registration, more often plan the birth of children in the near future (Hiekel, Castro-Martin, 2014). The socio-psychological factors of readiness to move on to a registered marriage are called “love for a partner” (Billari, Liefbroer, 2016), the focus on registering a marriage as such (Willoughby et al., 2012).

In modern studies of family psychology, there are, among other things, studies of the relations between partners living in the so-called “unregistered marriage” (Lidovskaya, 2009; Ryabikina et al., 2020, and others.). There are studies of the psychological readiness of young people for marital relations (Zholudeva,

---

³ Corselli-Nordblad, L., & Gereoffy, A. (2015). *Marriage and birth statistics – new ways of living together in the EU*. Retrieved January 20, 2022, from https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Archive:Marriage_and_birth_statistics_-_new_ways_of_living_together_in_the_EU

2009; Zimina, 2016; Orlova, 2013; Yarygina, 2007, and others). However, the question of what personality traits are inherent in young people who prefer living together in an unregistered marriage (cohabitation), and which are more characteristic of young people who prefer building their life together on the basis of marital relations, is of great scientific relevance.

Based on the identified problem, *the purpose of the study* is to identify and analyze the personality features of young people (both men and women) that contribute to their transition from an unregistered marriage to marital relations. In accordance with this purpose, the following two tasks are formulated:

1) to identify the personal characteristics (traits and individual values), which are predictors that determine the intention of young people, who are in an unregistered marriage, to register it, as well as to have and raise children. We conditionally designate the two indicated characteristics of the partners' intentions as readiness for the transition from an unregistered marriage to marital relations; and

2) to identify and analyze the personal characteristics (traits and individual values) of young people (both men and women), who are in registered and unregistered marriages.

As specific personality features that, presumably, can contribute to the transition of young people to marital relations, we have chosen the following two groups of qualities. Firstly, the personality traits according to Goldberg's five-factor model of personality (Goldberg, 1997). And, secondly, the individual human values according to the model of S.H. Schwartz (Schwartz, 2015). Both of these personality constructs are well theoretically substantiated and empirically verified. Goldberg's Five-Factor Model (FFM) includes a universal set of personality factors (*i.e.*, traits) that can manifest themselves and determine the behavior of a person in a wide variety of life activities. At the same time, at least two of these factors, *Agreeableness* and *Conscientiousness*, are, in our opinion, attributive characteristics of prosocial behavior, psychological maturity and the ability to take responsibility and take care of a partner in a long-term relationship. On the other hand, in Schwartz's theoretical model, the motivational values combined into the blocks *Self-Transcendence* and *Openness to Change* also characterize individuals as psychologically mature, focused not only on their personal achievements, but on helping other people and, at the same time, independent in their choices and actions, able to take on and bear responsibility for their life choices.

The main hypothesis: Readiness for the transition from an unregistered marriage to marital relations (*i.e.*, commitment to enter into a registered marriage, have and raise children) is determined by the personality traits included in the FFM, in particular, *Agreeableness* and *Conscientiousness*, as well as the individual values according to S.H. Schwartz, included in the blocks *Self-Transcendence* and *Openness to Change*.

Additional hypotheses: (1) the personality features of readiness for the transition to marital relations can be specific (different) for men and women who are in an unregistered marriage; and (2) there are significant differences in the personality features (severity of personality traits and individual values) among young people (both men and women), who are in an unregistered marriage (cohabitation) and in a registered marriage.

Methods

Participants. The study sample consisted of 264 people aged 18 to 35 years, including 144 people in an unregistered marriage (72 men and 72 women) who had lived in Moscow or the Moscow Region for at least 2 years, had no experience of a registered marriage, did not have children, had a heterosexual orientation, at the time of the study declared no other partners in relations; their terms of relations in an unregistered marriage with a current partner was from 6 months to 3 years. For comparison with the representatives of the main sample, a control group was formed, which included 120 people who were in a registered marriage (51 men and 69 women), corresponding in terms of the main socio-demographic parameters to their counterparts who lived in an unregistered marriage. At the first stage of the study, we conducted a survey of the respondents who were in an unregistered marriage. Our goal was to identify their personality features and indicators of their commitment to enter into a registered marriage as well as to have and raise children. At the second stage of the study, the respondents who were in a registered marriage were surveyed. In this group, we revealed the personality features of the respondents and indicators of their commitment to have and raise children.

Research instruments. To identify significant socio-demographic characteristics of the respondents and determine indicators of their readiness for the transition from an unregistered marriage to marital relations, we used a questionnaire that included a scoring scale for the respondents' commitment to register their marriage as well as to have and raise children. To identify the leading value orientations of the partners, we used S.H. Schwartz's *Values Questionnaire* (Personal Profile Section) adapted by V.N. Karandashev (Schwartz, 2015; Karandashev, 2004). To identify the personality traits of the partners, a 50-point form of the L. Goldberg's *Five-Factor Personality Inventory (FFPI)* was used, adapted by K.V. Sugonyaev (Goldberg, 1997; Universal Psychodiagnostic System..., 2014).

The forms of both questionnaires were processed using the Multipsycho-meter hardware-software diagnostic complex, which converted the initial test scores into a 10-point equal-interval Sten scale, providing for artificial normalization, due to which it was possible to use parametric statistical methods. Mathematical and statistical data processing was carried out using the Statistica v.12 application package.

To identify the personal predictors of readiness for the transition from an unregistered marriage to marital relations, the apparatus of multiple linear step-by-step (inclusion method) regression analysis was used. To reveal significant differences between the independent samples, we used Student's *t*-test (for variables measured on an interval scale) and Mann – Whitney *U*-test (for ordinal variables). The relationship between variables was studied using Spearman's rank correlation coefficient.

Results and discussion

Indicators of readiness for the transition from an unregistered marriage to marital relations. The severity of the indicators of readiness for the transition to a registered marriage was measured on a 10-point scale (in ascending order).

The respondents were asked to answer the following questions: “How much do you want to have children together with your current partner?”, and “How much do you want to marry your partner?” The results of the correlation analysis of these variables using the Spearman rank correlation coefficient showed a statistically significant relationship between them ($r = 0.37$; $p = 0.00$). It was established that the partners in an unregistered marriage had a high value of *Commitment to have and raise children* (Me = 9) but a slightly lower value of *Readiness to register a marriage* (Me = 8). For the respondents in a registered marriage, the severity of *Commitment to have and raise children* was significantly higher ($p = 0.001$) compared to their counterparts in an unregistered marriage, and was at the highest level (Me = 10).

Significant differences were found between the men and women in an unregistered marriage in the severity of *Commitment to have and raise children* (women: Me = 10; men: Me = 8; $p \leq 0.00$) and *Readiness to register a marriage* (women: Me = 8.5; men: Me = 8; $p \leq 0.1$), while the women showed a greater severity of these indicators. This indicated a somewhat greater interest in creating a family, having and raising children, and registering a marriage among the female respondents who were in an unregistered marriage compared to their male counterparts.

Between the men and women in a registered marriage, there were no statistically significant differences in the severity of *Commitment to have and raise children* (men: Me = 10; women: Me = 10). This indicates that the commitment to have and raise children in the sample of the respondents who were in a registered marriage was equally high for both men and women.

Personal predictors of readiness for the transition from an unregistered to registered marriage. The data on the entire sample of the respondents (partners in both unregistered and registered marriages) obtained using S.H. Schwartz’s *Values Questionnaire*, L. Goldberg’s *Five-Factor Personality Inventory* and the indicator *Readiness to register a marriage* were standardized and had a normal distribution (Kolmogorov – Smirnov test at $p \leq 0.05$), which made it possible to use parametric statistics methods for their analysis. The search for personal predictors of readiness to the transition from an unregistered to registered marriage (on the sample of the respondents who were in an unregistered marriage) was performed using multiple linear stepwise regression analysis (inclusion method). This statistical procedure allowed us to draw a conclusion about the statistical influence of independent variables (in our case, the personal characteristics of the respondents) on the dependent one (readiness to register a marriage).

The results of the multiple linear regression analysis (inclusion method) for the entire sample of the respondents showed that their personality features explain 14.8% of the variance in their readiness to register a marriage ($p = 0.000$). Such personality traits as *Agreeableness* (standardized regression coefficient $\beta = 0.254$) and *Openness to Experience* ($\beta = 0.209$), and value *Self-Direction* ($\beta = 0.220$) have a positive effect on the readiness to register a marriage.

The results of the regression analysis for the male respondents were statistically significant ($p = 0.000$; the squared adjusted multiple regression coefficient $R^2_{adj} = 0.296$; $F(4.67) = 8.47$). Their readiness for marriage, 29.6%, is determined

by the personality traits *Agreeableness* (standardized coefficient $\beta = 0.504$), *Emotional Stability* ($\beta = 0.220$) as well as the values *Achievement* ($\beta = 0.227$) and *Benevolence* ($\beta = -0.479$). The more agreeable, benevolent and emotionally stable men are, and the more important for them the value *Achievement* is (the motivational basis of which is personal success in accordance with social standards), the more their readiness for marriage is shown. At the same time, the excessive importance for a man of the value of *Benevolence* (the motivational basis of which is the preservation and improvement of the well-being of his loved ones), does not contribute to his readiness for marriage. This can probably be explained by the fact that a man's circle of close people includes not only his partner, but also friends, parents, relatives, and expressed needs for positive interaction, affiliation and trusting relationships with close ones can reduce the readiness to marry, as a result which, most commonly, the circle of contacts decreases and these needs become scarce, i.e. less satisfied.

The results of the regression analysis for the female respondents were also statistically significant ($p = 0.000$; the squared adjusted multiple regression coefficient $R^2_{adj} = 0.281$; $F(4.67) = 7.95$). Their readiness for marriage, 28.1%, is determined by the personality traits *Conscientiousness* (standardized coefficient $\beta = 0.338$) and *Extraversion* ($\beta = 0.220$), as well as the values *Self-Direction* ($\beta = 0.421$) and *Power* ($\beta = -0.335$).

The more responsible, conscientious and reliable women are, and the more important for them the value *Self-Direction* is (the motivational basis of which is the need for self-control and self-government as well as the need for autonomy and independence), the more they show their readiness for marriage. Their readiness to marry is reduced by the excessive importance of the value *Power* (the motivational basis of which is the achievement of social status or prestige, control or dominance over people and means, in combination with prominent *Extraversion*), which can manifest itself in excessive sociability, the need to establish and maintain numerous contacts, while the transition to marital relations, and even more so the commitment to have and raise children, suggest at least a relative and temporary decrease both in the circle and intensity of contacts.

Thus, we can conclude that the readiness for marriage in men and women depends on different personality traits and values.

As for the indicator *Commitment to have and raise children*, the respondents' assessments were distributed polarly (the respondents noted only extreme positions on a 10-point scale: 0 or 10). Based on the results of comparing the two groups, statistically significant differences were revealed between them in the variables *Agreeableness* ($p = 0.05$) and *Readiness to register a marriage* ($p = 0.01$), which turned out to be more prominent in the group of the respondents who expressed a confident commitment to have and raise children.

Personality features of the partners in unregistered and registered marriages. Student's *t*-test was used to reveal differences in the severity of personality features of the partners in unregistered and registered marriages. Table shows the mean values and standard deviations of the variables (individual values and personality traits) of the compared samples as well as statistically significant differences between them.

Differences in the severity of individual values and personality traits of partners in registered and unregistered marriages, N = 264

Variables	Registered marriage, n = 120		Unregistered marriage, n = 144)		Student's t-test, p-level
	Mean	SD	Mean	SD	
Conformity	3.88	2.54	5.39	2.67	4.79***
Tradition	3.74	1.85	6.06	1.99	9.72***
Benevolence	5.73	3.03	2.72	2.29	9.18***
Universalism	5.89	2.63	3.22	2.49	8.47***
Self-Direction	5.98	3.17	2.05	1.98	12.27***
Stimulation	5.08	2.62	2.99	1.85	7.53***
Hedonism	5.02	2.22	3.76	1.99	4.83***
Achievement	5.65	2.64	2.78	2.05	9.92***
Power	5.24	2.05	4.06	2.26	4.40***
Security	5.58	2.85	2.97	2.27	8.30***
Extraversion	5.17	1.48	5.48	1.57	1.65*
Agreeableness	5.13	1.33	4.49	1.45	3.75***
Conscientiousness	4.88	1.62	4.54	1.82	1.56
Emotional Stability	4.19	1.20	3.85	1.50	1.99**
Openness to Experience	4.53	1.57	4.67	1.55	0.73

Note: *p = 0.1; **p = 0.05; ***p = 0.01.

Compared with the respondents in unregistered marriages, their counterparts in registered marriages showed higher values of *Benevolence* and *Universalism*, *Self-Direction* and *Stimulation*, *Achievement* and *Power*, united by Schwartz in the blocks of values *Self-Transcendence*, *Openness to Change* and *Self-Affirmation*. These values characterize a person as capable of making responsible choices, ready for changes in their usual way of life, for building a joint marital and family life with a focus not only on their own personal goals and interests, but also taking into account those of a partner, taking care of the wellbeing of their family members, in order to deserve and justify their trust. At the same time, the high significance of the values included in the block *Self-Affirmation* indicates the expressed need of the respondents to achieve personal success in life, high social status and approval. The personality traits *Agreeableness* and *Emotional Stability* among the respondents in registered marriages were at a statistically significant level more noticeable than among their counterparts in unregistered marriages, which characterizes them as people who relate to life to a greater extent independently and quite calmly, confident in themselves and emotionally stable. They trust people; they are friendly, avoiding conflicts, in most cases subordinating their personal interests to the interests of the group. These data are consistent with our conceptual ideas about the greater “pro-social” orientation of partners who are in a registered marriage.

On the other hand, the respondents in unregistered marriages, as compared to their counterparts in registered marriages, showed higher, at a statistically significant level, values of the severity of *Tradition* and *Conformity*. In accordance with the conceptual ideas of the author of the methodology, these are values associated with the motivational orientation of an individual to protect themselves

from threats, avoid anxiety and maintain the established order. The lower values of the severity of *Benevolence* and *Universalism*, combined with the lower values of the personality traits *Agreeableness* and *Emotional Stability* among the partners in unregistered marriages, indicate their self-interest orientation, self-centeredness and psychological instability rather than their desire for “prosocial” behavior. Moreover, the lower values of *Self-Direction* and *Stimulation* among the partners in unregistered marriages, in combination with the more noticeable *Conformity*, indicate, in our opinion, their less noticeable need for freedom in decision-making and greater dependence on other people’s opinions.

We also analyzed the differences in the severity of value orientations and personality traits between the respondents in registered and unregistered marriages separately in the male and female samples. According to the data obtained, significant differences were revealed between the men and women in the compared close relationships in most of the same variables for which differences were found across the entire sample of the respondents. Both men and women in registered marriages had significantly more pronounced motivational values *Benevolence* and *Universalism*, *Self-Direction* and *Stimulation*. These data indicate their greater responsibility and desire for independent opinions and judgments.

A distinctive feature of the female sample was that only in it, unlike the sample of men, statistically significant differences were found in the severity of the personality traits *Agreeableness* and *Emotional Stability*, the values of which were higher among the women in registered marriages.

Summarizing the obtained results, we can say that the identified personality features of readiness for the transition from an unregistered marriage to marital relations, involving marriage registration, the birth and upbringing of children, are associated with a benevolent and prosocial life position, independence and autonomy of judgments and actions, striving for achievement and readiness for changes in the habitual way of life.

Conclusion

As a result of the study, the personality features that contribute to the transition of young people (both men and women) from an unregistered marriage (cohabitation) to marital relations were identified.

We searched for these personality features in two directions. Firstly, in the sample of the respondents who were in an unregistered marriage (cohabitation), we identified and analyzed the personality traits and value orientations, which served as factors of statistical influence on assessments of readiness for marriage as well as the birth and upbringing of children. The hypothesis that the readiness for the transition from an unregistered marriage to marital relations based on the personality traits *Agreeableness* and *Conscientiousness* and individual values, united by S.H. Schwartz in the blocks of *Self-Transcendence* and *Openness to Change*, was partially confirmed. Readiness to register a marriage was determined by the personality traits *Agreeableness* and *Openness to Experience*, as well as the value *Self-Direction*. In the group of the respondents who expressed a confident commitment to have and raise children, *Agreeableness* and *Readiness to register a marriage* turned out to stand out more. Thus, the personality trait *Agreeableness*

was the leading factor in readiness for the transition from an unregistered marriage to marital relations.

The hypothesis suggesting that the personal predictors of readiness for the transition to marital relations might be specific (different) in men and women in an unregistered marriage was confirmed. The results of the multiple regression analysis showed that the readiness to register a marriage in the male and female respondents was determined by different personality traits and individual values. Thus, for the men, it depended on the personality traits *Agreeableness* and *Emotional Stability* and the values *Benevolence* and *Achievement*, whereas, for the women, it was based on the personality traits *Conscientiousness* and *Extraversion* and the values *Self-Direction* and *Power*.

The men who were in an unregistered marriage and showed a high level of readiness to register a marriage were characterized by higher values of such personality traits as *Agreeableness* and *Emotional Stability*, as well as a higher significance of the value *Achievement* and a lower significance of the value *Benevolence*. In the women, the readiness to register a marriage was determined by the personality traits *Conscientiousness* (positive influence) and *Extraversion* (negative influence), as well as the values *Self-Direction* (positive influence) and *Power* (negative influence). Thus, the personality features specific to men and women in an unregistered marriage, which act as predictors of their readiness to register a marriage, were empirically identified.

Secondly, we carried out a comparative analysis of the personality features of the respondents who were in an unregistered marriage (cohabitation) and a registered marriage. The hypothesis that between partners in a registered and unregistered marriage, there could be differences in the severity of personality traits and the significance of individual values, was fully confirmed. The partners in a registered marriage, to a greater extent than their counterparts in an unregistered marriage, showed the significance of the values *Universalism*, *Benevolence*, *Self-Direction* and *Stimulation*, combined by S.H. Schwartz into the blocks of values *Self-Transcendence* and *Openness to Change*, as well as the severity of prosocial personality traits *Agreeableness* and *Emotional Stability*.

A comparative analysis of the values of the studied variables in the male and female respondents in close relationships of different status showed that in the female sample there were more differences between the partners who were in a registered and unregistered marriage. A distinctive feature of the female sample was that only in it, unlike the male sample, statistically significant differences were found in the severity of the personality traits *Agreeableness* and *Emotional Stability*. The values of these variables were higher for the women who were in a registered marriage. Thus, we empirically revealed differences in the personality features of the respondents who were in a registered and unregistered marriage, both common for the entire sample and specific, characteristic only for the women.

Attention should be paid to the correspondence of some of the identified personal factors of readiness for the transition from an unregistered marriage to marital relations and the results of comparing the severity of personality traits and value orientations of the partners in a registered and unregistered marriage. These factors include the value *Self-Direction* and the personality trait *Agreeableness*. The high significance of the value *Self-Direction* is interpreted by us as independence

in decision-making, self-sufficiency of opinions and judgments, and the personality trait *Agreeableness* is considered as a prosocial life position in interaction with a partner, orientation to another person and his/her interests. And, on the contrary, the respondents who were in an unregistered marriage turned out to have more noticeable value orientations *Tradition* and *Conformity*, which might indicate their unreadiness or unwillingness to change their established habits and lifestyle.

The obtained results can be used to scientifically substantiate practical recommendations for managers and specialists involved in the support and development of the family institution in modern Russian society, as well as in the practice of individual and family counseling.

Despite the fact that we have examined in sufficient detail the question of the role of the personal features of readiness for the transition from an unregistered marriage to marital relations, there is a need for further research on the personal predictors of a real transition to marital relations. Thus, the actual continuation of our study will be the analysis of the personality features of partners who lived in an unregistered marriage and switched to a registered marriage, in comparison with those who continued to live in an unregistered marriage. Another important aspect of the continuation of the study is the analysis of the quality of relations in couples, for example, the assessment of satisfaction with relationship within the framework of marital interaction in a registered and unregistered marriage, particularly, among the respondents who switched from an unregistered marriage to marital relations.

To study the personality features associated with a real (confirmed) transition from an unregistered marriage to a registered marriage, it is advisable to track the relationship status of the partners in an unregistered marriage who took part in this study. This will make it possible to conduct a comparative analysis of the severity of personality traits and individual values, as well as indicators of readiness for the transition from unregistered marriage to marital relations (“Commitment to have and raise children” and “Readiness to register a marriage”) in groups of respondents who, some time after they registered their marriage, continued living in an unregistered marriage, or ended their relations.

References

- Bagdanova, L.P., & Shchukina, A.S. (2003). Civil marriage in the modern demographic. *Social Studies*, (7), 100–105. (In Russ.)
- Billari, F.C., & Liefbroer, A.C. (2016). Why still marry? The role of feelings in the persistence of marriage as an institution. *The British Journal of Sociology*, 67, 516–540. <http://doi.org/10.1111/1468-4446.12202>
- Bim-Bad, B.M., & Gavrov, S.N. (2010) *Modernization of the family institute: Sociological, economic, anthropological and pedagogical analysis*. Moscow: *Intellektualnaya Kniga – Novyi Khronograf Publ.* (In Russ.)
- Brown, L.S., Manning, W.D., & Wu, H. (2022). Relationship quality in midlife: A comparison of dating, living apart together, cohabitation and marriage. *Journal of Marriage and Family*, 84(3), 860–878. <https://doi.org/10.1111/jomf.12813>
- Emelyanova, T.P., & Schmidt, D.A. (2021). Social representations of the marriage partner: A generational approach. *Social Psychology and Society*, 12(1), 126–142. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/sps.2021120109>

- Galkina, E.P., & Kadnichanskaya, M.I. (2015). Transformation of the family institution in the context of modern modernization processes. *Vestnik OmSU*, (3), 193–200. (In Russ.)
- Goldberg, L.R. (1997). A broad-bandwidth, public-domain, personality inventory measuring the lower-level facets of several five-factor models. *Personality Psychology in Europe* (vol. 7, pp. 7–28.). Tilburg: Tilburg University Press.
- Hiekel, N., & Castro-Martin, T. (2014). Grasping the diversity of cohabitation: Fertility intentions among cohabiters across Europe. *Journal of Marriage and Family*, 76(3), 489–505. <http://doi.org/10.1111/jomf.12112>
- Joshi, P., Quan, J.M., & Cherlin, A.J. (2009). Contemporary work and family issues affecting marriage and cohabitation among low-income single mothers. *Family Relations*, 5, 647–661. <http://doi.org/10.1111/j.1741-3729.2009.00581.x>
- Kabanova, K.V. (2021). Analysis of the main directions of modern socio-psychological research of family and marital relations. *Psychology and Psychotechnic*, (4), 99–110. (In Russ.) <https://doi.org/10.7256/2454-0722.2021.4.34834>
- Kanter, J.B., Lavner, J.A., Lannin, D.G., Hilgard, J., & Monk, J.K. (2021). Does couple communication predict later relationship quality and dissolution? A meta-analysis. *Journal of Marriage and Family*, 84(2), 533–551. <http://doi.org/10.1111/jomf.12804>
- Kapelle, N., & Lersch, P.M. (2020). The accumulation of wealth in marriage. Over-time change and within-couple inequalities. *European Sociological Review*, 36(4), 580–593. <http://doi.org/10.1093/esr/jcaa006>
- Karandashev, V.N. (2004) *Schwartz's Questionnaire for the study of personality values: Concept and methodological guidance*. St. Petersburg: Rech Publ. (In Russ.)
- Koltsova, V.A., & Levkovich, V.P. (2018). *Socio-psychological problems of marital relations. History and current state*. Moscow: Institute of Psychology of RAS. (In Russ.)
- Koops, J.C., Liefbroer, A.C., & Gauthier, A.H. (2021). Having a child within a cohabiting union in Europe and North America: What is the role of parents' socio-economic status? *Population, Space and Place*, 27(6), 1–15. <http://doi.org/10.1002/psp.2434>
- Kovaleva, A.V. (2009). Civil marriage as a destabilizer of the institution of the family. *Power and Administration in Eastern Russia*, (1), 142–148. (In Russ.)
- Lidovskaya, N.N. (2009). *The relationship of spouses in an unregistered marriage*. Ph.D. in Psychology Thesis. St. Petersburg: St. Petersburg State University. (In Russ.)
- Makhnach, A.V. (2016) *Human and family viability: A socio-psychological paradigm*. Moscow: Institute of Psychology of RAS. (In Russ.)
- Makhnach, A.V., & Zuev, K.B. (Eds.). (2015). *Family, marriage and parenthood in modern Russia* (issue 2). Moscow: Institute of Psychology of RAS. (In Russ.)
- Nagornova, A.Y. (Eds.). (2019). *Family relations in modern society: Problems and transformations*. Ulyanovsk: Zebra Publ. (In Russ.)
- Orlova, I.N. (2013). *Social and psychological readiness of student youth to create a family*. Ph.D. in Psychology Thesis. Moscow: Moscow City Psychological and Pedagogical University. (In Russ.)
- Papa, O.M. (2012). Cohabitation as an alternative to marriage. *Modern Studies of Social Problems*, (2), 1–9. (In Russ.) Retrieved January 20, 2023, from <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0168-ssoar-399730>
- Poznyakov, V.P., & Panfilova Yu.M. (2017). Legal and socio-psychological aspects of unregistered marriage. *Nauka. Kul'tura. Obshchestvo*, (3–4), 92–101. (In Russ.)
- Quari, S. (2014). Marriage, adaptation and happiness: Are there long-lasting gains to marriage? *Journal of Behavioral and Experimental Economics*, 50, 29–39. <http://doi.org/10.1016/j.socec.2014.01.003>
- Rean, A.A., & Andreeva, T.V. (2009). Psychological problems of civil marriage. *Bulletin of the Baltic Federal University named after I. Kant. Series: Philology, Pedagogy, Psychology*, (5), 36–44. (In Russ.)

- Ryabikina, Z.I., Khozyainova, T.K., Bosenko, M.V., & Averina, E.N. (2020). The identity and value orientation of men and women in unregistered relationships and in marriage. *South Russian Journal of Social Sciences*, 21(3), 78–96. (In Russ.) <https://doi.org/10.31429/26190567-21-3-78-96>
- Saralieva, Z.H., Blonin, V.A., & Yegorova N.Y. (2015). Life worlds of the modern Russian family. Nizhny Novgorod: NNSU Publ. (In Russ.)
- Sassler, S., & Miller, A. (2011). Class differences in cohabitation processes. *Family Relations*, 60(2), 163–177. <http://doi.org/10.1111/j.1741-3729.2010.00640.x>
- Schwartz, S.H. (2015). *Handbook of value*. Oxford: Oxford University Press.
- Shukshina, L.V., & Mizonova, O.V. (2018). Psychological features of the attitude of modern youth to civil marriage and family. *Problemy Sovremennogo Pedagogicheskogo Obrazovaniya*, (60–2), 486–488. (In Russ.)
- Stasyuk, V.V. (2009). The status of “civil marriage”: How this institution is understood by modern society. *Belorussian Dumka*, (12), 168–173. (In Russ.)
- The Marriage and Family Code of the RSFSR of June 30, 1969. (1969). *Vedomosti of the Supreme Soviet of the RSFSR*, (32). (In Russ.)
- Tikhomirov, D.A. (2015). Liberalization of sexual in the modern world. *Knowledge. Understanding. Skill*, (3), 96–103. (In Russ.)
- Treter, M.O., Rhoades, G.K., Scott, S.B., Markman, J.H., & Stanley, M.S. (2021). Having a baby: Impact on married and cohabiting parents. *Relationships. Family Process*, 61(2), 477–492. <http://doi.org/10.10.1111/famp.12567>
- Universal psychodiagnostic system “Multipsychometer”*. *Methodological guidance* (2014, vol. 1). Moscow: Informatsionnye Psikhotehnologii Publ. (In Russ.)
- Voevodina, Yu.S. (2009). *Unregistered marriage as a social mechanism for the formation of marital and family relations in Russian society: Methodology of sociological analysis*. Ph.D. in Sociology Thesis. Moscow: Lomonosov Moscow State University. (In Russ.)
- Willoughby, B.J., Carroll, J.S., & Busby, D.M. (2012). The different effects of “living together”: Determining and comparing types of cohabiting couples. *Journal of Social and Personal Relationships*, 29, 397–419. <http://doi.org/10.1177/0265407511431184>
- Yarygina, N.Yu. (2007). *Motivational and semantic readiness for family life*. Ph.D. in Psychology Thesis. Moscow: Psychological Institute of the Russian Academy of Education. (In Russ.)
- Zholudeva, S.V. (2009). *Psychological readiness for marriage at different stages of the adulthood period*. Ph.D. in Psychology Thesis. Rostov-on-Don: South Federal University. (In Russ.)
- Zimina, N.A. (2016). Psychological analysis of youth readiness for family life. *Psychological science and Practice: Problems and Prospects: Proceedings of the 5th International Scientific and Practical Conference* (pp. 188–194). Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering.

Article history:

Received 15 March 2023

Revised 25 April 2023

Accepted 26 April 2023

For citation:

Poznyakov, V.P., Poddubny, S.E., & Panfilova, Yu.M. (2023). Personality features that contribute to transition of young people from unregistered marriage to marital relations. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 20(2), 229–243. <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2023-20-2-229-243>

Author's contribution:

Vladimir P. Poznyakov – concept and design of the study, writing and editing the text.
Sergey E. Poddubny – statistical processing and data analysis, text editing. *Yulia M. Panfilova* – collection and processing of materials, text editing.

Conflicts of interest:

The authors declare that there is no conflict of interest.

Bio notes:

Vladimir P. Poznyakov, Doctor of Psychology, Professor, chief researcher, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). ORCID: 0000-0003-4524-4589; eLIBRARY SPIN-code: 9187-7641. E-mail: pozn_v@mail.ru

Sergey E. Poddubny, Ph.D. in Psychology, Associate Professor, Associate Researcher, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). ORCID: 0000-0003-2271-2992. E-mail: serpodd@mail.ru

Yulia M. Panfilova, postgraduate student, Laboratory of Social and Economic Psychology, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). ORCID: 0000-0003-0756-1962. E-mail: panfilova-julia@mail.ru

DOI: 10.22363/2313-1683-2023-20-2-229-243

EDN: WFIHOU

УДК 316.6

Исследовательская статья

Личностные особенности, способствующие переходу молодых людей от незарегистрированного брака к семейно-брачным отношениям

В.П. Позняков , С.Е. Поддубный , Ю.М. Панфилова

Институт психологии Российской академии наук,
Российская Федерация, 129366, Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1

 pozn_v@mail.ru

Аннотация. Исследование посвящено изучению роли личностных черт и ценностных ориентаций молодых людей (мужчин и женщин) как факторов, способствующих переходу от отношений незарегистрированного брака к семейно-брачным отношениям. Выявлялись различия в выраженности личностных черт и значимости индивидуальных ценностей у партнеров, проживающих в незарегистрированном и зарегистрированном браках. Выборка включала две группы респондентов в возрасте от 18 до 35 лет: партнеров, состоящих в незарегистрированном браке (сожительстве) – 144 человека (50 % мужчин, 50 % женщин), и партнеров, состоящих в зарегистрированном браке – 120 человек (42,5 % мужчин, 57,5 % женщин). Применялись опросник ценностей Ш. Шварца (раздел «Профиль личности»), 50-пунктовая форма 5-факторного опросника Л. Голдберга, шкалы для оценки намерения вступить в брак и нацеленности на рождение и воспитание детей. Для обработки результатов использовался аппаратно-программный диагностический комплекс «Мультиспихометр» с переводом исходных тестовых оценок в 10-балльную равноинтервальную шкалу. Наличие и характер статистического влияния устанавливались с помощью множественного линейного регрессионного анализа, выявление статистиче-

ских различий осуществлялось методами *t*-критерия Стьюдента и критерия Манна – Уитни. По результатам исследования, личностная черта «добросердечность» выступила ведущим фактором нацеленности на рождение и воспитание детей, а также готовности зарегистрировать брак с партнером. Выявлены статистически значимые различия в выраженности личностных черт и значимости индивидуальных ценностей у партнеров, состоящих в зарегистрированном и незарегистрированном браках: у респондентов, состоящих в зарегистрированном браке, достоверно более выражены такие черты личности, как добросердечность и эмоциональная стабильность, и для них более значимы ценности «универсализм», «доброта» и «самостоятельность». Полученные данные могут быть использованы для научного обоснования практических рекомендаций для руководителей и специалистов, занимающихся поддержкой и развитием института семьи современного российского общества, а также в практике индивидуального и семейного консультирования.

Ключевые слова: незарегистрированный брак, семейно-брачные отношения, личностные особенности, ценностные ориентации, личностные черты

Благодарности и финансирование. Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 22-28-00356.

История статьи:

Поступила в редакцию 15 марта 2023 г.

Принята к печати 26 апреля 2023 г.

Для цитирования:

Позняков В.П., Поддубный С.Е., Панфилова Ю.М. Личностные особенности, способствующие переходу молодых людей от незарегистрированного брака к семейно-брачным отношениям // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2023. Т. 20. № 2. С. 229–243. <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2023-20-2-229-243>

Вклад авторов:

В.П. Позняков – концепция и дизайн исследования, написание и редактирование текста.

С.Е. Поддубный – статистическая обработка и анализ данных, редактирование текста.

Ю.М. Панфилова – сбор и обработка материалов, редактирование текста.

Заявление о конфликте интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Сведения об авторах:

Позняков Владимир Петрович, доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт психологии, Российская академия наук (Москва, Россия). ORCID: 0000-0003-4524-4589; eLIBRARY SPIN-код: 9187-7641. E-mail: pozn_v@mail.ru

Поддубный Сергей Евтихьевич, кандидат психологических наук, доцент, ассоциированный научный сотрудник, Институт психологии, Российская академия наук (Москва, Россия). ORCID: 0000-0003-2271-2992. E-mail: serpodd@mail.ru

Панфилова Юлия Михайловна, выпускница аспирантуры, лаборатория социальной и экономической психологии, Институт психологии, Российская академия наук (Москва, Россия). ORCID: 0000-0003-0756-1962. E-mail: panfilova-julia@mail.ru

DOI: 10.22363/2313-1683-2023-20-2-244-268

EDN: WRIVIW

УДК 159.97

Исследовательская статья

Особенности эмоционального интеллекта, эмпатии и алекситимии у лиц, зависимых от психоактивных веществ, с разной длительностью их употребления

Ю.А. Кочетова , И.А. Голованова , М.В. Климакова

Московский государственный психолого-педагогический университет,
Российская Федерация, 127051, Москва, ул. Сретенка, д. 29

 klimakovamv@mgppu.ru

Аннотация. Исследование направлено на выявление специфики компонентов эмоционального интеллекта (ЭИ) у лиц с разным сроком зависимости от психоактивных веществ. Выборка составила 157 человек в возрасте от 35 до 45 лет, из них 111 – зависимы от психоактивных веществ и 46 – не употребляют психоактивные вещества. Эмпирическое исследование осуществлялось с использованием опросника эмоционального интеллекта «ЭмИн» Д.В. Люсина, методики «Шкала эмоционального отклика» А. Меграбяна и Н. Эпштейна, торонтской шкалы алекситимии (TAS). Обнаружены значимые различия практически по всем переменным (кроме эмпатии и компонента ЭИ «внутриличностное управление») между группой лиц, не употреблявших психоактивные вещества, и группой лиц, зависимых от психоактивных веществ. Полученные результаты дают возможность говорить о различиях в корреляционных связях компонентов ЭИ друг с другом, а также с эмпатией и алекситимией между группами испытуемых с разным сроком зависимости от психоактивных веществ. У лиц, не употреблявших психоактивные вещества, все компоненты ЭИ взаимосвязаны. У зависимых лиц с ростом длительности употребления уменьшается количество связей компонентов ЭИ как между собой, так и с алекситимией.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, управление эмоциями, понимание эмоций, эмпатия, алекситимия, психоактивные вещества, наркотические средства, ремиссия, срок употребления

Введение

Зависимость от психоактивных веществ (ПАВ) становится одной из наиболее значимых проблем современности. Трудности переживания стресса, совладания с собственными эмоциями, тенденция к дистанцированию от неприятных переживаний приводят к стремлению уйти от реальности, снизить напряжение и получить положительные эмоции быстро и без каких-либо усилий, часто с помощью деструктивных способов, то есть употребляя психо-

© Кочетова Ю.А., Голованова И.А., Климакова М.В., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

активные вещества, что является одним из факторов, способствующих возникновению зависимого поведения.

Существует достаточно большое количество определений зависимости и зависимого поведения. Так, В.Д. Менделевич определяет зависимость как форму девиантного поведения, «характеризующегося... чрезмерной и длительной фиксацией внимания на определенных видах деятельности или предметах, снижением или нарушением способности контролировать вовлеченность в какую-либо деятельность, невозможность быть самостоятельным... в выборе поведения» (Миронова, 2015). Л.М. Доддс определяет зависимость как «...активность, характеризующуюся интенсивностью и неослабевающим упорством, относительной потерей автономии Эго, включая способность реагировать на факторы реальности и функции заботы о себе» (Даулинг, 2000). По определению А.В. Шаефа, зависимость – это «любой процесс, над которым мы не властны» (Полунина и др., 2004). Также отечественными авторами зависимость рассматривается как сложный биопсихосоциальный феномен (Светличная и др., 2018), основной чертой которого является потеря контроля. В настоящем исследовании мы опираемся на биопсихосоциальную модель зависимости, согласно которой зависимость рассматривается как прогрессирующее и хроническое заболевание, характеризующееся потерей контроля над своим поведением (Светличная и др., 2018), патологическим влечением к употреблению психоактивных веществ (Наркология..., 2020). Исследования показывают, что память об эйфорическом состоянии воздействует на разные участки мозга, в результате чего происходит системное нарушение регуляции функций и разбалансировка деятельности мозга (Монина, 2011). Отмечается высокая вероятность возврата к употреблению в том случае, когда зависимый не занимается по программе выздоровления. Поскольку зависимость признается хронической болезнью, человек, страдающий ею, должен сопротивляться болезненному влечению всю жизнь¹. Таким образом, несмотря на то что срок ремиссии респондентов, участвовавших в исследовании, составляет 2–3 года, они сохраняют статус зависимых.

Консультативная и психотерапевтическая работа, направленная на медико-социальную реабилитацию лиц с зависимыми формами поведения, оказываемая социально ориентированными некоммерческими организациями², реабилитационными центрами, а также специалистами комиссии по делам несовершеннолетних, органами опеки и др., является важным этапом выздоровления, включения больного в социум (Барцалкина, Кулагина, 2017). Несмотря на обширный теоретический и практический материал, посвященный психологическому сопровождению зависимых, данная проблема остается недостаточно разработанной с точки зрения коррекции и развития эмоционально-волевой сферы, в частности в работе с эмоциональным интеллектом. Представления о компонентах эмоционального интеллекта, который опре-

¹ Змановская Е.В. Девиантология (психология отклоняющегося поведения): учебное пособие для студентов вузов. М.: Академия, 2003. 288 с.

² Проект Указа Президента РФ «О Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года» (по состоянию на 14.02.2020) (подготовлен МВД России, ID проекта 01/03/01-20/00098716).

деляется большинством исследователей как способность к пониманию своих и чужих эмоций и чувств, а также управлению ими (Максимова, 2017), играют важную роль при определении содержания, приемов и методов работы как с зависимыми лицами, так и с членами их семей.

Так, в исследованиях выявлено, что уровень эмоционального интеллекта у зависимых лиц является низким (Кочетова, Климакова, 2019; Кошкарёв, 2020), при этом низкий уровень эмоционального интеллекта может выступать предиктором для алкогольной и наркотической зависимостей (Riley, Schutte, 2003). Поэтому именно развитие эмоционального интеллекта – значимый аспект терапевтической работы, так как именно он – важный фактор восстановления личности с зависимым поведением (Бельшева, 2012; Кошкарёв, 2020). С повышением уровня эмоционального интеллекта увеличивается успешность общения и деятельности (Андреева, 2003), управления своим поведением (Максимова, 2017), способность к адекватному выражению своих переживаний и потребностей и их удовлетворению, что является важными факторами коррекции и профилактики зависимого поведения (Дубровина, 2012). Высокий уровень эмоционального интеллекта способствует более эффективному обнаружению нежелательного давления со стороны других людей, пониманию причины, побуждающей других к тем или иным действиям, и, таким образом, препятствует возникновению зависимостей (Dennis, Anderson, 2002). Современные исследователи подчеркивают, что существуют связь между склонностью к употреблению психоактивных веществ и уровнем эмоционального интеллекта. Так, в работах Г.А. Ткаченко, В.А. Яковлева, выявлена прямая связь между низким уровнем эмоционального интеллекта и склонностью к употреблению наркотических веществ среди подростков (Ткаченко, Яковлев, 2015). Исследование В.А. Яковлева и Ю.В. Яковлевой показало прямую зависимость между низким уровнем эмоционального интеллекта и показателями, отражающими тип отклоняющегося поведения (Яковлев, Яковлева, 2017). П. Кумар в 2020 г. обнаружил, что уровень эмоционального интеллекта обратно и слабо связан с алкогольной зависимостью (Kumar, 2020). В исследовании Р. Биолкати (2021 г.) установлено, что такой компонент эмоционального интеллекта, как способность к саморегуляции, к управлению своим эмоциональным состоянием, обратно (и слабо) связан с употреблением химических веществ (Biolcati et al., 2021).

Низкий уровень способности понимать чужие эмоции среди зависимых отмечается во многих исследованиях. Так, А.В. Трусова и Е.И. Федюкович обнаружили, что у зависимых лиц нарушена способность к распознаванию эмоций по лицевой экспрессии, по сравнению с контрольной группой, зависимые хуже понимают эмоции (Трусова, Федюкович, 2020). Отметим, что для лиц, зависимых от психоактивных веществ, характерны трудности поддержания эмоционального состояния, ограниченность спектра стратегий регуляции эмоций (Камалова, 2014). Зачастую зависимые лица хорошо различают только два состояния – эйфории или проявления абстинентного синдрома после снижения дозы приема психоактивного вещества. Так, Д.А. Певень делит переживаемые зависимыми эмоции на две больших группы – «плохие» и «хорошие» (Певень, 2021).

Таким образом, существует достаточно большое количество исследований, показывающих, что существует связь уровня эмоционального интеллекта и зависимостей. В связи с этим возникает необходимость изучения связей отдельных компонентов эмоционального интеллекта с зависимостью, возможности развития этих компонентов для преодоления зависимости (Henning et al., 2021).

Интерес представляет и специфика таких черт эмоциональной сферы, которые тесно связаны с особенностями эмоционального интеллекта, – эмпатии и алекситимии. Эмпатия определяется как способность к сопереживанию и сочувствию (К. Изард), как воображение перенесения себя в мысли, чувства и действия другого (Р. Даймонд), особое эмоциональное состояние, возникающее при виде переживаний другого (Е.П. Ильин, Т.П. Гаврилова). Данные, полученные в других исследованиях по этой теме, противоречивы. Некоторые показывают наличие связи между эмпатией и способностью понимать чужие эмоции в юношеском (Ветлужская и др., 2019; Менделевич, 2003) и зрелом (Назаров, 2001) возрастах, некоторые показывают отсутствие связей между эмпатией и эмоциональным интеллектом (Яковлев, Яковлева, 2017) вообще.

Алекситимия, в свою очередь, по определению П. Сифнеоса, предложившего этот термин, понимается как затруднения в понимании собственных чувств, их внешнем выражении и словесном описании, трудности в различении эмоций и телесных ощущений (Быченко, Копытов, 2019) и считается одной из предпосылок развития химической зависимости (Кошкарёв, 2020). Исследования показывают положительную корреляцию между алекситимией и тягой к наркотикам и/или алкоголю (Farges et al., 2004; Kumar, 2020; Speranza et al., 2004), а также подтверждают высокую распространенность алекситимии среди наркозависимых испытуемых, по сравнению с испытуемыми без зависимостей (Cleland et al., 2011; Farges et al., 2004; Speranza et al., 2004). Отмечается, что алекситимия препятствует эффективной регуляции эмоций и связана с использованием психоактивных веществ в качестве стратегии преодоления стресса (Orsolini, 2020), для дистанцирования от неприятных эмоциональных переживаний (Biolcati et al., 2021), способствует большему «эмоциональному заражению» (De Naan, 2014). Это согласуется с данными, полученными в других исследованиях: для зависимых лиц, в отличие от лиц, не употреблявших психоактивные вещества, характерен высокий уровень алекситимии (Быченко, Копытов, 2020; Игумнов, Шахова, 2021).

Тем не менее Ч. Клеланд с колл. обнаружили, что, хотя зависимые испытуемые оценивали свой уровень алекситимии как высокий (по тестам самоотчета) и этим отличались от контрольной группы лиц без зависимостей, при решении задач, связанных с распознаванием и описанием эмоций, они показали такие же результаты, как и группа лиц без зависимостей, такого же пола и возраста (Cleland et al., 2005). Авторы исследования подчеркивают, что зависимые лица отмечают у себя более высокий уровень алекситимии, чем есть на самом деле. В другом исследовании выявлено, что уровень алекситимии у зависимых лиц и у лиц без зависимостей одинаков (Lindsay, Ciarracchi, 2009). В нем же зафиксирована связь между алекситимией и употребле-

нием алкоголя, отсутствие связи между алекситимией и употреблением наркотических средств, но наличие связи между алекситимией и вероятностью рецидива в употреблении наркотиков (Lindsay, Ciarrochi, 2009).

Анализ исследований показывает, что снижение уровня эмоционального интеллекта и наличие алекситимии считаются факторами риска, связанными с употреблением психоактивных веществ, и выделяются как «терапевтические мишени», однако недостаточно исследований, изучающих развитие эмоционального интеллекта и алекситимии при разной длительности употребления психоактивных веществ.

Можем предположить, что специфика коммуникации, построения межличностных отношений зависимого человека, его жизненный опыт связан с изменениями в развитии эмоционального интеллекта. Однако, несмотря на большое количество исследований, специфика данных связей при разной длительности употребления психоактивных веществ остается недостаточно изученной.

Уровень развития компонентов эмоционального интеллекта, уровень эмпатии и алекситимии могут являться предпосылками формирования зависимости, также они могут постепенно деформироваться у лиц, злоупотребляющих психоактивными веществами, по сравнению с их уровнем у лиц, не употреблявших психоактивные вещества. Тем не менее исследований, в которых сопоставляются особенности личности и эмоциональной сферы зависимых с учетом сроков употребления, сравнительно мало. Так, среди них можно отметить исследования изменения отношения к болезни у лиц с алкогольной зависимостью на разных этапах заболевания (Алехин, Яровинская, 2011), динамики содержания ценностно-смысловой сферы личности при формировании наркотической зависимости (Серебрякова, 2008), особенностей формирования эго-идентичности (Киселева, Овчинников, 2017). В указанных трудах отмечается задержка в развитии идентичности при увеличении длительности употребления ПАВ, обеднение системы ценностей (сокращение количества значимых ценностей) и увеличение количества дефицитарных ценностей. Интерес представляет работа, в которой сопоставлялись лица, страдающие наркоманией менее 2 лет и употребляющие спайс, и лица, страдающие наркоманией от 3 до 6–7 лет и употребляющие опиаты (Бельшева, 2016). Автор отмечает, что зависимые лица с большим сроком употребления ощущали неудовлетворение жизнью и связывали свои неудачи с употреблением наркотических средств, что далее помогало в реабилитации. Лица с меньшим сроком употребления, напротив, не видели проблем, или связывали жизненные проблемы не с употреблением наркотиков, а с другими факторами. Несмотря на то, что данные исследования сфокусированы на изменениях в личности зависимых, такой важный фактор, как эмоциональный интеллект, не рассматривается.

Отметим исследование динамики эмоционального интеллекта у больных наркоманией в процессе терциарной социализации (Плешко, 2018). В нем отмечается положительная динамика эмоционального интеллекта (способности управлять своими эмоциями и самомотивации) и эмпатии в процессе терциарной социализации. Автор отмечает, что у лиц, проходящих терциарную

социализацию, структура эмоционального интеллекта становится более устойчивой, по сравнению с лицами, которые ее не проходили.

Таким образом, можно отметить изменения особенностей личности зависимых людей при увеличении длительности употребления наркотических средств. Однако проблема остается недостаточно разработанной, что свидетельствует о научной новизне данного исследования. Особенности личности зависимых людей могут меняться при увеличении длительности употребления наркотических средств, однако такой важный фактор, как эмоциональный интеллект, не изучался в данном контексте. Количественная оценка таких факторов, как эмоциональный интеллект, эмпатия и алекситимия, в динамике может быть показателем формирования ремиссии и успешности психокоррекционного воздействия, что обуславливает практическую значимость исследования.

Цель исследования – изучение таких особенностей эмоционального интеллекта, как способность понимать и регулировать свои эмоциональные состояния, описывать и передавать их другим, контролировать их внешние проявления, эмпатия, навыки управления чужими эмоциями, и связь их проявлений с длительностью злоупотребления психоактивными веществами. **Гипотеза исследования:** у зависимых лиц с разной длительностью употребления психоактивных веществ существуют различия в уровне развития компонентов эмоционального интеллекта, эмпатии и алекситимии, а также в связях между этими переменными.

Процедура и методы исследования

Участники исследования. Для формирования выборки испытуемых, лицам, прошедшим курс психолого-медико-социальной реабилитации в сети реабилитационных центров благотворительного фонда «НАН» и находящихся в ремиссии (от 2 до 3 лет), предлагалось добровольное участие в исследовании. Проходившие курс реабилитации принимали участие в исследовании по собственному желанию, после ознакомления с целями, задачами, программой его проведения. Критерий, который был учтен в эмпирическом исследовании, – наличие диагноза «наркомания». Употребляемыми веществами являлись опиаты (героин, метадон), каннабиноиды (марихуана, гашиш), амфетамины.

Всего в исследовании приняли участие 151 человек, из них 107 (56 мужчин и 51 женщина) в возрасте от 35 до 45 лет имели зависимость от психоактивных веществ сроком от 1 года до 20 лет, а 44 (20 мужчин и 24 женщины) в возрасте от 35 до 45 лет не употребляли психоактивные вещества. Контрольная группа набиралась из лиц, откликнувшихся на опубликованные в социальных сетях объявления об исследовании. Данная группа также принимала участие в исследовании по собственному желанию, после ознакомления с целями, задачами и программой проведения. Все участники исследования проживают в Москве.

Для достижения цели исследования выборка лиц, имеющих зависимость от психоактивных веществ, была разделена на подгруппы с учетом длительности их употребления. В основном в исследованиях выделяют срок

употребления до 5 лет, 5–10 и более 10 лет (Соловьева, Ерофеева, 2006; Станько, 2013; Шумова, Щелкова, 2014). В нашем исследовании количество зависимых лиц со сроком употребления от 1 года до 5 лет составило 19 человек, из них 8 женщин и 11 мужчин; от 6 до 10 лет – 44 человека, из них 22 женщины, 22 мужчины; от 11 до 20 лет – 44 человека, из них 21 женщина, 23 мужчины.

Методы исследования. Методом исследования выступило тестирование с использованием следующих психодиагностических методик:

1. *Опросник эмоционального интеллекта «ЭМИн» Д.В. Люсина (2006)*, включающий в себя следующие шкалы:

- субшкала МП (понимание чужих эмоций): способность понимать эмоциональное состояние человека на основе внешних проявлений эмоций (мика, жестикуляция, звучание голоса) и/или интуитивно; чуткость к внутренним состояниям других людей. Значение по данному показателю может быть очень низкое (0–19 баллов), низкое (20–22 балла), среднее (23–26 баллов), высокое (27–30 баллов), очень высокое (31 и выше);

- субшкала МУ (управление чужими эмоциями): способность вызывать у других людей те или иные эмоции, снижать интенсивность нежелательных эмоций. Возможно, склонность к манипулированию людьми. Значение по данному показателю может быть очень низкое (0–14 баллов), низкое (15–17 баллов), среднее (18–21 балл), высокое (22–24 баллов), очень высокое (25 и выше);

- субшкала ВП (понимание своих эмоций): способность к осознанию своих эмоций: их распознавание и идентификация, понимание причин, способность к вербальному описанию. Значение по данному показателю может быть очень низкое (0–13 баллов), низкое (14–16 баллов), среднее (17–21 балл), высокое (22–25 баллов), очень высокое (26 и выше);

- субшкала ВУ (управление своими эмоциями): способность и потребность управлять своими эмоциями, вызывать и поддерживать желательные эмоции и держать под контролем нежелательные. Значение по данному показателю может быть очень низкое (0–9 баллов), низкое (10–12 баллов), среднее (13–15 баллов), высокое (16–17 баллов), очень высокое (18 и выше);

- субшкала ВЭ (контроль экспрессии): способность контролировать внешние проявления своих эмоций. Значение по данному показателю может быть очень низкое (0–6 баллов), низкое (7–9 баллов), среднее (10–12 баллов), высокое (13–15 баллов), очень высокое (16 и выше).

2. *Шкала эмоционального отклика А. Меграбяна и Н. Эпитейна* в адаптации Ю.М. Орлова, Ю.Н. Емельянова (1986). Методика позволяет проанализировать общие эмпатические тенденции испытуемого, то есть уровень выраженности способности к эмоциональному отклику на переживания другого и степень соответствия/несоответствия знака переживаний объекта и субъекта эмпатии. Объектами эмпатии выступают социальные ситуации и люди, которым испытуемый мог сопереживать в повседневной жизни. Опросник состоит из 25 суждений закрытого типа – как прямых, так и обратных. Значение по данной шкале может быть очень низкое (менее 12 баллов), низкое (12–36 баллов), нормальное (37–62 балла), высокое (63–81 балл), очень высокое (82–90 баллов).

3. *Торонтская шкала алекситимии TAS-20-R* адаптации Е.Г. Старостиной и др. (2010). Это клинический опросник, предназначенный для изучения такой личностной характеристики, как алекситимия, заключающейся в снижении или отсутствии способности к распознаванию, дифференцированию и выражению эмоциональных переживаний и телесных ощущений. В тесте имеются три подшкалы: трудности идентификации чувств (ТИЧ), трудности с описанием чувств другим людям (ТОЧ), внешнеориентированный тип мышления (ВОМ), а также измеряется общий уровень алекситимии. В данном исследовании использовался показатель общего уровня алекситимии. Нормальным значением считается не более 62 баллов. От 62 до 74 баллов – тенденции к алекситимии, промежуточные значения между условной нормой и алекситимией. От 74 баллов – явная алекситимия.

Статистический анализ данных проводился с использованием пакета IBM SPSS Statistics. На основании того, что не во всех группах данные подчиняются закону нормального распределения (проверка на нормальность распределения проводилась с использованием критерия Колмогорова – Смирнова), было принято решение использовать непараметрические методы статистики: критерий Манна – Уитни для попарного сравнения показателей эмоционального интеллекта, эмпатии и алекситимии у групп испытуемых с разным сроком употребления психоактивных веществ; корреляционный анализ Спирмена для выявления взаимосвязей переменных внутри групп.

Результаты исследования

На первом этапе исследования проведен сравнительный анализ показателей эмоционального интеллекта, эмпатии и алекситимии в группах испытуемых, зависимых от психоактивных веществ, и в группе испытуемых, не употреблявших психоактивные вещества. Данные попарного сравнения результатов представлены в табл. 1–5.

Далее рассмотрим попарное сравнение показателей эмоционального интеллекта, эмпатии и алекситимии в группах испытуемых с длительностью употребления 6–10 лет и группой не употреблявших (табл. 4).

Анализируя данные, представленные в табл. 1–5, отметим, что достоверных различий между группой со сроком употребления 1–5 лет и группой со сроком употребления 6–10 лет выявлено не было. Подчеркнем, что обе эти группы имеют значимые различия по исследуемым показателям с группой не употреблявших лиц: в группах со сроком употребления 1–5 и 6–10 лет, уровни развития межличностного управления эмоциями и контроля экспрессии значимо выше ($p < 0,05$). В группе не употреблявших лиц, напротив, значимо выше уровень способности к пониманию своих и чужих эмоций и уровень алекситимии ($p < 0,05$). Кроме того, в группе не употреблявших лиц выше уровень эмпатии ($p < 0,05$), по сравнению с группой со сроком употребления 6–10 лет. В группе лиц со сроком употребления 11–20 лет уровень эмпатии также значимо выше ($p < 0,05$), чем в группах со сроком употребления 1–5 и 6–10 лет, а уровень способности к межличностному управлению эмоциями ниже, чем в группе со сроком употребления 6–10 лет. Таким образом, употребляющие ПАВ лица, вне зависимости от срока упо-

требления, лучше, чем не употреблявшие, способны воздействовать на эмоции других людей, при необходимости регулировать их, а также контролировать внешние проявления своих собственных эмоций. При этом у людей с большим сроком употребления (11–20 лет) уровень эмпатии выше, чем у тех, кто употребляет ПАВ не столь продолжительно (1–5 и 6–10 лет), а способность воздействовать на чужие эмоции, напротив, снижается.

Далее с целью установления наличия связей между показателями компонентов эмоционального интеллекта, эмпатии и алекситимии и их последующей характеристики применена процедура корреляционного анализа для групп испытуемых, зависимых от психоактивных веществ, и для группы испытуемых, не употребляющих психоактивные вещества (табл. 6–9).

Таблица 1 / Table 1

Попарное сравнение показателей эмоционального интеллекта, эмпатии и алекситимии в группах испытуемых с длительностью употребления 1–5 лет (№ 1) и 6–10 лет (№ 2) / Pairwise comparison of the indicators of emotional intelligence, empathy and alexithymia between the groups of subjects with substance abuse of 1–5 years (No. 1) and 6–10 years (No. 2)

Переменная / Variable	Группа / Group	N	Средние значения / Mean	Стандартные отклонения / Standard deviations	Средний ранг / Average rank	Сумма рангов / Rank sum	U Манна-Уитни / Mann-Whitney U-criterion	W Вилкоксона / Wilcoxon's W-criterion	Z	Асимптотическая значимость (2-сторонняя) / Asymptotic significance (2-sided)
Эмпатия / Empathy	№ 1	19	21,32	6,09	26,11	496,00	397,500	587,500	-,308	,758
	№ 2	44	22,02	5,00	34,55	1520,00				
	Всего / Total	63	23,14	5,52	–	–				
Алекситимия / Alexithymia	№ 1	19	60,16	16,62	28,84	548,00	402,000	592,000	-,240	,810
	№ 2	44	59,57	10,59	33,36	1468,00				
	Всего / Total	63	63,15	11,78	–	–				
МУ / InterM	№ 1	19	21,84	5,08	35,37	672,00	368,000	558,000	-,753	,451
	№ 2	44	22,59	4,11	30,55	1344,00				
	Всего / Total	63	20,44	4,53	–	–				
МП / InterU	№ 1	19	18,84	4,61	31,76	603,50	357,500	547,500	-,912	,362
	№ 2	44	20,09	4,06	32,10	1412,50				
	Всего / Total	63	20,40	4,59	–	–				
ВУ / IntraM	№ 1	19	13,42	4,19	35,76	679,50	383,000	1373,000	-,530	,596
	№ 2	44	12,70	4,44	30,38	1336,50				
	Всего / Total	63	12,78	3,87	–	–				
ВП / IntraU	№ 1	19	10,42	4,98	34,03	646,50	413,000	603,000	-,075	,940
	№ 2	44	10,52	2,62	31,13	1369,50				
	Всего / Total	63	12,38	5,82	–	–				
ВЭ / IntraE	№ 1	19	17,63	5,79	34,87	662,50	402,000	1392,000	-,240	,810
	№ 2	44	17,41	5,41	30,76	1353,50				
	Всего / Total	63	15,01	5,63	–	–				

Примечание: здесь и далее МП – межличностное понимание эмоций; МУ – межличностное управление эмоциями; ВП – внутриличностное понимание эмоций; ВУ – внутриличностное управление эмоциями; ВЭ – контроль экспрессии.

Note: here and further InterU – interpersonal understanding of emotions; InterM – interpersonal management of emotions; IntraU – intrapersonal understanding of emotions; IntraM – intrapersonal management of emotions; IntraE – expression control.

Таблица 2 / Table 2

Попарное сравнение показателей эмоционального интеллекта, эмпатии и алекситимии в группе испытуемых с длительностью употребления 1–5 лет (№ 1) и группой не употреблявших (№ 3) / Pairwise comparison of the indicators of emotional intelligence, empathy and alexithymia in the group with substance abuse of 1–5 years (No. 1) and the group of non-users (No. 3)

Переменная / Variable	Группа / Group	N	Средние значения / Mean	Стандартные отклонения / Standard deviations	Средний ранг / Average rank	Сумма рангов / Rank sum	U Манна-Уитни / Mann-Whitney U-criterion	W Вилкоксона / Wilcoxon's W-criterion	Z	Асимптотическая значимость (2-сторонняя) / Asymptotic significance (2-sided)
Эмпатия / Empathy	№ 1	19	21,32	6,09	26,66	506,50	316,500	506,500	-1,526	,127
	№ 3	44	23,91	6,68	34,31	1509,50				
	Всего / Total	63	23,14	5,52	-	-				
Алекситимия / Alexithymia	№ 1	19	60,16	16,62	23,32	443,00	253,000	443,000	-2,475	,013
	№ 3	44	68,98	10,72	35,75	1573,00				
	Всего / Total	63	63,15	11,78	-	-				
МУ / InterM	№ 1	19	21,84	5,08	41,74	793,00	233,000	1223,000	-2,783	,005
	№ 3	44	17,77	4,01	27,80	1223,00				
	Всего / Total	63	20,44	4,53	-	-				
МП / InterU	№ 1	19	18,84	4,61	22,66	430,50	240,500	430,500	-2,664	,008
	№ 3	44	22,73	5,06	36,03	1585,50				
	Всего / Total	63	20,40	4,59	-	-				
ВУ / IntraM	№ 1	19	13,42	4,19	33,32	633,00	393,000	1383,000	-,377	,706
	№ 2	44	13,09	3,28	31,43	1383,00				
	Всего / Total	63	12,78	3,87	-	-				
ВП / IntraU	№ 1	19	10,42	4,98	18,76	356,50	166,500	356,500	-3,782	,000
	№ 2	44	17,75	6,56	37,72	1659,50				
	Всего / Total	63	12,38	5,82	-	-				
ВЭ / IntraE	№ 1	19	17,63	5,79	47,74	907,00	119,000	1109,000	-4,493	,000
	№ 2	44	9,77	3,65	25,20	1109,00				
	Всего / Total	63	15,01	5,63	-	-				

Таблица 3 / Table 3

Попарное сравнение показателей эмоционального интеллекта, эмпатии и алекситимии в группах испытуемых со сроком употребления 6–10 лет (№ 2) и 11–20 лет (№ 4) / Pairwise comparison of the indicators of emotional intelligence, empathy and alexithymia between the groups with substance abuse of 6–10 years (No. 2) and 11–20 years (No. 4)

Переменная / Variable	Группа / Group	N	Средние значения / Mean	Стандартные отклонения / Standard deviations	Средний ранг / Average rank	Сумма рангов / Rank sum	U Манна-Уитни / Mann-Whitney U-criterion	W Вилкоксона / Wilcoxon's W-criterion	Z	Асимптотическая значимость (2-сторонняя) / Asymptotic significance (2-sided)
Эмпатия / Empathy	№ 2	44	22,02	5,00	37,77	1662,00	672,000	1662,000	-2,477	,013
	№ 4	44	24,27	4,06	51,23	2254,00				
	Всего / Total	88	23,14	5,52	-	-				
Алекситимия / Alexithymia	№ 2	44	59,57	59,57	42,52	1871,00	881,000	1871,000	-2,477	,467
	№ 4	44	62,20	9,40	46,48	2045,00				
	Всего / Total	88	63,15	11,78	-	-				
МУ / InterM	№ 2	44	22,59	4,11	51,18	2252,00	674,000	1664,000	-2,465	,014
	№ 4	44	20,34	3,85	37,82	1664,00				
	Всего / Total	88	20,44	4,53	-	-				
МП / InterU	№ 2	44	20,09	4,06	47,13	2073,50	852,500	1842,500	-,970	,332
	№ 4	44	19,05	3,70	41,88	1842,50				
	Всего / Total	88	20,40	4,59	-	-				
ВУ / IntraM	№ 2	44	12,70	4,44	46,10	2028,50	897,500	1887,500	-,592	,554
	№ 4	44	12,27	3,74	42,90	1887,50				
	Всего / Total	88	12,78	3,87	-	-				
ВП / IntraU	№ 2	44	10,52	2,62	47,14	2074,00	852,000	1842,000	-,975	,329
	№ 4	44	9,70	3,95	41,86	1842,00				
	Всего / Total	88	12,38	5,82	-	-				
ВЭ / IntraE	№ 2	44	17,41	5,41	46,03	2025,50	900,500	1890,500	-,565	,572
	№ 4	44	16,73	3,73	42,97	1890,50				
	Всего / Total	88	15,01	5,63	-	-				

Таблица 4 / Table 4

Попарное сравнение показателей эмоционального интеллекта, эмпатии и алекситимии в группе испытуемых с длительностью употребления 6–10 лет (№3) и группой неупотреблявших (№2) / Pairwise comparison of the indicators of emotional intelligence, empathy and alexithymia between the group with substance abuse of 6–10 years (No. 3) and the group of non-users (No. 2)

Переменная / Variable	Группа / Group	N	Средние значения / Mean	Стандартные отклонения / Standard deviations	Средний ранг / Average rank	Сумма рангов / Rank sum	U Манна-Уитни / Mann-Whitney U-criterion	W Вилкоксона / Wilcoxon's W-criterion	Z	Асимптотическая значимость (2-сторонняя) / Asymptotic significance (2-sided)
Эмпатия / Empathy	№ 3	44	22,02	5,00	38,55	1696,00	706,000	1696,000	-2,193	,028
	№ 2	44	23,91	6,68	50,45	2220,00				
	Всего / Total	88	23,14	5,52	-	-				
Алекситимия / Alexithymia	№ 3	44	59,57	10,59	34,45	1516,00	526,000	1516,000	-3,696	,000
	№ 2	44	68,98	10,72	54,55	2400,00				
	Всего / Total	88	63,15	11,78	-	-				
МУ / InterM	№ 3	44	22,59	4,11	57,23	2518,00	408,000	1398,000	-4,701	,000
	№ 2	44	17,77	4,01	31,77	1398,00				
	Всего / Total	88	20,44	4,53	-	-				
МП / InterU	№ 3	44	20,09	4,06	37,65	1656,50	666,500	1656,500	-2,526	,012
	№ 2	44	22,73	5,06	51,35	2259,50				
	Всего / Total	88	20,40	4,59	-	-				
ВУ / IntraM	№ 3	44	12,70	4,44	43,20	1901,00	911,000	1901,000	-,479	,632
	№ 2	44	13,09	3,28	45,80	2015,00				
	Всего / Total	88	12,78	3,87	-	-				
ВП / IntraU	№ 3	44	10,52	2,62	31,06	1366,50	376,500	1366,500	-4,960	,000
	№ 2	44	17,75	6,56	57,94	2549,50				
	Всего / Total	88	12,38	5,82	-	-				
ВЭ / IntraE	№ 3	44	17,41	5,41	60,59	2666,00	260,000	1250,000	-5,922	,000
	№ 2	44	9,77	3,65	28,41	1250,00				
	Всего / Total	88	15,01	5,63	-	-				

Таблица 5 / Table 5

Попарное сравнение показателей эмоционального интеллекта, эмпатии и алекситимии в группах испытуемых с длительностью употребления 11–20 лет (№5) и группой неупотреблявших (№3) / Pairwise comparison of the indicators of emotional intelligence, empathy and alexithymia in the group with substance abuse of 11–20 years (No. 5) and the group of non-users (No. 3)

Переменная / Variable	Группа / Group	N	Средние значения / Mean	Стандартные отклонения / Standard deviations	Средний ранг / Average rank	Сумма рангов / Rank sum	U Манна-Уитни / Mann-Whitney U-criterion	W Вилкоксона / Wilcoxon's W-criterion	Z	Асимптотическая значимость (2-сторонняя) / Asymptotic significance (2-sided)
Эмпатия / Empathy	№ 5	44	24,27	4,06	43,61	1919,00	929,000	1919,000	-,327	,744
	№ 3	44	23,91	6,68	45,39	1997,00				
	Всего / Total	88	23,14	5,52	-	-				
Алекситимия / Alexithymia	№ 5	44	62,20	9,40	36,24	1594,50	604,500	1594,500	-3,037	,002
	№ 3	44	68,98	10,72	52,76	2321,50				
	Всего / Total	88	63,15	11,78	-	-				
МУ / InterM	№ 5	44	20,34	3,85	52,31	2301,50	624,500	1614,500	-2,883	,004
	№ 3	44	17,77	4,01	36,69	1614,50				
	Всего / Total	88	20,44	4,53	-	-				
МП / InterU	№ 5	44	19,05	3,70	35,28	1552,50	562,500	1552,500	-3,394	,001
	№ 3	44	22,73	5,06	53,72	2363,50				
	Всего / Total	88	20,40	4,59	-	-				
ВУ / IntraM	№ 5	44	12,27	3,74	41,47	1824,50	834,500	1824,500	-1,120	,263
	№ 3	44	13,09	3,28	47,53	2091,50				
	Всего / Total	88	12,78	3,87	-	-				
ВП / IntraU	№ 5	44	9,70	3,95	30,00	1320,00	330,000	1320,000	-5,346	,000
	№ 3	44	17,75	6,56	59,00	2596,00				
	Всего / Total	88	12,38	5,82	-	-				
ВЭ / IntraE	№ 5	44	16,73	3,73	62,50	2750,00	176,000	1166,000	-6,625	,000
	№ 3	44	9,77	3,65	26,50	1166,00				
	Всего / Total	88	15,01	5,63	-	-				

Таблица 6 / Table 6

**Результаты рангового корреляционного анализа в группе испытуемых,
не употреблявших психоактивные вещества, N = 44/
Spearman's coefficients in the group of non-users, N = 44**

Переменные / Variables	Эмпатия / Empathy	Алекситимия / Alexithymia	МУ / InterM	МП / InterU	ВУ / IntraM	ВП / IntraU	ВЭ / IntraE
Эмпатия / Empathy	–						
Алекситимия / Alexithymia	0,12	–					
МУ / InterM	0,23	–0,58*	–				
МП / InterU	0,10	–0,17	0,49*	–			
ВУ / IntraM	–0,22	–0,42*	0,25	–0,19	–		
ВП / IntraU	–0,42*	–0,61*	0,35	0,07	0,53*	–	
ВЭ / IntraE	–0,26	0,13	–0,37	–0,59*	0,43*	0,18	–

Примечание / Note: * $p \leq 0,05$.

Таблица 7 / Table 7

**Результаты рангового корреляционного анализа в группе испытуемых,
употреблявших психоактивные вещества в течение 1–5 лет, N = 19 /
Spearman's coefficients in the group of subjects with psychoactive substance dependence
for 1–5 years, N = 19**

Переменные / Variables	Эмпатия / Empathy	Алекситимия / Alexithymia	МУ / InterM	МП / InterU	ВУ / IntraM	ВП / IntraU	ВЭ / IntraE
Эмпатия / Empathy	–						
Алекситимия / Alexithymia	0,28	–					
МУ / InterM	–0,17	–0,73*	–				
МП / InterU	–0,21	–0,65*	0,67*	–			
ВУ / IntraM	0,01	–0,24	0,12	0,10	–		
ВП / IntraU	–0,60	–0,58*	0,40	0,63*	–0,02	–	
ВЭ / IntraE	–0,26	–0,82*	0,78*	0,71*	–0,17	0,59*	–

Примечание / Note: * $p \leq 0,05$.

Примечательно, что в группе лиц, зависимых от психоактивных веществ в течение 1–5 лет (табл. 7), в отличие от группы лиц, не употреблявших психоактивные вещества (табл. 6), способность к управлению своими эмоциями и чувствами не показала связи ни с одним из остальных компонентов эмоционального интеллекта.

В табл. 8 можно обратить внимание, что по сравнению с группой лиц, зависимых от психоактивных веществ в течение 1–5 лет, значимых корреляционных связей в группе со сроком употребления 5–10 лет отмечено меньше. В этой группе способность к управлению эмоциями других людей обратно связана с уровнем эмпатии и прямо связана с пониманием эмоций других людей.

Таблица 8 / Table 8

Результаты рангового корреляционного анализа в группе испытуемых, употреблявших психоактивные вещества в течение 6–10 лет, N = 44 / Spearman's coefficients in the group of subjects with psychoactive substance dependence for 6–10 years, N = 44

Переменные / Variables	Эмпатия / Empathy	Алекситимия / Alexithymia	МУ / InterM	МП / InterU	ВУ / IntraM	ВП / IntraU	ВЭ / IntraE
Эмпатия / Empathy	–						
Алекситимия / Alexithymia	0,42*	–					
МУ / InterM	–0,59*	–0,34	–				
МП / InterU	–0,12	–0,58*	0,61*	–			
ВУ / IntraM	–0,25	0,14	–0,08	–0,31	–		
ВП / IntraU	0,09	–0,44	–0,18	0,04	0,10	–	
ВЭ / IntraE	–0,08	–0,82*	0,34	0,66	–0,18	0,52	–

Примечание / Note: * $p \leq 0,05$.

Таблица 9 / Table 9

Результаты рангового корреляционного анализа в группе испытуемых, употреблявших психоактивные вещества в течение 11–20 лет, N = 44 / Spearman's coefficients in the group of subjects with psychoactive substance dependence for 11–20 years, N = 44

Переменные / Variables	Эмпатия / Empathy	Алекситимия / Alexithymia	МУ / InterM	МП / InterU	ВУ / IntraM	ВП / IntraU	ВЭ / IntraE
Эмпатия / Empathy	–						
Алекситимия / Alexithymia	–0,28	–					
МУ / InterM	0,04	–0,16	–				
МП / InterU	0,17	–0,02	0,57*	–			
ВУ / IntraM	0,01	0,04	–0,17	–0,15	–		
ВП / IntraU	–0,06	–0,04	0,23	–0,01	0,01	–	
ВЭ / IntraE	0,12	–0,02	0,39	0,21	–0,11	0,23	–

Примечание / Note: * $p \leq 0,05$.

В группе со сроком употребления психоактивных веществ 10–20 лет выявлена прямая корреляционная связь способности к управлению чужими эмоциями со способностью к их пониманию и с контролем экспрессии (табл. 9).

Обсуждение результатов

Отметим, что зависимые люди с разными сроками употребления хуже, чем не употреблявшие, понимают эмоции и чувства (и свои, и других людей). Однако зависимые лица эффективнее управляют чужими эмоциями, а также лучше, чем не употребляющие, способны контролировать внешние проявления своих эмоций. Это может объясняться тем, что способности эмоционального интеллекта в данной группе сфокусированы в основном

вовне на межличностном взаимодействии и направлены на понимание и управление эмоциями других людей. Необходимость в понимании своих эмоций может становиться меньше, так как употребление психоактивных веществ – быстрый и эффективный способ справиться с негативными эмоциональными состояниями и переживаниями без анализа их причины и попыток выровнять эмоциональное состояние собственными силами, без применения наркотика. Зависимые личности с трудом понимают, описывают и регулируют свои эмоциональные состояния, а также испытывают сложности с их выражением. Такое состояние называют «болезнью замороженных чувств». Анализируя связи эмоционального интеллекта и эмпатии у лиц, не употреблявших психоактивные вещества, обратим внимание, что чем выше уровень проявления эмпатии, тем ниже уровень развития способности понимать свои эмоции. Вероятно, полученный результат может быть связан с общей направленностью личности не на себя и собственную эмоциональную сферу, а вовне – на окружающих людей.

Отметим, что способности эмоционального интеллекта связаны между собой. Так, способность к пониманию собственных эмоций оказывается связана со способностями к управлению эмоциями – и своими, и чужими. Можем предположить, что личность опирается на собственный опыт и собственные представления для наиболее эффективного воздействия на чужие эмоции, управления ими. Аналогично способность к пониманию эмоций других людей может являться основанием для более успешного управления ими. Интересно отметить, что обе эти способности показывают обратную связь с контролем экспрессии, то есть чем ниже их уровень развития, тем выше уровень развития способности контролировать внешние проявления своих эмоций. Это позволяет предположить, что личность при затруднениях с пониманием чувств и эмоций партнера по общению и с тем, чтобы так или иначе на них воздействовать, вероятно, испытывает потребность в усиленном контроле за внешними проявлениями своих эмоций, так как, скорее всего, в ситуации общения чувствует себя недостаточно уверенно.

Кроме того, важно отметить отсутствие, казалось бы, ожидаемой связи между эмпатией и способностью понимать эмоции других людей, что, по-видимому, связано с тем, что эмпатия понимается как личностная черта, в отличие от эмоционального интеллекта, который понимается исследователями либо как исключительно когнитивная способность (Максимова, 2017), либо как смешанная с личностными характеристиками (Кочетова, Климакова, 2019). Как показано в литературном обзоре, данные, полученные в других исследованиях, противоречивы (Ветлужская и др., 2019; Менделевич, 2003; Назаров, 2001; Яковлев, Яковлева, 2017). Такие различия в результатах могут объясняться выбором методик исследования.

В нашем исследовании обнаружена корреляционная связь между алекситимией и эмоциональным интеллектом: чем ниже развиты способности к пониманию своих чувств и эмоций, а также к управлению как своими, так и чужими эмоциями, тем выше уровень алекситимии, демонстрируемый испытуемыми. Выявлено, что у не употреблявших лиц выше, чем у зависимых, выражен как уровень алекситимии, так и уровень способности к пониманию

эмоций, как своих, так и чужих. Вероятно, эти данные связаны с особенностями используемых методик: в то время как шкалы опросника эмоционального интеллекта больше ориентированы на понимание причин эмоций, опросник алекситимии больше связан со способностью словесно описать свои эмоции, назвать их. Полученные данные противоречат результатам других исследований, в которых было обнаружено, что зависимые люди затрудняются в передаче, словесном описании своего эмоционального состояния и эмоций других людей, а также затрудняются в различении эмоций, телесных ощущений и пр., для них характерен высокий уровень алекситимии (Быченко, Копытов, 2020; Игумнов, Шахова, 2021).

Полученные данные согласуются с результатами других исследований, в которых отмечается низкий уровень способности понимать чужие эмоции среди зависимых (Трусова, Федюкович, 2020; Певень, 2021).

В группе лиц, зависимых от психоактивных веществ в течение 1–5 лет, способность к управлению своими эмоциями не связана ни с одним из остальных компонентов эмоционального интеллекта. Это, в свою очередь, приводит к тому, что управление своей эмоциональной сферой осуществляется с помощью употребления психоактивных веществ, производящих химическое воздействие на организм. Так, выявлено, что основным мотивом употребления наркотика является избавление от «скудного, однообразного состояния» (Левченко, Торосян, 2019).

Необходимо отметить, что в данной группе способность к пониманию собственных эмоций связана только с одним компонентом эмоционального интеллекта – пониманием эмоций других людей. Полученные данные позволяют предположить, что понимание своих эмоций и чувств, с одной стороны, происходит в данной группе с опорой на понимание эмоций и чувств партнера по общению, а с другой – само может являться опорой для более успешного понимания эмоциональных состояний других. Корреляционные связи между пониманием эмоций других людей, способностью управлять ими и контролем экспрессии сохраняются такими же, как в группе лиц, не зависимых от психоактивных веществ. Важно подчеркнуть, что существуют обратные связи алекситимии со всеми компонентами эмоционального интеллекта, кроме управления своими эмоциями, что может свидетельствовать о том, что затруднения в идентификации и описании эмоций, а также сужение аффективного опыта проявляются не только в ситуациях, связанных с пониманием своих чувств и эмоций, но также и в ситуациях, связанных с пониманием эмоционального состояния других людей.

Отметим, что для лиц, зависимых от психоактивных веществ, характерны трудности поддержания эмоционального состояния, ограниченность спектра стратегий регуляции эмоций (Камалова, 2014).

Анализируя данные, полученные в исследовании лиц, зависимых от психоактивных веществ в течение 6–10 лет, важно отметить, что способность к управлению эмоциями других людей одновременно обратно связана с уровнем эмпатии и прямо связана с пониманием эмоций других людей. Поскольку эмпатия понимается как осознанное сопереживание другому человеку (Словарь практического психолога, 2007), а способность к пониманию чужих эмоций является компонентом эмоционального интеллекта, то есть

когнитивной способностью (Максимова, 2017), можем предположить, что обе способности используются лицами, зависимыми от психоактивных веществ 6–10 лет, в разных жизненных ситуациях. Возможно, благодаря проявлению эмпатии, зависимый человек может некритично приобщаться к эмоциональному состоянию другого, что может приводить к последующему совместному употреблению психоактивных веществ. Способность к пониманию чужих эмоций может проявляться в ситуациях, когда зависимому человеку необходимо достичь тех или иных целей, прибегая к воздействию на эмоциональное состояние другого, в том числе путем манипуляций (Максимова, 2017). Отмечается, что среди лиц с наркотической зависимостью распространены оценочные высказывания о собеседниках, целью которых может быть потребность установить контакт, или, напротив, оттолкнуть человека (Левченко, Торосян, 2019). Подобное сочетание факторов, вероятно, способствует дистанцированию от круга близких людей, не употребляющих психоактивные вещества, и более полному включению в круг лиц, страдающих зависимостями.

В группе лиц, зависимых от психоактивных веществ в течение 11–20 лет, значимо связанными остаются только те способности, которые позволяют понимать эмоциональные состояния других людей и воздействовать на них, так как именно они, видимо, способствуют более успешной реализации важной потребности в употреблении психоактивных веществ (как в плане межличностного общения с лицами, обладающими сходными интересами, так и в плане общения с людьми, противодействующими их увлечениям). Связи между различными компонентами эмоционального интеллекта друг с другом, а также с эмпатией и алекситимией, наблюдаемые в других группах испытуемых, в группе лиц, зависимых от психоактивных веществ в течение 11–20 лет, не наблюдаются. Возможной причиной этого являются нейропсихологические нарушения, развивающиеся вследствие хронического употребления психоактивных веществ (Полунина и др., 2004). Однако способности, связанные с пониманием чужих эмоций и управлением ими, по-видимому, постоянно используются с целью манипуляции окружающими людьми для получения наркотического вещества или средств на его приобретение. Часто инструментами для подобных манипуляций выступают ложь, убеждение, отвлечение, симуляции и т. д. Таким образом, такие компоненты эмоционального интеллекта, как понимание эмоций других и управление ими, «тренируются», поэтому связи между ними сохраняются.

Важно отметить, что уровень межличностного понимания эмоций выше у лиц, употребляющих психоактивные вещества 6–10 лет, чем у лиц, употребляющих 11–20 лет. Также можно отметить, что уровень межличностного управления и контроля экспрессии у зависимых выше, чем у лиц, не употреблявших психоактивные вещества.

Заключение

Гипотеза исследования была подтверждена: у зависимых лиц с разной длительностью употребления психоактивных веществ существуют различия как в выраженности, так и в связях компонентов эмоционального интеллекта, эмпатии и алекситимии.

Важной выявленной характеристикой является уменьшение и изменение связей между переменными. Все компоненты эмоционального интеллекта у лиц, не употреблявших психоактивные вещества, взаимосвязаны. У зависимых лиц количество связей между компонентами эмоционального интеллекта постепенно уменьшается с ростом длительности употребления. Интересно отметить, что такой компонент, как внутриличностное управление эмоциями, не связан ни с другими компонентами эмоционального интеллекта, ни с эмпатией, ни с алекситимией у всех групп, зависимых от психоактивных веществ. Это подтверждает тот факт, что зависимость от психоактивных веществ в первую очередь связана с трудностями регуляции эмоций. Кроме того, чем больше срок употребления, тем меньше связей выявлено между компонентами внутриличностного эмоционального интеллекта (понимание собственных эмоций и управление ими, контроль экспрессии) и другими исследуемыми показателями. Иначе связи распределяются внутри межличностного эмоционального интеллекта (понимание эмоций других людей и управление ими). В отличие от внутриличностного эмоционального интеллекта, здесь связей остается больше. Таким образом, в исследовании впервые выявлено, что чем больше у испытуемых срок употребления, тем меньше заметных или сильных (по шкале Чеддока) корреляционных связей между эмоциональным интеллектом и алекситимией.

Ограничения исследования. Использованные в исследовании методы диагностики эмоционального интеллекта, эмпатии и алекситимии основаны на самоотчете. Следовательно, эффект социальной желательности может искажать результаты, что может являться ограничением исследования. Кроме того, в исследовании не измерялись различия в уровне эмоционального интеллекта, эмпатии и алекситимии в зависимости от того типа психоактивных веществ, который употребляли зависимые лица. Проведение дополнительных исследований с учетом типа психоактивных веществ может являться перспективой дальнейших исследований.

Тем не менее в рамках организации психологического сопровождения людей, имеющих зависимые формы поведения, полученные данные имеют высокую **практическую значимость**. Можно предположить, что при работе с эмоциональной сферой зависимых личностей в первую очередь необходимо сосредоточиться на развитии навыков и стратегий управления собственными эмоциями и чувствами, понимании их и поддержании желательных эмоциональных состояний, при этом регуляции нежелательных. Управление своими эмоциями и их понимание связаны с достаточно хорошо развитыми способностями межличностного эмоционального интеллекта. То есть возможна компенсация путем заимствования стратегии понимания и управления эмоциями другого и их интериоризация во внутренний план. Таким образом, возможно компенсировать и развивать способности внутриличностного эмоционального интеллекта с опорой на сохранные способности межличностного эмоционального интеллекта. Следовательно, эффективными будут формы групповой работы, при которых происходит идентификация с другим человеком, что способствует эмоциональному заражению и включению в процесс выздоровления. Таким образом, целью консультативной и психотерапевтической работы практического психолога, а также основными тера-

педagogическими мишенями в работе с зависимыми личностями является коррекция и развитие эмоциональной сферы, в частности эмоционального интеллекта.

Список литературы

- Алехин А.Н., Яровинская А.В. Отношение к болезни у лиц с алкогольной зависимостью на разных этапах заболевания // Ученые записки. 2011. № 1 (71). С. 7–13.
- Андреева И.Н. Эмоциональный интеллект как фактор самоактуализации // Социальный и эмоциональный интеллект: от процессов к измерениям / под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. М.: Институт психологии РАН, 2009. С. 31–39.
- Барцалкина В.В., Кулагина И.Ю. Реабилитационный потенциал личности при химической зависимости // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2017. Т. 6. № 1А. С. 34–44.
- Бельшиева О.И. Эмоциональный интеллект как «терапевтическая мишень» реабилитации химически зависимых людей // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2012. С. 258–264. <https://doi.org/10.25799/AR.2019.43.1.073>
- Бобылова М.Ю., Пылаева О.А., Петрухин А.С. Нейробиологические основы патологии влечений // Вестник эпилептологии. 2008. № 2. С. 2–6.
- Быченко И.В., Копытов А.В. Алекситимия и ее связь с алкогольной и наркотической зависимостью: обзор литературы // Вопросы наркологии. 2019. № 12 (183). С. 81–94. https://doi.org/10.47877/0234-0623_2019_12_81
- Быченко И.В., Копытов А.В. Алекситимия и ее связь с алкогольной и наркотической зависимостью // Военная медицина. 2020. № 2 (55). С. 110–117.
- Ветлужская М.В., Абрамова А.А., Сердакова К.Г., Быкова Е.Е., Хамматова Р.С., Шурупова Р.В. Особенности эмоционального интеллекта и эмпатических способностей у студентов медицинского вуза // Интеграция образования. 2019. № 3 (96). С. 404–422. <https://doi.org/10.15507/1991-9468.096.023.201903.404-422>
- Даулинг С.М. Психология и лечение зависимого поведения. М.: Класс, 2000. 240 с.
- Дубровина Л.А. Психолого-педагогическая профилактика и коррекция аддиктивного поведения через развитие эмоционального интеллекта // Инновации в науке. 2012. № 15. С. 121–126.
- Игнатьев П.Д., Трусова А.В., Климанова С.Г. Саморегуляция и временная перспектива личности: взаимосвязь в контексте феномена зависимости от алкоголя // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2018. № 2. С. 74–82. <https://doi.org/10.14529/psy180208>
- Игумнов С.А., Шахова С.М. Патопсихологический профиль пациентов с зависимостью от синтетических катинонов // Социальная и клиническая психиатрия. 2021. Т. 31. № 3. С. 27–31.
- Камалова А.М. Эмоциональный компонент социального интеллекта студентов, склонных к алкогольной и наркотической зависимостям // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 3. С. 656.
- Киселева Л.Т., Овчинников А.А. Трансформация идентичности у потребителей психоактивных веществ в подростковом возрасте // Медицина Кыргызстана. 2017. № 2. С. 30–36.
- Кочетова Ю.А., Климакова М.В. Методы диагностики эмоционального интеллекта // Современная зарубежная психология. 2019. Т. 8. № 4. С. 106–114. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2019080411>
- Кошкарёв В.А. Особенности эмоционального интеллекта химически зависимых людей // Научный форум: педагогика и психология: сборник статей по материалам XXXVII Международной научно-практической конференции, Москва, 2 марта 2020 г. М.: Международный центр науки и образования, 2020. Т. 3 (37). С. 37–41.

- Левченко Е.В., Торосян К.С.* Метод интроспекции в изучении особенностей эмоциональной сферы лиц с алкогольной и наркотической зависимостью // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. 2019. № 1 (3). С. 653–667.
- Люсин Д.В.* Новая методика для измерения эмоционального интеллекта: опросник ЭМИн // Психологическая диагностика. 2006. № 4. С. 3–22.
- Максимова Е.Б.* Соотношение структурных компонентов эмоционального интеллекта и эмпатии в подростковом возрасте // Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование. 2017. № 3 (9). С. 148–166.
- Менделевич В.Д.* Наркозависимость и коморбидные расстройства поведения (психологические и психопатологические аспекты). М.: МЕДпресс-информ, 2003. 328 с.
- Миронова Н.В.* Современная биопсихосоциальная модель алкоголизма // Академический журнал Западной Сибири. 2015. Т. 11. № 1. С. 41–43.
- Монина Г.Б.* Эмоциональный интеллект как фактор личностного и профессионального роста // Ученые записки Санкт-Петербургского университета управления и экономики. 2011. № 3 (33). С. 84–96.
- Назаров О.Ю.* Алкогольная зависимость как биопсихосоциальная проблема // Психотехнологии в социальной работе. 2001. Вып. 6. С. 128–138.
- Наркология. Национальное руководство / под ред. Н.Н. Иванца, М.А. Винниковой. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2020. 697 с.
- Певень Д.А.* Феномен алекситимии у химически зависимых людей // От мечты к открытию: психологические исследования молодых ученых: материалы региональной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых преподавателей, Курск, 27 января 2021 года. Курск: Университетская книга, 2021. Вып. 1. С. 107–110.
- Плешко В.И.* Динамика эмоционального интеллекта у больных алкоголизмом и наркоманией в процессе терциарной социализации // Вестник Удмуртского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 28. № 3. С. 313–318.
- Полунина А.Г., Давыдов Д.М., Брюн Е.В.* Нейропсихологические исследования когнитивных нарушений при алкоголизме и наркомании // Психологический журнал. 2004. Т. 25. № 5. С. 70–76.
- Светличная Т.Г., Меньшикова Л.И., Смирнова Е.А.* Феномен зависимости: терминологический анализ // Социальные аспекты здоровья населения. 2018. № 1. С. 1–14. <https://doi.org/10.21045/2071-5021-2018-59-1-5>
- Серебрякова М.Е.* Изменение содержания ценностно-смысловой сферы личности при формировании наркотической зависимости // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2008. Т. 10. № 6–2. С. 178–182.
- Словарь практического психолога / сост. С.Ю. Головин. М.: АСТ, Харвест, 2007.
- Соловьева С.Л., Ерофеева М.Г.* Личностные особенности наркозависимых с разным стажем употребления героина с учетом гендерных различий // Вестник Санкт-Петербургской государственной медицинской академии имени И.И. Мечникова. 2006. Т. 7. № 2. С. 177–179.
- Станько Э.П.* Медико-социальная характеристика потребителей инъекционных наркотиков // Актуальные проблемы медицины: материалы научно-практической конференции, посвященной 55-летию учреждения образования «Гродненский государственный медицинский университет», 3–4 октября 2013 г.: в 2 частях. Часть 2. Гродно: Гродненский государственный медицинский университет, 2013. С. 268–275.
- Ткаченко Г.А., Яковлев В.А.* Влияние эмоционального интеллекта на формирование зависимости от психоактивных веществ // Журнал гуманитарных наук. 2015. № 11. С. 110–112
- Трусова А.В., Федюкович Е.И.* Распознавание эмоций как маркер нарушений эмоциональной регуляции у лиц с химической зависимостью: обзор современных исследований // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2020. Т. 10. № 3. С. 353–366. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2020.310>

- Шумова А.И., Щелкова О.Ю. Динамика психологических характеристик больных героиновой наркоманией в процессе специализированного курса реабилитации // Вестник психотерапии. 2014. № 50. С. 121–135.
- Яковлев В.А., Яковлева Ю.В. Особенности эмоционального интеллекта у мужчин, злоупотребляющих психоактивными веществами и его влияние на формы отклоняющегося поведения // Бюллетень науки и практики. 2017. № 3 (16). С. 128–133. <https://doi.org/10.5281/zenodo.399175>
- Biolcati R., Mancini G., Andrei F., Trombini E. Trait emotional intelligence and eating problems in adults: associations with alexithymia and substance use // Mediterranean Journal of Clinical Psychology. 2021. Vol. 9. No 2. Pp. 1–16. <https://doi.org/10.13129/2282-1619/mjcp-2983>
- Cleland Ch., Magura S., Foote J., Rosenblum A., Kosanke N. Psychometric properties of the Toronto Alexithymia Scale (TAS-20) for substance users // Journal of Psychosomatic Research. 2005. Vol. 58. No 3. Pp. 299–306. <https://doi.org/10.1016/j.jpsychores.2004.11.002>
- Cleland Ch., Magura S., Foote J., Rosenblum A., Kosanke N., Ghalehban M., Besharat M. Examination and comparison of alexithymia and self-regulation in patients with substance abuse disorder and normal individuals // Procedia. Social and Behavioral Sciences. 2011. Vol. 30. Pp. 38–42. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2011.10.008>
- De Haan H.A., Van der Palen J., Wijdeveld T.G.M., Buitelaar J.K., De Jong C.A.J. Alexithymia in patients with substance use disorders: state or trait? // Psychiatry Research. 2014. Vol. 216. No 1. Pp. 137–145. <https://doi.org/10.1016/j.psychres.2013.12.047>
- Dennis R.T., Anderson J. The association between emotional intelligence and early adolescent tobacco and alcohol use // Personality and Individual Differences. 2002. Vol. 32. No 1. Pp. 95–105. [https://doi.org/10.1016/S0191-8869\(01\)00008-3](https://doi.org/10.1016/S0191-8869(01)00008-3)
- Farges F., Corcos M., Speranza M. Alexithymia, depression and drug addiction // L'encephale. 2004. Vol. 30. No 3. Pp. 201–211. [https://doi.org/10.1016/s0013-7006\(04\)95431-0](https://doi.org/10.1016/s0013-7006(04)95431-0). PMID: 15235517
- Henning C., Crane A.G., Taylor R.N., Parker J.D.A. Emotional Intelligence: relevance and implications for addiction // Current Addiction Reports. 2021. No 8. Pp. 28–34. <https://doi.org/10.1007/s40429-021-00356-w>
- Kumar P. Are alcohol dependence, alexithymia and emotional intelligence connected? // Indian Journal of Psychosocial Wellbeing. 2020. Vol. 1. No 2. Pp. 21–27. <https://doi.org/10.5281/zenodo.4445596>
- Lindsay J., Ciarrochi J. Substance abusers report being more alexithymic than others but do not show emotional processing deficits on a performance measure of alexithymia // Addiction Research & Theory. 2009. Vol. 17. No 3. Pp. 315–321. <https://doi.org/10.1080/16066350802472056>
- Orsolini L. Unable to describe my feelings and emotions without an addiction: the interdependency between alexithymia and addictions // Frontiers in Psychiatry. 2020. Vol. 11. Pp. 1–6. <https://doi.org/10.3389/fpsy.2020.543346>
- Riley H., Schutte N. Low emotional intelligence as a predictor of substance-use problems // Journal of Drug Education. 2003. Vol. 33. No 4. Pp. 391–398. <https://doi.org/10.2190/6DH9-YT0M-FT99-2X05>
- Speranza M., Corcos M., Stéphan P., Loas G., Pérez-Díaz F., Lang F., Venisse J.L., Bizouard P., Flament M., Halfon O., Jeammet P. Alexithymia, depressive experiences, and dependency in addictive disorders // Substance Use & Misuse. 2004. Vol. 39. No 4. Pp. 551–579. <https://doi.org/10.1081/JA-120030058>

История статьи:

Поступила в редакцию 16 августа 2022 г.

Принята к печати 15 апреля 2023 г.

Для цитирования:

Кочетова Ю.А., Голованова И.А., Климакова М.В. Особенности эмоционального интеллекта, эмпатии и алекситимии у лиц, зависимых от психоактивных веществ, с разной длительностью их употребления // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2023. Т. 20. № 2. С. 244–268. <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2023-20-2-244-268>

Вклад авторов:

Ю.А. Кочетова – концепция и дизайн исследования, написание и редактирование текста. *И.А. Голованова* – сбор и обработка материалов, написание текста. *М.В. Климакова* – анализ полученных данных, написание текста.

Заявление о конфликте интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Сведения об авторах:

Кочетова Юлия Андреевна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры возрастной психологии имени профессора Л.Ф. Обухова, факультет психологии образования, Московский государственный психолого-педагогический университет (Москва, Россия). ORCID: 0000-0002-9853-569X. E-mail: kochetovayua@mgppu.ru

Голованова Ирина Александровна, заместитель декана по учебной работе, преподаватель, кафедра возрастной психологии имени профессора Л.Ф. Обухова, факультет психологии образования, Московский государственный психолого-педагогический университет (Москва, Россия). ORCID: 0000-0002-6115-5095. E-mail: golovanovaia@mgppu.ru

Климакова Мария Вячеславовна, преподаватель, кафедра возрастной психологии имени профессора Л.Ф. Обухова, факультет психологии образования, Московский государственный психолого-педагогический университет (Москва, Россия). ORCID: 0000-0002-2048-3105. E-mail: klimakovamv@mgppu.ru

DOI: 10.22363/2313-1683-2023-20-2-244-268

EDN: WRIVIW

UDC 159.97

Research article

Features of Emotional Intelligence, Empathy and Alexithymia in Persons Dependent on Psychoactive Substances with Different Experiences of Their Use

Yulia A. Kochetova , **Irina A. Golovanova** , **Maria V. Klimakova**

Moscow State University of Psychology and Education,
29 Sretenka St, Moscow, 127051, Russian Federation

 klimakovamv@mgppu.ru

Abstract. The research is aimed at identifying the specifics of the components of emotional intelligence (EQ) in persons with different experiences of substance abuse. The study involved 157 respondents aged 35 to 45 years, of whom 111 were dependent on psychoactive substances and 46 never used them. The empirical study was carried out using The Emotional

Intelligence Questionnaire (EmIn) by D.V. Lyusin, The Balanced Emotional Empathy Scale (BEES) by A. Mehrabian and N. Epstein, and The Toronto Alexithymia Scale (TAS). Significant differences were found for almost all the variables (except for empathy and the ‘intrapersonal management’ EQ component) between the group of persons who did not use psychoactive substances and the groups of persons dependent on such substances. The obtained results also make it possible to speak about differences in the correlations between the components of emotional intelligence with each other, as well as with empathy and alexithymia among the groups of subjects with different experiences of substance abuse. In individuals who did not use psychoactive substances, all the components of emotional intelligence are interconnected. In the addicts, as the duration of substance abuse increases, the number of connections between the components of emotional intelligence, both among themselves and with alexithymia, decreases.

Key words: emotional intelligence, emotional management, understanding of emotions, empathy, substance abuse, alexithymia

References

- Alekhin, A.N., & Yarovinskaya, A.V. (2011). Attitude to the disease in persons with alcohol dependence at different stages of the disease. *Scientists Notes*, (1), 7–13.
- Andreeva, I.N. (2009). Emotional intelligence as a factor of self-actualization. In D.V. Lyusin, D.V. Ushakov (Eds.), *Social and Emotional Intelligence: From Processes to Measurements* (pp. 31 – 39). Moscow: Institute of Psychology of RAS. (In Russ.)
- Bartsalkina, V.V., & Kulagina, I.Yu. (2017). Rehabilitation potential of a chemically-dependent person. *Psychology. Historical-Critical Reviews and Current Researches*, 6(1A), 34–44. (In Russ.)
- Belysheva, O.I. (2019). Emotional intelligence as a “therapeutic target” for the rehabilitation of chemically dependent people. *Psychology. Historical-Critical Reviews and Current Researches*, 8(1–1), 258–264. (In Russ.) <http://doi.org/10.25799/AR.2019.43.1.073>
- Biolcati, R., Mancini, G., Andrei, F., & Trombini, E. (2021). Trait emotional intelligence and eating problems in adults: Associations with alexithymia and substance use. *Mediterranean Journal of Clinical Psychology*, 9(2). <http://doi.org/10.13129/2282-1619/mjcp-2983>
- Bobylova, M.Yu., Pylaeva, O.A., & Petrukhin, A.S. (2008). Neurobiological basis of drive pathology. *Bulletin of Epileptology*, (2), 2–6. (In Russ.)
- Bychenko, I.V., & Kopytov, A.V. (2019). Alexithymia and its relationship with alcohol and drug addiction. *Journal of Addiction Problems*, (12), 81–94. (In Russ.) http://doi.org/10.47877/0234-0623_2019_12_81
- Bychenko, I.V., & Kopytov, A.V. (2020). Alexithymia and its relationship with alcohol and drug addiction. *Military Medicine*, (2), 110–117. (In Russ.)
- Cleland, Ch., Magura, S., Foote, J., Rosenblum, A., & Kosanke, N. (2005). Psychometric properties of the Toronto Alexithymia Scale (TAS-20) for substance users. *Journal of Psychosomatic Research*, 58(3), 299–306. <http://doi.org/10.1016/j.jpsychores.2004.11.002>
- Cleland, Ch., Magura, S., Foote, J., Rosenblum, A., Kosanke, N., Ghalehban, M., & Besharat, M. (2011). Examination and comparison of alexithymia and self-regulation in patients with substance abuse disorder and normal individuals. *Procedia. Social and Behavioral Sciences*, 30, 38–42. <http://doi.org/10.1016/j.sbspro.2011.10.008>
- De Haan, H.A., Van der Palen, J., Wijdeveld, T.G.M., Buitelaar, J.K., & De Jong, C.A.J. (2014). Alexithymia in patients with substance use disorders: State or trait? *Psychiatry Research*, 216(1), 137–145.
- Dennis, R.T., & Anderson, J. (2002). The association between emotional intelligence and early adolescent tobacco and alcohol use. *Personality and Individual Differences*, 32(1), 95–105. [http://doi.org/10.1016/S0191-8869\(01\)00008-3](http://doi.org/10.1016/S0191-8869(01)00008-3)

- Dowling, S.M. (2000). The psychology and treatment of addictive behavior. Moscow: Klass Publ. (In Russ.)
- Dubrovina, L.A. (2012). Psychological and pedagogical prophylactic treatment and addictive behavior intervention through development of emotional intelligence. *Innovatsii v Nauke*, (15), 121–126. (In Russ.)
- Farges, F., Corcos, M., & Speranza, M. (2004). Alexithymia, depression and drug addiction. *L'encephale*, 30(3), 201–211. [http://doi.org/10.1016/s0013-7006\(04\)95431-0](http://doi.org/10.1016/s0013-7006(04)95431-0)
- Golovin, S.Yu. (Ed.). (2007). *Dictionary of practical psychologist*. Moscow: AST Publ., Harvest Publ.
- Henning, C., Crane, A.G., Taylor, R.N., & Parker, J.D.A. (2021). Emotional intelligence: Relevance and implications for addiction. *Current Addiction Reports*, 8, 28–34. <http://doi.org/10.1007/s40429-021-00356-w>
- Ignatev, P.D., Trusova, A.V., & Klimanova, S.G. (2018). Self-regulation and time perspective of personality: Association in the context of alcohol dependence. *Bulletin of the South Ural State University. Series Psychology*, (2), 74–82. (In Russ.) <http://doi.org/10.14529/psy180208>
- Igumnov, S.A., & Shakhova, S.M. (2021). Pathopsychological profile of patients with dependence on synthetic cathinones. *Social and Clinical Psychiatry*, 31(3), 27–31. (In Russ.)
- Ivanets, N.N., & Vinnikova, M.A. (Eds.). (2020). *Narcology. National manual*. Moscow: GEOTAR-Media Publ. (In Russ.)
- Kamalova, A.M. (2014). Emotional component of social intelligence of the students inclined to alcoholic and narcotic dependences. *Modern Problems of Science and Education*, (3), 656. (In Russ.)
- Kiseleva, L.T., & Ovchinnikov, A.A. (2017). Transformation of identity among consumers of psychoactive substances in adolescence. *Medicine of Kyrgyzstan*, (2), 30–36. (In Russ.)
- Kochetova, Yu.A., & Klimakova, M.V. (2019). Methods for diagnosing emotional intelligence. *Journal of Modern Foreign Psychology*, 8(4), 106–114. (In Russ.) <http://doi.org/10.17759/jmfp.2019080411>
- Koshkarev, V.A. (2020). Features of emotional intelligence of chemically dependent people. *Scientific Forum: Pedagogy and Psychology. Proceedings of the XXXVII International Scientific and Practical Conference, Moscow, March 2, 2020* (vol. 3, pp. 37–41). Moscow: Mezhdunarodnyi Tsentr Nauki i Obrazovaniya Publ. (In Russ.)
- Kumar, P. (2020). Are alcohol dependence, alexithymia and emotional intelligence connected? *Indian Journal of Psychosocial Wellbeing*, 1(2), 21–27. <https://doi.org/10.5281/zenodo.4445596>
- Levchenko, E.V., & Torosian, K.S. (2019). The introspective method in the study of the characteristics of the emotional sphere of persons with alcohol and drug addiction. *Social Sciences and Humanities: Theory and Practice*, (1), 653–667. (In Russ.)
- Lindsay, J., & Ciarrochi, J. (2009). Substance abusers report being more alexithymic than others but do not show emotional processing deficits on a performance measure of alexithymia. *Addiction Research & Theory*, 17(3), 315–321. <http://doi.org/10.1080/16066350802472056>
- Lyusin, D.V. (2006). A new technique for measuring emotional intelligence: EmIn Questionnaire. *Psikhologicheskaya Diagnostika*, (4), 3–22. (In Russ.)
- Maximova, E.B. (2017). The ratio of structural components of the emotional intelligence and empathy in adolescents. *RGGU Bulletin. Series: Psychology. Pedagogics. Education*, (3), 148–166. (In Russ.)
- Mendelevich, V.D. (2003). *Drug addiction and comorbid behavioral disorders (psychological and psychopathological aspects)*. Moscow: MEDpress-inform Publ. (In Russ.)
- Mironova, N.V. (2015). Contemporary biopsychosocial model of alcoholism. *Academic Journal of West Siberia*, 11(1), 41–43. (In Russ.)
- Monina, G.B. (2011). Emotional intelligence as the factor of personal and professional growth. *Uchenye Zapiski Sankt-Peterburgskogo Universiteta Upravleniya i Ekonomiki*, (3), 84–96. (In Russ.)
- Nazarov, O.Yu. (2001). Alcohol dependence as a biopsychosocial problem. In V.V. Kozlov (Ed.), *Psychotechnologies in Social Work* (issue 6, pp. 128–138). Yaroslavl: MAPN Publ., YarSU Publ. (In Russ.)

- Orsolini, L. (2020). Unable to describe my feelings and emotions without an addiction: The interdependency between alexithymia and addictions. *Frontiers in Psychiatry, 11*, 543346. <https://doi.org/10.3389/fpsy.2020.543346>
- Peven, D.A. (2021). The phenomenon of alexithymia in chemically dependent people. From a dream to a discovery: Psychological research of young scientists. *Proceedings of the Regional Scientific and Practical Conference of Students, Graduate Students and Young Teachers* (issue 1, pp. 107–110). Kursk: University Book Publ. (In Russ.)
- Pleshko, V.I. (2018). Dynamics of emotional intelligence at patients with alcoholism and drug addiction in the course of tertiary socialization. *Bulletin of Udmurt University. Series Philosophy. Psychology. Pedagogy, 28*(3), 313–318. (In Russ.)
- Polunina, A.G., Davydov, D.M., & Bryun, E.V. (2004). Neuropsychological investigations of drug addiction. *Psikhologicheskii Zhurnal, 25*(5), 70–76. (In Russ.)
- Riley, H., & Schutte, N. (2003). Low emotional intelligence as a predictor of substance-use problems. *Journal of Drug Education, 33*(4), 391–398. <https://doi.org/10.2190/6DH9-YT0M-FT99-2X05>
- Serebryakova, M.E. (2008). Changing the content of a personality's axiological and semantic sphere in the formation of drug-addiction. *Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 10*(6–2), 178–182. (In Russ.)
- Shumova, A.I., & Shchelkova, O.Yu. (2014). The dynamics of psychological characteristics of heroin addicts during the specialized rehabilitation course. *Bulletin of Psychotherapy, (50)*, 121–135. (In Russ.)
- Soloviyeva, S.L., & Erofeeva, M.G. (2006). Personal features of drug-dependent persons with different periods of heroin use considering gender differences. *Vestnik Sankt-Peterburgskoi Gosudarstvennoi Meditsinskoi Akademii imeni I.I. Mechnikova, 7*(2), 177–179. (In Russ.)
- Speranza, M., Corcos, M., Stéphan, P., Loas, G., Pérez-Díaz, F., Lang, F., Venisse, J.L., Bizouard, P., Flament, M., Halfon, O., & Jeammet, P. (2004). Alexithymia, depressive experiences, and dependency in addictive disorders. *Substance Use & Misuse, 39*(4), 551–579. <https://doi.org/10.1081/JA-120030058>
- Stanko, E.P. (2013). Medico-social characteristics of injecting drug users. *Actual Problems of Medicine. Proceedings of Scientific and Practical Conference Dedicated to the 55th Anniversary of the Grodno State Medical University, October 3–4, 2013* (part 2, pp. 268–275). Grodno: Grodno State Medical University.
- Svetlichnaya, T.G., Menshikova, L.I., & Smirnova, E.A. (2018). Phenomenon of dependency: Terminology analysis. *Social Aspects of Population Health, (1)*, 1–14. (In Russ.) <https://doi.org/10.21045/2071-5021-2018-59-1-5>
- Trusova, A.V., & Fediukovich, E.I. (2020). Emotion recognition as a marker of emotional regulation deficits in substance use disorder: Review of current research. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology, 10*(3), 353–366. (In Russ.) <https://doi.org/10.21638/spbu16.2020.310>
- Vetluzhskaya, M.V., Abramova, A.A., Serdakova, K.G., Bykova, E.E., Khammatova, R.S., & Shurupova, R.V. (2019). Characteristics of emotional intelligence and empathic abilities in medical students. *Integration of Education, (3)*, 404–422. (In Russ.) <https://doi.org/10.15507/1991-9468.096.023.201903.404-422>
- Yakovlev, V.A., & Tkachenko, G.A. (2015). The impact of emotional intelligence on the formation of substance dependence. *Zhurnal Gumanitarnykh Nauk, (11)*, 110–112. (In Russ.)
- Yakovlev, V.A., & Yakovleva, Yu.V. (2017). Peculiarities of emotional intelligence in men who abuse psychoactive substances and its influence on forms of deviant behavior. *Bulletin of Science and Practice, (3)*, 128–133. (In Russ.) <https://doi.org/10.5281/zenodo.399175>

Article history:

Received 16 August 2022

Revised 12 April 2023

Accepted 15 April 2023

For citation:

Kochetova, Yu.A., Golovanova, I.A., & Klimakova, M.V. (2023). Features of emotional intelligence, empathy and alexithymia in persons dependent on psychoactive substances with different experiences of their use. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 20(2), 244–268. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2023-20-2-244-268>

Author's contribution:

Yulia A. Kochetova – concept and design of the study, writing and editing the text. *Irina A. Golovanova* – collection and processing of materials, writing the text. *Maria V. Klimakova* – analysis of the data obtained, writing the text.

Conflicts of interest:

The authors declare that there is no conflict of interest.

Bio notes:

Yulia A. Kochetova, PhD in Psychology, Associate Professor, Chair of Developmental Psychology named after Professor L.F. Obukhova, Faculty of Psychology of Education, Moscow State University of Psychology & Education (Moscow, Russia). ORCID: 0000-0002-9853-569X. E-mail: kochetovayua@mgppu.ru

Irina A. Golovanova, Lecturer, Chair of Developmental Psychology named after Professor L.F. Obukhova, Faculty of Psychology of Education, Moscow State University of Psychology & Education (Moscow, Russia). ORCID: 0000-0002-6115-5095. E-mail: golovanovaia@mgppu.ru

Maria V. Klimakova, Lecturer, Chair of Developmental Psychology named after Professor L.F. Obukhova, Faculty of Psychology of Education, Moscow State University of Psychology & Education (Moscow, Russia). ORCID: 0000-0002-2048-3105. E-mail: klimakovamv@mgppu.ru

DOI: 10.22363/2313-1683-2023-20-2-269-288

EDN: WJXIZU

UDC 378.1

Theoretical article

Theoretical Bases for Designing a Methodology of Training Teachers for Intercultural Interaction

Alexander N. Dzhurinsky¹, Tatiana A. Zhukova^{2,3},
Vladimir I. Bogoslovskiy⁴, Ekaterina Yu. Andreeva²

¹Moscow State Pedagogical University,

1 Malaya Pirogovskaya St, bldg. 1, Moscow, 119991, Russian Federation

²Financial University under the Government of the Russian Federation,

49 Leningradskii Prospekt, Moscow, 125167, Russian Federation

³National University of Science and Technology “MISIS”,

4 Leninskii Prospekt, bldg 1, Moscow, 119049, Russian Federation

⁴Herzen State Pedagogical University,

48 Naberezhnaya Reki Moiki, St. Petersburg, 191186, Russian Federation

 eyandreeva@fa.ru

Abstract. The intensification of the processes of globalization and integration of cultures has set before many multi-ethnic countries the task of building a multicultural society that develops according to the laws of tolerance, cooperation and mutual respect. This problem is particularly acute in the regions due to the differences in ethno-cultural and migration processes in any of them, different degree of dynamics and constant changeability of these processes. These factors determine the specific nature of training teachers for intercultural interaction in each particular region. Currently there is a situation when it is impossible to use a unified experience in training teachers for intercultural interaction equally in a single region: it is obvious that each region needs its own methodology. This determines the relevance of the research due to the existing trend of dynamic regional development under the influence of migration and ethno-cultural processes as well as the necessity to find mechanisms for training teachers for intercultural interaction in the dynamic ethno-cultural environment of the region through the analysis of various precedents. Thus, the purpose of this study is to design a methodology for training teachers for intercultural interaction in the context of dynamic ethno-cultural processes. Research objectives: to analyze the current state of knowledge of the problem of training teachers for intercultural interaction in the system of higher pedagogical education in Russia, as well as the current state of international studies on the problem of multicultural education based on the ideas of inter-ethnic dialogue; and to develop an algorithm for designing a methodology for training teachers for intercultural interaction in the context of dynamic migratory and ethno-cultural processes in the regions. The results of the study make it possible to propose a systematic algorithm for designing a methodology for training teachers for intercultural interaction based on the generalized regional experience; and to characterize the content of each stage of this algorithm. The study expands the ideas about the training of teachers for intercultural interaction in an ethno-cultural region, the specifics of implementing

© Dzhurinsky A.N., Zhukova T.A., Bogoslovskiy V.I., Andreeva E.Yu., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

the principle of regionalization and comparative studies. The proposed methodology will make it possible to identify general, particular and single changes in the training of teachers for intercultural interaction, taking into account the regional specificity and dynamism of ethno-cultural processes in each region.

Key words: intercultural interaction, methodology of teacher training, models, multi-cultural society development, multi-ethnic countries, migration processes, regionalization

Introduction

To date, there is a situation when some scholars use the ideas of a pluralistic multicultural society to oppose the requirements to assimilate into the host culture. Others seek to justify the rights and obligations of preserving national identity. However, for both sides, the key words are ‘fear of mixing’ and ‘loss of national features’ (Berry, 1999; Klimova et al., 2021; Bogoslovskiy, Zhukova, 2021; Bogoslovskiy et al., 2022; Zhukova et al., 2022). Consideration of the multicultural society as a ‘melting pot’ (Longley, 2020) has led to a breakdown of the unity and homogeneity of national cultures (Popov, 2013; Andreev, 2014; Martin-Ioganson, 2021), absorption of different cultural traditions, localization and fragmentation of cultural space, strengthened ethnocentrism and weakened integration relations in the prevailing conditions of confrontation and xenophobia. The growth of inter-ethnic tensions in the ‘melting pot’ countries meant that the usual forms of inter-ethnic interaction between host and infiltrated cultures needed to be transformed (Catron, 2019). This served as the basis for the development of a multicultural integration model.

The model of multicultural integration implies consideration of multiculturalism “as not an unconditional recognition of cultural differences, but a kind of compromise agreement between the state representing the majority culture and minorities – only if the latter meet certain conditions, first of all, recognition of the nation-state structure of the country” (Shchedrina, 2004, p. 9). There are two basic assumptions underlying this model. Firstly, it is the realization that integration is a very long process, sometimes lasting for generations. This means that in the transition period from one identity structure to another special conditions may be required for migrants (Berry, 2006; Berry, Grigoryev, 2022; Penninx, 2007; Grimovskaya, 2017). Secondly, it is the need for certain changes in the institutions of the host society to ensure the same treatment of ethnic migrants and the recognition of their identities, social and cultural practices, as in the case of the dominant majority population (Kymlicka, 1995; George, 2006; Garcés-Masareñas, Penninx, 2016). This puts forward a key requirement for modern education for a systemic study of the changing and dynamic social institutions of the inflow and host societies, which largely determines the specifics of training teachers for intercultural interaction in a particular region taken for analysis, considering its migratory and ethno-cultural processes (Kaikkonen, 2001).

The lack of consistency and fragmented research in this direction has necessitated the present study to substantiate the methodology proposed by the authors of this article to investigate changes in the training of teachers for intercultural interaction.

For this reason, the authors have set the following tasks in the study:

- to analyze the current state of knowledge of the problem of training teachers for intercultural interaction in the system of higher pedagogical education in Russia;
- to analyze the current state of international studies on the problem of multicultural education based on the ideas of inter-ethnic dialogue; and
- to develop an algorithm for designing a methodology for training teachers for intercultural interaction in the context of dynamic migratory and ethno-cultural processes in the regions.

The subject matter of the study

The study is carried out within the framework of the systemic approach in which any system is considered as a set of interconnected elements (Donnadiou et al., 2003). The ability to see the task from different sides (the process of training teachers for intercultural interaction), to analyze possible solutions, to single out the components from the whole and, on the contrary, to assemble a new vision from disparate facts (analysis of different practices allows us to speak about the importance of denying the universality of certain experience and finding the most successful precedents in each particular case).

Among the general scientific methods of research we should note concretization, systematization, analysis and synthesis which allowed us to generalize the experience of training teachers for intercultural interaction in Russian and international practice (by describing precedents) and make an attempt to design a methodology of studying changes in the training teachers for intercultural interaction in the dynamic conditions, variability of migration and ethno-cultural processes. For these purposes, the authors considered it appropriate to use the following presentation logic:

- firstly, to show Russian and international experience in developing the ideas of training teachers for intercultural interaction in the conditions of dynamic ethno-cultural processes;
- secondly, to determine the importance of designing methods of training teachers for intercultural interaction, which would make it possible to highlight the general, private and singular, taking into account the distinctive nature of ethno-cultural processes in each region; and
- thirdly, to substantiate the stage-by-stage algorithm for designing the methods of training teachers for intercultural interaction based on the generalized regional experience, characterizing the content of each stage.

Current state of knowledge of the problem of training teachers for intercultural interaction in the system of higher pedagogical education in Russia

The problems caused by cultural and ethnic differences are becoming one of the major priorities for higher education. Their relevance is determined by the necessity of teaching the bases of intercultural cooperation to students representing different national subcultures (Taylor, 1992; Holzbrecher, 2008; Alexiadou et al., 2010; Aniskin et al., 2015). A factor in the actualization of inter-ethnic dialogue in

teacher training is the ethno-cultural diversification of students, primarily due to migration (Brazhnik, 2002; Lugovskaya, 2004; Laptev et al., 2005; Hoehmann, Zhukova, 2011; Salavatova, 2019; Greenwald, 2020).

There is a growing understanding of the need for large-scale training in the spirit of intercultural dialogue and a corresponding revision of curricula and teaching methods in the Russian higher pedagogical education. Among the priorities is the desire to teach future tutors to be balanced, tolerant and mutually respectful, pragmatic, rational, able to find compromise, not accepting forceful decisions. Higher pedagogical education should take into account national differences and include pedagogical guidelines that are adequate to the worldview and needs of different ethno-cultural groups (Cemalcilar, Falbo et al., 2005). The emphasis is made on the most equal dialogue of cultures (Ose, 2016).

The activity of higher school in the direction of intercultural dialogue is based on a number of principles: education for the coexistence of different nationalities, religions (Clyne, Jupp, 2011; Solntsev, 2018); development of readiness for cooperation; recognition of mutual responsibility for the positive nature of inter-ethnic and intercultural communication (Weaver, 1998; Banks, 2008; Greenwald, Sergeychik, 2019). The leading goal in this case is to eliminate contradiction between the systems and norms of upbringing and education of ‘dominant’ and ‘small’ nations in the minds of students.

The goal and main tasks of higher pedagogical education based on inter-ethnic dialogue are achieved in the following stages: (1) education of non-resistance to cultural diversity; (2) recognition of other cultures’ uniqueness; (3) understanding and acceptance of cultural diversity; (4) acceptance of a multi-ethnic and multicultural society; (5) raise of attention to other cultures; (6) sustainable interest in ethno-cultures; and (7) intercultural interaction.

In Russia, the Program for Modernization of Pedagogical Education (2003) prioritized the development and testing of the high school course “Pedagogical Activity in a Multi-ethnic and Multicultural Environment”.

Relevant methodological materials are offered by some universities. They are available, for example, in the courses on comparative pedagogy at Moscow Pedagogical State University, Arctic State University, Pyatigorsk State Linguistic University, Sakhalin State University, and the Department of Ethnology at Lomonosov Moscow State University.

In recent years, a number of Russian higher education institutions have practiced courses devoted to multicultural education. For example, Moscow State Pedagogical University has implemented master’s degree programs that include courses on the *Theory and Practice of Multicultural Education* and *Education in a Multicultural Classroom*. In Adygei State University the program called *Intercultural dialogue as a resource for the formation of civic consciousness and tolerance in higher education institution* was offered in the courses of professional teacher development. The International Center of the Professional Development of Educators Institute of Yakutia acquainted teachers with the problems of multicultural identity of an individual, concepts and notions of the multicultural environment, the specific features of multicultural education in the leading countries and regions. Khabarovsk Institute of retraining and improvement for pedagogical

staff organized a discussion of the multicultural education problems in the border regions of the Russian Federation.¹

The content of this kind of higher pedagogical education consists of three the main blocks: (1) mastering knowledge; (2) forming a worldview position in a culturally diverse world; and (3) mastering procedures for inter-ethnic communication. The first block is disclosed in the concepts reflecting the values of sub-, macro-, and world cultures. The second block implies personality-centered education. The third block involves mastering of verbal and nonverbal ways of intercultural communication.

Many methods of higher pedagogical education focused on interethnic dialogue are quite traditional. New perspectives are opened by modern technical ways of communication. Methods are worked out in relation to specific subjects, taking into account the specifics of the tasks, content, and situation of education.

It has become evident that special courses are pedagogically insufficient. It is more preferable to include relevant material in curricula and programs of predominantly humanities. When introducing into curricula and programs the positions that provide for the study of achievements of small cultures, it is essential to offer the materials consonant with the values of the dominant culture. Moreover, it is important to highlight and unequivocally condemn the discrimination of small subcultures. It is necessary to demonstrate the negative meaning of such concepts as ‘cultural prejudices’, to overcome stereotypes of negative attitudes toward other ethnic groups, etc.

Current state of international studies on the problem of multicultural education based on the ideas of inter-ethnic dialogue

The concept of multicultural education based on the ideas of interethnic dialogue was formulated in Russia at the turn of the 21st century² (Dzhurinsky, 2004; Suprunova, Sviridchenko, 2013; Shirina, 2014; Aniskin et al., 2015; Gukalenko, 2017, and others). Universal principles of such education can be defined as exposure to small, Russian, national (Russian) and world cultures. Education thus appears as an integrative social process, where an individual is in the center, being immersed in the ocean of ethnic and cultural diversity.

In Western European higher schools the theoretical basis for intercultural dialogue is the idea of cross-cultural or intercultural education (K. Jones, K. Kimberley (Great Britain), R. Holtz, S. Luchtenberg (Germany), Ch. Bernard, J. Berque, F. Lorcerie, O. Meunier (France), and others). Supporters of such ideas propose to support and respect cultural and ethnic diversity and not to consider it as an object of elimination. All cultures of a multinational society are seen as a public wealth and asset (Dzhurinsky, 2018).

---

¹ Dzhurinsky, A.N. (2014). *Multicultural education in multinational society: Textbook and practice for bachelor's and master's degree* (2nd ed., revised and extended). Moscow: Yurite Publ. (In Russ.)

² Suprunova, L.L. (2013). *Multicultural education: Textbook for students in institutions of higher professional education*. Moscow: Academiya Publ. (In Russ.)

In the U.S. universities, the preparation of future teachers' multicultural education is proclaimed as a strategic platform (L. Buck, R. Barnhardt, J. Banks, D. Gollnick, C. Grant, and others).

Three types of multicultural programs have been proposed. The first type includes programs that provide specifically revised content (Content Oriented Programs). The second type implies teaching through compensatory, individual, and bilingual education (Oriented Programs). The third type involves the development of cultural and ethnic tolerance (Socially Oriented Programs).

The Harvard course entitled *At the Crossroads of Cultures* has become famous in university circles. A number of universities have introduced modular courses *Cultural Diversity* (Western Oregon University), *Multicultural Education* (University of Alaska), *Diversity of Cultures and Global Consciousness* (Lynn-Benton College), etc. Modules consist of many micro courses: comparative cultural studies, Aboriginal North America, Asian, African, Latin American literatures, etc.

A number of colleges and universities are engaged in training current teachers for activities in a multicultural environment. For example, at the Center for Multicultural Education at Washington State University, teachers study psychological mechanisms for overcoming ethnic intolerance and ways to promote multicultural education.

Yale University has partnered with New Haven Schools to organize an institute to train teachers for multicultural classes. The institute has developed several common teaching modules: *Immigration and Life in America*, *Race and Ethnicity in Contemporary Art and Literature*, and *The Nature and History of Ethnicity and Gender Discrimination*. Trainees at the Institute are invited to prepare individual modules based on these didactic materials that can be used in the educational process. The Internet is used in creating a multicultural educational environment. The contents of the relevant websites immerse future teachers in the virtual atmosphere of the multicultural classroom.

This analysis evidently shows that, today, both in domestic and foreign practices of higher pedagogical education, the progress in solving the issues of teacher training for intercultural interaction has certain limits. Meanwhile, it is hardly possible to make radical changes in the conditions of unstable and dynamic migration and ethno-cultural processes. The worldview and value differences between the representatives of dominant and minor cultures, the lack of appropriate analysis of these types of cultures, and, in this regard, the lack of consideration of the specificity of a particular region are too significant.

**Teacher training methodology for intercultural interaction:
a step-by-step development algorithm
based on the generalized regional experience**

The importance of selecting change research methods for developing a methodology of transformation techniques lies in *the methodology for developing intercultural interaction*, which is considered in sufficient detail in the studies of Russian and foreign scientists. Recently, there have been a number of works aimed at comparing and borrowing the experience of other countries in the con-

text of modernizing domestic education and developing the educational system. It is believed that “the primary goal of this kind of research should be to identify the main trends in the development of education of foreign countries in order to establish not only what is happening there, but also to better understand our own past, determine its place in the present, more clearly predict the future of the education”.³

An analysis of special literature allows us to state that the significant methodological task in such studies is to determine the logic (structure) of research. The problem of logic was addressed by many of the world famous foreign comparative educators (G. Bereday, I.L. Kandel, H.J. Noah, B. Holmes, M.A. Eckstein, and others). “The logic of comparative-pedagogical research is considered by researchers as a set of interrelated stages, the number of which varies from two to five”.⁴

The analysis of the above-mentioned researchers’ positions on the essence of the stages shows that the inductive approach, which implies building inferences and formulating conclusions “from the particular to the general”, underlies the organization of comparative-pedagogical research. It is our use of the inductive approach that can serve as the basis for selecting the precedent method as the key one in designing the methodology for studying changes in training teachers for intercultural interaction presented below.

A ‘precedent’ (from the Latin *praecedens* ‘preceding’) is an incident or event that occurred in the past and serves as an example or basis for subsequent actions in the present.

The precedent is a feature of a modeled system (a part of its functionality), due to which an individual can obtain a specific, measurable and necessary result. The precedent corresponds to a separate component of the system, defining one of variants of its use and describing a typical way of interaction of the individual with this system.

The precedent is a decision in a particular case, the implementation of which is possible within the framework of certain stages. Regarding the bases of this classification, we can make the following assumption: they can be subsumed under the criterion of ‘sequence of state transformation’; changes of preparation are considered by us as precedents. Let us dwell on their analysis in more detail within the framework of our proposed topic.

Practical aspects of training teachers for intercultural interaction based on the prior experience analysis

Step 1. Identifying the value foundations of the precedent of training teachers for intercultural interaction in a multicultural society.

The study of the value bases of the precedent of training, obviously, should be conducted in terms of the changed goals of education, which are set by the requirements of modern society to the person and, consequently, to the system of education. In the context of both increasing globalization and deglobalization,

---

³ Dzhurinsky, A.N. (2007). *Education in a multinational school: A manual for teachers*. Moscow: Prosveshcheniye Publ. (In Russ.)

⁴ Ibid.

for several years now, many countries have begun the gradual introduction of new educational training programs (aimed at developing teachers' readiness for intercultural interaction).

To date, the teaching community has expressed concern about the ineffectiveness of multicultural programs. This circumstance undoubtedly emphasizes the similarity of emerging educational situations in different states and regions in particular. The practical implementation of the ideas of multiculturalism ideas is contradictory and characterized by the weakening of assimilationist and the strengthening of integrationist tendencies in education, which determines the need to rethink the goals, results, content, and technologies, i.e., components of the educational training program.

At the same time, the implementation of higher teacher training reforms in different states is contradictory and characterized by global and local changes in education. Specific phenomena in this connection include fundamental studies of educational priorities and values, manifested in the activation of regional ethno-cultural and ethno-political movements, stimulated by the processes of globalization and integration in the states. The increased interest in local differences, the importance of developing cultural identity, the growing interest in the traditions of deep antiquity have determined the need to form a unified but diverse regional-continental network, which requires the maximum consideration of ethno-cultural features in representatives of different ethno-cultural groups within a particular region.

It is important to emphasize that this will make it possible to set changes in the process of training teachers in higher education institutions based on the best global and regional educational practices, as well as to expand the ideas about integration as a leading principle for further changes in training, taking into account the analysis of specific cases and identifying precedents. At the same time, it is obvious that the best practice is not an absolute and final solution, the implementation of which provides improvement of a higher education institution; rather, 'best practice' means the search for the best approach in this situation, because institutions or individual educational programs differ greatly in their structure and scope of activities despite the competence-based approach adopted in two countries as the basis for modernization of education, its focus on freedom of choice for students, open education, on a new quality of education.

Further adaptation of the results of the comparative study is a rather difficult step, since the comparison is not a copy of someone else's experience. It is very important to correctly assess how applicable the 'borrowed' ideas and technologies are in the new conditions. No two countries (or regions) or educational institutions can be absolutely identical; therefore, ideas for improving processes that work well will somehow produce different results for the other. Therefore, it is obvious that one should always be thoughtful in using someone else's experience, try to adjust the solutions and directions of development found, and justify new precedents (changes in training).

Step 2. Justifying the choice of the country (region) as a precedent, the experience of which is adapted to the conditions of the country (region) taken for comparison.

Here is an example, possible for further comparison of regions – Samara region and the state of Baden-Württemberg – which have been twinned since 1992 and linked for many years of cooperation in the field of culture and education.

As B.L. Wolfson notes, the question of to what extent and in what forms it is possible to use foreign experience is the main issue of modern comparative studies. The expediency of resorting to foreign experience is beyond doubt, since today no civilized country can be isolated from the world community (Wolfson, 2002).

We also agree with E.V. Piskunova, who emphasizes the fact that “education is a reflection of socio-cultural conditions, in this connection, based on the analysis of socio-cultural changes on a global scale, the study of foreign experience and the features of the current stage of the country’s development can determine the main directions of the updating of educational systems” (Piskunova, 2008).

The task of comparativism, according to A.P. Tryapitsyna, is “the comparative analysis of social processes and social institutions in different countries and geopolitical regions. International comparisons in the field of education, which has become one of the most extensive spheres of human activity in our time, are also ‘woven’ into this context. The object of comparative analysis is the education systems of different countries, the subject is the identification of common and special in the systems under study” (Laptev et al., 2005).

This is also pointed out by I.R. Lugovskaya in her monograph “*Comparative and pedagogical analysis of school education systems: a parametric approach*”. In her opinion, “comparative-pedagogical analysis allows you to establish what educational systems and pedagogical phenomena occurring in them are different and what are similar. Its use involves the analysis of the phenomena and processes being compared, the description of the features and properties being compared, which allows us to establish similarities and differences. For the methodology of educational comparativism it is important not to compare *per se*, but to compare correctly, identifying the uniqueness of the factors and conditions that will allow you to make different decisions in the management of education. This type of comparative research is used when researchers’ attention is focused on solving one issue that is central to understanding a more general problem” (Lugovskaya, 2004).

Agreeing with the positions of the aforementioned researchers, we give examples of similarities between the two universities. Firstly, the modern German system of university education has significantly influenced the formation of university education in different regions of the world; at the same time, it itself has united many traditions, accumulating the most significant achievements and adapting these achievements to its own goals and objectives.

For more than two centuries the Humboldtian model of the university has served as the benchmark for universities in Europe and the world. The model of the ideal university in Germany, developed by W. Humboldt in practice, supplemented the ideas about the university with the following provisions:

- universities became both workshops for scholarly research and institutions of higher scholarly teaching;
- systematic lectures supplanted the old form of interpretation of canonical texts, seminaries were introduced;

– serious attention was paid to the fundamental study of languages; personal education became a social phenomenon and was linked to notions of the quality of human life; and

– the democratic structure of the educational and scientific process created the preconditions, the environment for the maturation of scientific talent.

Significant features of this model, for example, the relationship of learning with science in the educational institution were borrowed at one time by Russia. Pedagogical Institute Ludwigsburg in its structure, organization of the educational process and traditions represents a classical model of German university education (Humboldtian model) and, therefore, its experience can be interesting in terms of theory and practice.

Secondly, no less important for comparison is the fact that, in 1998, in Germany a tiered training structure was legislatively introduced, providing for new Bachelor's and Master's qualifications. As a consequence, universities in Russia and Germany are facing a number of common tasks related to the integration of the Bologna reforms into the intra-university ones. These provisions make the problems faced by Russian and German universities comparable today. The modern stage in the development of education systems in European countries is characterized by the fact that significant changes are taking place in the understanding of the quality of higher professional education and, in this regard, special attention is paid to the design of educational programs for training teachers in mastering qualitatively new professional competences.

Thirdly, for the comparative study it is also important to justify the choice of universities. In the context of this work, it was necessary to investigate those universities that have many years of positive experience in training teachers for intercultural interaction in a multicultural society. Ludwigsburg Pedagogical Institute, as well as Samara State Social and Pedagogical University with a similar profile of activities (training bachelors and masters of education), should be referred to as 'provincial', regional higher educational institutions. Unfortunately, today there is an opinion that universities of the capital cities will be more actively involved in the process of internationalization than those of the provinces. At the same time, the partnership between State Social and Pedagogical University (Samara, Russia) and Pedagogical Institute (Ludwigsburg, Germany) create conditions to study changes in the training of teachers for intercultural interaction, to identify the most successful precedents. From this cooperation emerged the idea of sharing knowledge and experience between the two countries, through which the university, on the one hand, can actively maintain contacts in Russia and, on the other hand, strengthen its position in the region as one of the most important educational institutions. Another reason for choosing this German university was the opportunity to access information on educational development.

Step 3. Summarizing the main areas of precedents for training teachers for intercultural interaction in the region.

Numerous studies of different teacher training models are based on S.L. Rubinstein's position about two ways of development and functioning and can be combined into two groups: (1) the model of adaptive behavior and (2) the model of professional development. "The main goal of the adaptive behavior model is to

form a person's ability to fit into the surrounding reality, while in the professional development model the main emphasis is shifted to becoming able to go beyond the continuous flow of everyday practice; to see, realize and evaluate various problems, to solve them constructively in accordance with their value orientations, to consider any difficulty as an incentive to further development. The adaptive model is focused on the immediate response to external changes; the professional development model is focused on the prediction and consideration of future changes" (Laptev et al., 2005). In our study, we consider the professional development model. Let us agree with the position of L.M. Mitina who says that "we can talk about professional development only when teachers are aware of their participation and responsibility for everything that happens to them, their students (and school in general), and try to actively contribute or counteract external circumstances, to plan and set goals for professional activity, to change themselves to achieve them... Among the contradictions that determine the development of a teacher, it is important to talk about intra-personal contradiction" (Mitina, 2014).

In the context of this study, the above step is concretized as follows: summarizing the strategic directions of change in the preparation of teachers for intercultural interaction.

From the point of view of philosophy, "in any object the singular, as a unique individuality, and the general, as the law governing it, are united. The connection of the common and the singular is the particular. The singular is a form of existence of the universal in reality; the particular is the universal realized in the singular. These categories are formed in the process of the world cognition. Each object initially appears to man as something singular. In the course of cognitive activity recurring features of a number of objects are discovered, which allows you to combine them into classes, thus defining the features" (Brazhnik, 2002). Our study highlights the following changes in the training of teachers for intercultural interaction:

- general: reflecting national trends in the development of higher pedagogical education, affecting the process of training teachers for intercultural interaction in the context of increasing ethno-cultural processes in the region (orientation to the rapidly changing ethno-cultural processes; implementation of sustainable development goals in education; ensuring close cooperation with the regions, etc.);

- particular: having a regional character in the studied particular pedagogical university (ensuring cooperation with various educational and social organizations, identifying development initiatives in the field of ideas to improve the training of intercultural interaction, readiness of universities in the regions for network cooperation, etc.);

- singular: reflecting the individual characteristics of students (designing an 'individual educational route' through the choice of educational programs, the implementation of humanitarian learning technologies; providing research, organizational, managerial and informational activities, etc.).

Step 4. Designing a model of change in training teachers for intercultural interaction.

The intensification of globalization and cultural integration processes has posed the problem of designing models of teacher training for intercultural inter-

action before pedagogical science. Today, there is a lot of pedagogical research aimed at finding ways of designing models of teacher training for intercultural interaction, ways of developing professional competence without taking into account ethno-cultural features of the region, which results in the situation of accumulation and reproduction of old knowledge rather than generation of new ideas in pedagogy.

One possible way out of this situation is to choose a predictive teacher training model. “A predictive model is a model of the object of prediction, the study of which provides information about the possible states of the object in the future and (or) the ways to achieve these states. When building and evaluating a predictive model, it is impossible to carry out a direct check of the model and the original, since this check must refer to the future states of the object. At the moment, the object itself either does not exist (projected object), or it exists, but it is unknown what changes may occur in it by a given time.”⁵

Let us agree with the opinion of researchers who note the fact that “the predictive model must meet the following requirements: (1) be complete, adaptable and dynamic, providing the ability to include a wide enough range of changes, additions, so that a consistent approximation to the model will be possible; (2) be abstract enough to allow for variation in a large number of variables; (3) meet the conditions limiting the time to solve the problem; and (4) provide useful information about the object in terms of the problem set.”⁶

Conclusion

Summarizing the abovementioned points, we emphasize that the traditionally non-comparable experience within the framework of the problem under study actualizes the problem of searching for new facts and their interpretation. Of course, it is impossible to establish for all studies a single proportion between the reproduction of facts and their analysis, since there may be more factual material taken for analysis on foreign issues than in works on the domestic education system, which we know better. That is why, when the scope of general vision of the problem of training teachers for intercultural interaction in a multicultural society begins to expand, the interest in regional and foreign experience of its solution begins to grow and in the logic of implementation of the methodology presented above, a step-by-step, consistent analysis of the considered precedents and borrowing the best practices are possible. The study expands the ideas about the training of teachers for intercultural interaction in an ethno-cultural region, the specifics of implementing the principle of regionalization and comparative studies. The main results of the study are as follows:

– the step-by-step algorithm of designing the methodology of preparing teachers for intercultural interaction based on the generalized regional experience is proposed; the content of each stage is characterized;

⁵ Dubrovskiy, P.V. (2000). *Ensuring the reliability of technological processes: Textbook*. Ulyanovsk: Ulyanovsk State Technical University Publ. (In Russ.)

⁶ Ibid.

– the implementation of the proposed methodology will make it possible to reveal the general, particular and singular changes in the training of teachers for intercultural interaction, taking into account the regional specifics.

References

- Alexiadou, N., Fink-Hafner, D., & Lange, B. (2010). Education policy convergence through the Open Method of Coordination: Theoretical reflections and implementation in 'old' and 'new' national contexts. *European Educational Research Journal*, 9(3), 346–359. <https://doi.org/10.2304/eerj.2010.9.3.345>
- Andreev, E.V. (2014). Problems of modern Western European multiculturalism. *The Observer*, (5), 61–74. (In Russ.)
- Aniskin, V.N., Bogoslovsky, V.I., Zhukova, T.A., & Ryabinova, E.N. (2015). Prospects for the development of multicultural education system. *Bulletin of Samara State Technical University. Series: Psychological and Pedagogical Sciences*, (1), 16–23. (In Russ.)
- Aniskin, V.N., Borisov, A.Y., Dichinskaya, L.E., Zhukova, T.A., & Schrenk, M. (2015). Peculiarities of bachelor's education training in the conditions of development of multicultural processes (on the example of Russia and Germany). *Povolzhsky Pedagogichesky Vestnik*, (3), 48–52. (In Russ.)
- Banks, J. (2008). *An introduction to multicultural education*. New York: Allyn & Bacon.
- Berry, J.W. (1999). Aboriginal cultural identity. *Canadian Journal of Native Studies*, 19, 1–36.
- Berry, J.W. (2006). Mutual attitudes among immigrants and ethnocultural groups in Canada. *International Journal of Intercultural Research*, 30, 719–734. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2006.06.004>
- Berry, J.W., & Grigoryev, D. (2022). An adaptationist framework to examine intergroup contact. *Psychology in Russia: State of the Art*, 15(4), 83–100. <https://doi.org/10.11621/pir.2022.0406>
- Bogoslovskiy, V.I., & Zhukova, T.A. (2021). Development of a learning system to prepare teachers for multicultural interaction. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, (200), 225–231. (In Russ.) <https://www.doi.org/10.33910/1992-6464-2021-200-225-231>
- Bogoslovskiy, V.I., Zhukova, T.A., & Klimova, I.I. (2022). Forecasting changes in teachers' preparation to intercultural interaction in regions. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, (5), 58–66. (In Russ.) <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-5-58-66>
- Bogoslovsky, V.I., Laptev, V.V., Pisareva, S.A., & Tryapitsyna, A.P. (2007). *Integration processes and humanitarian technologies: The interdisciplinary aspect of science education research in European Universities: Research and Methodological materials*. St. Petersburg: Knizhnyi Dom Publ. (In Russ.)
- Brazhnik, E.I. (2002). *Formation and development of integration processes in modern European education: Sci.D Thesis in Pedagogical Sciences*. St. Petersburg: Herzen State Pedagogical University. (In Russ.)
- Catron, P. (2020). The melting-pot problem? The persistence and convergence of premigration socioeconomic status during the age of mass migration. *Social Forces*, 99(1), 366–397. <https://doi.org/10.1093/sf/soz146>
- Cemalcilar, Z., Falbo, T., & Stapleton, L. (2005). Cyber communication: A new opportunity for international students' adaptation? *International Journal of Intercultural Relations*, 29, 91–110. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2005.04.002>
- Clyne, M., & Jupp, J. (2011). *Multiculturalism and integration: A harmonious relationship*. Canberra: ANU Press. https://doi.org/10.26530/oapen_459378
- Donnadieu, G., Durand, D., Neel, D., Nunez, E., & Saint-Paul, L. (2003). *L'Approche systémique: De quoi s'agit-il?* Synthèse des travaux du Groupe AFSCET, "Diffusion de la pensée systémique". Retrieved January 25, 2023, from <https://filepursuit.com/file/21908559-Approche-systemique-definition-pdf/>

- Dzhurinsky, A.N. (2018). *Higher education in the modern world: Trends and problems*. Moscow: Prometheus Publ. (In Russ.)
- Dzhurinsky, A.N. (2018). Intercultural education in France. *Teacher XXI Century*, (4), 32–44. (In Russ.)
- Garcés-Mascareñas, B., & Penninx, R. (2016). Introduction: Integration as a three-way process approach? In Garcés-Mascareñas, B., & Penninx, R. (Eds.), *Integration Processes and policies in Europe: Contexts, levels and actors* (pp. 1–9). Cham: Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-319-21674-4_1
- George, U. (2006). Immigrant integration: Simple questions, complex answers. Canadian Diversity, Special Issue on Integration of Newcomers. *International Approaches*, 5, 3–6.
- Greenwald, O.N. (2020). Higher education in multiethnic society: Strategies, problems and perspectives. *Professional Education in Russia and Abroad*, (4), 61–68. (In Russ.)
- Greenwald, O.N., & Sergeychik, T.S. (2019). The interaction of the subjects of education process in poly-ethnic university environment. *Pedagogical Review*, (6), 151–160. (In Russ.) <https://www.doi.org/10.23951/2307-6127-2019-6-151-160>
- Grimovskaya, L.M. (2017). Intercultural competence of teachers as a condition of preparation to professional work in a multicultural environment. *Izvestia of the Saratov University, Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 17(3), 339–343. (In Russ.) <https://www.doi.org/10.18500/1819-7671-2017-17-3-339-343>
- Gukalenko, O.V. (2017). *Safety of children and youth in the multicultural space of Russia*. Moscow: MAKSPress. (In Russ.)
- Hoehmann, K., & Zhukova, T. (2011). *Teaching sociocultural qualities in German and Russian universities* (pp. 26–30). Samara: PGSGA Publ.
- Holzbrecher, A. (2008). Interkulturelles lernen. In B. Ahrenholz, I. Oomen-Welke (Eds.), *Psychologie für den Lehrberuf* (pp. 107–124). Berlin, Heidelberg: Springer.
- Kaikkonen, P. (2001). Intercultural learning through foreign language education. In C.N. Candin (Ed.), *Experiential Learning in Foreign Language Education* (pp. 61–105). London: New York: Longman.
- Klarin, M.V. (2016). *Innovative models in learning: A study of world experience*. Moscow: Luch Publ. (In Russ.)
- Klimova, I.I., Kozlovitseva, N.A., & Konurbaev, M.E. (2021). New forms of scientific interaction in the era of civilization breakdown. *Humanities. Vestnik Finansovogo Universiteta*, 11(2), 41–46. (In Russ.)
- Kymlicka, W. (1995). *Multicultural citizenship: A liberal theory of minority rights*. Oxford: Clarendon Press.
- LapteV, V.V., Tryapitsyna, A.P., Bogoslovsky, V.I., Bendyukova, T.S., & Pisareva, S.A. (2005). *Training of higher qualification: Postgraduate studies in modern university*. St. Petersburg: Knizhnyi Dom Publ. (In Russ.)
- Longley, R. (2020). *What is multiculturalism? Definition, theories and examples*. Retrieved February 10, 2023, from <https://www.thoughtco.com/what-is-multiculturalism-4689285>
- Lugovskaya, I.P. (2004). *Comparative and pedagogical analysis of school education systems: Parametric approach*. Arkhangelsk: Publishing House of Lomonosov Pomorsky State University. (In Russ.)
- Martin-Ioganson, E. (2021). Western multiculturalism. The failed ideology of the “Melting Pot”. *Free Thought*, (4), 79–92. (In Russ.)
- Mitina, L.M. (2014). *Psychology of personal and professional development of subjects of education*. St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ. (In Russ.)
- Ose, L. (2016). Intercultural dialogue and its pedagogical potential. *Latvian Christian Academy Proceedings* (4), 301–319.
- Penninx, R. (2007). Integration processes of migrants: Research findings and policy challenges. *Migracijske i Etničke Teme*, 23(1–2), 7–32.

- Piskunova, E.V. (2008). *The study of socio-cultural conditionality of change in the activities of a modern school teacher: Scientific and methodological materials*. St. Petersburg: Knizhnyi Dom Publ. (In Russ.)
- Popov, A.V. (2013). Multiculturalism and national identity in the context of modernity. *Proceedings of the St. Petersburg State Institute of Culture*, (199), 73–84. (In Russ.)
- Salavatova, A.M. (2019). Organization of multicultural education in the university. *Bulletin of Nizhneartovsk State University*, (4), 43–50. (In Russ.) <https://doi.org/10.36906/2311-4444/19-4/07>
- Shchedrina, O.V. (2004). Is a multicultural model of migrant integration possible in Russia? *Sociological Studies*, (11), 1–20. (In Russ.)
- Shirina, T.G. (2014). Professional culture of a university professor as a factor of international cooperation development. *Science Vector of Togliatti State University*, (3), 340–342. (In Russ.)
- Solntsev, M.N. (2018). Innovative practices of interethnic cooperation on the prevention of youth extremism in the sphere of culture. *Scientific Notes of Orel State University*, (3), 365–367. (In Russ.)
- Souprounova, L.L., & Sviridchenko, Yu.S. (2013). Polycultural education as a subject of comparative pedagogical research (on the material of Russian and American school). *Domestic and Foreign Pedagogy*, (3), 39–50. (In Russ.)
- Taylor, Ch. (1992). *Multiculturalism and the "Politics of Recognition"*. Princeton: Princeton University.
- Weaver, G.R. (1998). Contrasting and comparing cultures. In G.R. Weaver (Ed.), *Culture, Communication and Conflict: Readings in Intercultural Relations* (pp. 72–77). Needham Heights, MA: Simon and Schuster Publishing.
- Wolfson, B.L. (2002). Methods of comparative pedagogical research. *Pedagogica*, (2), 70–80. (In Russ.)
- Zhukova, T.A., Bogoslovskiy, V.I., & Ivashkina, O.A. (2022). Perspectives in a higher education in Russia: The strategies to intercultural intellect development. *The World of Science, Culture, Education*, (6), 167–170. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2022-697-167-170>

Article history:

Received 20 February 2023

Revised 21 April 2023

Accepted 24 April 2023

For citation:

Dzhurinsky, A.N., Zhukova, T.A., Bogoslovskiy, V.I., & Andreeva, E.Yu. (2023). Theoretical bases for designing a methodology of training teachers for intercultural interaction. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 20(2), 269–288. <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2023-20-2-269-288>

Author's contribution:

Alexander N. Dzhurinsky – organization of the study, interpretation of the results and general guidance of the study. Tatiana A. Zhukova – collecting empirical material, performing statistical procedures, interpretation of the results. Vladimir I. Bogoslovskiy – collecting empirical material, performing statistical procedures, interpretation of the results. Ekaterina Yu. Andreeva – literary review, formatting the text of the article.

Conflicts of interest:

The authors declare that there is no conflict of interest.

Bio notes:

Alexander N. Dzhurinsky, Academician of the Russian Academy of Education, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of the Department of Theory and Practice of Primary Education, Institute of Childhood, Moscow State Pedagogical University (Moscow, Russia). ORCID: 0000-0001-5672-3812; eLIBRARY SPIN-code: 4303-1441. E-mail: djurins@yandex.ru

Tatiana A. Zhukova, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Foreign Languages and Intercultural Communication, Faculty of International Economic Relations, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia); Associate Professor of the Department of Foreign Languages and Communication Technologies, National University of Science and Technology “MISIS”. ORCID: 0000-0002-2184-4814; eLIBRARY SPIN-code: 5864-9496. E-mail: tazhukova@fa.ru

Vladimir I. Bogoslovsky, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of the Department of Digital Technologies, Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg, Russia). ORCID: 0000-0001-7071-244X; eLIBRARY SPIN-code: 5063-6734. E-mail: vib0705@mail.ru

Ekaterina Yu. Andreeva, Candidate of Sciences in Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Foreign Languages and Intercultural Communication, Faculty of International Economic Relations, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia). ORCID: 0000-0001-9953-4958; eLIBRARY SPIN-code: 6669-4487. E-mail: eyandreeva@fa.ru

DOI: 10.22363/2313-1683-2023-20-2-269-288

EDN: WJXIZU

УДК 378.1

Теоретическая статья

Теоретические основания проектирования методики подготовки педагогов к межкультурному взаимодействию

**А.Н. Джуринский¹, Т.А. Жукова^{2,3},
В.И. Богословский⁴, Е.Ю. Андреева²**

¹Московский педагогический государственный университет,
Российская Федерация, 119991, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1

²Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Российская Федерация, 125167, Москва, Ленинградский пр-кт, д. 49

³Национальный исследовательский технологический университет «МИСИС»,
Российская Федерация, 119049, Москва, Ленинский пр-кт, д. 4, стр. 1

⁴Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена,
Российская Федерация, 191186, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

 eyandreeva@fa.ru

Аннотация. Интенсификация процессов глобализации и интеграции культур обозначила перед многими полиэтническими государствами проблему развития мультикультурного общества по законам толерантности, сотрудничества и взаимоуважения. Особенно остро данная проблема стоит перед регионами вследствие отличия этнокультурных и миграционных процессов на территории каждого из них, разной степенью

динамичности и постоянной изменчивостью этих процессов, что определяет особенный, специфический характер подготовки педагогов к межкультурному взаимодействию в каждом отдельно взятом регионе, то есть для каждого региона необходима своя методика. Актуальность исследования обусловлена существующей тенденцией динамичности развития регионов под воздействием миграционных и этнокультурных процессов и создавшейся необходимостью поиска механизмов подготовки педагогов к межкультурному взаимодействию в динамичной этнокультурной среде региона через анализ различных прецедентов. Таким образом, цель исследования – проектирование методики подготовки педагогов к межкультурному взаимодействию в условиях динамичности этнокультурных процессов. Решались следующие задачи: анализ современного состояния изученности проблемы подготовки педагогов к межкультурному взаимодействию в системе высшего педагогического образования в России, а также состояния изученности зарубежом проблемы поликультурного образования, основанного на идеях межнационального диалога; разработка алгоритма проектирования методики подготовки педагогов к межкультурному взаимодействию. Предложен поэтапный алгоритм проектирования методики подготовки педагогов к межкультурному взаимодействию на основе обобщения регионального опыта; охарактеризовано содержание каждого этапа. Настоящая работа расширяет представления о подготовке педагогов к межкультурному взаимодействию в этнокультурном регионе, особенностях реализации принципа регионализации, специфике сравнительных исследований. Реализация предложенной методики позволит выявлять общие, частные и единичные изменения в подготовке педагогов к межкультурному взаимодействию с учетом региональной специфики динамичности этнокультурных процессов в каждом регионе.

Ключевые слова: межкультурное взаимодействие, методика подготовки, учителя, модели развития, поликультурное общество, полиэтнические страны, миграционные процессы, регионализация

Список литературы

- Андреев Е.В. Проблемы современного западноевропейского мультикультурализма // Обозреватель. 2014. № 5. С. 61–74.
- Аниськин В.Н., Богословский В.И., Жукова Т.А., Рябинова Е.Н. Перспективы развития системы мультикультурного образования // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Психолого-педагогические науки. 2015. № 1 (25). С. 16–23.
- Аниськин В.Н., Борисов А.Я., Дичинская Л.Е., Жукова Т.А., Шренк М. Особенности подготовки бакалавров образования в условиях развития мультикультурных процессов (на примере России и Германии) // Поволжский педагогический вестник. 2015. № 3 (8). С. 48–52.
- Богословский В.И., Жукова Т.А. Развитие системы подготовки педагогов к межкультурному взаимодействию // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. 2021. № 200. С. 225–231. <https://www.doi.org/10.33910/1992-6464-2021-200-225-231>
- Богословский В.И., Жукова Т.А., Климова И.И. Изменения подготовки педагогов к межкультурному взаимодействию: региональный аспект // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2022. № 5. С. 58–66. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-5-58-66>
- Богословский В.И., Лантев В.В., Писарева С.А., Тряпицына А.П. Интеграционные процессы и гуманитарные технологии: междисциплинарный аспект исследования научного образования в европейских университетах: научно-методические материалы. СПб.: Книжный дом, 2007. С. 58–66.

- Бражник Е.И.* Становление и развитие интеграционных процессов в современном европейском образовании: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2002.
- Вульфсон Б.Л.* Методы сравнительно-педагогических исследований // Педагогика. 2002. № 2. С. 70–80.
- Гримовская Л.М.* Межкультурная компетентность педагога как условие подготовки к профессиональной деятельности в поликультурной среде // Известия Саратовского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17. № 3. С. 339–343. <https://www.doi.org/10.18500/1819-7671-2017-17-3-339-34>
- Гринвальд О.Н.* Высшее образование в полиэтничестве: стратегии, проблемы и перспективы // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2020. № 4. С. 61–68.
- Гринвальд О.Н., Сергейчик Т.С.* Взаимодействие субъектов воспитательно-образовательного процесса в полиэтничестве среды университета // Научно-педагогическое обозрение. 2019. № 6. С. 151–160. <https://www.doi.org/10.23951/2307-6127-2019-6-151-160>
- Гукаленко О.В.* Безопасность детей и молодежи в поликультурном пространстве России. М.: МАКС Пресс, 2017. 298 с.
- Джурунский А.Н.* Высшее образование в современном мире: тренды и проблемы. М.: Прометей, 2018. 220 с.
- Джурунский А.Н.* Межкультурное образование во Франции // Преподаватель XXI века. 2018. Т. 4. № 1. С. 32–44.
- Жукова Т.А., Богословский В.И., Ивашкина О.А.* Перспективы в системе высшего образования в России: к вопросу о стратегиях развития межкультурного интеллекта // Мир науки, культуры, образования. 2022. № 6. С. 167–170. <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2022-697-167-170>
- Кларин М.В.* Инновационные модели в обучении: исследование мирового опыта. М.: Луч, 2016. 640 с.
- Климова И.И., Козловцева Н.А., Конурбаев М.Э.* Новые формы научного взаимодействия в эпоху цивилизационного слома // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2021. Т. 11. № 2. С. 41–46.
- Лаптев В.В., Тряпицына А.П., Богословский В.И., Бендюкова Т.С., Писарева С.А.* Подготовка кадров высшей квалификации: аспирантура в современном университете. СПб.: Книжный дом, 2005. 320 с.
- Луговская И.Р.* Сравнительно-педагогический анализ систем школьного образования: параметрический подход. Архангельск: Поморский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 2004. 155 с.
- Мартин-Йогансон Э.* Западный мультикультурализм. Провальная идеология «плавильного котла» // Свободная мысль. 2021. № 4. С. 79–92.
- Митина Л.М.* Психология личностно-профессионального развития субъектов образования. СПб.: Нестор-История, 2014. 376 с.
- Пискунова Е.В.* Исследование социокультурной обусловленности изменения деятельности учителя современной школы. СПб.: Книжный дом, 2008. 294 с.
- Попов А.В.* Мультикультурализм и национальная идентичность в контексте современности // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2013. № 199. С. 73–84.
- Салаватова А.М.* Организация поликультурного образования в вузе // Вестник Нижневартского государственного университета. 2019. № 4. С. 43–50. <https://doi.org/10.36906/2311-4444/19-4/07>
- Солнцев М.Н.* Инновационные практики межнационального сотрудничества по профилактике молодежного экстремизма в сфере культуры // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2018. № 3. С. 365–367.
- Супрунова Л.Л.* Поликультурное образование. М.: Академия, 2013. 233 с.

- Супрунова Л.Л., Свириденко Ю.С. Поликультурное образование как предмет сравнительного педагогического исследования (на материале российской и американской школы) // Отечественная и зарубежная педагогика. 2013. № 3. С. 39–50.
- Ширина Т.Г. Профессиональная культура преподавателя вуза как условие развития международного сотрудничества // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2014. № 3. С. 340–342.
- Щедрина О.В. Возможна ли мультикультурная модель интеграции мигрантов в России? // Социологические исследования. 2004. № 11. С. 67–75.
- Alexiadou N., Fink-Hafner D., Lange B. Education policy convergence through the Open Method of Coordination: theoretical reflections and implementation in ‘old’ and ‘new’ national contexts // European Educational Research Journal. 2010. Vol. 9. No 3. Pp. 346–359. <https://doi.org/10.2304/eerj.2010.9.3.345>
- Banks J. An Introduction to Multicultural Education. New York: Allyn & Bacon, 2008.
- Berry J.W. Aboriginal cultural identity // Canadian Journal of Native Studies. 1999. Vol. 19. Pp. 1–36.
- Berry J.W. Mutual attitudes among immigrants and ethnocultural groups in Canada // International Journal of Intercultural Research. 2006. Vol. 30. Pp. 719–734. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2006.06.004>
- Berry J.W., Grigoryev D. An adaptationist framework to examine intergroup contact // Psychology in Russia: State of the Art. 2022. Vol. 15. No 4. Pp. 83–100. <https://doi.org/10.11621/pir.2022.0406>
- Catron P. The melting-pot problem? The persistence and convergence of premigration socioeconomic status during the age of mass migration // Social Forces. 2020. Vol. 99. No 1. Pp. 366–397. <https://doi.org/10.1093/sf/soz146>
- Cemalcilar Z., Falbo T., Stapleton L. Cyber communication: a new opportunity for international students' adaptation? // International Journal of Intercultural Relations. 2005. Vol. 29. Pp. 91–110. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2005.04.002>
- Clyne M., Jupp J. Multiculturalism and integration: a harmonious relationship. Canberra: ANU Press, 2011. https://doi.org/10.26530/oapen_459378
- Donnadieu G., Durand D., Neel D., Nunez E., Saint-Paul L. L'Approche systémique: de quoi s'agit-il? Synthèse des travaux du Groupe AFSCET, “Diffusion de la pensée systémique”. 2003.
- Garcés-Mascareñas B., Penninx R. Introduction: integration as a three-way process approach? // Integration Processes and Policies in Europe: Contexts, Levels and Actors. Cham: Springer, 2016. Pp. 1–9. https://doi.org/10.1007/978-3-319-21674-4_1
- George U. Immigrant integration: simple questions, complex answers. Canadian Diversity, Special Issue on Integration of Newcomers // International Approaches. 2006. No 5. Pp. 3–6.
- Hoehmann K., Zhukova T. Teaching sociocultural qualities in German and Russian universities. Samara: PGSGA, 2011. Pp. 26–30.
- Holzbrecher A. Interkulturelles lernen // Psychologie für den Lehrberuf / ed. by B. Ahrenholz, I. Oomen-Welke. Berlin, Heidelberg: Springer, 2008. Pp. 107–124.
- Kaikkonen P. Intercultural learning through foreign language education // Experiential learning in foreign language education / ed. by C.N. Candin. London, New York: Longman, 2001. Pp. 61–105.
- Kymlicka W. Multicultural citizenship: a liberal theory of minority rights. Oxford: Clarendon Press, 1995.
- Longley R. What is multiculturalism? Definition, theories and examples. 2020. URL: <https://www.thoughtco.com/what-is-multiculturalism-4689285> (accessed: 10.02.2023).
- Ose L. Intercultural dialogue and its pedagogical potential // Latvian Christian Academy Proceedings. 2016. No. 4. Pp. 301–319.
- Penninx R. Integration processes of migrants: research findings and policy challenges // Migracijske I Etničke Teme. 2007. Vol. 23. No 1–2. Pp. 7–32.

Taylor Ch. Multiculturalism and the “Politics of Recognition”. Princeton: Princeton University, 1992. 112 p.

Weaver G.R. Contrasting and comparing cultures // *Culture, Communication and Conflict: Readings in Intercultural Relations* / ed. by G.R. Weaver. Needham Heights, MA: Simon and Schuster Publishing, 1998. Pp. 72–77.

История статьи:

Поступила в редакцию 20 февраля 2023 г.

Принята к печати 24 апреля 2023 г.

Для цитирования:

Dzhurinsky A.N., Zhukova T.A., Bogoslovskiy V.I., Andreeva E.Yu. Theoretical bases for designing a methodology of training teachers for intercultural interaction // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика*. 2023. Т. 20. № 2. С. 269–288. <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2023-20-2-269-288>

Вклад авторов:

А.Н. Джуринский – организация исследования, интерпретация результатов и общее руководство исследованием. *Т.А. Жукова* – сбор эмпирического материала, выполнение статистических процедур, интерпретация результатов. *В.И. Богословский* – сбор эмпирического материала, выполнение статистических процедур, интерпретация результатов. *Е.Ю. Андреева* – литературный обзор, форматирование текста статьи.

Заявление о конфликте интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Сведения об авторах:

Джуринский Александр Наумович, академик Российской академии образования, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры теории и практики начального образования, Институт детства, Московский педагогический государственный университет (Москва, Россия). ORCID: 0000-0001-5672-3812; eLIBRARY SPIN-код: 4303-1441. E-mail: djurins@yandex.ru

Жукова Татьяна Анатольевна, доктор педагогических наук, доцент, доцент департамента иностранных языков и межкультурной коммуникации, факультет международных экономических отношений, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Москва, Россия); доцент кафедры иностранных языков и коммуникативных технологий, Национальный исследовательский технологический университет «МИСИС» (Москва, Россия). ORCID: 0000-0002-2184-4814; eLIBRARY SPIN-код: 5864-9496. E-mail: tazhukova@fa.ru

Богословский Владимир Игоревич, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры цифрового образования, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия). ORCID: 0000-0001-7071-244X; eLIBRARY SPIN-код: 5063-6734. E-mail: vib0705@mail.ru

Андреева Екатерина Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент департамента иностранных языков и межкультурной коммуникации, факультет международных экономических отношений, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Москва, Россия). ORCID: 0000-0001-9953-4958, eLIBRARY SPIN-код: 6669-4487. E-mail: eyandreeva@fa.ru

DOI: 10.22363/2313-1683-2023-20-2-289-310

EDN: WKXRSW

УДК 159.9.07

Исследовательская статья

Вклады индивидуально-интеллектуальных интеграций в академическую успеваемость студентов гуманитарного профиля подготовки

Л.Я. Дорфман¹, А.Ю. Калугин²¹Пермский государственный институт культуры,

Российская Федерация, 614000, Пермь, ул. Газеты «Звезда», д. 18

²Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,

Российская Федерация, 614990, Пермь, ул. Сибирская, д. 24

 dorfman07@yandex.ru

Аннотация. С позиций принципа системности, системно-интегративного подхода и положения о двойных системах изучались вклады индивидуально-интеллектуальных интеграций в академическую успеваемость студентов. Интегральная индивидуальность (система 1), интеллект и креативность (система 2) соотносились с внешней культурно-образовательной средой. Проблема исследования заключалась в выявлении эффектов, которые производит указанная двойная система на академическую успеваемость. Эффекты тестировались при двух условиях: 1) системы 1 и 2 действуют совместно; 2) системы 1 и 2 действуют в параллельном режиме и по отдельности. В исследовании приняли участие 415 студентов высших учебных заведений Перми, обучающиеся по направлениям гуманитарного профиля, из них 293 девушки и 122 юноши в возрасте от 17 до 22 лет ($M = 18,6$; $SD = 1,0$). Использовались методики для изучения свойств индивидуальности (свойства нервной системы, темперамента, личности), показателей кристаллизованного и флюидного интеллекта и креативности (беглость, оригинальность, гибкость). Основным методом анализа данных было структурное моделирование. Тестировались три модели: полная, коррелирующая и некоррелирующая. Полная модель имела приемлемую согласованность с данными и указывала на вклад *Добросовестности* (система 1) и *Кристаллизованного интеллекта* (система 2) в академическую успеваемость. Коррелирующая модель имела хорошую согласованность с данными и указывала на вклад *Добросовестности*, *Нейротизма* (система 1) и *Кристаллизованного интеллекта* (система 2) в академическую успеваемость. Совокупно данные свойства объясняли 19 % дисперсии академической успеваемости. Некоррелирующая модель соответствовала коррелирующей за исключением интеграции систем 1 и 2, она плохо согласовывалась с данными. Результаты исследования хорошо соотносились с результатами метаанализов. Индивидуально-интеллектуальные интеграции были ограниченными и избирательными. Они затрагивали одни переменные и не касались других. Таким образом, рассмотренная двойная система функционирует скорее совместно, чем по отдельности.

Ключевые слова: системно-интегративный подход, двойные системы, индивидуально-интеллектуальные интеграции, академическая успеваемость, студенты

© Дорфман Л.Я., Калугин А.Ю., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Благодарности и финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 19-29-07046.

Введение

Академическая успеваемость: внутренние и внешние факторы.

Академическая успеваемость студентов напрямую связана с ростом их профессиональной компетентности. В условиях превалирования компетентностной парадигмы в образовании изучение академической успеваемости становится весьма актуальным.

Академическая успеваемость – это комплексная характеристика, зависящая от множества факторов. Обычно выделяют внутренние и внешние факторы академической успеваемости. К внутренним относят различные физиологические и психологические характеристики: хронобиологический тип (Зенкина и др., 2019), мотивацию достижения и учебную мотивацию (Ишмуратова и др., 2021; Abdelrahman, 2020; Anderman, 2020; Chen et al., 2019; Steinmayr et al., 2019), уровень интеллекта (Morales-Vives et al., 2020; Tikhomirova et al., 2020), эмоциональный интеллект (Ahmed et al., 2019), критическое, рефлексивное и креативное мышление (Akpur, 2020), академическую самооффективность (Nasir, Iqbal, 2019; Olivier et al., 2019; Stajković et al., 2018; Usher et al., 2019), вовлеченность (Ишмуратова, Потанина, Бондаренко, 2021; Фомина, Филиппова, Моросанова, 2021; Olivier et al., 2019), самоконтроль (Duckworth et al., 2019) и саморегуляцию (Ишмуратова, Потанина, Бондаренко, 2021; Фомина, Филиппова, Моросанова, 2021; Morosanova et al., 2022), черты личности (Morales-Vives, Camps, Dueñas, 2020; Stajković et al., 2018; Morosanova et al., 2022), готовность к самостоятельному обучению (Togun, 2020), надежду и оптимизм (Rand et al., 2020), психологическую зрелость (Morales-Vives et al., 2020). Во внешние факторы включают социоэкономический статус и тип школы (Suna et al., 2020), воспитание (Howard et al., 2019), вовлеченность родителей (Прохоров, 2019; Veas et al., 2019), социальное окружение (Докука, 2021) и др.

Внешние и внутренние факторы могут вносить вклад в академическую успеваемость как по отдельности, так и совместно. Однако сами эти факторы могут быть весьма разнородными, что ставит вопрос о двойных системах.

Двойные системы. Можно выделить несколько вариантов полисистемного подхода: 1) когда на одно явление проецируется несколько систем, тогда явление приобретает многокачественность и многомерность; 2) когда есть несколько явлений, которые относятся к разным системам и имеют разные основания, однако они интегрируются, создавая двойную (тройную и т. д.) систему; 3) когда есть несколько явлений, относящихся к нескольким системам одновременно, но при этом имеющих разные основания, их интеграция происходит на основе общего между ними. В рамках данного исследования остановимся на второй трактовке полисистемного подхода.

Под двойными будем понимать системы, которые совместно действуют, но обусловлены разными причинами, имеют разные основания (Deutsch, Strack, 2006) и вбирают в себя несколько различающихся комплексов явле-

ний. Примерами двойных систем в области когнитивной психологии могут быть интуитивное и логическое мышление по У. Джеймсу (James, 1996); быстрое и медленное мышление по Д. Канеману (Kahneman, 2011); дивергентное и конвергентное мышление по Дж. Гилфорду (Guilford, 1950); логический и интуитивный опыт по Я.А. Пономареву (1976) и др.

Все эти примеры указывают на два типа систем: интуитивную и аналитическую. Интуитивная система (система 1) оперирует быстро и не требует усилий, является подсознательной и автоматической. Аналитическая система (система 2) носит преднамеренный сознательный характер, основана на правилах, является рефлексивной, находится под контролем, функционирует медленнее и требует больше усилий, а также логических умозаключений (Stanovich, 2010).

Как взаимодействуют системы 1 и 2? Можно выделить пять вариантов (моделей) их взаимодействия: параллельная, последовательная, гибридная (De Neys, 2017), интерактивная и интегративная (Deutsch, Strack, 2006). В параллельной модели системы функционируют одновременно, конкурируя. Последовательная модель предполагает, что сначала активируется система 1, а затем при необходимости система 2. Например, интуитивная система 1 активируется первой в случае столкновения с проблемой, так как является базовой, если решить проблему не получается, подключается логическая система 2 (Evans, Stanovich, 2013; Kahneman, 2011, Stanovich, 2010). Гибридная модель взаимодействия систем предполагает как последовательную, так и параллельную активацию (De Neys, 2017). Такой вариант функционирования систем возможен, когда, например, интуитивной системе 1 требуется участие логической системы 2 для вынесения более сложных, но все же интуитивных ответов. Интерактивную модель можно понимать как параллельную с активным взаимодействием между системами в процессе функционирования. Интегративная модель имеет индуктивный характер, объединяя систему 1 и систему 2 в более общую систему (Дорфман, Калугин, 2021), тогда общее может выступать маркером интеграции.

Общее, с одной стороны, представляет совместную область между системами 1 и 2, а с другой – выходит за их рамки, на более высокий уровень абстракции. На этом более высоком уровне преодолеваются различия между системами 1 и 2. Такое общее можно обозначить как генерализованное (Дорфман, Калугин, 2021).

Кросс-теоретические и кросс-эмпирические интеграции. Термин «интеграция» происходит от латинских слов *integratio* – процесс вставки частей во что-то, соединение и *integer* – целый. Ранее (Дорфман, Калугин, 2021; Дорфман, Калугин. Интеграция знания..., 2022b; Dorfman, Kalugin, 2022) отмечалось, что понятие интеграции имеет как минимум четыре значения: общее как результат объединения свойств, процесс (а не результат) их собирания, охват свойств, их масштаб, индуктивный характер.

Несколько в ином, но дополняющем свете в интеграции можно обозначить также триаду важных признаков: объединение, укрупнение, обобщение. Возможность объединения возникает в ситуациях, когда исходно сосуществуют несколько разрозненных составляющих, например свойств темперамента и черт личности в режиме их фрагментации. Так объединение стано-

вится одним из признаков интеграции. Укрупнение выражается в том, что при интеграции возникают образования с более крупным составом и единицами, чем состав и единицы исходных составляющих, например масштаб типов темперамента в сравнении с масштабом его отдельных свойств. Обобщение является формой абстракции, посредством которой возникают понятия, общие для исходных составляющих, например степень абстракции понятия индивидуальности в сравнении с абстракцией ее отдельных свойств. Так обобщение становится еще одним важным признаком интеграции.

Общее может обнаруживаться на разных уровнях интеграции: методологическом, теоретическом, эмпирическом и практическом (см. подробнее: Dorfman, Kalugin, 2021). В рамках нашего исследования остановимся только на двух уровнях – теоретическом и эмпирическом.

Понятие «кросс-теоретические интеграции» обозначает, что несколько теорий рассматриваются не изолированно, а объединяются. Это способствует производству нового знания на основе объединения и укрупнения теорий (Dorfman, Kalugin. Интеграция знания., 2022b). Их общность предполагает более высокие степени абстракции, чем абстракции интегрируемых теорий, взятых по отдельности, более крупное целое, чем целое в отдельных теориях. При этом интеграция теорий не исключает их дифференциацию, они могут сохранять свою специфичность, являясь частью более общей теории. Так, теория И. Ньютона не потеряла свою актуальность, став частью общей теории относительности А. Эйнштейна.

Таким образом, кросс-теоретические интеграции – это интеграции на уровне теорий, в отличие от них кросс-эмпирические интеграции – это интеграции на уровне эмпирических моделей. Теории подлежат эмпирической проверке, то есть они должны быть операционализируемы, теоретическое понятие находит выражение в эмпирическом понятии. Например, феномен интеллекта, о сущности и структуре которого можно долго рассуждать в теоретическом плане, становится измеримым в виде психометрического интеллекта. Психометрический интеллект в свою очередь можно соотносить с другими операционализированными понятиями, например с психометрической креативностью и интегральной индивидуальностью. Если исследователь полагает, что есть веские основания для интеграции нескольких теорий, то он может проверить это предположение на уровне эмпирических моделей.

Индивидуально-интеллектуальные интеграции и академическая успеваемость. Ранее мы обращались к индивидуально-интеллектуальным интеграциям в связи с академической успеваемостью (Dorfman, Kalugin. Индивидуально-интеллектуальная модель., 2022a), однако тогда акцент был сделан на опосредовании интеллекта и креативного мышления во влиянии свойств индивидуальности на академическую успеваемость. Обнаружено, что кристаллизованный интеллект, креативные оригинальность и гибкость по отдельности могут выступать медиаторами и обеспечивать непрямую связь свойств индивидуальности с успеваемостью.

Данная работа продолжает линию исследования вкладов индивидуально-интеллектуальных интеграций в академическую успеваемость. Изучению подвергаются прямые вклады разноуровневых свойств индивидуальности, интеллекта и креативности в академическую успеваемость.

Интеллект (Лобанов и др., 2018; Ржанова и др., 2020), черты личности (Morales-Vives et al., 2020; Stajković et al., 2018), а также интеллект и личностные характеристики совместно (Смирнов и др., 2007) производят вклады в академическую успеваемость. Однако эти исследования затрагивают лишь отдельные аспекты индивидуальности, совокупное влияние разноуровневых свойств индивидуальности в сочетании с интеллектом и креативностью практически не изучалось. В настоящем исследовании данный пробел в некоторой степени восполняется.

Исходной предпосылкой данного исследования являются принцип системности (Ломов, 1984), системно-интегративный подход (Вяткин, Дорфман, 2018) и положение о двойных системах (Дорфман, 2016). Они применяются к индивидуально-интеллектуальным интеграциям и академической успеваемости.

С позиций кросс-теоретических интеграций (Дорфман, Калугин, 2021) разноуровневые индивидуальные свойства берутся в рамках теории интегральной индивидуальности В.С. Мерлина (1986), рассматривается кристаллизованный и флюидный интеллект в рамках структурно-динамической теории интеллекта Д.В. Ушакова (2003, 2011), креативные беглость, оригинальность и гибкость в рамках теории дивергентного (креативного) мышления Дж. Гилфорда (Guilford, 1967). Академическая успеваемость студентов трактовалась как выражение культурно-образовательной среды их обучения (Suna et al., 2020) и воспитания (Howard et al., 2019; Veas et al., 2019).

Данное исследование носит полисистемный характер, имеет дело с двойной системой, погруженной в культурно-образовательную среду. Теоретическая схема исследования имеет следующий вид: интегральная индивидуальность (система 1), интеллект и креативность (система 2), внешняя культурно-образовательная среда. Системы 1 и 2 разводятся и в то же время образуют двойную систему, потому что они, с одной стороны, имеют разные основания, а с другой – интегрируются.

Проблема исследования заключается в выявлении эффектов, которые производит указанная двойная система на академическую успеваемость. Эффекты тестируются при двух условиях: 1) системы 1 и 2 действуют совместно; 2) системы 1 и 2 действуют в параллельном режиме и по отдельности.

Построены три модели: полная, коррелирующая, некоррелирующая. **Гипотезы** по каждой модели формулировались следующие:

1. Полная модель. Все переменные индивидуальности (система 1), интеллекта и креативности (система 2) включаются в модель как коррелирующие и действуют совместно; они производят значимый вклад в академическую успеваемость.

2. Коррелирующая модель. Отдельные переменные системы 1 и системы 2 коррелируют и совместно производят значимый вклад в академическую успеваемость.

3. Некоррелирующая модель. Отдельные переменные системы 1 и системы 2 не коррелируют и производят значимый вклад в академическую успеваемость по отдельности.

4. Коррелирующая модель является наиболее пригодной в сравнении с пригодностью полной и некоррелирующей моделей.

Процедура и методы исследования

Участники исследования. Участниками исследования выступили 415 студентов ряда пермских высших учебных заведений, преимущественно обучающиеся гуманитарного профиля. Возраст участников варьировал от 17 до 22 лет ($M = 18,6$; $SD = 1,0$), 122 юноши и 293 девушки.

Психодиагностический инструментарий. В соответствии с теорией интегральной индивидуальности В.С. Мерлина (1986), измерялись свойства нервной системы, темперамента и личности.

Павловский темпераментальный опросник Я. Стреляу (Strelau et al., 1999) в адаптации (Данилова, Шмелев, 1988) использовался для изучения свойств нервной системы (сила процессов возбуждения, сила процессов торможения, подвижность нервных процессов).

Опросник темперамента Я. Стреляу (Strelau, Zawadzki, 1995) в адаптации (Стреляу и др., 2009) использовался для измерения свойств темперамента (активность, выносливость, динамичность, настойчивость, сенсорная чувствительность, эмоциональная реактивность).

Вопросник Большой пятерки (BFI-2) К. Сото и О. Джона (Soto, John, 2017) в адаптации (Shchebetenko et al., 2020; Калугин и др., 2021) использовался для оценки черт личности (экстраверсия, доброжелательность, добросовестность, нейротизм, открытость опыту).

Четырехфакторный опросник Я (4ФЯ) Л.Я. Дорфмана (Дорфман, Калугин, 2020) позволил измерить четыре стороны Я-концепции (Авторское Я, Воплощенное Я, Превращенное Я, Вторящее Я).

Универсальный интеллектуальный тест (УИТ) Н.А. Батурина и Н.А. Курганского (1995) позволил оценить кристаллизованный интеллект (использовалась общая шкала, полученная путем суммирования баллов по субшкалам *Осведомленности, Пропущенных слов, Понятливости, Аналогий, Умозаключений, Заучивания слов*).

С помощью *прогрессивных матриц* Дж. Равена (Равен и др., 1997) измерялся флюидный интеллект (общая шкала).

В соответствии с концепцией Дж. Гилфорда использовался опросник *«Альтернативное использование»* (Wallach, Kogan, 1965) в адаптации (Аверина, Щебланова, 1996) для изучения дивергентного (креативного) мышления (беглость, гибкость, оригинальность).

Шкала академической успеваемости получена путем усреднения годовых оценок студентов за экзамены.

Анализ данных. «Сырые» данные были стандартизированы, переведены в T -баллы со средним 50 и стандартным отклонением 10. Затем была проверена нормальность распределения на основе анализа асимметрии и эксцесса. Значения асимметрии и эксцесса в пределах ± 1 могут считаться отличными, а ± 2 – приемлемыми (George, Mallery, 2016, pp. 114–115).

Строились три модели. Первая модель M_1 обозначалась как полная. В нее вошли все переменные индивидуальности, интеллекта и креативности в качестве экзогенных переменных, академическая успеваемость выступала эндогенной переменной. Экзогенные переменные коррелировали.

В модель M_2 включались переменные индивидуальности, интеллекта и креативности как коррелирующие. Модель M_3 соответствовала модели M_2 ,

однако переменные индивидуальности, интеллекта и креативности в ней не коррелировали.

Переменные индивидуальности, интеллекта и креативности включались в модели избирательно в соответствии с критерием значимости.

Индексы пригодности моделей оценивались с использованием статистики хи-квадрат (χ^2), отношения статистики хи-квадрат к степеням свободы (χ^2/df), сравнительного индекса соответствия (comparative fit index, CFI) и корня среднеквадратичной ошибки аппроксимации (root mean-square error of approximation, RMSEA). Модели сравнивались по разнице хи-квадрат ($\Delta\chi^2$).

Использовались следующие пороговые значения: $\chi^2/df < 3$ – приемлемое соответствие модели; $\chi^2/df < 2$ – хорошее соответствие (Schreiber et al., 2006); CFI > 0,90 – приемлемое соответствие; CFI > 0,95 – хорошее соответствие; RMSEA < 0,08 – приемлемое соответствие; RMSEA < 0,05 – хорошее соответствие (Brown, 2015).

Структурное моделирование осуществлялось в пакете IBM SPSS AMOS v.28.

Результаты

Описательные статистики. В табл. 1 приведены средние и стандартные отклонения переменных, минимум и максимум, оценки асимметрии и эксцесса и их стандартные ошибки. Также отражены средние и стандартные отклонения использованных переменных. Они были предварительно стандартизованы в *T*-баллы, поэтому среднее у всех равно 50, а стандартное отклонение 10. В пределах от 40 до 60 *T*-баллов находится статистическая норма.

Выраженную асимметрию и эксцесс имела только переменная *Превращенное Я* ($Sk > 2$; $K > 2$). Приемлемый эксцесс имела переменная *Вторящее Я* ($K > 1$), при этом асимметрия переменной была близка нулю ($Sk = -0,16$). Значения асимметрии и эксцесса остальных переменных могут считаться отличными ($Sk < 1$; $K < 1$).

Путевые модели. В модель M_1 вошли значимые пути от *Добросовестности* к *Академической успеваемости* ($\beta = 0,35$; $p < 0,001$) и от *Кристаллизованного интеллекта* к *Академической успеваемости* ($\beta = 0,33$; $p < 0,001$). Переменные индивидуальности и интеллекта (как имеющие значимые пути к *Академической успеваемости*, так и не имеющие) совместно объясняли 22,6 % дисперсии *Академической успеваемости*. Модель M_1 была приемлемо согласована с эмпирическими данными ($\chi^2/df < 3$; CFI > 0,90; RMSEA < 0,08).

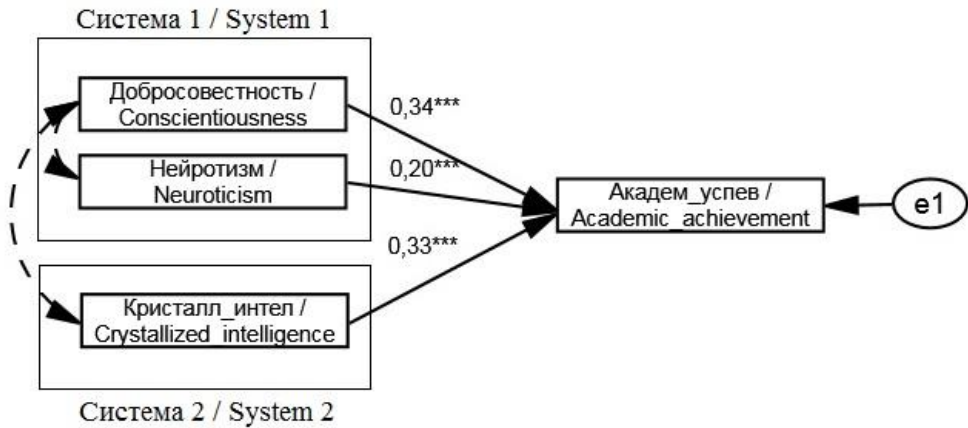
В коррелирующую модель M_2 (рис. 1) вошли значимые пути от *Добросовестности* к *Академической успеваемости* ($\beta = 0,34$; $p < 0,001$), от *Кристаллизованного интеллекта* к *Академической успеваемости* ($\beta = 0,34$; $p < 0,001$) и от *Нейротизма* к *Академической успеваемости* ($\beta = 0,20$; $p < 0,001$). Значимыми были корреляции *Нейротизма* (противоположный полюс эмоциональной стабильности) и *Добросовестности* ($r = -0,29$; $p < 0,001$), *Добросовестности* и *Кристаллизованного интеллекта* ($r = -0,15$; $p = 0,001$). Эти переменные совместно объясняли 19 % дисперсии *Академической успеваемости*.

Модель M_2 была отлично согласована с данными ($\chi^2/df < 2$; CFI > 0,95; RMSEA < 0,05). При сравнении моделей M_1 и M_2 лучшую согласованность с данными продемонстрировала модель M_2 ($\Delta\chi^2 = 409,78$; $\Delta df = 157$; $p < 0,001$).

Таблица 1 / Table 1

**Описательные статистики /
Descriptive statistics**

Переменные / Variables	Минимум / Minimum	Максимум / Maximum	Среднее значение / Mean	Стандартное отклонение / Standard deviation	Асимметрия, Sk / Skewness, Sk	Стандартная ошибка асимметрии / Skewness standard error	Экссесс, K / Kurtosis, K	Стандартная ошибка эксцесса / Kurtosis standard error
Возбуждение / Excitation	18	73	50	10	-0,14	0,12	-0,20	0,24
Торможение / Inhibition	18	70	50	10	-0,50	0,12	-0,15	0,24
Подвижность / Mobility	21	74	50	10	-0,11	0,12	-0,45	0,24
Динамичность / Briskness	22	70	50	10	-0,14	0,12	-0,53	0,24
Настойчивость / Perseveration	22	67	50	10	-0,39	0,12	-0,55	0,24
Сенсорная чувствительность / Sensory sensitivity	16	64	50	10	-0,89	0,12	0,46	0,24
Эмоциональная реактивность / Emotional reactivity	27	70	50	10	-0,16	0,12	-0,70	0,24
Выносливость / Endurance	32	75	50	10	0,46	0,12	-0,49	0,24
Активность / Activity	28	68	50	10	-0,25	0,12	-0,87	0,24
Экстраверсия / Extraversion	22	74	50	10	-0,34	0,12	-0,10	0,24
Доброжелательность / Agreeableness	8	72	50	10	-0,53	0,12	0,51	0,24
Добросовестность / Conscientiousness	17	69	50	10	-0,41	0,12	0,00	0,24
Нейротизм / Negative emotionality	27	75	50	10	0,19	0,12	-0,41	0,24
Открытость опыту / Open-mindedness	12	74	50	10	-0,24	0,12	0,03	0,24
Авторское Я / Authored Self	6	67	50	10	-0,50	0,12	0,53	0,24
Воплощенное Я / Embodied Self	12	74	50	10	-0,49	0,12	0,96	0,24
Преращенное Я / Mutated Self	-17	59	50	10	-2,05	0,12	7,37	0,24
Вторящее Я / Related Self	11	83	50	10	-0,16	0,12	1,29	0,24
Беглость / Fluency	29	86	50	10	0,82	0,12	0,70	0,24
Оригинальность / Originality	28	90	50	10	0,61	0,12	0,51	0,24
Гибкость / Flexibility	26	85	50	10	0,36	0,12	0,21	0,24
Флюидный интеллект / Fluid intelligence	12	70	50	10	-0,65	0,12	0,52	0,24
Кристаллизованный интеллект / Crystallized intelligence	17	79	50	10	-0,36	0,12	0,23	0,24

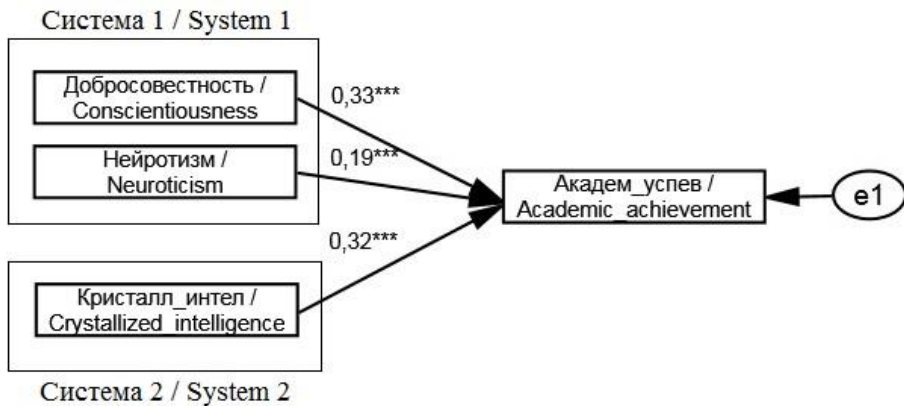

Рис. 1. Коррелирующая модель M_2
Figure 1. Correlated model M_2

Примечание: сплошные однонаправленные стрелки – пути с положительными коэффициентами; пунктирные двунаправленные стрелки – отрицательные корреляции между переменными; *** = $p < 0,001$.

Note: the solid single-headed arrows – paths with positive coefficients; the dashed double-headed arrows – negative correlations between variables; *** = $p < 0.001$.

В некоррелирующую модель M_3 (рис. 2) вошли значимые пути от *Добросовестности* к *Академической успеваемости* ($\beta = 0,33$; $p < 0,001$), от *Кристаллизованного интеллекта* к *Академической успеваемости* ($\beta = 0,32$; $p < 0,001$) и от *Нейротизма* к *Академической успеваемости* ($\beta = 0,19$; $p < 0,001$). Переменные индивидуальности и интеллекта совместно объясняли 24,5 % дисперсии *Академической успеваемости*.

Рис. 2. Некоррелирующая модель M_3
Figure 2. Uncorrelated model M_3

Примечание: сплошные однонаправленные стрелки – пути с положительными коэффициентами; *** $p < 0,001$.

Note: the solid single-headed arrows – paths with positive coefficients; *** $p < 0.001$.

Модель M_3 была плохо согласована с данными ($\chi^2/df > 3$; CFI $< 0,90$; RMSEA $> 0,08$).

В табл. 2 приведены индексы пригодности тестируемых моделей.

Индексы пригодности и сравнение моделей /
Fit indices and comparison of models

Модели / Models	χ^2	df	p	χ^2/df	CFI	RMSEA	Сравнение моделей / Model comparison	$\Delta\chi^2(\Delta df)$
M_1 . Полная модель / M_1 . Full model	410,94	158	< 0,001	2,60	0,949	0,062	–	–
M_2 . Коррелирующая модель / M_2 . Correlated model	1,16	1	0,281	1,16	0,999	0,020	M_1 vs M_2	409,78(157)***
M_3 . Некоррелирующая модель / M_3 . Uncorrelated model	45,57	3	< 0,001	15,19	0,662	0,185	M_2 vs M_3	44,41(2)***

Примечание: χ^2 – значение статистики хи-квадрат; df – степени свободы; p – уровень значимости; χ^2/df – относительный хи-квадрат; CFI – сравнительный индекс соответствия; $RMSEA$ – корень среднеквадратичной ошибки аппроксимации; $\Delta\chi^2$ – разница хи-квадрат; Δdf – разница степеней свободы; *** $p < 0,001$.

Note: χ^2 – chi-square statistics; df – degrees of freedom; p – significance level; χ^2/df – the ratio of chi-square statistics to degrees of freedom; CFI – comparative fit index; $RMSEA$ – root mean square error of approximation; $\Delta\chi^2$ – chi-square difference; Δdf – degrees of freedom difference; *** $p < 0.001$.

При сравнении моделей M_2 и M_3 лучшую согласованность с данными продемонстрировала модель M_2 ($\Delta\chi^2 = 44,41$; $\Delta df = 2$; $p < 0,001$).

Обсуждение

Первая гипотеза получила эмпирическую поддержку в полной модели M_1 применительно к *Добросовестности* (система 1) и *Кристаллизованному интеллекту* (система 2). Вторая гипотеза получила эмпирическую поддержку в коррелирующей модели M_2 применительно к *Добросовестности*, *Нейротизму* (система 1) и *Кристаллизованному интеллекту* (система 2). Третья гипотеза получила недостаточную эмпирическую поддержку в некоррелирующей модели M_3 применительно к *Добросовестности*, *Нейротизму* (система 1) и *Кристаллизованному интеллекту* (система 2). Коррелирующая модель M_2 была наиболее пригодной в сравнении с пригодностью полной M_1 и некоррелирующей M_3 моделями.

Полученные результаты позволяют предположить, что системы 1 и 2 скорее совместно, чем по отдельности, производят значимые вклады в академическую успеваемость. Это может означать, что системы 1 и 2 интегрируются. Вместе с тем индивидуально-интеллектуальные интеграции были ограниченными и избирательными. Они затрагивали одни переменные, такие как *Добросовестность*, *Нейротизм* (система 1) и *Кристаллизованный интеллект* (система 2) и не касались других переменных.

Отметим, что *Добросовестность* и *Кристаллизованный интеллект* коррелировали отрицательно, схожая по выраженности и направлению корреляция обнаруживалась исследователями ранее (Moutafi et al., 2003, 2006). Обычно отрицательную связь объясняют компенсаторным механизмом: менее интеллектуальным людям приходится быть более добросовестными, чтобы добиться успеха. Возможна и обратная интерпретация: более интеллектуальным людям зачастую не обязательно демонстрировать добросовестность (Chamorro-Premuzic et al., 2005).

Нейротизм и *Добросовестность* коррелировали отрицательно. Мета-анализы указывают на высокую отрицательную взаимосвязь между этими переменными (Van der Linden et al., 2010). Возможно, это связано с тем, что обе эти черты вместе с *Доброжелательностью* составляют метачерту *Стабильность* по Деянгу (DeYoung, 2006).

Преыдушие исследования, в которых изучался эффект интеллекта и черт личности на академическую успеваемость, дают схожие результаты. В исследовании Ф. Моралес-Вивес, Э. Кэмп, Х.М. Дуэньяс (Morales-Vives et al., 2020) значимый эффект на академическую успеваемость оказывал *Общий интеллект* ($\beta = 0,40; p < 0,05$), *Открытость опыту* ($\beta = 0,08; p < 0,05$), *Добросовестность* ($\beta = 0,05; p < 0,05$) и *Ориентация на работу* ($\beta = 0,14; p < 0,05$). В нашем случае *Открытость опыту* показала незначимые результаты, в отличие от *Нейротизма*. Переменная *Ориентации на работу* нами не изучалась.

А. Стайкович с колл. (Stajković et al., 2018) из пяти черт личности выявили значимый эффект на академическую успеваемость только у *Добросовестности* ($\beta = 0,11; p < 0,01$) и *Эмоциональной стабильности* (обратный полюс *Нейротизма*) ($\beta = -0,08; p < 0,05$). Это согласуется с нашими результатами.

Пошаговый регрессионный анализ, проведенный С. Мамедовым (Mamedov, 2022), на основе метааналитической корреляционной матрицы (в метаанализе использовались 228 уникальных исследований, 267 независимых выборок, $N = 413\ 074$) показал, что при контроле когнитивных способностей наибольший вклад в академическую успеваемость из черт личности вносит *Добросовестность* ($\beta = 0,35; p < 0,01$) и *Нейротизм* ($\beta = 0,13; p < 0,01$). Остальные черты также вносили значимый эффект, однако размер регрессионного коэффициента находился в пределах 0,02–0,05 в абсолютном выражении. Когнитивные способности в данном исследовании могут быть соотнесены с *Кристаллизованным интеллектом* в нашем исследовании, так как автор понимал под ними широкий спектр способностей, среди которых тесты IQ, прогрессивные матрицы Равена, тест на когнитивные способности (CogAT). Регрессионный коэффициент *Когнитивных способностей* составил 0,42 ($p < 0,01$). При этом следует учесть, что *Когнитивные способности* вводились на первом шаге регрессионного анализа, то есть учитывалась вся их совместная дисперсия с *Академической успеваемостью*.

Совокупно когнитивные способности и черты личности в исследовании С. Мамедова объясняли 27,8 % дисперсии *Академической успеваемости*. Модель M_2 в нашем исследовании объясняла 19 % дисперсии *Академической успеваемости*. Возможно, более низкий процент объясненной дисперсии связан, во-первых, с меньшей мощностью нашего исследования, вследствие чего другие свойства индивидуальности оказались незначимы; во-вторых, с меньшей зашумленностью метааналитических данных (измеряются истинные феномены); в-третьих, метааналитические когнитивные способности полнее отражают интеллектуальные возможности человека, чем *Кристаллизованный интеллект*.

В исследовании Т. Тихомировой с колл. (Tikhomirova et al., 2020) обнаружено, что значимость тех или иных предикторов академической успеваемости меняется в разных периодах обучения. В рамках нашего исследования интерес представляет вклад *Флюидного интеллекта* в академическую

успеваемость, который был значим в младшем и среднем звеньях и его значения варьировали в пределах 0,33–0,52. В старших классах эффект *Флюидного интеллекта* пропал. Т. Тихомирова с колл. видит причину разрыва связи интеллекта и успеваемости в особенностях системы образования, когда в старших классах остаются учащиеся, ориентированные на поступление в вуз, и выборка уравнивается по уровню развития когнитивных характеристик. В нашем исследовании также не был обнаружен эффект *Флюидного интеллекта* на академическую успеваемость студентов вузов.

Ранее мы изучали медиаторные эффекты индивидуальности на академическую успеваемость (Дорфман, Калугин. Индивидуально-интеллектуальная модель..., 2022a), опосредованные интеллектом и креативностью. Обнаружен значимый вклад *Кристаллизованного интеллекта* в академическую успеваемость ($\beta = 0,27$; $p < 0,001$). Однако также выявлены эффекты креативных *Оригинальности* ($\beta = 0,11$; $p < 0,05$) и *Гибкости* ($\beta = 0,11$; $p < 0,05$). Эти эффекты обнаружены при раздельном включении переменных интеллекта и креативности в модели, при одновременном их включении эффекты креативности пропадали. Это говорит о важности учета взаимодействия переменных и систем в целом.

В целом полученные нами результаты хорошо соотносятся с другими исследованиями, посвященными факторам академической успеваемости. Особенность нашего исследования заключается в понимании и интерпретации механизмов взаимодействия факторов академической успеваемости. Индивидуальность и интеллект с креативностью понимаются как двойные системы, которые могут действовать совместно, но при этом обусловлены разными причинами, имеют разные основания. Данные системы интегрируются избирательно в соответствии с решаемыми задачами. Хотя свойства систем стабильны, составы их могут меняться. В случае с академической успеваемостью из всего многообразия свойств индивидуальности выделились *Добросовестность* и *Нейротизм*, которые интегрировались с *Кристаллизованным интеллектом*. *Кристаллизованный интеллект* в свою очередь был отобран из системы 2, включающей также *Флюидный интеллект* и показатели креативности, для решения задач академической успеваемости.

Студент проявляет себя как активный субъект, актуализируя те или иные свойства своей индивидуальности, интеллекта и креативности для решения поставленных жизнью задач. *Академическая успеваемость* требует от студента актуализации и интеграции свойств *Добросовестности*, *Нейротизма* и *Кристаллизованного интеллекта*. Другие жизненные задачи актуализируют и интегрируют иные свойства систем 1 и 2.

Заключение

С позиций принципа системности, системно-интегративного подхода и положения о двойных системах изучались вклады индивидуально-интеллектуальных интеграций в академическую успеваемость. Теоретическая схема исследования имела следующий вид: интегральная индивидуальность (система 1), интеллект и креативность (система 2), внешняя культурно-образовательная среда. Во внимание принимались два условия: 1) системы 1 и 2 действуют совместно; 2) системы 1 и 2 действуют в параллельном режи-

ме и по отдельности. Установлено, что коррелирующая модель M_2 является значимой и наиболее пригодной в сравнении с пригодностью полной M_1 и некоррелирующей M_3 моделями.

Полученные результаты позволили предположить, что системы 1 и 2 скорее совместно, чем по отдельности, производят значимые вклады в академическую успеваемость. Это могло означать, что системы 1 и 2 интегрируются. Вместе с тем индивидуально-интеллектуальные интеграции были ограниченными и избирательными. То есть не все свойства одной системы интегрировались со всеми свойствами другой системы. В соответствии с задачами успеваемости в учебе актуализировались и интегрировались конкретные свойства системы 1 (*Добросовестность* и *Нейротизм*) с конкретным свойством системы 2 (*Кристаллизованный интеллект*). Можно допустить, что для других жизненных задач те же свойства систем 1 и 2 могли предстать в новых составах.

Исследование имеет практическую значимость, так как позволяет судить о некоторых важных факторах академической успеваемости. Согласно некоторым интерпретациям, *Добросовестность* и *Кристаллизованный интеллект* могут выступать как альтернативы для успешной реализации учебной деятельности, выполняя компенсаторную функцию. Иными словами, студенты с низким *Кристаллизованным интеллектом* могут добиваться тех же успехов в учебной деятельности, что и студенты с высоким уровнем *Кристаллизованного интеллекта*, но менее добросовестные, за счет добросовестного подхода к учебе. Однако совместный положительный вклад *Добросовестности* и *Кристаллизованного интеллекта* в академическую успеваемость свидетельствует в пользу их кумулятивного эффекта при одновременной актуализации.

Положительная связь *Нейротизма* с *Академической успеваемостью* указывает на то, что несколько повышенный уровень тревожности студента положительно сказывается на его учебе. Эмоциональная стабильность, наоборот, ведет к меньшей чувствительности студента к требованиям среды. Следовательно, учитывающая индивидуальные особенности обучающихся и сбалансированная в плане требований и поощрений система обучения может способствовать повышению академической успеваемости.

Ограничения и перспективы исследования. Очевидным ограничением исследования является участие студентов гуманитарного направления (данное ограничение нашло отражение в заглавии статьи) и преимущественно женского пола. Отсюда перспективами исследования может стать расширение выборки за счет других направлений подготовки (технических, естественно-научных) и выравнивание выборки по полу. При этом соотношение по полу в пользу женщин соответствует дисциплинам гуманитарного профиля.

Список литературы

- Аверина И.С., Щепланова Е.И. Вербальный тест творческого мышления «Необычное использование». М.: Соборь, 1996. 60 с.
- Батурин Н.А., Курганский Н.А. Краткое руководство по Универсальному интеллектуальному тесту (УИТ СПЧ): Челябинск – Санкт-Петербург. СПб., 1995. 19 с.

- Вяткин Б.А., Dorfman Л.Я. Системная интеграция индивидуальности человека. М.: Институт психологии РАН, 2018. 176 с.
- Данилова Н.П., Шмелев А.Г. Тест-опросник Стрелю // Практикум по психодиагностике. Психодиагностические материалы / под ред. А.Г. Шмелева. М.: МГУ, 1988. С. 4–10.
- Докука С.В. Социальное окружение и академическая успеваемость: обзор исследований, использующих стохастическое акторно-ориентированное моделирование // Социологический журнал. 2021. Т. 27. № 3. С. 175–191. <https://doi.org/10.19181/socjour.2021.27.3.8429>
- Dorfman Л.Я. Каузальный плюрализм и холизм в концепции метаиндивидуального мира // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2016. Т. 13. № 1. С. 115–153. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2016-1-115-153>
- Dorfman Л.Я., Kalugin А.Ю. Индивидуально-интеллектуальная модель академических достижений студентов (на материале гуманитарных специальностей) // Психологическая наука и образование. 2022. Т. 27. № 4. С. 68–76. <https://doi.org/10.17759/pse.2022270407>
- Dorfman Л.Я., Kalugin А.Ю. Индивидуально-интеллектуальные интеграции человека. М.: Институт психологии РАН, 2021. 279 с. https://doi.org/10.38098/mng_21_0438
- Dorfman Л.Я., Kalugin А.Ю. Интеграция знания в современной психологической науке: кросс-теоретические интеграции и эмпирические модели // Вестник Удмуртского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 32. № 3. С. 275–286. <https://doi.org/10.35634/2412-9550-2022-32-3-235-246>
- Dorfman Л.Я., Kalugin А.Ю. Четырехфакторный опросник Я: его концептуальный и психометрический анализ // Сибирский психологический журнал. 2020. № 75. С. 53–74. <https://doi.org/10.17223/17267080/75/4>
- Зенкина В.Г., Зенкин И.С., Владимирова К.Е. Хронобиологический тип студентов и академическая успеваемость // Амурский медицинский журнал. 2019. № 3. С. 36–40.
- Ишмуратова Ю.А., Потанина А.М., Бондаренко И.Н. Вклад осознанной саморегуляции, вовлеченности и мотивации в академическую успеваемость школьников в разные периоды обучения // Психологическая наука и образование. 2021. Т. 26. № 5. С. 17–29. <https://doi.org/10.17759/pse.2021260502>
- Kalugin А.Ю., Щебетенко С.А., Мишкевич А.М., Сото К.Дж., Джон О.П. Психометрика русскоязычной версии Big Five Inventory – 2 // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 18. № 1. С. 7–33. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2021-1-7-33>
- Лобанов А.П., Радчинова Н.П., Дроздова Н.В., Воронова А.В. Влияние академических и неакадемических видов интеллекта на учебные достижения студентов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Акмеология образования. Психология развития. 2018. Т. 7. № 4. С. 304–312. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2018-7-4-304-312>
- Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984. 444 с.
- Мерлин В.С. Очерк интегрального исследования индивидуальности. М.: Педагогика, 1986. 256 с.
- Пономарев Я.А. Психология творчества. М.: Наука, 1976. 302 с.
- Прохорова А.А. Зарубежные исследования сверхвключенного типа родительства (overparenting) // Современная зарубежная психология. 2019. Т. 8. № 4. С. 16–24. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2019080402>
- Равен Дж.К., Курт Дж.Х., Равен Дж. Руководство к прогрессивным матрицам Равена и словарным шкалам. Раздел 1. Общая часть руководства. М.: Когито-Центр, 1997. 82 с.
- Ржанова И.Е., Алексеева О.С., Бурдукова Ю.А. Успешность в обучении: взаимосвязь флюидного интеллекта и рабочей памяти // Психологическая наука и образование. 2020. Т. 25. № 1. С. 63–74. <https://doi.org/10.17759/pse.2020250106>
- Смирнов С.Д., Корнилова Т.В., Корнилов С.А., Малахова С.И. О связи интеллектуальных и личностных характеристик студентов с успешностью их обучения // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2007. № 3. С. 82–87.

- Стреляу Я., Митина О., Завадский Б., Бабаева Ю., Менчук Т. Методика диагностики темперамента (формально-динамических характеристик поведения). М.: Смысл, 2009. 104 с.
- Ушаков Д.В. Интеллект: структурно-динамическая теория. М.: Институт психологии РАН, 2003. 264 с.
- Ушаков Д.В. Психология интеллекта и одаренности. М.: Институт психологии РАН, 2011. 464 с.
- Фомина Т.Г., Филиппова Е.В., Моросанова В.И. Лонгитюдное исследование взаимосвязи осознанной саморегуляции, школьной вовлеченности и академической успеваемости учащихся // Психологическая наука и образование. 2021. Т. 26. № 5. С. 30–42. <https://doi.org/10.17759/pse.2021260503>
- Abdelrahman R.M. Metacognitive awareness and academic motivation and their impact on academic achievement of Ajman University students // Heliyon. 2020. Vol. 6. No 9. <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2020.e04192>
- Ahmed Z., Asim M., Pellitteri J. Emotional intelligence predicts academic achievement in Pakistani management students // The International Journal of Management Education. 2019. Vol. 17. No 2. Pp. 286–293. <https://doi.org/10.1016/j.ijme.2019.04.003>
- Akpur U. Critical, reflective, creative thinking and their reflections on academic achievement // Thinking Skills and Creativity. 2020. Vol. 37. <https://doi.org/10.1016/j.tsc.2020.100683>
- Anderman E.M. Achievement motivation theory: balancing precision and utility // Contemporary Educational Psychology. 2020. Vol. 61. <https://doi.org/10.1016/j.cedpsych.2020.101864>
- Brown T. Confirmatory factor analysis for applied research. New York – London: The Guilford Press, 2015. 462 p.
- Chamorro-Premuzic T., Moutafi J., Furnham A. The relationship between personality traits, subjectively-assessed and fluid intelligence // Personality and Individual Differences. 2005. Vol. 38. No 7. Pp. 1517–1528. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2004.09.018>
- Chen C., Elliot A.J., Sheldon K.M. Psychological need support as a predictor of intrinsic and external motivation: the mediational role of achievement goals // Educational Psychology. 2019. Vol. 39. No 8. Pp. 1090–1113. <https://doi.org/10.1080/01443410.2019.1618442>
- De Neys W. Bias, conflict, and fast logic: towards a hybrid dual process future? // Dual Process Theory 2.0 / ed. by W. De Neys. Oxon, UK: Routledge, 2017. Pp. 47–65.
- Deutsch R., Strack F. Duality models in social psychology: from dual processes to interacting systems // Psychological Inquiry. 2006. Vol. 17. No 3. Pp. 166–172. https://doi.org/10.1207/s15327965pli1703_2
- DeYoung C.G. Higher-order factors of the Big Five in a multi-informant sample // Journal of personality and social psychology. 2006. Vol. 91. No 6. Pp. 1138–1151. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.91.6.1138>
- Dorfman L., Kalugin A. Individual intellectual integration in Russian students. Cambridge Scholars Publishing, 2022. 230 p.
- Duckworth A.L., Taxer J.L., Eskreis-Winkler L., Galla B.M., Gross J.J. Self-control and academic achievement // Annual Review of Psychology. 2019. Vol. 70. Pp. 373–399. <https://doi.org/10.1146/annurev-psych-010418-103230>
- Evans J.S.B.T., Stanovich K.E. Dual-process theories of higher cognition: advancing the debate // Perspectives on Psychological Science: A Journal of the Association for Psychological Science. 2013. Vol. 8. No 3. Pp. 223–241. <https://doi.org/10.1177/1745691612460685>
- George D., Mallery P. IBM SPSS Statistics 23 step by step: a simple guide and reference. New York: Routledge, 2016. 400 p.
- Guilford J.P. Creativity // American Psychologist. 1950. Vol. 5. No 9. Pp. 444–454. <https://doi.org/10.1037/h0063487>
- Guilford J.P. The nature of human intelligence. New York: McGraw-Hill, 1967. 538 p. <https://doi.org/10.3102/00028312005002249>
- Howard J.M., Nicholson B.C., Chesnut S.R. Relationships between positive parenting, overparenting, grit, and academic success // Journal of College Student Development. 2019. Vol. 60. No 2. Pp. 189–202. <https://doi.org/10.1353/csd.2019.0018>

- James W. A pluralistic universe. Hibbert lectures. New York: University of Nebraska Press, 1996. 404 p.
- Kahneman D. Thinking, fast and slow. New York: Farrar Straus and Giroux, 2011. 512 p.
- Mammadov S. Big Five personality traits and academic performance: a meta-analysis // *Journal of Personality*. 2022. Vol. 90. No 2. Pp. 222–255. <https://doi.org/10.1111/jopy.12663>
- Morales-Vives F., Camps E., Dueñas J.M. Predicting academic achievement in adolescents: the role of maturity, intelligence and personality // *Psicothema*. 2020. Vol. 32. No 1. Pp. 84–91. <https://doi.org/10.7334/psicothema2019.262>
- Morosanova V.I., Bondarenko I.N., Fomina T.G. Conscious self-regulation, motivational factors, and personality traits as predictors of students' academic performance: a linear empirical model // *Psychology in Russia: State of the Art*. 2022. Vol. 15. No 4. Pp. 170–187. <https://doi.org/10.11621/pir.2022.0411>
- Moutafi J., Furnham A., Crump J. Demographic and personality predictors of intelligence: a study using the NEO personality inventory and the Myers – Briggs type indicator // *European Journal of Personality*. 2003. Vol. 17. No 1. Pp. 79–94. <https://doi.org/10.1002/per.471>
- Moutafi J., Furnham A., Crump J. What facets of openness and conscientiousness predict fluid intelligence score? // *Learning and Individual Differences*. 2006. Vol. 16. No 1. Pp. 31–42. <https://doi.org/10.1016/j.lindif.2005.06.003>
- Nasir M., Iqbal S. Academic self-efficacy as a predictor of academic achievement of students in pre service teacher training programs // *Bulletin of Education and Research*. 2019. Vol. 41. No 1. Pp. 33–42.
- Olivier E., Archambault I., De Clercq M., Galand B. Student self-efficacy, classroom engagement, and academic achievement: comparing three theoretical frameworks // *Journal of Youth and Adolescence*. 2019. Vol. 48. No 2. Pp. 326–340. <https://doi.org/10.1007/s10964-018-0952-0>
- Rand K.L., Shanahan M.L., Fischer I.C., Fortney S.K. Hope and optimism as predictors of academic performance and subjective well-being in college students // *Learning and Individual Differences*. 2020. Vol. 81. <https://doi.org/10.1016/j.lindif.2020.101906>
- Schreiber J.B., Nora A., Stage F.K., Barlow E.A., King J. Reporting structural equation modeling and confirmatory factor analysis results: a review // *The Journal of Educational Research*. 2006. Vol. 99. No 6. Pp. 323–338. <https://doi.org/10.3200/JOER.99.6.323-338>
- Shchebetenko S., Kalugin A.Y., Mishkevich A.M., Soto C.J., John O.P. Measurement invariance and sex and age differences of the Big Five Inventory – 2: evidence from the Russian version // *Assessment*. 2020. Vol. 27. No 3. Pp. 472–486. <https://doi.org/10.1177/1073191119860901>
- Soto C.J., John O.P. The next Big Five Inventory (BFI-2): developing and assessing a hierarchical model with 15 facets to enhance bandwidth, fidelity, and predictive power // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2017. Vol. 113. No 1. P. 117–143. <https://doi.org/10.1037/pspp0000096>
- Stajković A., Bandura A., Locke E., Lee D., Sergeant K. Test of three conceptual models of influence of the big five personality traits and self-efficacy on academic performance: a meta-analytic path-analysis // *Personality and Individual Differences*. 2018. Vol. 120. Pp. 238–245. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2017.08.014>
- Stanovich K. Rationality and the reflective mind. New York: Oxford University Press, 2010. 328 p.
- Steinmayr R., Weidinger A.F., Schwinger M., Spinath B. The importance of students' motivation for their academic achievement – replicating and extending previous findings // *Frontiers in Psychology*. 2019. Vol. 10. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.01730>
- Strelau J., Angleitner A., Newberry B.H. The Pavlovian temperament survey (PTS): an international handbook. Seattle: Hogrefe & Huber Pub, 1999. 108 p.
- Strelau J., Zawadzki B. The formal characteristics of behavior – temperament inventory (FCB – TI): validity studies // *European Journal of Personality*. 1995. Vol. 9. No 3. Pp. 207–229. <https://doi.org/10.1002/per.2410090304>

- Suna H.E., Tanberkan H., Gür B., Perc M., Özer M. Socioeconomic status and school type as predictors of academic achievement // Journal of Economy Culture and Society. 2020. No. 61. Pp. 41–64. <https://doi.org/10.26650/JECS2020-0034>
- Tikhomirova T., Malykh A., Malykh S. Predicting academic achievement with cognitive abilities: cross-sectional study across school education // Behavioral sciences. 2020. Vol. 10. No 10. <https://doi.org/10.3390/bs10100158>
- Torun E.D. Online distance learning in higher education: e-learning readiness as a predictor of academic achievement // Open Praxis. 2020. Vol. 12. No 2. Pp. 191–208. <https://doi.org/10.5944/openpraxis.12.2.1092>
- Usher E.L., Li C.R., Butz A.R., Rojas J.P. Perseverant grit and self-efficacy: are both essential for children's academic success? // Journal of Educational Psychology. 2019. Vol. 111. No 5. Pp. 877–902. <https://doi.org/10.1037/edu0000324>
- Van der Linden D., Te Nijenhuis J., Bakker A.B. The general factor of personality: a meta-analysis of Big Five intercorrelations and a criterion-related validity study // Journal of Research in Personality. 2010. Vol. 44. No 3. Pp. 315–327. <https://doi.org/10.1016/j.jrp.2010.03.003>
- Veas A., Castejón J.L., Miñano P., Gilar-Corbí R. Relationship between parent involvement and academic achievement through metacognitive strategies: a multiple multilevel mediation analysis // British Journal of Educational Psychology. 2019. Vol. 89. No 2. Pp. 393–411. <https://doi.org/10.1111/bjep.12245>
- Wallach M.A., Kogan N. Modes of thinking in young children. New York: Holt, Rinehart, and Winston, 1965. 355 p.

История статьи:

Поступила в редакцию 17 января 2023 г.

Принята к печати 10 апреля 2023 г.

Для цитирования:

Дорфман Л.Я., Калугин А.Ю. Вклады индивидуально-интеллектуальных интеграций в академическую успеваемость студентов гуманитарного профиля подготовки // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2023. Т. 20. № 2. С. 289–310. <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2023-20-2-289-310>

Вклад авторов:

Л.Я. Дорфман – концепция, дизайн исследования, написание текста. А.Ю. Калугин – сбор и обработка данных, анализ данных, написание текста.

Заявление о конфликте интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Сведения об авторах:

Дорфман Леонид Яковлевич, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин, Пермский государственный институт культуры (Пермь, Россия). ORCID: 0000-0001-8494-5674; Scopus ID: 8664947000; Researcher ID: AAD-5451-2020; eLIBRARY SPIN-код: 7398-0715. E-mail: dorfman07@yandex.ru

Калугин Алексей Юрьевич, кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой теоретической и прикладной психологии, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (Пермь, Россия). ORCID: 0000-0002-3633-2926; Scopus ID: 57192099434; Researcher ID: X-7824-2018; eLIBRARY SPIN-код: 3744-8423. E-mail: kaluginau@yandex.ru

DOI: 10.22363/2313-1683-2023-20-2-289-310

EDN: WKXRSW

UDC 159.9.07

Research article

Contributions of Individual Intellectual Integrations to the Academic Achievement of Humanities Students

Leonid Ya. Dorfman¹✉, Alexey Yu. Kalugin²

¹Perm State Institute of Culture,
18 Gazety 'Zvezda' St, Perm, 614000, Russian Federation

²Perm State Humanitarian Pedagogical University,
24 Sibirskaya St, Perm, 614990, Russian Federation

✉ dorfman07@yandex.ru

Abstract. The contributions of individual intellectual integrations to the academic achievement of humanities students from the standpoint of the system's principle, the system-integrative approach and the concept of dual systems were studied. System 1 (integral individuality) and system 2 (intelligence and creativity) were considered in the context of the cultural and educational environment. The purpose of the study was to identify the effects that this dual system produces on the academic achievement of students. The effects were tested under two conditions: (1) systems 1 and 2 operated together, and (2) systems 1 and 2 operated in parallel and separately. The study involved 415 humanities students of higher educational institutions of Perm, including 293 females and 122 males aged 17 to 22 years ($M = 18.6$; $SD = 1.0$). Specially developed methods were used to study the properties of individuality (nervous system, temperament and personality), indicators of crystallized and/or fluid intelligence, and indicators of creativity (fluency, originality and flexibility). During the study, three models (full, correlated and uncorrelated) were developed and tested. The full model had an acceptable fit with the data and indicated the contribution of *Conscientiousness* (system 1) and *Crystallized Intelligence* (system 2) to the academic achievement. The correlated model was in good fit with the data and indicated the contribution of *Conscientiousness*, *Neuroticism* (system 1), and *Crystallized Intelligence* (system 2) to the academic achievement. Taken together, these properties explained 19% of the variance in the academic achievement. The uncorrelated model was consistent with the correlated model, except for the integration of systems 1 and 2, and was badly fitted to the data. The results of the study correlated well with the results of meta-analyses. The individual intellectual integrations were limited and selective. They affected some variables but did not touch other ones. Thus, the considered dual system functions rather jointly than separately.

Key words: system-integrative approach, dual systems, individual intellectual integrations, academic achievement, students

Acknowledgements and Funding. The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of scientific project No. 19-29-07046.

References

Abdelrahman, R.M. (2020). Metacognitive awareness and academic motivation and their impact on academic achievement of Ajman University students. *Heliyon*, 6(9), e04192. <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2020.e04192>

- Ahmed, Z., Asim, M., & Pellitteri, J. (2019). Emotional intelligence predicts academic achievement in Pakistani management students. *The International Journal of Management Education*, 17(2), 286–293. <https://doi.org/10.1016/j.ijme.2019.04.003>
- Akpur, U. (2020). Critical, reflective, creative thinking and their reflections on academic achievement. *Thinking Skills and Creativity*, 37, 100683. <https://doi.org/10.1016/j.tsc.2020.100683>
- Anderman, E.M. (2020). Achievement motivation theory: Balancing precision and utility. *Contemporary Educational Psychology*, 61, 101864. <https://doi.org/10.1016/j.cedpsych.2020.101864>
- Averina, I.S., & Shcheblanova, E.I. (1996). *Verbal test of creative thinking "unusual uses"*. Moscow: Sobor Publ. (In Russ.)
- Baturin, N.A., & Kurganskiy, N.A. (1995). *A quick guide to the Universal Intelligent Test*. St. Petersburg. (In Russ.)
- Brown, T. (2015). *Confirmatory factor analysis for applied research*. New York, London: The Guilford Press.
- Chamorro-Premuzic, T., Moutafi, J., & Furnham, A. (2005). The relationship between personality traits, subjectively-assessed and fluid intelligence. *Personality and Individual Differences*, 38(7), 1517–1528. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2004.09.018>
- Chen, C., Elliot, A.J., & Sheldon, K.M. (2019). Psychological need support as a predictor of intrinsic and external motivation: The mediational role of achievement goals. *Educational Psychology*, 39(8), 1090–1113. <https://doi.org/10.1080/01443410.2019.1618442>
- Danilova, N.P., & Shmelev, A.G. (1988). Strelyau test questionnaire. In A.G. Shmelev (Ed.), *Workshop on Psychodiagnosics. Psychodiagnostic Materials* (pp. 4–10). Moscow: MGU Publ. (In Russ.)
- De Neys, W. (2017). Bias, conflict, and fast logic: Towards a hybrid dual process future? In W. De Neys (Ed.), *Dual Process Theory 2.0* (pp. 47–65). Oxon, UK: Routledge.
- Deutsch, R., & Strack, F. (2006). Duality models in social psychology: From dual processes to interacting systems. *Psychological Inquiry*, 17(3), 166–172. https://doi.org/10.1207/s15327965pli1703_2
- DeYoung, C.G. (2006). Higher-order factors of the Big Five in a multi-informant sample. *Journal of Personality and Social Psychology*, 91(6), 1138–1151. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.91.6.1138>
- Dokuka, S.V. (2021). Social environment and academic performance: A systematic review of stochastic actor-oriented research. *Sociological Journal*, 27(3), 175–191. (In Russ.) <https://doi.org/10.19181/socjour.2021.27.3.8429>
- Dorfman, L., & Kalugin, A. (2022). *Individual intellectual integration in Russian students*. Cambridge Scholars Publishing.
- Dorfman, L.Ya. (2016). The causal pluralism and holism in the meta-individual world theory. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 13 (1), 115–153. (In Russ.) <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2016-1-115-153>
- Dorfman, L.Ya., & Kalugin, A.Yu. (2020). The four-factor self questionnaire: Its theoretical and psychometric properties. *Siberian Journal of Psychology*, (75), 53–74. (In Russ.) <https://doi.org/10.17223/17267080/75/4>
- Dorfman, L.Ya., & Kalugin, A.Yu. (2021). *Individual-intellectual integration of person*. Moscow: Institute of Psychology RAS. (In Russ.) https://doi.org/10.38098/mng_21_0438
- Dorfman, L.Ya., & Kalugin, A.Yu. (2022a). An individual-intellectual model of students' academic achievement (based on humanitarian specializations). *Psychological Science and Education*, 27(4), 68–76. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/pse.2022270407>
- Dorfman, L.Ya., & Kalugin, A.Yu. (2022b). Integration of knowledge in modern psychological science: Cross-theoretical integrations and empirical models. *Bulletin of Udmurt University. Series Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 32(3), 275–286. (In Russ.) <https://doi.org/10.35634/2412-9550-2022-32-3-235-246>
- Duckworth, A.L., Taxer, J.L., Eskreis-Winkler, L., Galla, B.M., & Gross, J.J. (2019). Self-control and academic achievement. *Annual Review of Psychology*, 70, 373–399. <https://doi.org/10.1146/annurev-psych-010418-103230>

- Evans, J.S.B.T., & Stanovich, K.E. (2013). Dual-process theories of higher cognition: Advancing the debate. *Perspectives on Psychological Science: A Journal of the Association for Psychological Science*, 8(3), 223–241. <https://doi.org/10.1177/1745691612460685>
- Fomina, T.G., Filippova, E.V., & Morosanova, V.I. (2021). Longitudinal study of the relationship between conscious self-regulation, school engagement and student academic achievement. *Psychological Science and Education*, 26(5), 30–42. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/pse.2021260503>
- George, D., & Mallery, P. (2016). *IBM SPSS Statistics 23 step by step: A simple guide and reference*. New York: Routledge.
- Guilford, J.P. (1950). Creativity. *American Psychologist*, 5(9), 444–454. <https://doi.org/10.1037/h0063487>
- Guilford, J.P. (1967). *The nature of human intelligence*. New York: McGraw-Hill. <https://doi.org/10.3102/00028312005002249>
- Howard, J.M., Nicholson, B.C., & Chesnut, S.R. (2019). Relationships between positive parenting, overparenting, grit, and academic success. *Journal of College Student Development*, 60(2), 189–202. <https://doi.org/10.1353/csd.2019.0018>
- Ishmuratova, Yu.A., Potanina, A.M., & Bondarenko, I.N. (2021). Impact of conscious self-regulation, engagement and motivation on academic performance of schoolchildren during different periods of study. *Psychological Science and Education*, 26(5), 17–29. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/pse.2021260502>
- James, W. (1996). *A pluralistic universe. Hibbert lectures*. New York: University of Nebraska Press.
- Kahneman, D. (2011). *Thinking, fast and slow*. New York: Farrar Straus and Giroux.
- Kalugin, A. Yu., Shchebetenko, S.A., Mishkevich, A.M., Soto, C.J., & John, O.P. (2021). Psychometric properties of the Russian version of the Big Five Inventory – 2. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 18(1), 7–33. (In Russ.) <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2021-1-7-33>
- Lobanov, A.P., Radchikova, N.P., Drozdova, N.V., & Voronova, A.V. (2018). Influence of academic and non-academic types of intelligence on academic achievements of students. *Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 7(4), 304–312. (In Russ.) <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2018-7-4-304-312>
- Lomov, B.F. (1984). *Methodological and theoretical problems of psychology*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Mammadov, S. (2022). Big Five personality traits and academic performance: A meta-analysis. *Journal of Personality*, 90(2), 222–255. <https://doi.org/10.1111/jopy.12663>
- Merlin, V.S. (1986). *Essay on integral study of individuality*. Moscow: Pedagogika Publ. (In Russ.)
- Morales-Vives, F., Camps, E., & Dueñas, J.M. (2020). Predicting academic achievement in adolescents: The role of maturity, intelligence and personality. *Psicothema*, 32(1), 84–91. <https://doi.org/10.7334/psicothema2019.262>
- Morosanova, V.I., Bondarenko, I.N., & Fomina, T.G. (2022). Conscious self-regulation, motivational factors, and personality traits as predictors of students' academic performance: A linear empirical model. *Psychology in Russia: State of the Art*, 15(4), 170–187. <https://doi.org/10.11621/pir.2022.0411>
- Moutafi, J., Furnham, A., & Crump, J. (2003). Demographic and personality predictors of intelligence: A study using the NEO personality inventory and the Myers – Briggs type indicator. *European Journal of Personality*, 17(1), 79–94. <https://doi.org/10.1002/per.471>
- Moutafi, J., Furnham, A., & Crump, J. (2006). What facets of openness and conscientiousness predict fluid intelligence score? *Learning and Individual Differences*, 16(1), 31–42. <https://doi.org/10.1016/j.lindif.2005.06.003>
- Nasir, M., & Iqbal, S. (2019). Academic self-efficacy as a predictor of academic achievement of students in pre service teacher training programs. *Bulletin of Education and Research*, 41(1), 33–42.

- Olivier, E., Archambault, I., De Clercq, M., & Galand, B. (2019). Student self-efficacy, classroom engagement, and academic achievement: Comparing three theoretical frameworks. *Journal of Youth and Adolescence*, 48(2), 326–340. <https://doi.org/10.1007/s10964-018-0952-0>
- Ponomarev, Ya.A. (1976). *Psychology of creativity*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Prokhorova, A.A. (2019). Foreign studies of overparenting style of parenthood. *Journal of Modern Foreign Psychology*, 8(4), 16–24. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/jmfp.2019080402>
- Rand, K.L., Shanahan, M.L., Fischer, I.C., & Fortney, S.K. (2020). Hope and optimism as predictors of academic performance and subjective well-being in college students. *Learning and Individual Differences*, 81, 101906. <https://doi.org/10.1016/j.lindif.2020.101906>
- Raven, Dzh.K., Kurt, Dzh.Kh., & Raven, Dzh. (1997). *Manual for Raven's progressive matrices and vocabulary scales. Section 1. General overview*. Moscow: Kogito-Tsentr Publ. (In Russ.)
- Rzhanova, I.E., Alekseeva, O.S., & Burdukova, Yu.A. (2020). Successful learning: Relationship between fluid intelligence and working memory. *Psychological Science and Education*, 25(1), 63–74. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/pse.2020250106>
- Schreiber, J.B., Nora, A., Stage, F.K., Barlow, E.A., & King, J. (2006). Reporting structural equation modeling and confirmatory factor analysis results: A review. *The Journal of Educational Research*, 99(6), 323–338. <https://doi.org/10.3200/JOER.99.6.323-338>
- Shchebetenko, S., Kalugin, A.Y., Mishkevich, A.M., Soto, C.J., & John, O.P. (2020). Measurement invariance and sex and age differences of the Big Five Inventory – 2: Evidence from the Russian version. *Assessment*, 27(3), 472–486. <https://doi.org/10.1177/1073191119860901>
- Smirnov, S.D., Kornilova, T.V., Kornilov, S.A., & Malakhova, S.I. (2007). About the connection between intellectual abilities and personality traits of students and their academic success. *Moscow University Psychology Bulletin. Series 14. Psychology*, (3), 82–87. (In Russ.)
- Soto, C.J., & John, O.P. (2017). The next Big Five Inventory (BFI-2): Developing and assessing a hierarchical model with 15 facets to enhance bandwidth, fidelity, and predictive power. *Journal of Personality and Social Psychology*, 113(1), 117. <https://doi.org/10.1037/pspp0000096>
- Stajković, A., Bandura, A., Locke, E., Lee, D., & Sergeant, K. (2018). Test of three conceptual models of influence of the big five personality traits and self-efficacy on academic performance: A meta-analytic path-analysis. *Personality and Individual Differences*, 120, 238–245. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2017.08.014>
- Stanovich, K. (2010). *Rationality and the reflective mind*. New York: Oxford University Press.
- Steinmayr, R., Weidinger, A.F., Schwinger, M., & Spinath, B. (2019). The importance of students' motivation for their academic achievement – replicating and extending previous findings. *Frontiers in Psychology*, 10, 1730. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.01730>
- Strelau, J., & Zawadzki, B. (1995). The formal characteristics of behavior – temperament inventory (FCB–TI): Validity studies. *European Journal of Personality*, 9(3), 207–229. <https://doi.org/10.1002/per.2410090304>
- Strelau, J., Angleitner, A., & Newberry, B.H. (1999). *The Pavlovian temperament survey (PTS): An international handbook*. Seattle: Hogrefe & Huber Pub.
- Strelyau, Ya., Mitina, O., Zavadskiy, B., Babaeva, Yu., & Menchuk, T. (2009). *Temperament diagnostic technique (formal dynamic characteristics of behavior)*. Moscow: Smysl Publ. (In Russ.)
- Suna, H.E., Tanberkan, H., Gür, B., Perc, M., & Özer, M. (2020). Socioeconomic status and school type as predictors of academic achievement. *Journal of Economy Culture and Society*, (61), 41–64. <https://doi.org/10.26650/JECS2020-0034>
- Tikhomirova, T., Malykh, A., & Malykh, S. (2020). Predicting academic achievement with cognitive abilities: Cross-sectional study across school education. *Behavioral Sciences*, 10(10), 158. <https://doi.org/10.3390/bs10100158>
- Torun, E.D. (2020). Online distance learning in higher education: E-learning readiness as a predictor of academic achievement. *Open Praxis*, 12(2), 191–208. <https://doi.org/10.5944/openpraxis.12.2.1092>

- Ushakov, D.V. (2003). *Intelligence: Structural dynamic theory*. Moscow: Institute of Psychology RAS. (In Russ.)
- Ushakov, D.V. (2011). *Psychology of intelligence and giftedness*. Moscow: Institute of Psychology RAS. (In Russ.)
- Usher, E.L., Li, C.R., Butz, A.R., & Rojas, J.P. (2019). Perseverant grit and self-efficacy: Are both essential for children's academic success? *Journal of Educational Psychology*, 111(5), 877–902. <https://doi.org/10.1037/edu0000324>
- Van der Linden, D., Te Nijenhuis, J., & Bakker, A.B. (2010). The general factor of personality: A meta-analysis of Big Five intercorrelations and a criterion-related validity study. *Journal of Research in Personality*, 44(3), 315–327. <https://doi.org/10.1016/j.jrp.2010.03.003>
- Veas, A., Castejón, J.L., Miñano, P., & Gilar-Corbí, R. (2019). Relationship between parent involvement and academic achievement through metacognitive strategies: A multiple multilevel mediation analysis. *British Journal of Educational Psychology*, 89(2), 393–411. <https://doi.org/10.1111/bjep.12245>
- Vyatkin, B.A., & Dorfman, L.Ya. (2018). *System integration of human individuality*. Moscow: Institute of Psychology RAS. (In Russ.)
- Wallach, M.A., & Kogan, N. (1965). *Modes of thinking in young children*. New York: Holt, Rinehart, and Winston.
- Zenkina, V.G., Zenkin, I.S., & Vladimirova, K.E. (2019). Chronobiological type of students and academic performance. *Amur Medical Journal*, (3), 36–40. (In Russ.)

Article history:

Received 17 January 2023

Revised 7 April 2023

Accepted 10 April 2023

For citation:

Dorfman, L.Ya., & Kalugin, A.Yu. (2023). Contributions of individual intellectual integrations to the academic achievement of humanities students. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 20(2), 289–310. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2023-20-2-289-310>

Author's contribution:

Leonid Ya. Dorfman – concept, study design, text writing. *Alexey Yu. Kalugin* – data collection and processing, data analysis, text writing.

Conflicts of interest:

The authors declare that there is no conflict of interest.

Bio notes:

Leonid Ya. Dorfman, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Head of the Department of Humanities, Perm State Institute of Culture (Perm, Russia). ORCID: 0000-0001-8494-5674; Scopus ID: 8664947000; Researcher ID: AAD-5451-2020; eLIBRARY SPIN-code: 7398-0715. E-mail: dorfman07@yandex.ru

Alexey Yu. Kalugin, PhD in Psychology, Associate Professor, Head of the Department of Theoretical and Applied Psychology, Perm State Humanitarian Pedagogical University (Perm, Russia). ORCID: 0000-0002-3633-2926; Scopus ID: 57192099434; Researcher ID: X-7824-2018; eLIBRARY SPIN-code: 3744-8423. E-mail: kaluginau@yandex.ru

DOI: 10.22363/2313-1683-2023-20-2-311-330

EDN: YXBZHZ

УДК 378

Исследовательская статья

Отношение преподавателей российских вузов к цифровой образовательной среде

Н.П. Радчикова^{1,2}✉, М.А. Одинцова¹, М.Г. Сорокова¹¹Московский государственный психолого-педагогический университет,
*Российская Федерация, 127051, Москва, ул. Сретенка, д. 29*²Институт теоретической и экспериментальной биофизики Российской академии наук,
Российская Федерация, 142290, Пуцино, ул. Институтская, д. 3✉ nataly.radchikova@gmail.com

Аннотация. Отношение преподавателей к цифровой образовательной среде (ЦОС) и применению информационных технологий в обучении во многом определяет отношение студентов к образовательному процессу, эффективность обучения и эмоциональную вовлеченность в учебу. Это обуславливает цель исследования – анализ отношения преподавателей вузов к ЦОС и возможностям дистанционного обучения, а также определение психологических составляющих принятия новых информационных технологий. В опросе участвовали 308 преподавателей (71 % женского пола) в возрасте от 23 до 77 лет (в среднем 46 ± 11 лет) из различных вузов РФ. Кроме измерения отношения к обучению в ЦОС (методика «Шкала оценки ЦОС университета») изучались личностные черты (пятифакторный опросник личности), ресурсы саморегуляции и отношение к профессиональной деятельности. Результаты показали, что большинство преподавателей знакомы с различными элементами ЦОС и используют их; 81 % хотели бы перейти к смешанному обучению как сочетанию ресурсов ЦОС и очных занятий. Основными психологическими предпосылками принятия ЦОС стали переживания в профессиональной деятельности: чем сильнее переживание смысла и слабее переживания усилия и пустоты, тем позитивнее относится преподаватель к работе в цифровой среде. Ключевыми элементами являются также различные аспекты саморегуляции (планирование целей и самостоятельность) и такие личностные характеристики, как открытость опыту и доброжелательность.

Ключевые слова: цифровая образовательная среда, студенты вуза, пятифакторный опросник личности, самоактивация, стиль саморегуляции поведения, шкала оценки, методика диагностики, переживания в деятельности

Введение

Проблемы, с которыми сталкивается сегодня высшее образование, связывают как с разрушением традиционных методов обучения, так и с приобретениями: разработкой, внедрением и совершенствованием новых онлайн-

технологий и интерактивных педагогических практик. Использование онлайн-технологий для поддержки непрерывности обучения значительно возросло в период пандемии, что привело к созданию цифровой образовательной среды (ЦОС) в образовательных организациях. Данный период называют самым смелым и неожиданным естественным экспериментом (Ssemugenyi, Seje, 2021), который стал «полномасштабной проверкой на прочность для всей российской системы высшего образования» (Абрамов и др., 2021, с. 144), «сыграл на руку углублению процессов цифровизации высшего образования, не оставив возможности откладывать «в долгий ящик» дискуссии о важности/неважности, полезности/бесполезности использования дистанционных форм обучения и различных онлайн-технологий в образовательном процессе» (Абрамов и др., 2021, с. 145).

Создание ЦОС в университетах на фоне технического прогресса позволяет не отстать от цифровой реальности, обогащать традиционные методы обучения, готовить специалистов будущего, а также не останавливать образовательный процесс в условиях кризисов и экстремальных событий (Abunamous et al., 2022), а это, в свою очередь, выдвигает новые требования к профессии преподавателя высшей школы. Высокий уровень профессиональных цифровых компетенций преподавателей способствует не только их конкурентоспособности, но и является необходимым условием подготовки специалистов, владеющих новыми цифровыми технологиями. Преподаватели, являясь ключевыми лицами в образовании и инициаторами новых технологий (Emelogu et al., 2022), должны реализовывать «двойную дидактическую задачу» (Lindfors et al., 2021): владеть цифровыми компетенциями (то есть быть образцом для подражания, вдохновителем студентов) и учить студентов активному освоению и продуктивному использованию цифровых технологий. Это выдвигает на передний план проблематику отношения преподавателей вузов к ЦОС. Согласно теории взаимодействия (Holmberg, 1995) отношение преподавателей к ЦОС во многом определяет отношение студентов, эффективность их обучения, эмоциональную вовлеченность в учебу, мотивацию и т. п. Исходя из теории отношений В.Н. Мясищева, «лицо, являющееся примером, а его деятельность образцом, вызывает отношение восхищения, уважения. Образец и его деятельность, как идеал, ценность вызывают склонность к деятельности» (Мясищев, 1995, с. 324), что еще раз подчеркивает ведущую роль преподавателя в выстраивании отношений со студентами и отношений с ЦОС в новой реальности.

В зарубежной науке «отношение» считается гипотетическим конструктом, который нельзя наблюдать напрямую, но который можно определить по измеряемым реакциям на объект отношения. Отношение рассматривается и как индивидуальная склонность реагировать с определенной степенью благоприятности или неблагоприятности на любой различимый аспект мира человека (Ssemugenyi, Seje, 2021); это отрицательное или положительное чувство, возникающее в результате опыта, который может регулировать реакцию человека на вещь, предмет или других (Mensah et al., 2023). В отечественной традиции категория «отношение» наиболее глубоко разработана В.Н. Мясищевым, который предлагает выделить ее в самостоятельный класс психологических понятий, потому как отношение целостно, не часть лично-

сти, а ее движущая сила психологических реакций на какой-либо предмет, процесс, факт действительности: «Психологические отношения человека в развитом виде представляют целостную систему индивидуальных, избирательных, сознательных связей личности с различными сторонами объективной действительности» (Мясищев, 1995, с. 101). Отношение – это «потенциал, определяющий степень интереса, степень выраженности эмоции, степень напряжения желания или потребности» (Мясищев, 1995, с. 49). Ссылаясь на экспериментальные исследования, В.Н. Мясищев подчеркивает, что при активно-положительном отношении прослеживается многообразие и прочность восприятия и последующего воспроизведения информации, при отрицательном – обедненность и непрочность, что зависит от эмоциональности человека, его характера, от уровня и развитости саморегуляции и степени значимости для него содержания деятельности. При этом, «чем выше уровень развития личности, тем дифференцированнее и богаче ее отношения» (Мясищев, 1995, с. 346).

В процессе культурно-исторического развития неизбежно переплетение и конфликт нового со старым, что включается в содержание отношения человека к нововведениям. Считается, что сопротивление изменениям – естественный результат деятельности в незнакомых обстоятельствах (Treve, 2021). Выделяют формы проявления сопротивления: отрицание, индифферентность, избегание, некомпетентность, абсентеизм (частое отсутствие на работе), рационализация, возмущение, скептицизм, нетерпимость (Кобзева, 2013, с. 298–303), что связано с эмоциональными и поведенческими реакциями на незнакомые обстоятельства. Не случайно в большинстве исследований отношения преподавателей к нововведениям отмечено, что отрицательное отношение к ЦОС связано:

1) с недостатком цифровых компетенций как способности, необходимой для использования цифровых устройств (Бурганова, Юрьева, 2021);

2) повышенным уровнем стресса, обусловленным ограничениями (ограниченный доступ в интернет, трудности в использовании цифровых устройств и т. п.) и «техностресса» (компьютерное беспокойство, напряжение, давление, снижающие продуктивность деятельности) (Khlaif et al., 2022);

3) изоляцией как наиболее существенным барьером для обеих сторон, поскольку она способствует развитию девиантного поведения в большей степени, чем при очном обучении (например, манипуляции со стороны студентов) (Racat, Lichy, 2022);

4) проявлением недовольства и недоверия в силу изменения отношений между обучающимися и преподавателями (Xie et al., 2021), сомнения в полезности, неудовлетворенность формальным характером применения, неудобство использования; необходимость обращения за технической поддержкой; недостаточная вовлеченность студентов (Половнёв и др., 2022);

5) рисками в области здоровья (Петросянц и др., 2022);

6) десубъективизацией отношений как превращения и преподавателей, и студентов в объектов, а не субъектов отношений (снижение соучастия, сопереживания, соприсутствия), и, как результат, эмоциональное выгорание (Радаев, 2022);

7) сопротивление изменениям, отсутствие гарантий занятости, недостаток личностных ресурсов (Hampel et al., 2023).

Наряду с этим, в отечественной традиции подчеркивается: понимание и принятие деятельности, нахождение в ней смысла приводит к ее преобразованию, улучшению качества, продуктивности, в целом к положительному отношению к деятельности (Бодров, Орлов, 1998).

Среди положительных характеристик отношения к ЦОС выделяют:

1) усиление понимания ее полезности, доступности, удовлетворенность поддержкой (Ssemugenyi, Seje, 2021); готовность использовать цифровые технологии, повышение уверенности в себе, смелость и мотивация (Pihlainen et al., 2021);

2) технологические, педагогические, содержательные и коммуникативные компетенции, добросовестность, обеспечивающие субъективное благополучие в условиях онлайн-обучения (Stan, 2022); личная инновационность как готовность экспериментировать с новыми технологиями (Khong et al., 2022); стойкость и находчивость при использовании новых технологий (Tawfik et al., 2021);

3) самооценка как ментальные представления и высокие оценки своих собственных компетенций в работе с ИКТ (Pozas et al., 2022);

4) технологический энтузиазм, самоэффективность (Hampel et al., 2023).

В целом показано, что позитивное отношение является доминирующим предиктором использования и принятия технологий в процессе преподавания и обучения (Ssemugenyi, Seje, 2021). Как видим, проблемы внедрения ЦОС многочисленны. Чтобы справиться с ними, необходимо переосмысление внутреннего отношения преподавателей на пути внедрения ЦОС в высшее образование. Большинство исследований сосредоточено на социологических данных, представляющих огромный интерес, однако упускается из поля внимания психологическая составляющая отношения к ЦОС. Исходя из концепции отношений В.Н. Мясищева и анализа эмпирических исследований отношения к ЦОС, выделим индикаторы, на основании которых можно проанализировать отношение к ЦОС преподавателей высшей школы (рис. 1).

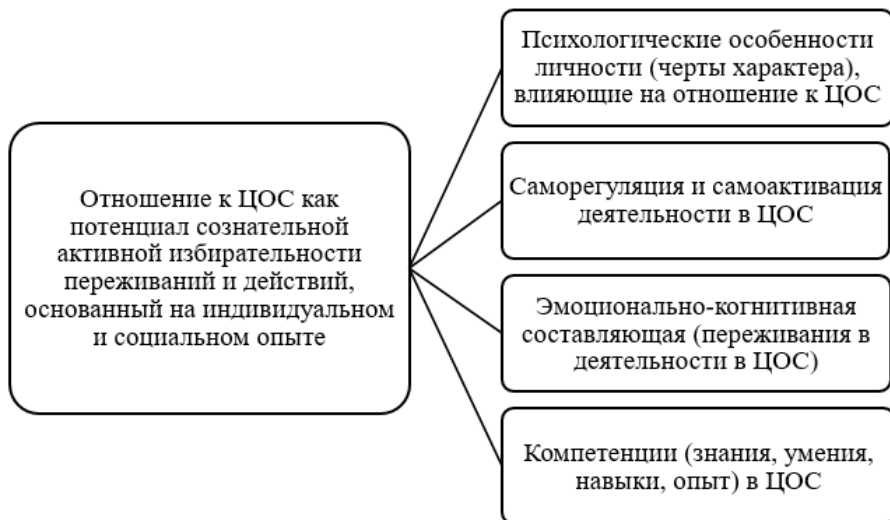
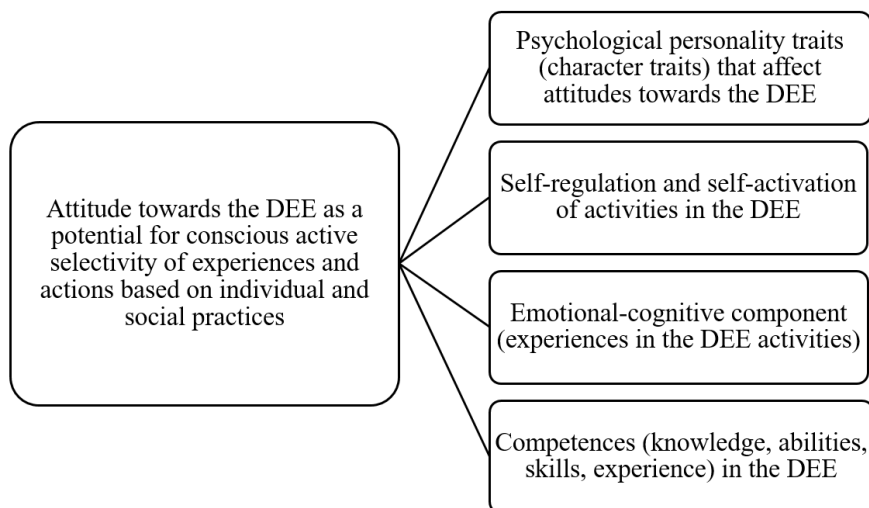

Рис. 1. Структура отношения преподавателей к ЦОС

Figure 1. The structure of teachers' attitude towards the DEE

Отношение к ЦОС, являющееся потенциалом сознательной активной избирательности переживаний и действий, основанных на индивидуальном и социальном опыте преподавателей, складывается из следующих компонентов: 1) когнитивно-эмоциональная составляющая, включающая эмоциональное отношение (позитивное/негативное/равнодушное), нахождение смыслов (или переживание пустоты) и, как следствие, применение технологий или их отторжение; 2) саморегуляция и самоактивация (внутренняя побудительная активность, самодетерминация), которые в некоторой степени позволяют преодолевать воздействие внешних факторов (например, технические трудности); 3) знания, умения, навыки, а также предшествующий опыт, что включает не только представления человека о способах деятельности, но и активно и творчески используются в цифровой среде; 4) психологические особенности личности (черты характера), ведь скорость изменений среды диктует необходимость внутренних изменений, и чем более пластичен характер человека, чем более он открыт новому опыту, тем больше шансов на принятие этих изменений и адаптацию к ним. Как писал В.Н. Мясищев, «выключение характерологической стороны проблем делает невозможным разрешение их в целом» (Мясищев, 1995, с. 255). Все компоненты представляют единую систему сложных, многомерных и динамических характеристик, тесно переплетающихся между собой. Вместе с тем мы не претендуем на всеобщий охват данных характеристик. На это требуется время, проведение лонгитюдных исследований, позволяющих более детально проследить модальность, интенсивность, широту, доминантность, устойчивость, степень влияния на других (на студентов) тех или иных параметров отношения преподавателей к ЦОС. Таким образом, внедрение новых технологий, пронзая всю историю человечества, способствует существенному изменению деятельности, стремлению к овладению новыми инструментами, но главное, что необходимо учитывать – это отношение преподавателей, являющихся образцом для подражания и использующих новые инструменты. В некоторой степени продолжающийся естественный эксперимент по внедрению ЦОС в высшее образование позво-

ляет нам ответить на ряд вопросов: как относятся преподаватели к ЦОС? Какие психологические характеристики преподавателей важны для положительного отношения к ЦОС?

Мы предположили, что у большинства преподавателей есть опыт профессиональной деятельности в ЦОС, благодаря которому они выберут оптимальный вариант, сочетающий ресурсы ЦОС и очные занятия (смешанное обучение). Основными психологическими предпосылками принятия ЦОС будут переживания в профессиональной деятельности, саморегуляция и такие личностные характеристики, как открытость опыту и доброжелательность.

Процедура и методы исследования

Выборка. Отбор преподавателей для участия в исследовании проводился с помощью анкеты, помещенной на сайт конференции DHTE 2022, рассылки писем по электронной почте с просьбой принять участие в анонимном исследовании, которое займет от 15 до 20 минут, и ссылкой на google-форму. Электронные адреса отбирались из сведений об авторах, указанных в трудах конференций за 2020–2022 гг., выложенных в открытом доступе в eLIBRARY. Всего было проанализировано более 200 трудов конференций по различной тематике и разослано более 6500 писем. Доля ответивших около 3%, что является довольно низким результатом, но нередко встречается в исследованиях (см., например: Wu et al., 2022, табл. 2). Всего получен 351 ответ, после удаления ответов студентов, преподавателей средних учебных заведений и респондентов из других стран в выборке осталось 308 человек (71 % женского пола), представляющих различные вузы Российской Федерации (72 города). Возраст респондентов колебался от 23 до 77 лет и в среднем составил 46 ± 11 лет (медиана = 45,5 лет; межквартильный размах = 3 года).

Результаты, полученные на выборке преподавателей, сравнивались с аналогичными результатами студентов ($N = 1059$), полученными ранее и подробно описанными в (Радчикова и др., 2023).

Методики. Для диагностики личностных черт был выбран *пятифакторный опросник личности* (Big Five Inventory – 2) (Калугин и др., 2021). Данная методика предполагает наличие у человека пяти личностных черт: экстраверсия (E – extraversion), доброжелательность (A – agreeableness), добросовестность (C – conscientiousness), нейротизм (N – neuroticism) и открытость опыту (O – openness).

Для измерения ресурсов саморегуляции выбрано две методики: *самоактивации личности* и *определения стиля саморегуляции поведения*. Методика *самоактивации личности* (Одинцова, Радчикова, 2018) включает три шкалы (самостоятельность, физическая активация, психологическая активация) и общий балл, показывающий уровень самоактивации. Методика *определения стиля саморегуляции* (Моросанова, Кондратюк, 2020) содержит шесть шкал: планирование целей, моделирование значимых условий их достижения, программирование действий, оценивание результатов, гибкость, настойчивость, а также общий балл, показывающий уровень саморегуляции.

Методика диагностики переживаний в деятельности (ДПД) (Леонтьев и др., 2018) использовалась для определения отношения к деятельности. Она содержит четыре шкалы: Усилие, Удовольствие, Смысл и Пустота. В данном исследовании вопросы сформулированы таким образом, чтобы респонденты понимали, что речь идет о профессиональной (учебной) деятельности в ЦОС.

Для измерения отношения к ЦОС использовалась *шкала оценки ЦОС университета* (Сорокова и др., 2021; Радчикова и др., 2021), включающая 6 шкал, которые позволяют определить различные составляющие отношения к ЦОС, и общий балл, характеризующий отношение к ЦОС. Шкала «Удовлетворенность учебным процессом и практическая польза» отражает оценку полезности электронных учебных курсов для подготовки к будущей профессиональной деятельности и степень удовлетворенности от учебного процесса. Шкала «Удовлетворенность коммуникативным взаимодействием и мотивация к учению» дает оценку контактов с другими участниками учебного процесса, качества образования и учета индивидуально-личностных особенностей студентов. Шкала «Стрессонапряженность в ЦОС» характеризует трудности приобретения компетенций в практической деятельности. Шкала «Необходимость поддержки в ЦОС» характеризует сложность планирования времени для занятий, оценку технических сложностей и непривычность формата обучения. Шкала «Нечестные стратегии в ЦОС» отражает мнение о возможностях использования и частоте применения нечестных стратегий в ЦОС. Шкала «Доступность ЦОС» характеризует доступность учебного материала в ЦОС. Чтобы напомнить респондентам, что подразумевается под цифровой образовательной средой, давалось определение ЦОС, а также перечислялись компоненты ЦОС (вебинарные оболочки, инструменты проверки оригинальности, электронные библиотеки, электронные учебные курсы и т. д.). Респонденты должны были отметить те компоненты, которые они используют в учебном процессе.

Результаты

Результаты опроса показывают, что большинство преподавателей знакомы с различными элементами ЦОС и применяют их. Чаще всего используются вебинарные оболочки для коммуникации участников образовательного процесса в дистанционном формате (ими пользуются почти все, 96 % преподавателей), инструмент проверки оригинальности студенческих работ и научных текстов (93,8 %), электронные библиотеки (82 %) и электронные учебные курсы (74 %), что говорит о том, что цифровые платформы вузов востребованы и работают. Реже всего используются платформы для независимого тестирования, но практически половина опрошенных применяет их. В среднем преподаватели используют пять элементов ЦОС, при этом более 89 % преподавателей применяют четыре и более различных элементов. Большинство преподавателей (81,2 %) хотели бы перейти к смешанному обучению как сочетанию ресурсов цифровой образовательной среды и очных занятий. Тем не менее преподаватели критически оценивают обучение исключительно в дистанционном формате: большинство (78,2 %) считают,

что это приведет к снижению качества образования, и только 3,9 % думают, что качество образования повысится.

Описательная статистика по всем количественным показателям и результаты проверки внутренней согласованности методик для всей выборки представлены в табл. 1 (столбец «Преподаватели»). Там же представлены результаты, полученные при аналогичном тестировании студентов РФ (результаты цит. по: Радчикова и др., 2023, с. 39–40), и результаты сравнения этих двух групп: уровень статистической значимости t -критерия Стьюдента и показатель, позволяющий оценить величину эффекта (d Коэна).

Так как группы были довольно велики, а статистическая значимость различий зависит от размера выборки, то при интерпретации результатов будем ориентироваться на величину эффекта ($d > 0,5$, средняя величина эффекта). Результаты сравнения показывают, что наибольшие различия наблюдаются по оценке ЦОС университета: по трем шкалам из шести, а также по общему баллу (размер эффекта выше среднего).

Для определения основных психологических предпосылок принятия преподавателями ЦОС использовалась следующая процедура. Сначала преподаватели были разделены на группы по их отношению к ЦОС (кластерный анализ, метод k -средних, нормированные данные, рис. 2). Статистика Хопкинса показала хорошую предрасположенность данных к объединению ($= 0,76$), а статистика разрыва (gap statistic) указала на то, что оптимальным будет выделение двух или трех кластеров. Было выделено три кластера, так как интерес представляли контрастные группы: принимающих ($N = 62/20$ %) и не принимающих ($N = 97/32$ %) ЦОС. При этом группа преподавателей со средними значениями отношения к ЦОС ($N = 149/48$ %) исключалась.

Различий между контрастными группами не обнаружено по полу ($\chi^2 = 0,27$; $p = 0,60$), возрасту ($F(2, 305) = 1,81$; $p = 0,17$) и опыту преподавания в ЦОС ($F(2, 305) = 0,82$; $p = 0,44$). Для двух контрастных групп определены психологические характеристики, которые имеют наибольший вес для прогнозирования того, в какую группу попадет преподаватель (дискриминантный анализ). Личностные черты, ресурсы саморегуляции и переживания в учебной деятельности в ЦОС использовались в качестве независимых переменных. Сначала применялся прямой пошаговый метод, который позволил отобрать самые важные характеристики. Так как не все они статистически значимо входили в модель, были удалены те характеристики, которые не достигли уровня статистической значимости, толерантность которых не достигала 0,75 и удаление которых не привело к изменению процента правильных предсказаний. Результаты анализа представлены в табл. 2.

Результаты показывают, что наибольший вклад вносят такие характеристики, как переживание смысла, переживание пустоты, два показателя саморегуляции (планирование целей и самостоятельность), а также две личностные черты (открытость опыту и доброжелательность). Наименьший вес среди вошедших в модель характеристик имеет переживание усилия. При этом модель достаточно хорошо соответствует данным: модель дает 89 % правильных предсказаний; лямбда Уилкса для дискриминантной функции $\lambda = 0,43$; $p < 0,001$; канонический коэффициент корреляции = 0,76.

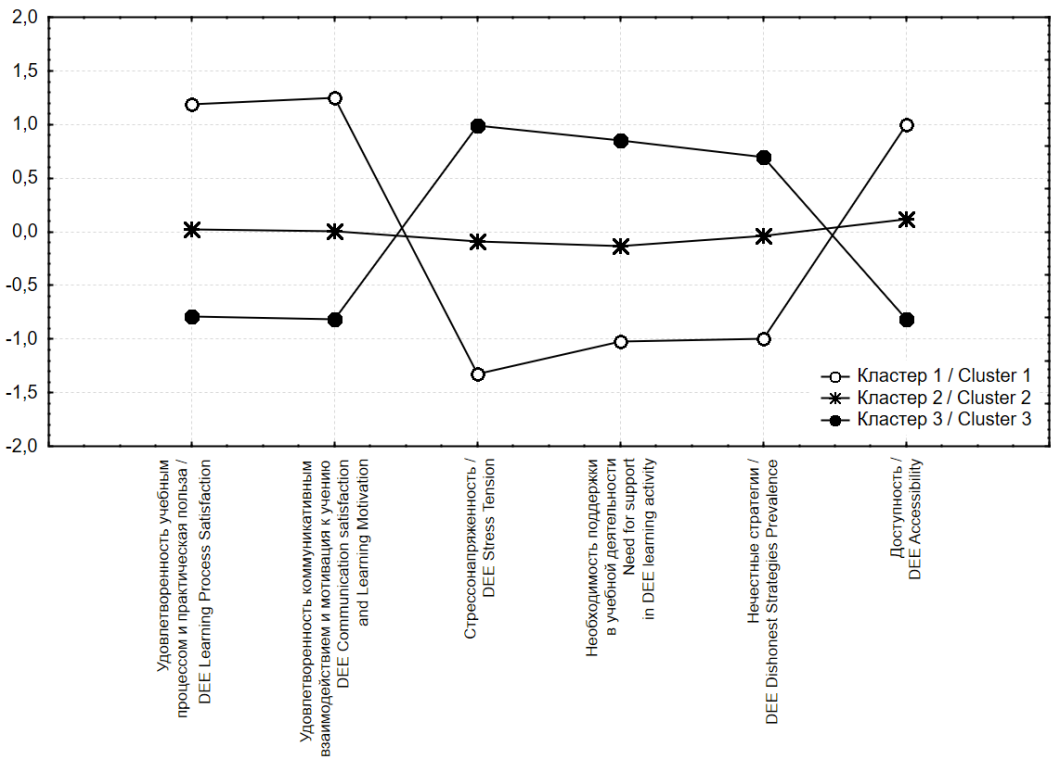
Таблица 1 / Table 1

**Сравнение групп преподавателей (N = 308) и студентов (N = 1059)
по всем количественным показателям /
Comparison of the university teachers (N = 308) and students (N = 1059)
for all the quantitative variables**

Показатель / Indicator	Преподаватели / Teachers		Студенты / Students	p	d
	α	M ± SD	M ± SD		
Отношение к работе в ЦОС / Attitude towards working in the DEE					
Удовлетворенность учебным процессом и практическая польза / DEE learning process satisfaction	0,89	42,3 ± 7,9	45,2 ± 9,6	<0,001	-0,3
Удовлетворенность коммуникативным взаимодействием и мотивация к учению / DEE communication satisfaction and learning motivation	0,63	16,6 ± 5,1	20,4 ± 6,2	<0,001	-0,6
Стрессонапряженность / DEE stress tension	0,83	23,5 ± 6,0	21,0 ± 6,6	<0,001	0,4
Необходимость поддержки в учебной деятельности / Need for support in DEE learning activity	0,63	17,6 ± 3,9	14,6 ± 4,8	<0,001	0,7
Нечестные стратегии / DEE dishonest strategies prevalence	0,69	21,7 ± 3,8	17,7 ± 4,6	<0,001	0,9
Доступность / DEE accessibility	0,83	19,6 ± 3,1	20,6 ± 3,6	<0,001	-0,3
Общий балл / Overall score	0,83	116,5 ± 20,3	131,7 ± 24,2	<0,001	-0,7
Психологические особенности личности / Psychological personality traits					
Экстраверсия / Extraversion	0,83	3,4 ± 0,6	3,3 ± 0,7	0,0462	0,1
Доброжелательность / Agreeableness	0,81	3,9 ± 0,5	3,8 ± 0,6	<0,001	0,3
Добросовестность / Conscientiousness	0,86	4,0 ± 0,6	3,7 ± 0,7	<0,001	0,4
Нейротизм / Neuroticism	0,88	2,8 ± 0,7	3,0 ± 0,8	<0,001	-0,3
Открытость опыту / Openness	0,84	3,8 ± 0,6	3,7 ± 0,9	0,1962	0,1
Эмоционально-когнитивная составляющая / Emotional-cognitive component					
<i>Методика диагностики переживаний в деятельности (ДПД) / Activity-related experiences assessment technique (AREA)</i>					
Усилие / Effort	0,81	12,1 ± 3,6	11,9 ± 3,6	0,3619	0,1
Удовольствие / Pleasure	0,93	10,1 ± 4,1	11,5 ± 4,0	<0,001	-0,4
Смысл / Meaning	0,87	12,3 ± 3,9	13,5 ± 3,7	<0,001	-0,3
Пустота / Void	0,73	7,5 ± 3,5	8,2 ± 3,5	0,0019	-0,2
Ресурсы саморегуляции / Self-regulation resources					
<i>Самоактивация личности / Personal self-activation</i>					
Самостоятельность / Independence	0,71	16,8 ± 3,8	16,3 ± 4,1	0,0551	0,1
Физическая активация / Physical activation	0,80	16,7 ± 4,5	15,3 ± 4,7	<0,001	0,3
Психологическая активация / Psychological activation	0,75	16,5 ± 4,0	14,5 ± 4,3	<0,001	0,5
Общий балл / Overall score	0,87	49,9 ± 10,3	46,1 ± 11,0	<0,001	0,4
<i>Саморегуляция личности / Personal self-regulation</i>					
Планирование целей / Goal planning	0,78	14,3 ± 3,4	13,5 ± 3,8	<0,001	0,2
Моделирование значимых условий достижения целей / Modeling of significant conditions	0,71	13,5 ± 2,9	13,2 ± 3,0	0,1939	0,1
Программирование действий / Programming of actions	0,65	15,3 ± 2,8	14,6 ± 3,1	<0,001	0,2
Оценивание результатов / Results evaluation	0,77	13,6 ± 3,8	12,5 ± 3,9	<0,001	0,3
Гибкость / Flexibility	0,74	13,3 ± 3,3	13,7 ± 3,3	0,0645	-0,1
Надежность / Reliability	0,75	12,2 ± 3,4	10,5 ± 3,6	<0,001	0,5
Настойчивость / Insistency	0,80	15,5 ± 2,7	14,6 ± 3,2	<0,001	0,3
Общий балл / Overall score	0,90	97,8 ± 15,1	92,6 ± 15,0	<0,001	0,3

Примечание: M – среднее арифметическое; SD – стандартное отклонение; α – альфа Кронбаха; p – уровень статистической значимости t-критерия Стьюдента; d – d Коэна (показатель, позволяющий оценить величину эффекта). Результаты по группе студентов цит. по: Радчикова и др., 2023, с. 39–40.

Note: M – mean; SD – standard deviation; α – Cronbach's alpha; p – Student's t-test probability level; d – Cohen's d (effect size indicator). The results for students' sample are cited from (Radchikova et al., 2023, pp. 39–40).

Рис. 2. Нормированные средние значения по субшкалам методики «Шкала оценки ЦОС университета» для групп (кластеров) преподавателей вузов
Figure 2. Normalized mean values for all the AUDEE Scale subscales for the groups (clusters) of university teachers

Таблица 2 / Table 2

Результаты дискриминантного анализа / Discriminant analysis results

Показатель / Variable	Факторная структура / Factor structure matrix	Стандартизированные коэффициенты / Standardized coefficients
Смысл / Meaning	-0,76	-0,85
Пустота / Void	0,48	0,43
Планирование целей / Goal planning	-0,22	-0,41
Открытость опыту / Openness	-0,23	-0,37
Самостоятельность / Independence	-0,05	0,30
Усилие / Effort	0,03	0,20
Доброжелательность / Agreeableness	-0,15	0,14

Обсуждение

Ответы преподавателей на вопросы анкеты свидетельствуют о том, что они хорошо знакомы как с возможностями, так и с ограничениями ЦОС, и это позволяет им высказывать достаточно взвешенные суждения о месте ЦОС в образовании. Схожие результаты получены в исследовании (Emelogu et al., 2022), при этом уточнено, что уровень осведомленности о новых технологиях в высшем образовании у мужчин и женщин, у молодых и старших преподавателей не различается и достаточно высок. То, что большинство преподавателей (81,2 %) хотели бы перейти к смешанному обучению как

сочетанию ресурсов цифровой образовательной среды и очных занятий, также согласуется с большинством зарубежных (Buhl-Wiggers et al., 2023) и отечественных исследований (Рогозин и др., 2022).

По сравнению со студентами (Радчикова и др., 2023) у преподавателей выше уровни самоактивации (в среднем на 4 пункта по общему показателю) и саморегуляции (в среднем на 5 пунктов по общему показателю), хотя величина эффекта ниже средней. Возможно, это связано с возрастом: саморегуляция, являясь формой проявления самодетерминации, закономерно возникает на определенной ступени развития человека, создает условия для преодоления действий внешних факторов, наряду с субъективно-личностными отношениями, мотивами, эмоциональными состояниями является системообразующим фактором детерминации поведения человека (Ломов, 1984). При этом ЦОС университета они оценивают более сдержанно: общий балл удовлетворенности ЦОС у преподавателей ниже в среднем на 15 пунктов (величина эффекта выше средней). При исследовании отношения студентов и преподавателей к онлайн-обучению получены схожие с результатами других исследований данные: преподаватели указали на большее количество трудностей (ограниченность общения, снижение качества обучения, рост трудозатрат, утомление и т. п.) при онлайн-обучении, чем студенты (Castro et al., 2022; Абрамов и др., 2021). При анализе «калейдоскопа здравого смысла» преподавателей разных стран и вузов (Murakami et al., 2022) обнаружено, что положительное отношение к онлайн-обучению у преподавателей сочетается с отрицательным (например, легким скепсисом), прослеживается стремление «смягчить» противоположные установки на онлайн-обучение без выражения устойчивой позиции.

Результаты методики ДПД говорят о том, что преподаватели прилагают такие же интенсивные усилия, как и студенты (медианные значения равны 12 баллам для обеих групп (Радчикова и др., 2023); различия статистически незначимы). Внедрение новых цифровых технологий в высшее образование требует времени, настойчивости и усилий со стороны всех участников образовательного процесса. По мнению В.Н. Мясищева, «усилие возникает всегда там, где автоматический уровень напряжения или автоматический тип действия оказываются недостаточными. Оно поэтому всегда связано со структурно и динамически более высоким уровнем деятельности и требований» (Мясищев, 1995, с. 182). При освоении новых технологий преподаватели неизбежно сталкиваются с увеличением нагрузки (разработка новых учебных курсов с учетом требований ЦОС, освоение и изобретение новых способов преподавания в ЦОС для сохранения и повышения качества образования и т. п.); обучающимся необходимо перестроиться на новый формат обучения, требующий самоорганизации, ответственности и самостоятельности, для чего также необходимы определенные усилия. В теории отношений усилие считается процессом «более высокого порядка», точкой роста, точкой оптимума (Мясищев, 1995, с.182).

Наряду с этим преподаватели испытывают гораздо меньше удовольствия (10 vs 12 баллов), смысла (12 vs 14 баллов) и пустоты (7 vs 8 баллов): все различия статистически значимы, но величина эффекта ниже среднего

уровня. Удовольствие как позитивное отношение к деятельности и осмысленность как понимание осуществляемой деятельности – тесно взаимосвязанные конструкты, при этом смысл является индикатором благополучия. Что касается усилия, оно связано с благополучием только в том случае, когда имеет смысл и приносит удовольствие. Усилие без смысла и удовольствия порождает негативные эмоции и является значимым предиктором неблагополучия (Осин, Леонтьев, 2017). Эмоциональный компонент всегда присутствует при осмыслении меняющейся реальности – так возникает переживание, являющееся ключевым в анализе взаимодействия личности и среды. По мнению В.Н. Мясищева, само «переживание» представляет собой «своеобразное отражение процесса жизни в конкретных обстоятельствах и противоречиях, особенно между новыми требованиями действительности и сложившимся образом жизни и деятельности» (Мясищев, 1995, с. 251). Новые требования ЦОС в высшем образовании и традиционный опыт профессиональной деятельности как раз и являются точкой «оптимума» для преподавателей, создают условия для более взвешенных переживаний удовольствия, смысла и пустоты.

Согласно модели (табл. 2), важнейшими предикторами принятия ЦОС являются переживания в профессиональной деятельности: чем сильнее переживание смысла и чем слабее переживания усилия и пустоты, тем позитивнее относится преподаватель к работе в цифровой среде. Нахождение смысла в своей профессиональной деятельности, обдумывание проблем и трудностей при столкновении с новым снижают уровень переживания пустоты и выступают регулятором реального отношения к деятельности (Леонтьев, 2019). Следующими ключевыми элементами являются различные аспекты саморегуляции: планирование целей и самостоятельность. Планирование целей и самостоятельность тесно связаны со знаниями, умениями и навыками. Как писал Б.Ф. Ломов, «действовать умело – значит действовать «с умом», самостоятельно планировать процесс работы, находить в каждом конкретном случае наиболее рациональные способы действия» (Ломов, 1984, с. 229). В отличие от студентов (Novikova et al., 2022; Радчикова и др., 2023), для преподавателей оказались важны личностные характеристики: открытость опыту и доброжелательность. Доброжелательность и открытость опыту как черты личности отражают внутреннюю сторону профессионального отношения преподавателей не только к студентам, но и к ЦОС.

Заключение

Проведенное исследование показало, что без цифровой реальности уже невозможно обойтись, она становится все более распространенной в сфере образования и будет сопровождать будущие поколения. На этом фоне традиционные технологии быстро теряют свою актуальность и становятся нежизнеспособными без системных изменений в образовании. Одним из таких изменений является ЦОС, которая, прочно внедряясь в образование, вызывает массу дискуссий и одновременно с этим порождает довольно взвешенное отношение к ней преподавателей. Студенты существенно больше удовлетворены и учебным процессом, и коммуникативным взаимодействием,

и ЦОС в целом, чем преподаватели. По-видимому, это объясняется лучшим развитием цифровых компетенций у студентов – представителей «цифрового поколения», а также может быть дополнительным стимулом для преподавателей в плане профессионального роста, повышения квалификации в области развития своих цифровых компетенций, овладения современными цифровыми платформами, инструментами, сервисами и методами работы в ЦОС с новым поколением студентов. Отношение преподавателей к ЦОС, основываясь на важнейших составляющих (когнитивно-эмоциональной, саморегуляционной, опыте и компетенциях, психологических особенностях личности), становится необходимым ресурсом для постепенного принятия нововведений в высшем образовании, так как от положительного отношения к новым технологиям преподавателей зависит принятие их и студентами. Действительно, результаты исследования показывают, что среди предикторов положительного отношения преподавателей к ЦОС можно выделить переживание смысла, планирование целей и самостоятельность, открытость опыту и доброжелательность.

Отношение к ЦОС преподавателей требует дальнейшего переосмысления для разработки и внедрения эффективных онлайн-педагогических практик в сферу высшего образования.

Список литературы

- Абрамов Р.Н., Груздев И.А., Захарова У.С., Терентьев Е.А. Преподаватели российских вузов в условиях пандемийной цифровизации: между автономией и контролем // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 3. С. 134–154. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.3.1985>
- Бодров В.А., Орлов В.Я. Психология и надежность: человек в системах управления техникой. М: Институт психологии РАН, 1998. 288 с.
- Бурганова Л.А., Юрьева О.В. Готовность вузовских преподавателей к работе в цифровой образовательной среде: компетентностный подход // Вестник экономики, права и социологии. 2021. № 2. Социология. С. 67–72.
- Калугин А.Ю., Щebetenko С.А., Мишкевич А.М., Сото К.Дж., Джон О.П. Психометрика русскоязычной версии Big Five Inventory – 2 // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 18. № 1. С. 7–33. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2021-1-7-33>
- Кобзева Н.М. Феномен сопротивления изменениям: сущность, виды и формы проявления // Вестник ВГУИТ. 2013. № 4. С. 298–303
- Леонтьев Д.А. Осин Е.Н., Досумова С.Ш., Рзаева Ф.Р., Бобров В.В. Переживания в учебной деятельности и их связь с психологическим благополучием // Психологическая наука и образование. 2018. Т. 23. № 6. С. 55–66. <https://doi.org/10.17759/pse.2018230605>
- Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 2019. 584 с.
- Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984. 226 с.
- Моросанова В.И., Кондратюк Н.Г. Опросник В.И. Моросановой «Стиль саморегуляции поведения – ССПМ2020» // Вопросы психологии. 2020. Т. 66. № 4. С. 155–167.
- Мясищев В.Н. Психология отношений. М.: Институт практической психологии; Воронеж: НПО «МОД ЭК», 1995. 356 с.
- Одинцова М.А., Радчикова Н.П. Разработка методики самоактивации личности // Психологические исследования. 2018. Т. 11. № 58. С. 12.

- Осин Е.Н., Леонтьев Д.А. Диагностика переживаний в профессиональной деятельности: валидизация методик // Организационная психология. 2017. Т. 7. № 2. С. 30–51.
- Петросяну В.Р., Гридяева Л.Н., Худякова Т.Л. Оценка психологической безопасности образовательной среды вуза преподавателями в условиях внедрения цифровых образовательных технологий // Вестник ВГУ. Серия: Проблемы высшего образования. 2022. № 1. С. 67–71.
- Половнёв А.В., Соловьев С.С., Дмитриева М.М. Отношение преподавателей вузов к цифровизации и использованию электронной информационной образовательной среды (на примере исследования в Московском государственном лингвистическом университете) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. № 3. С. 83–92. https://doi.org/10.52070/2500-347X_2022_3_848_83
- Радаев В.В. Переход к онлайн-образованию в условиях пандемии: первые итоги // Университетское управление: практика и анализ. 2022. Т. 26. № 1. С. 6–17. <https://doi.org/10.15826/umpa.2022.01.001>
- Радчикова Н.П., Одинцова М.А., Сорокова М.Г., Козырева Н.В., Лобанов А.П. Психологические факторы отношения студентов к цифровой образовательной среде (на примере российских и белорусских вузов) // Интеграция образования. 2023. Т. 27. № 1. С. 10–40. <https://doi.org/10.15507/1991-9468.110.027.202301.010-010>
- Радчикова Н.П., Сорокова М.Г., Одинцова М.А., Гусарова Е.С. Применение современной теории тестов (IRT) для анализа методики «Шкала оценки ЦОС» // Цифровая гуманитаристика и технологии в образовании (ДНТЕ 2021): сб. статей II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (11–12 ноября 2021 г.) / под ред. В.В. Рубцова, М.Г. Сороковой, Н.П. Радчиковой. М.: Изд-во МГППУ, 2021. С. 557–570.
- Рогозин Д.М., Солодовникова О.Б., Инатова А.А. Как преподаватели вузов воспринимают цифровую трансформацию высшего образования // Вопросы образования. 2022. № 1. С. 271–300. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2022-1-271-300>
- Сорокова М.Г., Одинцова М.А., Радчикова Н.П. Шкала оценки цифровой образовательной среды (ЦОС) университета // Психологическая наука и образование. 2021. Т. 26. № 2. С. 52–65. <https://doi.org/10.17759/pse.2021260205>
- Abunamous M., Boudouaia A., Jebri M., Diafi S., Zreik M. The decay of traditional education: a case study under COVID-19 // Cogent Education. 2022. Vol. 9. No. 1. <https://doi.org/10.1080/2331186X.2022.2082116>
- Buhl-Wiggers J., Kjærgaard A., Munk K. A scoping review of experimental evidence on face-to-face components of blended learning in higher education // Studies in Higher Education. 2023. Vol. 48. No. 1. Pp. 151–173. <https://doi.org/10.1080/03075079.2022.2123911>
- Castro G.M., Taala W., Jefferson G., Rosales N., de Sagun R., Cordero R., Ciriaco R., Javines R. Nursing educators' and students' perspectives regarding online learning during the pandemic in Saudi Arabia // Nursing: Research and Reviews. 2022. No. 12. Pp. 77–84. <https://doi.org/10.2147/NRR.S358689>
- Emelogu N., Nwafor C., Chigbu G., Okoyeukwu N., Eze K. Awareness, proficiency and challenges in the use of emerging technologies by ESL university lecturers in the post COVID-19 ERA // Cogent Education. 2022. Vol. 9. No. 1. <https://doi.org/10.1080/2331186X.2022.2084962>
- Hampel N., Sassenberg K., Scholl A., Ditrich L. Enactive mastery experience improves attitudes towards digital technology via self-efficacy – a pre-registered quasi-experiment // Behaviour & Information Technology. 2023. <https://doi.org/10.1080/0144929X.2022.2162436>
- Holmberg B. The evolution of the character and practice of distance education // Open Learning: The Journal of Open, Distance and e-Learning. 1995. Vol. 10. No. 2. Pp. 47–53. <https://doi.org/10.1080/0268051950100207>
- Khlaif Z.N., Sanmugam M., Joma A.I., Odeh A., Barham K. Factors influencing teacher's technostress experienced in using emerging technology: a qualitative study // Technology, Knowledge and Learning. 2022. Vol. 28. Pp. 865–899. <https://doi.org/10.1007/s10758-022-09607-9>
- Khong H., Celik I., Le T.T.T., Lai T.T., Nguyen A., Bui H. Examining teachers' behavioural intention for online teaching after COVID-19 pandemic: a large-scale survey // Education and Information Technology. 2022. Vol. 28. Pp. 5999–6026. <https://doi.org/10.1007/s10639-022-11417-6>

- Lindfors M., Pettersson F., Olofsson A.D.* Conditions for professional digital competence: the teacher educators' view // *Education Inquiry*. 2021. Vol. 12. No. 4. Pp. 390–409. <https://doi.org/10.1080/20004508.2021.1890936>
- Mensah C., Azila-Gbettor E., Nunyonameh C., Appietu M., Amedome S.* Research methods anxiety, attitude, self-efficacy and academic effort: a social cognitive theory perspective // *Cogent Psychology*. 2023. Vol. 10. No. 1. <https://doi.org/10.1080/23311908.2023.2167503>
- Murakami K., Kondo S., Hong J.* Teachers' ideological dilemmas during the pandemic at higher education institutions: a discursive psychological approach // *Hu Arenas*. 2022. <https://doi.org/10.1007/s42087-022-00292-9>
- Novikova I.A., Bychkova P.A., Novikov A.L., Shlyakhta D.A.* Personality traits and academic motivation as predictors of attitudes towards digital educational technologies among Russian university students // *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*. 2022. Vol. 19. No. 4. Pp. 689–716. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2022-19-4-689-716>
- Pihlainen K., Korjonen-Kuusipuro K., Kärnä E.* Perceived benefits from non-formal digital training sessions in later life: views of older adult learners, peer tutors, and teachers // *International Journal of Lifelong Education*. 2021. Vol. 40. No. 2. Pp. 155–169. <https://doi.org/10.1080/02601370.2021.1919768>
- Pozas M., Letzel V., Frohn J.* An empirical study exploring pre-service teachers' profiles and their prospective ICT integration: is it a matter of attitudes, self-efficacy, self-concept or concerns? // *Journal of Computer Education*. 2022. <https://doi.org/10.1007/s40692-022-00254-8>
- Racat M., Lichy J.* Negative effects of distance learning accentuated by COVID-19 outbreak: a perspective of learners and teachers // *Knowledge Management Research & Practice*. 2022. Vol. 20. No. 6. Pp. 935–946. <https://doi.org/10.1080/14778238.2022.2075807>
- Ssemugenyi F., Seje N.T.* A decade of unprecedented e-learning adoption and adaptation: COVID-19 revolutionizes teaching and learning at Papua New Guinea University of Technology (PNGUoT): 'Is It a Wave of Change or a Mere Change in the Wave?' // *Cogent Education*. 2021. Vol. 8. No. 1. <https://doi.org/10.1080/2331186X.2021.1989997>
- Stan R.* Personality traits, technology-related teaching skills, and coping mechanisms as antecedents of teachers' job-related affective well-being and burnout in compulsory and higher education online teaching // *Frontiers in Psychology*. 2022. Vol. 13. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.792642>
- Tawfik A.A., Shepherd C.E., Gatewood J., Gish-Lieberman J.J.* First and second order barriers to teaching in K-12 online learning // *TechTrends*. 2021. Vol. 65. No. 6. Pp. 925–938. <https://doi.org/10.1007/s11528-021-00648-y>
- Treve M.* What COVID-19 has introduced into education: challenges facing higher education institutions (HEIs) // *Higher Education Pedagogics*. 2021. Vol. 6. No. 1. Pp. 212–227. <https://doi.org/10.1080/23752696.2021.1951616>
- Wu M.-J., Zhao K., Fils-Aim F.* Response rates of online surveys in published research: a meta-analysis // *Computers in Human Behavior Reports*. 2022. Vol. 7. <https://doi.org/10.1016/j.chbr.2022.100206>
- Xie K., Nelson M.J., Cheng Sh.-L., Jiang Z.* Examining changes in teachers' perceptions of external and internal barriers in their integration of educational digital resources in K-12 classrooms // *Journal of Research on Technology in Education*. 2021. Vol. 55. No. 2. Pp. 281–306. <https://doi.org/10.1080/15391523.2021.1951404>

История статьи:

Поступила в редакцию 16 февраля 2023 г.

Принята к печати 26 апреля 2023 г.

Для цитирования:

Радчикова Н.П., Одинцова М.А., Сорокова М.Г. Отношение преподавателей российских вузов к цифровой образовательной среде // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2023. Т. 20. № 2. С. 311–330. <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2023-20-2-311-330>

Вклад авторов:

Н.П. Радчикова – проведение опроса (сбор данных), статистический анализ данных, обобщение информации, визуализация данных в тексте, написание эмпирической части статьи. *М.А. Одинцова* – теоретическое обоснование исследования, формулировка и описание методологических и теоретических проблем, написание теоретической части статьи. *М.Г. Сорокова* – концепция исследования, критическая доработка статьи.

Заявление о конфликте интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Сведения об авторах:

Радчикова Наталья Павловна, кандидат психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Научно-практический центр по комплексному сопровождению психологических исследований PsyDATA, Московский государственный психолого-педагогический университет (Москва, Россия); главный специалист, лаборатория биофизики возбудимых сред, Институт теоретической и экспериментальной биофизики, Российская академия наук (Пушино, Россия). ORCID: 0000-0002-5139-8288; eLIBRARY SPIN-код: 8959-2330. E-mail: nataly.radchikova@gmail.com

Одинцова Мария Антоновна, кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой психологии и педагогики дистанционного обучения, Московский государственный психолого-педагогического университет (Москва, Россия). ORCID: 0000-0003-3106-4616; eLIBRARY SPIN-код: 5913-2891. E-mail: mari505@mail.ru

Сорокова Марина Геннадьевна, кандидат физико-математических наук, доктор педагогических наук, доцент, руководитель Научно-практического центра по комплексному сопровождению психологических исследований PsyDATA, профессор кафедры прикладной математики, факультет информационных технологий, Московский государственный психолого-педагогического университет (Москва, Россия), ORCID: 0000-0002-1000-6487; eLIBRARY SPIN-код: 3401-4016. E-mail: sorokovamg@mgppu.ru

DOI: 10.22363/2313-1683-2023-20-2-311-330

EDN: YXBZHZ

UDC 378

Research article

The Attitude of Russian University Teachers Towards the Digital Educational Environment

Nataly P. Radchikova^{1,2}, Maria A. Odintsova¹, Marina G. Sorokova¹

¹Moscow State University of Psychology & Education,
29 Sretenka St, Moscow, 127051, Russian Federation

²Institute of Theoretical and Experimental Biophysics, Russian Academy of Sciences,
3 Institutskaya St, Pushchino, 142290, Russian Federation

 nataly.radchikova@gmail.com

Abstract. The attitude of teachers towards the digital educational environment (DEE) and the use of information technologies in teaching largely determines the attitude of students towards the educational process, the effectiveness of learning and emotional involvement in learning. Therefore, the purpose of this work was to analyze the attitude of university teachers

towards the DEE and distance learning opportunities, as well as to determine the psychological components of the acceptance of new information technologies. The survey involved 308 teachers (females – 71%) aged 23 to 77 (average age = 46 ± 11 years) from various universities of the Russian Federation. In addition to measuring the attitudes towards learning in the DEE (AUDEE Scale Questionnaire), the authors analyzed the personality traits (Big Five Inventory – 2), self-regulation resources and activity-related experiences in teaching (AREA). The results showed that the majority of the respondents were familiar with and use various elements of the DEE; 81% expressed a desire to move to blended learning as a combination of DEE resources and face-to-face classes. The main psychological prerequisites for the acceptance of the DEE are experiences in professional activity: the stronger the experience of meaning and the weaker the experiences of effort and void, the more positive attitude towards work in the digital environment a teacher has. Other key elements are various aspects of self-regulation (goal planning and independence) and personality traits such as openness to experience and agreeableness.

Key words: digital educational environment, university students, Big Five Inventory – 2, self-activation, self-regulation style, AUDEE scale, activity-related experiences assessment technique

References

- Abramov, R.N., Gruzdev, I.A., Zakharova, U.S., & Terentev E.A. (2021). Professional autonomy and administrative control during the pandemic digitalization: The perspective of university teachers. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, (3), 134–154. (In Russ.) <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.3.1985>
- Abunamous, M., Boudouaia, A., Jebri, M., Diafi, S., & Zreik, M. (2022). The decay of traditional education: A case study under COVID-19. *Cogent Education*, 9(1). <https://doi.org/10.1080/2331186X.2022.2082116>
- Bodrov, V.A., & Orlov, V.Ya. (1998). *Psychology and reliability: Human-being in the control of the systems of equipment*. Moscow: Institute of Psychology of RAS. (In Russ.)
- Buhl-Wiggers, J., Kjærgaard, A., & Munk, K. (2023). A scoping review of experimental evidence on face-to-face components of blended learning in higher education. *Studies in Higher Education*, 48(1), 151–173. <https://doi.org/10.1080/03075079.2022.2123911>
- Burganova, L.A., & Yurieva, O.V. (2021) The preparedness of university teachers to work in a digital educational environment: A competence-based approach. *The Review of Economy, the Law and Sociology. Sociology*, (2), 67–72. (In Russ.)
- Castro, G.M., Taala, W., Jefferson, G., Rosales, N., de Sagun, R., Cordero, R., Ciriaco, R., & Javines, R. Nursing educators' and students' perspectives regarding online learning during the pandemic in Saudi Arabia (2022). *Nursing: Research and Reviews*, 12, 77–84. <https://doi.org/10.2147/NRR.S358689>
- Emelogu, N., Nwafor, C., Chigbu, G., Okoyeukwu, N., & Eze K. (2022). Awareness, proficiency and challenges in the use of emerging technologies by ESL university lecturers in the post COVID-19 era. *Cogent Education*, 9(1). <https://doi.org/10.1080/2331186X.2022.2084962>
- Hampel, N., Sassenberg, K., Scholl, A., & Ditrich, L. (2023). Enactive mastery experience improves attitudes towards digital technology via self-efficacy – a pre-registered quasi-experiment. *Behaviour & Information Technology*. <https://doi.org/10.1080/0144929X.2022.2162436>
- Holmberg, B. (1995). The evolution of the character and practice of distance education. *Open Learning: The Journal of Open, Distance and e-Learning*, 10(2), 47–53. <https://doi.org/10.1080/0268051950100207>
- Kalugin A.Yu., Shchebetenko S.A., Mishkevich A.M., Soto C.J., & John O.P. (2021). Psychometric properties of the Russian Version of the BIG FIVE INVENTORY – 2. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 18(1), 7–33. (In Russ.) <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2021-1-7-33>

- Khlaif, Z.N., Sanmugam, M., Joma, A.I., Odeh, A., & Barham, K. (2022). Factors influencing teacher's technostress experienced in using emerging technology: A qualitative study. *Technology, Knowledge and Learning*, 28, 865–899. <https://doi.org/10.1007/s10758-022-09607-9>
- Khong, H., Celik, I., Le, T.T.T., Lai, T.T., Nguyen, A., & Bui, H. (2022). Examining teachers' behavioural intention for online teaching after COVID-19 pandemic: A large-scale survey. *Education and Information Technology*, 28, 5999–6026. <https://doi.org/10.1007/s10639-022-11417-6>
- Kobzeva, N.M. (2013). The phenomenon of resistance to change: Essence, types and forms of manifestation. *Proceedings of the Voronezh State University of Engineering Technologies*, (4), 298–303. (In Russ.)
- Leontiev, D.A. (2019). *Psychology of meaning: Nature, structure and dynamics of meaning reality*. Moscow: Smysl Publ. (In Russ.)
- Leontiev, D.A., Osin, E.N., Dosumova, S.Sh., Rzaeva, F.R., & Bobrov, V.V. (2018). Study-related experiences and their association with psychological well-being. *Psychological Science and Education*, 23(6), 55–66. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/pse.2018230605>
- Lindfors, M., Pettersson, F., & Olofsson, A.D. (2021). Conditions for professional digital competence: The teacher educators' view. *Education Inquiry*, 12(4), 390–409. <https://doi.org/10.1080/20004508.2021.1890936>
- Lomov, B.F. (1984). *Methodological and theoretical problems of psychology*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Mensah, C., Azila-Gbettor, E., Nunynameh, C., Appietu, M., & Amedome, S. (2023). Research methods anxiety, attitude, self-efficacy and academic effort: A social cognitive theory perspective. *Cogent Psychology*, 10(1). <https://doi.org/10.1080/23311908.2023.2167503>
- Morosanova, V.I., & Kondratjuk, N.G. (2020). Questionnaire of V.I. Morosanova "The Style of Self-Regulation of Behavior – SSRB2020". *Voprosy Psichologii = Questions of Psychology*, 66(4), 155–167. (In Russ.)
- Murakami, K., Kondo, S., & Hong, J. (2022). Teachers' ideological dilemmas during the pandemic at higher education institutions: A discursive psychological approach. *Hu Arenas*. <https://doi.org/10.1007/s42087-022-00292-9>
- Myasishchev, V.N. (1995). *The psychology of relationship*. Moscow: Institute of Practical Psychology; Voronezh: NPO "MOD EK" Publ.
- Novikova, I.A., Bychkova, P.A., Novikov, A.L., & Shlyakhta, D.A. (2022). Personality traits and academic motivation as predictors of attitudes towards digital educational technologies among Russian university students. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 19(4), 689–716. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2022-19-4-689-716>
- Odintsova, M.A., & Radchikova, N.P. (2018). The development and standardization of personal self-activation inventory. *Psychological Studies*, 11(58), 12. (In Russ.)
- Osin, E.N., & Leontiev, D.A. (2017). Assessment of subjective experiences at work: Validation of an instrument. *Organizational Psychology*, 7(2), 30–51. (In Russ.)
- Petrosyants, V.R., Gridyaeva, L.N., & Khudyakova T.L. (2022) Assessment of the psychological safety of university educational environment by teachers in the context of the introduction of digital educational technologies. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Problems of Higher Education*, (1), 67–71. (In Russ.)
- Pihlainen, K., Korjonen-Kuusipuro, K., & Kärnä, E. (2021) Perceived benefits from non-formal digital training sessions in later life: Views of older adult learners, peer tutors, and teachers. *International Journal of Lifelong Education*, 40(2), 155–169. <https://doi.org/10.1080/02601370.2021.1919768>
- Polovnev, A.V., Solovyov, S.S., & Dmitrieva, M.M. (2022). The attitudes of professors towards digitalization and using resources of digital educational environment (based on the research conducted at Moscow State Linguistic University). *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences*, (3), 83–92. (In Russ.) https://doi.org/10.52070/2500-347X_2022_3_848_83

- Pozas, M., Letzel, V., & Frohn, J. (2022). An empirical study exploring pre-service teachers' profiles and their prospective ICT integration: Is it a matter of attitudes, self-efficacy, self-concept or concerns? *Journal of Computer Education*. <https://doi.org/10.1007/s40692-022-00254-8>
- Racat, M., & Lichy, J. (2022). Negative effects of distance learning accentuated by COVID-19 outbreak: A perspective of learners and teachers. *Knowledge Management Research & Practice*, 20(6), 935–946. <https://doi.org/10.1080/14778238.2022.2075807>
- Radaev, V.V. (2022) Transition to the online education in the content of pandemic: Initial outcomes. *University Management: Practice and Analysis*, 26(1), 6–17. (In Russ.) <https://doi.org/10.15826/umpa.2022.01.001>
- Radchikova, N.P., Odintsova, M.A., Sorokova, M.G., Kozyreva, N.V., & Lobanov, A.P. (2023). Psychological factors of students' attitude to a digital educational environment (by the example of Russian and Belarusian Universities). *Integration of Education*, 27(1), 10–20. (In Russ.) <https://doi.org/10.15507/1991-9468.110.027.202301.010-010>
- Radchikova, N.P., Sorokova, M.G., Odintsova, M.A., & Gusarova, E.S. (2021). The application of item response theory (IRT) for AUDEE Scale psychometric assessment. *Digital Humanities and Technology in Education (DHTE 2021): Collection of Articles of the II All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation* (pp. 557–570). Moscow: MSUPE Publ. (In Russ.)
- Rogozin D.M., Solodovnikova O.B., & Ipatova, A.A. (2022). How university teachers view the digital transformation of higher education. *Educational Studies Moscow*, (1), 271–300. (In Russ.) <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2022-1-271-300>
- Sorokova, M.G., Odintsova, M.A., & Radchikova, N.P. (2021). Scale for assessing university digital educational environment (AUDEE Scale). *Psychological Science and Education*, 26(2), 52–65. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/pse.2021260205>
- Ssemugenyi, F., & Seje, N.T. (2021). A decade of unprecedented e-learning adoption and adaptation: COVID-19 revolutionizes teaching and learning at Papua New Guinea University of Technology (PNGUoT): 'Is It a Wave of Change or a Mere Change in the Wave?' *Cogent Education*, 8(1). <https://doi.org/10.1080/2331186X.2021.1989997>
- Stan, R. (2022). Personality traits, technology-related teaching skills, and coping mechanisms as antecedents of teachers' job-related affective well-being and burnout in compulsory and higher education online teaching. *Frontiers in Psychology*, 13. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.792642>
- Tawfik, A.A., Shepherd, C.E., Gatewood, J., & Gish-Lieberman, J.J. (2021). First and second order barriers to teaching in K-12 online learning. *TechTrends*, 65(6), 925–938. <https://doi.org/10.1007/s11528-021-00648-y>
- Treve, M. (2021). What COVID-19 has introduced into education: Challenges facing higher education institutions (HEIs). *Higher Education Pedagogies*, 6(1), 212–227. <https://doi.org/10.1080/23752696.2021.1951616>
- Wu, M.-J., Zhao, K., & Fils-Aim, F. (2022) Response rates of online surveys in published research: A meta-analysis. *Computers in Human Behavior Reports*, 7. <https://doi.org/10.1016/j.chbr.2022.100206>
- Xie, K., Nelson, M.J., Cheng, Sh.-L., & Jiang, Z. (2021). Examining changes in teachers' perceptions of external and internal barriers in their integration of educational digital resources in K-12 classrooms. *Journal of Research on Technology in Education*, 55(2), 281–306. <https://doi.org/10.1080/15391523.2021.1951404>

Article history:

Received 16 February 2023

Revised 23 April 2023

Accepted 26 April 2023

For citation:

Radchikova, N.P., Odintsova, M.A., & Sorokova, M.G. (2023). The attitude of Russian university teachers towards the digital educational environment. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 20(2), 311–330. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2023-20-2-311-330>

Author’s contribution:

Natalia P. Radchikova – conducting a survey (data collection), statistical data analysis, generalization of information, data visualization in text, drafting the empirical part of the article. *Maria A. Odintsova* – theoretical background of the study, formulating and describing methodological and theoretical problems, drafting the theoretical part of the article. *Marina G. Sorokova* – research conception; critical revision of the article.

Conflicts of interest:

The authors declare that there is no conflict of interest.

Bio notes:

Nataly P. Radchikova, Ph.D. (Psychol.), Leading Researcher, Scientific and Practical Center for Comprehensive Support of Psychological Research “PsyDATA”, Moscow State University of Psychology & Education (Moscow, Russia); Chief Specialist, Laboratory of Biophysics of Excitable Media, Institute of Theoretical and Experimental Biophysics, Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0002-5139-8288; eLIBRARY SPIN-code: 8959-2330. E-mail: nataly.radchikova@gmail.com

Maria A. Odintsova, Ph.D (Psychol.), Professor, Chair of Psychology and Pedagogy of Distance Learning, Head of the Chair of Psychology and Pedagogy of Distance Learning, Moscow State University of Psychology & Education (Moscow, Russia). ORCID: 0000-0003-3106-4616; eLIBRARY SPIN-code: 5913-2891. E-mail: mari505@mail.ru

Marina G. Sorokova, Ph.D. (Physics and Mathematics), Dr.Sci. (Ped.), Head of Scientific and Practical Center for Comprehensive Support of Psychological Research PsyDATA, Professor, Chair of Applied Mathematics, Faculty of Information Technology, Moscow State University of Psychology & Education (Moscow, Russia). ORCID: 0000-0002-1000-6487; eLIBRARY SPIN-code: 3401-4016. E-mail: sorokovamg@mgppu.ru

DOI: 10.22363/2313-1683-2023-20-2-331-351

EDN: YOIGSP

УДК 159.99

Обзорная статья

Садоводство и садовая терапия как ресурс психологического благополучия человека

П.О. Андзаурова , С.К. Нартова-Бочавер

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20

 pandzaurova@hse.ru

Аннотация. Садоводство как один из наиболее популярных активных видов взаимодействия с миром флоры используется людьми для удовлетворения различных потребностей (например, интеллектуальной, социальной и др.). При этом его восстановительный потенциал для психики человека, живущего в условиях цифровой эпохи и городской среды, остается недооцененным. Рассматриваются основные эффекты садоводства и садовой терапии для физического и психологического состояния человека, а также его потенциал в контексте укрепления социальных связей и социальной вовлеченности. Отмечается позитивное влияние садоводства на психологическое состояние детей. Освещается потенциал исследований садоводства и садоводческих мероприятий как способа снижения психологического дистресса, возникшего в результате социальной изоляции и малоподвижного образа жизни во время пандемии COVID-19. Анализируются возможные механизмы благоприятного влияния садоводства на психическое здоровье людей как в рамках конкретных теорий, включая теорию восстановления после стресса, теорию восстановления от усталости направленного внимания, теорию фиторезонанса, так и в контексте отдельных современных исследований. Изучены исследования из разных стран мира (Австралия, Великобритания, Иран, Италия, Оман, Румыния, Сингапур, США, Тайвань и Швеция). Представлены ограничения некоторых рассматриваемых исследований, по большей части касающиеся строгости организации их дизайна. Намечены векторы изучения для дальнейших исследований и практического приложения.

Ключевые слова: благополучие, растения, садоводство, садовая терапия, стресс, флора, экотерапия

Благодарности и финансирование. Работа выполнена при поддержке факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Введение

Человек как биопсихосоциальное существо неразрывно связан с природой, однако в силу научно-технического прогресса, процессов цифровизации и урбанизации в современном мире нередко оказывается оторванным

© Андзаурова П.О., Нартова-Бочавер С.К., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

от природных сред (Куриленко и др., 2022). Несмотря на то что цивилизационные процессы открывают перед человеком новые возможности с точки зрения экономического роста, повышения качества сферы услуг, доступа к информации, одновременно они ведут к новым нарушениям психики, связанным с дефицитом общения с природой (*nature-deficit disorder*) (Wang et al., 2021), такими как интернет-аддикция, киберзаболевание, известное также как симуляторное расстройство, и др. (Войскунский, Смыслова, 2020; Шейнов, 2021).

Живя в отрыве от природной среды, многие люди утратили ценный и главный доступный ресурс для восстановления и поддержания психического здоровья. Происходит усложнение системы «человек – среда», и природная среда все больше заменяется искусственно созданными средами, а взаимодействие с естественной природой для большинства людей отходит на второй план. Интересен тот факт, что и в работах энтузиастов цифровизации рассматриваются ее негативные последствия, например возникающий при длительном использовании видеоинтерфейса «феномен умственного истощения» (Алексеев, Алексеева, 2022).

Взросшее понимание важности экологических проблем (Бойченко, 2018), рисков истощения многих биологических ресурсов (*Global Risks Report 2021*), а также исследование влияния урбанизации на повышенный уровень стресса (Ulrich et al., 1991) логично привели к осознанию необходимости укреплять проэкологическое мышление и поведение (Привалова и др., 2021), усиливать природные элементы городской среды и активно исследовать влияние различных способов взаимодействия с природой на психику человека.

Садоводство (*gardening*) и основанная на нем садовая терапия (*garden therapy*) могут рассматриваться как наиболее доступные современному человеку техники экотерапии – области прикладной психологии, основанной на теориях экопсихологии и направленной на помощь людям в борьбе с физическими и психическими заболеваниями через взаимодействие с природой (Summers, Vivian, 2018). Экотерапия используется и как самостоятельное направление психотерапии, и в интеграции с другими психотерапевтическими направлениями и помогающими практиками. Садоводство, наряду с фермерством и цветоводством, относится к активным способам взаимодействия с миром флоры, в отличие от пассивных, таких как пребывание в парках, прогулки среди зеленых насаждений и т. д. (Нартова-Бочавер и др., 2020).

В рамках данного литературного обзора мы сфокусировались на рассмотрении комплексного влияния, оказываемого садоводством и садовой терапией как особой формы экотерапии. Садоводческая деятельность имеет много аспектов, затрагивая поведение, целеполагание, эмоции и социальное взаимодействие. Мировоззрение садовода продуктивно и оптимистично, так как направлено в будущее. Садоводство включает множество других активностей и навыков, не всегда осознаваемых, но способных быть перенесенными и на другие сферы жизни: это необходимость уточнения границ территории и, как следствие, собственных личностных границ, это радость по

поводу обратной связи от выращиваемых растений, необходимость следовать регламенту ухода за ними, что упорядочивает жизнь садовода, и т. д. Сад для многих людей является не просто территорией земли, засаженной цветами, деревьями и другими растениями. Будучи не только природным, но и культурным, метафорически насыщенным феноменом (в разных культурах сад связан с метафорой рая, искушения, начала новой жизни), сад может служить ресурсом для психологического здоровья человека, быть способом самовыражения.

Садоводство – это деятельность, направленная на выращивание растений, уход за ними и поддержание привлекательности сада. Оно может выражаться в выращивании продовольственных или декоративных культур как для их потребления, так и в эстетических целях (Chalmin-Pui et al., 2021). Являясь привлекательным хобби для многих людей, садоводство имеет недооцененный ресурс для восстановления и поддержания психического здоровья и благополучия человека, о чем говорят многочисленные исследования (Howarth et al., 2020; Jenkins, 2016; Koay, Dillon, 2020). При рассмотрении влияния садоводства и садовой терапии на человека не стоит упускать из виду сопутствующие факторы, например кому принадлежит сад, место и цели, с которыми осуществляются садоводческие мероприятия. Среди садов выделяют собственные и общие, домашние и уличные, зимние, используемые для выращивания урожая и другие виды.

В первом разделе литературного обзора приведено описание принципа поиска и отбора источников литературы, которым мы руководствовались. Далее рассмотрены возможные механизмы влияния садоводства и садовой терапии на благополучие человека. Также освещены основные эффекты этого влияния на физическое и психологическое здоровье человека, отдельно рассмотрена специфика данного влияния в детском возрасте. В последнем разделе рассматривается вклад садоводства и садовой терапии в развитие социальной вовлеченности человека.

Принцип поиска и отбора источников литературы

Поиск литературных источников осуществлялся с помощью методологии систематического поиска источников PRISMA с модификацией (Кулакова и др., 2021). Руководящие принципы PRISMA помогают авторам метаанализов и литературных обзоров сделать процесс поиска и отбора источников литературы прозрачным и полным.

Для цели литературного обзора после нескольких итераций поиска мы остановились на поисковой системе Google Scholar и выполняли поиск по широкому запросу на основе ключевых слов «садоводство» OR «садовая терапия» AND «психология» OR «психологическое благополучие» в любом месте статьи для русскоязычных источников и по более узкому запросу на основе ключевых слов gardening OR garden AND health OR effects OR benefits OR well-being в названии статьи для англоязычных источников. Русскоязычное понятие «садоводство» в англоязычной литературе, помимо gardening, может также соотноситься с понятием horticulture. Поисковой запрос в актуальном обзоре выполнен с использованием ключевого слова

gardening, так как с точки зрения терминологии понятие horticulture, представляющее собой науку и искусство, шире, чем gardening – практическая деятельность по выращиванию и уходу за растениями. Например, horticulture, помимо непосредственно садоводства, также включает в себя культуру сохранения растений, работу с ландшафтом, ландшафтный дизайн и др. При этом в данный обзор включены некоторые работы с использованием термина horticulture, в которых этот термин содержательно соответствовал заявленной специфике (Chalmin-Pui et al., 2021; Relf, 1992).

Во внимание принимались источники, вышедшие в печать с 2013 по 2023 г. включительно. Для извлечения текста статей мы также обращались к следующим базам данных: cyberleninka.ru, elibrary.ru, Research Gate и Web of Science. В результате первоначально было получено 30 русскоязычных и 676 англоязычных документов. После удаления дубликатов, цитирований и документов, которые невозможно восстановить, осталось 28 русскоязычных и 490 англоязычных документов.

Отбор источников происходил на основе критериев включения и исключения, установленных нами. Критерии включения были следующими: а) русский или английский язык; б) статьи; в) количественное или качественное исследование, литературные обзоры; г) нацеленность на выявление эффектов садоводства или садовой терапии на психологическое и физическое благополучие человека. Были исключены работы, которые: а) недоступны на русском или английском языках; б) являлись материалами конференций; в) фокусировались на других видах взаимодействия с природой; г) описывали деятельность по выращиванию растений в коммерческих целях и масштабах.

В результате для литературного обзора была отобрана 31 работа без ограничений по дизайну и методам исследования. В то же время мы не могли не упомянуть некоторые классические малоизвестные в России работы по рассматриваемому вопросу, например основоположников теорий восстановления после стресса (Ulrich et al., 1991) и восстановления от усталости направленного внимания (Kaplan, Kaplan, 1989), которые и создали данную предметную область.

В рамках данного обзора для нас было важным проанализировать исследования, проведенные на выборках представителей разных культур в разных странах мира (Австралия, Великобритания, Иран, Италия, Новая Зеландия, Оман, Румыния, Сингапур, США, Тайвань, Швеция, Япония). С нашей точки зрения, такой подход к обзору существующих материалов открывает возможность разделения влияния собственно культурных факторов и специфических факторов воздействия садоводства и садовой терапии.

Влияние садоводства и садовой терапии на человека: основные теории

Анализ садовой терапии и садоводства невозможен и бессмыслен без попытки понять, что именно изменяется в психике человека и как это объясняют теоретики экотерапии. Существует несколько точек зрения на способы восстановления: это может происходить через актуализацию положительных

эмоций, прояснение сознания, физическую активность или совместную деятельность и общение. Воздействие садовой терапии обладает эквивалентностью: пути могут быть индивидуально специфичными, однако эффекты в большинстве случаев благотворны. Для объяснения механизмов воздействия предложено несколько теорий, признанных классическими.

Одним из первых влияние природных явлений на испытываемый стресс и параметры физического восстановления в конце 1970-х гг. исследовал Р. Ульрих (Ulrich et al., 1991). Используя предъявление испытуемым сцен естественной окружающей среды (например, пейзажа с цветами и деревьями) и сцен, не связанных с природой (например, городского пейзажа), он обнаружил, что в первом случае прайминг усиливал чувства радости, дружелюбия, игривости и привязанности, в то время как во втором случае усиливались чувства печали, агрессии и гнева. Помимо этого, просмотр различных сцен влиял на изменение мозговой активности – просмотр природных пейзажей приводил к выработке серотонина у здоровых взрослых, а у людей, подвергшихся хирургическим операциям, к показателям ускоренного восстановления.

В результате исследований Р. Ульриха родилась теория восстановления после стресса (stress reduction theory, SRT), согласно которой в безопасной естественной среде происходит восстановление от стресса за счет как сознательно переживаемого чувства восстановления (с помощью эмоций), так и запуска бессознательных физиологических реакций. Такой механизм эволюционно обусловлен тем фактом, что в древние времена безопасные, природные участки земли, покрытые густой растительностью, были наиболее пригодны для жизни, добывания еды и отдыха. Согласно данной теории, городские условия, напротив, могут препятствовать восстановлению после стресса.

Если Р. Ульрих акцентировал в первую очередь изменение аффективного и физиологического компонентов в ходе восстановления, другая авторитетная теория восстановления от усталости направленного внимания Р. и С. Капланов (attention restoration theory, ART) в большей степени сосредоточена на когнитивном компоненте восстановления. Данная теория говорит о том, что пребывание на природе оказывает благотворное воздействие на способность концентрироваться после ментального напряжения. По мнению Р. и С. Капланов, сады имеют особую целительную силу для человека, поскольку предоставляют возможность для эстетических впечатлений, а также обладают психотерапевтическими качествами. Удаленность сада от привычного места нахождения (being away) позволяет человеку мысленно и буквально перемещаться в пространстве. Протяженность сада (extent) дает ощущение связанности с миром, а совместимость (compatibility) говорит о том, что сады способны удовлетворять различные актуальные потребности человека (Kaplan, Kaplan, 1989).

Обе теории, SRT и ART, относятся к психоэволюционным и опираются на гипотезу биофилии, гласящей, что человек имеет врожденную потребность контакта с природной средой, в рамках которой проходила его эволюция, и подсознательно ищет этот контакт. Эта гипотеза была впервые пред-

ставлена в 1964 г. Э. Фроммом в работе «Душа человека», а затем изложена в книге Э. Уилсона «Биофилия» в 1984 г. Сам Э. Уилсон под биофилией подразумевает стремление присоединиться к другим формам жизни (Уилсон, 2016).

Вышеизложенные теории фокусируются в большей степени на механизмах, благодаря которым контакт с природной средой способен влиять на восстановление от стресса, усталости и в целом на психологическое благополучие человека. При этом садоводство как комплексная человеческая деятельность выходит за рамки только контакта с природой. Садоводство может подразумевать и овладение конкретной значимой деятельностью, новыми навыками, что полезно для укрепления физического здоровья и психологического благополучия (Кариг, 2020). За счет садоводства может развиваться социальное взаимодействие с другими людьми, укрепляется чувство принадлежности, появляется возможность заводить новые знакомства. Для людей, особенно ведущих малоподвижный образ жизни, садоводство может служить дополнительным источником физической активности. В данном контексте примечательна польза физических упражнений не только для физического здоровья и профилактики многих хронических заболеваний, но и для профилактики и лечения психических расстройств (Lu et al., 2020).

В то же время с точки зрения мотивационного аспекта занятий садоводством польза для здоровья в большинстве случаев не является главным мотиватором данной деятельности. Некоторые авторы выделяют получение удовольствия в качестве основного мотиватора к садоводству (Chalmin-Pui et al., 2021). В масштабном американском исследовании мотиваторов домашнего садоводства с участием более 25 000 респондентов (по большей части начинающих садоводов) среди основных мотиваторов выделили образование, удовольствие, вовлеченность в семью и самодостаточность (McCartney et al., 2022). В более раннем английском исследовании мотивации к занятиям садоводством пожилых людей было определено семь основных мотиваторов – интеллектуальный, избегание стимулов, укрепление дружбы, социальное взаимодействие, физическая активность, развитие навыков, творчество (Ashton-Shaeffer, Constant, 2006).

Отдельный интерес представляет теория фиторезонанса (phyto-resonance theory), центральный термин которой был предложен П. Шепардом, работавшим с психиатрическими пациентами в больницах и послеоперационных учреждениях. Согласно данной теории, работа с растениями способна запускать процессы саморефлексии для лучшего самопонимания, позитивных изменений за счет соотнесения этапов личного опыта и жизненного цикла выращивания растений. К примеру, планомерная подготовка почвы и уход за растущими растениями помогает почувствовать цикличность жизни, дать надежду пациенту, ощущающему беспомощность (Нартова-Бочавер и др., 2020).

Психотерапевтическая работа с метафорой с помощью садоводческой деятельности рассматривается в работе С. Линден и Дж. Грут (2002). Ими отмечается, что нередко люди используют метафоры, связанные с садоводством или естественным ростом растений, для описания своего психологи-

ческого состояния или жизненной ситуации, например «вырвать с корнем», «пустить новые корни», «пересадить на новое место» и т. д. Авторы разработали на основе садоводства программу для беженцев, помогающую им провести параллели между собственным миром, с его успехами и неудачами, и цикличностью природного мира, и таким образом дать им надежду и сформировать позитивные жизненные перспективы (Linden, Grut, 2002).

Современные исследователи в большинстве своем сходятся во мнении о сочетанном влиянии вышеописанных механизмов: восстановление происходит и через аффект, и через когнитивные способности, и через деятельность. К примеру, участники реабилитационной программы по восстановлению от стрессового расстройства, занимаясь садовой терапией, в интервью отмечали, что занятия садоводством оставляли положительные впечатления от общения с другими участниками и персоналом, взаимодействия с зеленью, в том числе сенсорных ощущений. Помимо этого, сад воспринимался как безопасное и полезное для восстановления пространство. Более того, важную роль для восстановления, по их мнению, играл символизм природы, ассоциировавшийся с ростом и течением времени (Adevi, Mårtensson, 2013).

Итак, благодаря существованию вышеописанных исследований и теорий, каждая из которых имеет свою теоретическую и экспериментальную базу, свою аргументацию и смысл, можно предполагать сочетанное действие нескольких механизмов, посредством которых садоводство и садоводческие мероприятия влияют на человека. Так, садоводство, неся в себе образно-архетипический, материальный, эмоциональный, когнитивный и, возможно, другие компоненты, способно обладать выраженным психотерапевтическим эффектом за счет воздействия на разные психические структуры.

Влияние садоводства и садовой терапии на физическое здоровье человека

Многие исследования отмечают пользу садоводства для здоровья, поскольку оно усиливает физическую активность, что, в свою очередь, способно предотвращать развитие многих хронических заболеваний (артериальной гипертензии, ишемической болезни сердца, инсульта и т. д.). Частое занятие садоводством, по крайней мере 2–3 раза в неделю, соответствует наибольшей предполагаемой пользе для здоровья (физическая активность, улучшение самочувствие, воспринимаемый стресс) (Chalmin-Pui et al., 2021).

Помимо позитивной связи с физической активностью, садоводство также связано с показателями благополучия (well-being) и общего самочувствия (De Bell et al., 2020). Во многих исследованиях садоводство рассматривается как фактор снятия острого стресса: подчеркивается его способность эффективно снижать уровень кортизола в период восстановления (Koay, Dillon, 2020; Soga et al., 2017).

Садовая терапия набирает популярность в лечении различных соматических и психических недугов: как активная деятельность, так и просто посещение сада способны на психофизиологическом уровне оказывать положительный эффект на людей, страдающих деменцией (Liao et al., 2020; Lu et al., 2020; Smith-Carrier et al., 2021). Кроме того, садоводство и наблюдение

за растениями связано с облегчением боли и ускоренным восстановлением после операций (Soga et al., 2017).

Для людей пожилого возраста садоводство служит одновременно доступным, приятным и полезным для здоровья времяпровождением; во время карантина, введенного из-за пандемии COVID-19, ресурсом для здоровья пожилых людей стали домашние сады (Corley et al., 2021). Исследование Й. Оттоссона и П. Грана (Ottosson, Grahn, 2005) демонстрирует улучшение концентрации внимания у пожилых людей после посещения сада за пределами дома престарелых по сравнению с пребыванием в любимой комнате (закрытом помещении). Более высокая концентрация, в свою очередь, влияет на их повседневную активность, здоровье и продолжительность активной жизни. Впрочем, влияния на кровяное давление или частоту сердечных сокращений выявлено не было. В данном контексте важным остается вопрос донесения ценности садоводства для здоровья и активной жизни пожилым людям, многие из которых, несмотря на интерес и приверженность садоводству, недооценивают его восстановительную значимость.

Существенную роль в поддержании здоровья также играет пребывание на открытом воздухе как еще одна составляющая садоводства. Свежий, чистый воздух способен оказывать подавляющее воздействие на множество болезнетворных микроорганизмов, повышать иммунный ответ человека на возбудитель и благоприятно влиять на все физиологические системы организма (Andersen et al., 2021; Johnson et al., 2019).

Другое не прямое благотворное воздействие садоводства на здоровье состоит в том, что у садоводов-любителей меняется культура питания и пищевого поведения, повышается осознанность в выборе продуктов питания, которые были бы полезны для людей и окружающей среды (Beavers et al., 2020), например увеличивается потребление фруктов и овощей (Van Lier et al., 2017). Как известно, повышение их рациона в диете способствует профилактике сердечно-сосудистых заболеваний и уменьшению различных воспалений (Wallace et al., 2020). Таким образом, садоводство посредством нахождения на свежем воздухе, физических нагрузок, необходимости внимания к климатическим и погодным условиям жизни поддерживает и укрепляет физическое здоровье человека.

Влияние садоводства и садовой терапии на психологическое состояние человека

Не только отдельные оригинальные исследования и клинические наблюдения, но и мета-анализы, посвященные садовой терапии и садоводству как источникам улучшения психологического состояния, демонстрируют эффективность этой практики (Tu, 2022). Дж. Семпик и др. отмечают, что польза от садоводства может выражаться в уменьшении симптомов психических расстройств, укреплении социальных связей, а также способствовать приобретению новых социальных и поведенческих навыков (Sempik et al., 2003). М. Аннерстедт и П. Варборг также отмечают психотерапевтическую эффективность природной терапии, включая садовую (Annerstedt, Wahrborg, 2011).

Садовая терапия полезна для людей разного психического статуса. Дж. Клатурти и др., применявшие садовую терапию в работе с людьми, имеющими трудности с психическим здоровьем, отметили снижение симптомов депрессии и симптомов тревоги, улучшение способности концентрировать внимание и повышение самооценки (Clatworthy et al., 2013).

Данные выводы также подкрепляются более поздними исследованиями. Так, показано, что систематические занятия садоводством (три дня в неделю в течение двух месяцев) приводят к уменьшению депрессии у студенток (Ghanbari et al., 2015). Уменьшение симптомов тревожного и депрессивного спектра, снижение уровня рецидива преступлений и повышение самоэффективности и самооценки в ходе программ по садоводству наблюдалось у тюремных заключенных в США (Jenkins, 2016). Значительное повышение самооценки и улучшение настроения отмечалось даже после одного занятия садоводством (Wood et al., 2016).

Удивительно, что, хотя первые работы и теории в области изучения взаимодействия с природой касались прежде всего восстановления внимания и когнитивных процессов, в настоящее время эта тема затрагивается реже, однако работы в этой области тоже существуют. Так, повышение эффективности когнитивных функций после курса садоводческих мероприятий было достоверно подтверждено у людей пожилого возраста (Park et al., 2009), в том числе и у пожилых людей с легкой и умеренной деменцией (Tseng et al., 2020). Также эффективность программ садоводческой терапии в улучшении когнитивных функций находит подтверждение в мета-анализе (Tu, Chiu, 2020).

В связи с урбанизацией и глобализацией современного мира все более актуальным становится изучение связи садоводства и различных параметров психологического благополучия (well-being), снижения стресса, усиления потенциала жизнестойкости. Занятия садоводством и разрабатываемые для жителей мегаполисов садоводческие программы помогают эффективнее справляться со стрессом, повысить уровень жизнестойкости, оптимизма и субъективного благополучия в целом (Howarth et al., 2020; Коау, Диллон, 2020). Садоводство представляет собой ценный ресурс для улучшения психического здоровья и превенции психических расстройств, связанных со стрессом, особенно для людей, проживающих в городских условиях и потому испытывающих дефицит контакта с природой.

Садовая терапия эффективна и в особых, экстремальных жизненных условиях. Новое направление изучения ее эффективности возникло в связи с пандемией COVID-19. Садоводство стало существенным ресурсом снижения психологического дистресса, возникшего в результате социальной изоляции и малоподвижного образа жизни. Так, в исследовании А. Теодору и соавт. (Theodorou et al., 2021) в Италии выявлена обратная связь между занятием садоводством и выраженностью показателей психопатологического дистресса вследствие ограничений, с которыми столкнулись испытуемые во время пандемии. В Сингапуре также обнаружена более высокая психическая устойчивость у людей, еженедельно занимающихся садоводством, по сравнению с теми, кто занимался им реже (Sia et al., 2022).

Говоря о современных тенденциях в исследовании связи садоводческих мероприятий и психологического состояния человека, мы хотели бы также отметить, что на сегодняшний день существуют убедительные аргументы в пользу терапевтических преимуществ садоводства для уменьшения потенциальных психосоциальных и нейрочувствительных нарушений, связанных с длительными космическими полетами (Odeh, Guy, 2017). Актуальность этих исследований растет в связи с тем, что человечество стремится исследовать все более отдаленные места космоса, в которых возможности взаимодействия с привычной природной средой ограничены.

Необходимо отметить, что помимо садоводства как активной деятельности человека по уходу за растениями, само пассивное нахождение в садах и других зеленых насаждениях также способно оказывать благоприятный эффект на психологическое состояние и благополучие человека (Astell-Burt et al., 2022). Исследования свидетельствуют, что люди, которые больше связаны с природой, как правило, имеют большее эвдемическое благополучие и более высокий уровень самооценки личностного роста (Pritchard et al., 2020). Также отмечается, что само пребывание в природной среде от 120 минут в неделю и выше повышает вероятность позитивного самоотчета о своем физическом здоровье и психологическом благополучии (well-being) (White et al., 2019).

Влияние садоводства и садовой терапии на психологическое состояние детей

В последних исследованиях фокус внимания исследователей связи садоводства и психологического состояния человека все больше локализуется и смещается в сторону изучения влияния конкретных видов садоводства (например, садоводство на приусадебном участке, домашнее садоводство, городское садоводство, общественное садоводство (community gardening) и т. д.) на психологическое состояние отдельных категорий людей (дети, взрослые, пожилые люди, люди, страдающие конкретным психическим расстройством и др.).

Рассматривая возможное влияние садоводства на психологическое состояние детей, мы хотим подчеркнуть специфику этой проблемы, а именно возрастные особенности, которые способны существенно определять отношение к садоводству, способность к концентрации и планированию, мотивацию начинать и продолжать эту деятельность. Если у взрослого человека имеются конкретные осознанные цели и долгосрочное планирование деятельности, то ребенок раннего возраста стремится лишь повторить отдельные действия в саду, овладевая предметно-орудийными операциями. Для дошкольника ведущей деятельностью является игра, в которой впервые реализуется потребность влиять на мир. Игра, как правило, повторяет различные виды неигровой деятельности взрослого, и ребенок дошкольного возраста может вовлекаться в процесс садоводства, мысленно представляя себя взрослым садоводом. При внешнем сходстве садоводческой деятельности у детей и взрослых ее содержание, мотивация, цели и, соответственно, влияние на психологическое состояние различаются (Эльконин, 2019).

Во многих странах набирают популярность программы школьного садоводства, поскольку есть данные, что они положительно влияют на физическое и ментальное здоровье и благополучие (включая такие его параметры, как качество жизни, жизненные навыки и межличностные отношения), социальное развитие и даже успеваемость. Подобное влияние садоводческих мероприятий неоднократно подтверждались в разных культурах (Buru et al., 2019; Ambusaidi et al., 2019).

Однако не до конца исследованным остается вопрос о том, какой именно компонент садоводства придает школьным садоводческим программам такую эффективность. Фокус дальнейших исследований может быть сосредоточен вокруг поиска этого ключевого компонента, которым может оказаться нахождение на свежем воздухе, внеклассная социальная активность, собственно процесс садоводства или какой-либо другой компонент. Например, как показало лонгитюдное шотландское исследование, дети, растущие по соседству с садами, как правило, демонстрируют лучшие показатели по социальным, эмоциональным и поведенческим навыкам (Richardson et al., 2017). В отсутствие строгой доказательности детских садоводческих программ они видятся очень перспективными в контексте решения разных задач адаптации и развития, особенно принимая во внимание отсутствие негативных побочных эффектов.

Влияние садоводства и садовой терапии на социальную вовлеченность человека

Садоводство, помимо преимуществ для физического и психологического состояния человека, имеет ряд благоприятных социальных эффектов. Среди них отмечается повышение социальной вовлеченности, которое было изучено у пожилых людей в Австралии (Scott et al., 2020), возрастание социальной сплоченности, создание социальных связей (Machida, 2019), обеспечение социальной поддержки и доверия к другим, обмен знаниями (Dobson et al., 2021; Spano et al., 2020). Участники одного из исследований, находясь в программе садоводства в дикой природе, отмечали среди прочих преимуществ укрепление связей с сообществом (Mumaw et al., 2017).

В последние десятилетия наблюдается рост популярности общественного садоводства, а также интереса к оценке потенциала этого подхода среди исследователей, в том числе для устранения и профилактики многих угроз психосоциальному здоровью и благополучию, с которыми сталкивается современный человек. Так, исследование в Сингапуре показало, что члены садоводческого сообщества демонстрировали более высокий уровень субъективного благополучия, чем те, кто занимался индивидуальным или домашним садоводством или вовсе им не занимался (Koay, Dillon, 2020). В другом исследовании больший размер эффекта для психологического состояния, благополучия, снижения стресса также наблюдался при участии в общественном садоводстве по сравнению с индивидуальным (Spano et al., 2020).

Выращивание растений способно обеспечить социальную выгоду, став общим интересом или центром социального взаимодействия в интернете. Такое аргументированное предположение высказано при исследовании мо-

тивов покупки растений представителями разных возрастных групп в 2020 г., когда во время изоляции из-за пандемии COVID-19 эти закупки резко возросли (Behe et al., 2022).

Таким образом, непромышленное выращивание растений – садовая терапия – не принося экономических выгод, укрепляет здоровье, существенно гармонизирует психологическое состояние и социальное развитие человека.

Заключение

Итак, нами была поставлена задача изучения возможного влияния занятий любительским садоводством на здоровье, психологическое состояние и социальное взаимодействие людей. Рассмотренные в данном литературном обзоре качественные и количественные исследования однозначно свидетельствуют в пользу благотворного влияния; ни одна из проанализированных работ не обнаружила негативного влияния или каких-либо побочных эффектов занятия садоводством и садовой терапии. Примечательно, что это влияние подтверждается в исследованиях, проводимых на представителях разных культур и возрастных категорий, то есть оно инвариантно или даже имеет архетипический характер. Тем не менее многие из этих исследований обладают некоторыми уязвимостями с точки зрения организации исследования и недооцененности возможных сопутствующих переменных.

Хотя разные способы взаимодействия с миром флоры (например, прогулки среди зеленых насаждений) способствуют ускоренному восстановлению после стресса и укреплению психологического благополучия, именно садоводство как активная деятельность включает наибольшее количество психотерапевтических факторов, которые делают его эффективным, при этом не имея негативного побочного воздействия.

Существует необходимость в проведении дальнейших доказательных исследований по этой теме в контексте того, что садоводство имеет многообещающие прикладные перспективы для биопсихосоциального здоровья человека, а также является доступным и экологичным ресурсом его поддержания.

Список литературы

- Алексеев А.П., Алексеева И.Ю. Естественный интеллект в условиях цифровых трансформаций // Информационное общество. 2022. № 1. С. 2–8. https://doi.org/10.52605/16059921_2022_01_02
- Бойченко Т.А. Исследования в области экологических проблем: обзор ключевых результатов // Управление наукой и наукометрия. 2018. № 1 (27). С. 26–45.
- Войскунский А.Е., Смыслова О.В. Киберзаболевание в системах виртуальной реальности: ключевые факторы и сенсорная интеграция // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 1. С. 56–64. <https://doi.org/10.31857/S020595920007882-6>
- Кулакова Е.Н., Настаушева Т.Л., Кондратьева И.В. Систематическое обзорное исследование литературы по методологии scoping review: история, теория и практика // Вопросы современной педиатрии. 2021. Т. 20. № 3. С. 210–222. <https://doi.org/10.15690/vsp.v20i3/2271>
- Куриленко В.Б., Ершова Р.В., Новикова И.А. Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития личности // Вестник Российского университета

- дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2022. Т. 19. № 2. С. 185–194. <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2022-19-2-185-194>
- Нартова-Бочавер С.К., Мухортова Е.А., Ирхин Б.Д. Взаимодействие с миром растений как источник позитивного функционирования человека // Консультативная психология и психотерапия. 2020. Т. 28. № 2. С. 151–169. <https://doi.org/10.17759/cpp.2020280209>
- Привалова Е.А., Ершова Р.В., Ерофеева М.А. Особенности проэкологического поведения студентов в области энергопотребления // Перспективы науки и образования. 2021. № 3 (51). С. 86–98. <https://doi.org/10.32744/pse.2021.3.6>
- Уилсон Э.О. Биофилия: врожденная тяга к живому как связь человека с другими биологическими видами / пер. с англ. М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2016. 298 с.
- Шейнов В.П. Взаимосвязи зависимости от смартфона с психологическими и социально-психологическими характеристиками личности: обзор зарубежных исследований // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2021. Т. 18. № 1. С. 235–253. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2021-18-1-235-253>
- Эльконин Б.Д. Продуктивное действие // Культурно-историческая психология. 2019. Т. 15. № 1. С. 116–122. <https://doi.org/10.17759/chp.2019150112>
- Adevi A.A., Mårtensson F. Stress rehabilitation through garden therapy: the garden as a place in the recovery from stress // Urban Forestry & Urban Greening. 2013. Vol. 12. No 2. Pp. 230–237. <https://doi.org/10.1016/j.ufug.2013.01.007>
- Ambusaidi A.K., Al-Yahyai R., Taylor S., Taylor N. School gardening in early childhood education in Oman: a pilot project with grade 2 students // Science Education International. 2019. Vol. 30. No 1. Pp. 45–55.
- Andersen L., Corazon S.S.S., Stigsdotter U.K.K. Nature exposure and its effects on immune system functioning: a systematic review // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2021. Vol. 18. No 4. Article 1416. <https://doi.org/10.3390/ijerph18041416>
- Annerstedt M., Wahrborg P. Nature-assisted therapy: systematic review of controlled and observational studies // Scandinavian Journal of Public Health. 2011. Vol. 39. No 4. Pp. 371–388. <https://doi.org/10.1177/1403494810396400>
- Ashton-Shaeffer C., Constant A. Why do older adults garden? // Activities, Adaptation & Aging. 2006. Vol. 30. No 2. Pp. 1–18. https://doi.org/10.1300/J016v30n02_01
- Astell-Burt T., Hartig T., Eckermann S., Nieuwenhuisen M., McMunn A., Frumkin H., Feng X. More green, less lonely? A longitudinal cohort study // International Journal of Epidemiology. 2022. Vol. 51. No 1. Pp. 99–110. <https://doi.org/10.1093/ije/dyab089>
- Beavers A.W., Atkinson A., Alaimo K. How gardening and a gardener support program in Detroit influence participants' diet, food security, and food values // Journal of Hunger & Environmental Nutrition. 2020. Vol. 15. No 2. Pp. 149–169. <https://doi.org/10.1080/19320248.2019.1587332>
- Behe B.K., Huddleston P.T., Hall C.R. Gardening motivations of U.S. plant purchasers during the COVID-19 pandemic // Journal of Environmental Horticulture. 2022. Vol. 40. No 1. Pp. 10–17. <https://doi.org/10.24266/0738-2898-40.1.10>
- Buru T.H., Buta E., Bucur G., Cantor M. Children – plant interaction using therapeutic horticulture intervention in a Romanian school // Acta Universitatis Sapientiae, Agriculture and Environment. 2019. Vol. 11. No 1. Pp. 130–138. <https://doi.org/10.2478/ausae-2019-0012>
- Chalmin-Pui L.S., Griffiths A., Roe J.J., Heaton T., Cameron R.W.F. Why garden? – Attitudes and the perceived health benefits of home gardening // Cities. 2021. Vol. 112. <https://doi.org/10.1016/j.cities.2021.103118>
- Clatworthy J., Hinds J., Camic P.M. Gardening as a mental health intervention: a review // Mental Health Review Journal. 2013. Vol. 18. No 4. P. 214–225. <https://doi.org/10.1108/MHRJ-02-2013-0007>
- Corley J., Okely J.A., Taylor A.M., Page D., Welstead M., Skarabela B., Redmond P., Cox S.R., Russ T.C. Home garden use during COVID-19: associations with physical and mental

- wellbeing in older adults // *Journal of Environmental Psychology*. 2021. Vol. 73. Article 101545. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2020.101545>
- De Bell S., White M., Griffiths A., Darlow A., Taylor T., Wheeler B., Lovell R.* Spending time in the garden is positively associated with health and wellbeing: results from a national survey in England // *Landscape and Urban Planning*. 2020. Vol. 200. Article 103836. <https://doi.org/10.1016/j.landurbplan.2020.103836>
- Dobson M.C., Reynolds C., Warren P.H., Edmondson J.L.* “My little piece of the planet”: the multiplicity of well-being benefits from allotment gardening // *British Food Journal*. 2021. Vol. 123. No 3. Pp. 1012–1023. <https://doi.org/10.1108/BFJ-07-2020-0593>
- Ghanbari S., Jafari F., Bagheri N., Neamtolahi S., Shayanpour R.* Study of the effect of using purposeful activity (gardening) on depression of female resident in Golestan dormitory of Ahvaz Jundishapur University of Medical Sciences // *Journal of Rehabilitation Sciences & Research*. 2015. Vol. 2. No 1. Pp. 8–11. <https://doi.org/10.30476/jrsr.2015.41066>
- Global Risks Report 2021. 16th ed. Geneva: World Economic Forum, 2021.
- Howarth M., Brettle A., Hardman M., Maden M.* What is the evidence for the impact of gardens and gardening on health and well-being: a scoping review and evidence-based logic model to guide healthcare strategy decision making on the use of gardening approaches as a social prescription // *BMJ Open*. 2020. Vol. 10. No 7. <https://doi.org/10.1136/bmjopen-2020-036923>
- Jenkins R.* Landscaping in lockup: the effects of gardening programs on prison inmates // *Graduate Theses & Dissertations*. 2016. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Landscaping-in-Lockup%3A-The-Effects-of-Gardening-on-Jenkins/d84d17e3b8a0298d0e183bbdac3f27feb9785235> (accessed: 25.06.2022).
- Johnson U., Ivarsson A., Parker J., Andersen M.B., Svetoft I.* Connection in the fresh air: a study on the benefits of participation in an electronic tracking outdoor gym exercise programme // *Montenegrin Journal of Sports Science and Medicine*. 2019. Vol. 8. No 1. Pp. 61–67. <https://doi.org/10.26773/mjssm.190309>
- Kaplan R., Kaplan S.* The experience of nature: a psychological perspective. Cambridge University Press, 1989.
- Kapur R.* Development of skills for good health, well-being and enriching one's living conditions. 2020. URL: https://www.researchgate.net/publication/342509850_Development_of_Skills_for_Good_Health_Well-being_and_Enriching_one's_Living_Conditions (accessed: 25.06.2022).
- Koay W.I., Dillon D.* Community gardening: stress, well-being, and resilience potentials // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2020. Vol. 17. No 18. <https://doi.org/10.3390/ijerph17186740>
- Liao M.L., Ou S.J., Heng Hsieh C., Li Z., Ko C.C.* Effects of garden visits on people with dementia: a pilot study // *Dementia (London)*. 2020. Vol. 19. No 4. Pp. 1009–1028. <https://doi.org/10.1177/1471301218793319>
- Linden S., Grut J.* The healing fields: working with psychotherapy and nature to rebuild shattered lives. London: Frances Lincoln Limited, 2002.
- Lu L.C., Lan S.H., Hsieh Y.P., Yen Y.Y., Chen J.C., Lan S.J.* Horticultural therapy in patients with dementia: a systematic review and meta-analysis // *American Journal of Alzheimer's Disease and other Dementias*. 2020. Vol. 35. <https://doi.org/10.1177/1533317519883498>
- Machida D.* Relationship between community or home gardening and health of the elderly: a web-based cross-sectional survey in Japan // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2019. Vol. 16. No 8. <https://doi.org/10.3390/ijerph16081389>
- McCartney K., Wood G., Gabbert K., Warner M., Tompkins N.O.H.* Home gardening resurgence during COVID: motivations and perceived benefits of participating in grow this! // *Health Promotion Practice*. 2022. <https://doi.org/10.1177/15248399221102919>
- Mumaw L.M., Maller C., Bekessy S.* Strengthening wellbeing in urban communities through wildlife gardening // *Cities and the Environment*. 2017. Vol. 10. No 1. P. 6.

- Odeh R., Guy C.L. Gardening for therapeutic people-plant interactions during long-duration space missions // *Open Agriculture*. 2017. Vol. 2. No 1. Pp. 1–13. <https://doi.org/10.1515/opag-2017-0001>
- Ottosson J., Grahn P. A comparison of leisure time spent in a garden with leisure time spent indoors: on measures of restoration in residents in geriatric care // *Landscape Research*. 2005. Vol. 30. No 1. Pp. 23–55. <https://doi.org/10.1080/0142639042000324758>
- Park S.A., Shoemaker C.A., Haub M.D. Physical and psychological health conditions of older adults classified as gardeners or nongardeners // *HortScience*. 2009. Vol. 44. No 1. Pp. 206–210. <https://doi.org/10.21273/HORTSCI.44.1.206>
- Pritchard A., Richardson M., Sheffield D., McEwan K. The relationship between nature connectedness and eudaimonic well-being: a meta-analysis // *Journal of Happiness Studies: An Interdisciplinary Forum on Subjective Well-Being*. 2020. Vol. 21. No 3. Pp. 1145–1167. <https://doi.org/10.1007/s10902-019-00118-6>
- Relf D. Human issues in horticulture // *HortTechnology*. 1992. Vol. 2. No. 2. Pp. 159–171.
- Richardson E.A., Pearce J., Shortt N.K., Mitchell R. The role of public and private natural space in children's social, emotional and behavioural development in Scotland: a longitudinal study // *Environmental Research*. 2017. Vol. 158. Pp. 729–736. <https://doi.org/10.1016/j.envres.2017.07.038>
- Scott T.L., Masser B.M., Pachana N.A. Positive aging benefits of home and community gardening activities: older adults report enhanced self-esteem, productive endeavours, social engagement and exercise // *SAGE Open Medicine*. 2020. Vol. 8. <https://doi.org/10.1177/2050312120901732>
- Sempik J., Aldridge J., Becker S. Social and therapeutic horticulture: evidence and messages from research, thrive in association with the centre for child and family research. Loughborough University, 2003.
- Sia A., Tan P.Y., Wong J.C.M., Araib S., Ang W.F., Er K.B.H. The impact of gardening on mental resilience in times of stress: a case study during the COVID-19 pandemic in Singapore // *Urban Forestry & Urban Greening*. 2022. Vol. 68. <https://doi.org/10.1016/j.ufug.2021.127448>
- Smith-Carrier T.A., Béres L., Johnson K., Blake C., Howard J. Digging into the experiences of therapeutic gardening for people with dementia: an interpretative phenomenological analysis // *Dementia (London)*. 2021. Vol. 20. No 1. Pp. 130–147. <https://doi.org/10.1177/1471301219869121>
- Soga M., Gaston K.J., Yamaura Y. Gardening is beneficial for health: a meta-analysis // *Preventive Medicine Reports*. 2017. Vol. 5. Pp. 92–99. <https://doi.org/10.1016/j.pmedr.2016.11.007>
- Spano G., D'Este M., Giannico V., Carrus G., Elia M., Laforteza R., Panno A., Sanesi G. Are community gardening and horticultural interventions beneficial for psychosocial well-being? a meta-analysis // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2020. Vol. 17. No 10. Article 3584. <https://doi.org/10.3390/ijerph17103584>
- Summers J.K., Vivian D.N. Ecotherapy – a forgotten ecosystem service: a review // *Frontiers in Psychology*. 2018. Vol. 9. Article 1389. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2018.01389>
- Theodorou A., Panno A., Carrus G., Carbone G.A., Massullo C., Imperatori C. Stay home, stay safe, stay green: the role of gardening activities on mental health during the COVID-19 home confinement // *Urban Forestry & Urban Greening*. 2021. Vol. 61. <https://doi.org/10.1016/j.ufug.2021.127091>
- Tseng W.S., Ma Y.C., Wong W.K., Yeh Y.T., Wang W.I., Cheng S.H. An indoor gardening planting table game design to improve the cognitive performance of the elderly with mild and moderate dementia // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2020. Vol. 17. No 5. Article 1483. <https://doi.org/10.3390/ijerph17051483>
- Tu H.M. Effect of horticultural therapy on mental health: a meta-analysis of randomized controlled trials // *Journal of Psychiatric and Mental Health Nursing*. 2022. Vol. 29. No 4. Pp. 603–615. <https://doi.org/10.1111/jpm.12818>

- Tu H.M., Chiu P.Y. Meta-analysis of controlled trials testing horticultural therapy for the improvement of cognitive function // *Scientific reports*. 2020. Vol. 10. No 1. Article 14637. <https://doi.org/10.1038/s41598-020-71621-7>
- Ulrich R.S., Simons R.F., Losito B.D., Florito E., Miles M.A., Zelson M. Stress recovery during exposure to natural and urban environments // *Journal of Environmental Psychology*. 1991. Vol. 11. No 3. Pp. 201–230. [https://doi.org/10.1016/S0272-4944\(05\)80184-7](https://doi.org/10.1016/S0272-4944(05)80184-7)
- Van Lier L.E., Utter J., Denny S., Lucassen M., Dyson B., Clark T. Home gardening and the health and well-being of adolescents // *Health Promotion Practice*. 2017. Vol. 18. No 1. Pp. 34–43. <https://doi.org/10.1177/1524839916673606>
- Wallace T.C., Bailey R.L., Blumberg J.B., Burton-Freeman B., Chen C.O., Crowe-White K.M., Drewnowski A., Hooshmand S., Johnson E., Lewis R., Murray R., Shapses S.A., Wang D.D. Fruits, vegetables, and health: A comprehensive narrative, umbrella review of the science and recommendations for enhanced public policy to improve intake // *Critical Reviews in Food Science and Nutrition*. 2020. Vol. 60. No 13. Pp. 2174–2211. <https://doi.org/10.1080/10408398.2019.1632258>
- Wang C., Geng L., Rodríguez-Casallas J.D. The role of nature-deficit disorder in the associations between Mobile phone overuse and well-being and mindfulness // *Current Psychology*. 2021. Vol. 42. Pp. 1–12. <https://doi.org/10.1007/s12144-021-01453-9>
- White M.P., Alcock I., Grellier J., Wheeler B.W., Hartig T., Warber S.L., Bone A., Depledge M.H., Fleming L.E. Spending at least 120 minutes a week in nature is associated with good health and wellbeing // *Scientific Reports*. 2019. Vol. 9. No 1. Pp. 1–11. <https://doi.org/10.1038/s41598-019-44097-3>
- Wood C.J., Pretty J., Griffin M. A case – control study of the health and well-being benefits of allotment gardening // *Journal of Public Health*. 2016. Vol. 38. No 3. Pp. 336–344. <https://doi.org/10.1093/pubmed/fdv146>

История статьи:

Поступила в редакцию 29 ноября 2022 г.

Принята к печати 4 апреля 2023 г.

Для цитирования:

Андзаурова П.О., Нартова-Бочавер С.К. Садоводство и садовая терапия как ресурс психологического благополучия человека // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Психология и педагогика. 2023. Т. 20. № 2. С. 331–351. <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2023-20-2-331-351>

Вклад авторов:

П.О. Андзаурова – поиск и отбор источников литературы, написание текста. С.К. Нартова-Бочавер – поиск и отбор источников литературы, редактирование текста.

Заявление о конфликте интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Сведения об авторах:

Андзаурова Полина Олеговна, аспирант, департамент психологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). ORCID: 0000-0002-0258-2118. E-mail: pandzaurova@hse.ru

Нартова-Бочавер Софья Кимовна, доктор психологических наук, профессор департамента психологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). ORCID: 0000-0002-8061-4154. E-mail: snartovabochaver@hse.ru

DOI: 10.22363/2313-1683-2023-20-2-331-351

EDN: YOIGSP

UDC 159.99

Review article

Gardening and Garden Therapy as a Resource for Human Psychological Well-Being

Polina O. Andzaurova , Sofya K. Nartova-Bochaver

HSE University,
20 Myasnitskaya St, Moscow, 101000, Russian Federation

 pandzaurova@hse.ru

Abstract. Gardening, as one of the most popular active types of interaction with the world of flora, is used by people to meet various needs (e.g., intellectual, social and some others). However, its restorative potential for the psyche of a person living in the digital era and the urban environment remains underestimated. The authors examine the main effects of gardening activities and therapy on the physical and psychological state of a person, as well as its potential in the context of strengthening social ties and social engagement. There are also positive effects of gardening on the psychological state of children. The research potential of gardening activities as a way to reduce the psychological distress resulting from social isolation and sedentary lifestyles during the COVID-19 pandemic is highlighted. In addition, an analysis is made of the possible mechanisms of the beneficial effect of gardening on people's mental health both within the framework of specific theories, including the stress reduction theory, the attention restoration theory, the theory of phyto-resonance, and in the context of individual modern studies. The literature review was carried out based on the analysis of studies in different countries of the world (Australia, Great Britain, Iran, Italy, Oman, Romania, Singapore, USA, Taiwan and Sweden). The limitations of some of the studies under consideration are presented, mostly concerning the purity of their design; study vectors for further research and practical application are also outlined.

Key words: well-being, plants, gardening, horticulture, stress, flora, ecotherapy

Acknowledgements and Funding. This work was supported by the Faculty of Social Sciences, HSE University.

References

- Adevi, A.A., & Mårtensson, F. (2013). Stress rehabilitation through garden therapy: The garden as a place in the recovery from stress. *Urban Forestry & Urban Greening*, 12(2), 230–237. <https://doi.org/10.1016/j.ufug.2013.01.007>
- Alekseev, A.P., & Alekseeva, I.Y. (2022). Natural intelligence in the context of digital transformations. *Information Society*, (1), 2–8. (In Russ.) https://doi.org/10.52605/16059921_2022_01_02
- Ambusaidi, A.K., Al-Yahyai, R., Taylor, S., & Taylor, N. (2019). School gardening in early childhood education in Oman: A pilot project with grade 2 students. *Science Education International*, 30(1), 45–55.
- Andersen, L., Corazon, S.S.S., & Stigsdotter, U.K.K. (2021). Nature exposure and its effects on immune system functioning: A systematic review. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 18(4), 1416. <https://doi.org/10.3390/ijerph18041416>

- Annerstedt, M., & Wahrborg, P. (2011). Nature-assisted therapy: Systematic review of controlled and observational studies. *Scandinavian Journal of Public Health*, 39(4), 371–88. <https://doi.org/10.1177/1403494810396400>
- Ashton-Shaeffer, C., & Constant, A. (2006). Why do older adults garden? *Activities, Adaptation & Aging*, 30(2), 1–18. https://doi.org/10.1300/J016v30n02_01
- Astell-Burt, T., Hartig, T., Eckermann, S., Nieuwenhuisen, M., McMunn, A., Frumkin, H., & Feng, X. (2022). More green, less lonely? A longitudinal cohort study. *International Journal of Epidemiology*, 51(1), 99–110. <https://doi.org/10.1093/ije/dyab089>
- Beavers, A.W., Atkinson, A., & Alaimo, K. (2020). How gardening and a gardener support program in detroit influence participants' diet, food security, and food values. *Journal of Hunger & Environmental Nutrition*, 15(2), 149–169. <https://doi.org/10.1080/19320248.2019.1587332>
- Behe, B.K., Huddleston, P.T., & Hall, C.R. (2022). Gardening motivations of U.S. plant purchasers during the COVID-19 pandemic. *Journal of Environmental Horticulture*, 40(1), 10–17. <https://doi.org/10.24266/0738-2898-40.1.10>
- Boichenko, T.A. (2018). Research in the field of environmental problems: an overview of key results. *Science Management and Scientometrics*, (1), 26–46. (In Russ.).
- Buru, T.H., Buta, E., Bucur, G., & Cantor, M. (2019). Children – plant interaction using therapeutic horticulture intervention in a Romanian school. *Acta Universitatis Sapientiae, Agriculture and Environment*, 11(1), 130–138. <https://doi.org/10.2478/ausae-2019-0012>
- Chalmin-Pui, L.S., Griffiths, A., Roe, J.J., Heaton, T., & Cameron, R.W.F. (2021). Why garden? – Attitudes and the perceived health benefits of home gardening. *Cities*, 112. <https://doi.org/10.1016/j.cities.2021.103118>
- Clatworthy, J., Hinds, J., & Camic, P.M. (2013). Gardening as a mental health intervention: A review. *Mental Health Review Journal*, 18(4), 214–225. <https://doi.org/10.1108/MHRJ-02-2013-0007>
- Corley, J., Okely, J.A., Taylor, A.M., Page, D., Welstead, M., & Skarabela, B., Redmond, P., Cox, S.R., & Russ, T.C. (2021). Home garden use during COVID-19: Associations with physical and mental wellbeing in older adults. *Journal of Environmental Psychology*, 73, 101545. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2020.101545>
- De Bell, S., White, M., Griffiths, A., Darlow, A., Taylor, T., & Wheeler, B., & Lovell, R. (2020). Spending time in the garden is positively associated with health and wellbeing: Results from a national survey in England. *Landscape and Urban Planning*, 200, 103836. <https://doi.org/10.1016/j.landurbplan.2020.103836>
- Dobson, M.C., Reynolds, C., Warren, P.H., & Edmondson, J.L. (2021). “My little piece of the planet”: The multiplicity of well-being benefits from allotment gardening. *British Food Journal*, 123(3), 1012–1023. <https://doi.org/10.1108/BFJ-07-2020-0593>
- Elkonin, B.D. (2019). Productive action. *Cultural-Historical Psychology*, 15(1), 116–122. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/chp.2019150112>
- Ghanbari, S., Jafari, F., Bagheri, N., Neamtolahi, S., & Shayanpour, R. (2015). Study of the effect of using purposeful activity (gardening) on depression of female resident in Golestan dormitory of Ahvaz Jundishapur University of Medical Sciences. *Journal of Rehabilitation Sciences & Research*, 2(1), 8–11. <https://doi.org/10.30476/jrsr.2015.41066>
- Global Risks Report 2021*. (2021). 16th ed. Geneva: World Economic Forum.
- Howarth, M., Brettle, A., Hardman, M., & Maden, M. (2020). What is the evidence for the impact of gardens and gardening on health and well-being: A scoping review and evidence-based logic model to guide healthcare strategy decision making on the use of gardening approaches as a social prescription. *BMJ Open*, 10(7), 036923. <https://doi.org/10.1136/bmjopen-2020-036923>
- Jenkins, R. (2016). Landscaping in lockup: The effects of gardening programs on prison inmates. *Graduate Theses & Dissertations*. Retrieved June 25, 2022, from <https://www.semanticscholar.org/paper/Landscaping-in-Lockup%3A-The-Effects-of-Gardening-on-Jenkins/d84d17e3b8a0298d0e183bbdac3f27f7eb9785235>

- Johnson, U., Ivarsson, A., Parker, J., Andersen, M.B., & Svetoft, I. (2019). Connection in the fresh air: A study on the benefits of participation in an electronic tracking outdoor gym exercise programme. *Montenegrin Journal of Sports Science and Medicine*, 8(1), 61–67. <https://doi.org/10.26773/mjssm.190309>
- Kaplan, R., & Kaplan, S. (1989). *The experience of nature: A psychological perspective*. Cambridge University Press.
- Kapur, R. (2020). *Development of skills for good health, well-being and enriching one's living conditions*. Retrieved June 25, 2022, from https://www.researchgate.net/publication/342509850_Development_of_Skills_for_Good_Health_Well-being_and_Enriching_one's_Living_Conditions
- Koay, W.I., & Dillon, D. (2020). Community gardening: Stress, well-being, and resilience potentials. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 17(18), 6740. <https://doi.org/10.3390/ijerph17186740>
- Kulakova, E.N., Nastausheva, T.L., & Kondratjeva, I.V. (2021). Scoping review methodology: History, theory and practice. *Current Pediatrics*, 20(3), 210–222. (In Russ.) <https://doi.org/10.15690/vsp.v20i3/2271>
- Kurilenko, V.B., Ershova, R.V., & Novikova, I.A. (2022). Digital society as cultural-historical context of personality development. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 19(2), 185–194. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2022-19-2-185-194>
- Liao, M.L., Ou, S.J., Heng Hsieh, C., Li, Z., & Ko, C.C. (2020). Effects of garden visits on people with dementia: A pilot study. *Dementia (London)*, 19(4), 1009–1028. <https://doi.org/10.1177/1471301218793319>
- Linden, S., & Grut, J. (2002). *The healing fields: Working with psychotherapy and nature to rebuild shattered lives*. London: Frances Lincoln Limited.
- Lu, L.C., Lan, S.H., Hsieh, Y.P., Yen, Y.Y., Chen, J.C., & Lan, S.J. (2020). Horticultural therapy in patients with dementia: A systematic review and meta-analysis. *American Journal of Alzheimer's Disease and other Dementias*, 35, 1533317519883498. <https://doi.org/10.1177/1533317519883498>
- Machida, D. (2019). Relationship between community or home gardening and health of the elderly: A web-based cross-sectional survey in Japan. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 16(8), 1389. <https://doi.org/10.3390/ijerph16081389>
- McCartney, K., Wood, G., Gabbert, K., Warner, M., & Tompkins, N.O.H. (2022). Home gardening resurgence during COVID: Motivations and perceived benefits of participating in grow this! *Health Promotion Practice*. <https://doi.org/10.1177/15248399221102919>
- Mumaw, L.M., Maller, C., & Bekessy, S. (2017). Strengthening wellbeing in urban communities through wildlife gardening. *Cities and the Environment*, 10(1), 6.
- Nartova-Bochaver, S.K., Mukhortova, E.A., & Irkhin, B.D. (2020). Interaction with the plant world as a source of positive human functioning. *Counseling Psychology and Psychotherapy*, 28(2), 151–169. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/cpp.2020280209>
- Odeh, R., & Guy, C.L. (2017). Gardening for therapeutic people-plant interactions during long-duration space missions. *Open Agriculture*, 2(1), 1–13. <https://doi.org/10.1515/opag-2017-0001>
- Ottosson, J., & Grahn, P. (2005). A comparison of leisure time spent in a garden with leisure time spent indoors: On measures of restoration in residents in geriatric care. *Landscape Research*, 30(1), 23–55. <https://doi.org/10.1080/0142639042000324758>
- Park, S.A., Shoemaker, C.A., & Haub, M.D. (2009). Physical and psychological health conditions of older adults classified as gardeners or nongardeners. *HortScience*, 44(1), 206–210. <https://doi.org/10.21273/HORTSCI.44.1.206>
- Pritchard, A., Richardson, M., Sheffield, D., & McEwan, K. (2020). The relationship between nature connectedness and eudaimonic well-being: A meta-analysis. *Journal of Happiness Studies: An Interdisciplinary Forum on Subjective Well-Being*, 21(3), 1145–1167. <https://doi.org/10.1007/s10902-019-00118-6>

- Privalova, E.A., Ershova, R.V., & Erofeeva, M.A. (2021). The features of proenvironmental behavior of students in the field of energy consumption. *Perspectives of Science and Education*, 51(3), 86–98. (In Russ.). <https://doi.org/10.32744/pse.2021.3.6>
- Relf, D. (1992). Human issues in horticulture. *HortTechnology*, 2(2), 159–171.
- Richardson, E.A., Pearce, J., Shortt, N.K., & Mitchell, R. (2017). The role of public and private natural space in children's social, emotional and behavioural development in Scotland: A longitudinal study. *Environmental Research*, 158, 729–736. <https://doi.org/10.1016/j.envres.2017.07.038>
- Scott, T.L., Masser, B.M., & Pachana, N.A. (2020). Positive aging benefits of home and community gardening activities: Older adults report enhanced self-esteem, productive endeavours, social engagement and exercise. *SAGE Open Medicine*, 8, 2050312120901732. <https://doi.org/10.1177/2050312120901732>
- Sempik, J., Aldridge, J., & Becker, S. (2003). *Social and therapeutic horticulture: Evidence and messages from research, thrive in association with the centre for child and family research*. Loughborough University.
- Sheinov, V.P. (2021). Smartphone addiction and personality: Review of international research. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*. 18(1), 235–253. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2021-18-1-235-253>
- Sia, A., Tan, P.Y., Wong, J.C.M., Araib, S., Ang, W.F., & Er, K.B.H. (2022). The impact of gardening on mental resilience in times of stress: A case study during the COVID-19 pandemic in Singapore. *Urban Forestry & Urban Greening*, 68, 127448. <https://doi.org/10.1016/j.ufug.2021.127448>
- Smith-Carrier, T.A., Béres, L., Johnson, K., Blake, C., & Howard, J. (2021). Digging into the experiences of therapeutic gardening for people with dementia: An interpretative phenomenological analysis. *Dementia (London)*, 20(1), 130–147. <https://doi.org/10.1177/1471301219869121>
- Soga, M., Gaston, K.J., & Yamaura, Y. (2017). Gardening is beneficial for health: A meta-analysis. *Preventive Medicine Reports*, 5, 92–99. <https://doi.org/10.1016/j.pmedr.2016.11.007>
- Spano, G., D'Este, M., Giannico, V., Carrus, G., Elia, M., Laforteza, R., Panno, A., & Sanesi, G. (2020). Are community gardening and horticultural interventions beneficial for psychosocial well-being? A meta-analysis. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 17(10), 3584. <https://doi.org/10.3390/ijerph17103584>
- Summers, J.K., & Vivian, D.N. (2018). Ecotherapy – a forgotten ecosystem service: A review. *Frontiers in Psychology*, 9, 1389. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2018.01389>
- Theodorou, A., Panno, A., Carrus, G., Carbone, G.A., Massullo, C., & Imperatori, C. (2021). Stay home, stay safe, stay green: The role of gardening activities on mental health during the COVID-19 home confinement. *Urban Forestry & Urban Greening*, 61, 127091. <https://doi.org/10.1016/j.ufug.2021.127091>
- Tseng, W.S., Ma, Y.C., Wong, W.K., Yeh, Y.T., Wang, W.I., & Cheng, S.H. (2020). An indoor gardening planting table game design to improve the cognitive performance of the elderly with mild and moderate dementia. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 17(5), 1483. <https://doi.org/10.3390/ijerph17051483>
- Tu, H.M. (2022). Effect of horticultural therapy on mental health: A meta-analysis of randomized controlled trials. *Journal of Psychiatric and Mental Health Nursing*, 29(4), 603–615. <https://doi.org/10.1111/jpm.12818>
- Tu, H.M., & Chiu, P.Y. (2020). Meta-analysis of controlled trials testing horticultural therapy for the improvement of cognitive function. *Scientific Reports*, 10(1), 14637. <https://doi.org/10.1038/s41598-020-71621-7>
- Ulrich, R.S., Simons, R.F., Losito, B.D., Florito, E., Miles, M.A., & Zelson, M. (1991). Stress recovery during exposure to natural and urban environments. *Journal of Environmental Psychology*, 11(3), 201–230. [https://doi.org/10.1016/S0272-4944\(05\)80184-7](https://doi.org/10.1016/S0272-4944(05)80184-7)
- Van Lier, L.E., Utter, J., Denny, S., Lucassen, M., Dyson, B., & Clark, T. (2017). Home gardening and the health and well-being of adolescents. *Health Promotion Practice*, 18(1), 34–43. <https://doi.org/10.1177/1524839916673606>

- Voiskounsky, A.E., & Smyslova, O.V. (2020). Cybersickness in virtual reality: Key factors and sensory integration. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 41(1), 56–64. (In Russ.)
- Wallace, T.C., Bailey, R.L., Blumberg, J.B., Burton-Freeman, B., Chen, C.O., & Crowe-White, K.M., Drewnowski, A., Hooshmand, S., Johnson, E., Lewis, R., Murray, R., Shapses, S.A., & Wang, D.D. (2020). Fruits, vegetables, and health: A comprehensive narrative, umbrella review of the science and recommendations for enhanced public policy to improve intake. *Critical Reviews in Food Science and Nutrition*, 60(13), 2174–2211. <https://doi.org/10.1080/10408398.2019.1632258>
- Wang, C., Geng, L., & Rodríguez-Casallas, J. D. (2021). The role of nature-deficit disorder in the associations between mobile phone overuse and well-being and mindfulness. *Current Psychology*, 42, 1–12. <https://doi.org/10.1007/s12144-021-01453-9>
- White, M.P., Alcock, I., Grellier, J., Wheeler, B.W., Hartig, T., Warber, S.L., Bone, A., Depledge, M.H., & Fleming, L.E. (2019). Spending at least 120 minutes a week in nature is associated with good health and wellbeing. *Scientific Reports*, 9(1), 1–11. <https://doi.org/10.1038/s41598-019-44097-3>
- Wilson, E.O. (2016). *Biophilia. The human bond with other species*. Moscow: URSS Publ., LENAND Publ. (In Russ.)
- Wood, C.J., Pretty, J., & Griffin, M. (2016). A case – control study of the health and well-being benefits of allotment gardening. *Journal of Public Health*, 38(3), e336–e344. <https://doi.org/10.1093/pubmed/fdv146>

Article history:

Received 29 November 2022

Revised 3 April 2023

Accepted 4 April 2023

For citation:

Андзаурова, П.О., & Нартова-Бочавер, С.К. (2023). Gardening and garden therapy as a resource for human psychological well-being. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 20(2), 331–351. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2023-20-2-331-351>

Author's contribution:

Polina O. Andzaurova – search and selection of literature sources, text writing. Sofia K. Nartova-Bochaver – search and selection of literature sources, text editing.

Conflicts of interest:

The authors declare that there is no conflict of interest.

Bio notes:

Polina O. Andzaurova, PhD Student (Psychology), School of Psychology, HSE University (Moscow, Russia). ORCID: 0000-0002-0258-2118. E-mail: pandzaurova@hse.ru

Sofya K. Nartova-Bochaver, Doctor of Psychology, Professor, School of Psychology, HSE University (Moscow, Russia). ORCID: 0000-0002-8061-4154. E-mail: snartovabochar@hse.ru

DOI: 10.22363/2313-1683-2023-20-2-352-373

EDN: XKCMIS

УДК 159.922.2

Обзорная статья

Предметно-пространственная и физическая среда города как условие психологической безопасности жителей городов

О.Ю. Зотова

Гуманитарный университет,
Российская Федерация, 620144, Екатеринбург, ул. Сурикова, д. 24а

✉ oiambusheva@mail.ru

Аннотация. Более половины населения мира проживает в городах, при этом главной ценностью каждого города являются его жители, а ориентация на жителей и вовлеченность горожан – решающий фактор успеха для любого преобразования современного города. Цель исследования – обобщить результаты работ в области психологии окружающей среды, направленных на выявление условий формирования психологической безопасности жителей городов. Проанализированы статьи на русском и английском языках, доступные в национальной библиографической базе данных научного цитирования (РИНЦ), научных издательствах Elsevier, SpringerLink, SAGE Publishing, издательствах научных журналов с открытым доступом MDPI, Frontiers Media, цифровом репозитории с полнотекстовыми научными статьями открытого доступа PubMed Central. Изучено 385 научных статей (большая часть датируется последним двадцатилетием), из них отобрано 80. Систематизация рассматриваемых фактов проводилась по двум основаниям: объективные условия безопасности, которые связаны с физической средой (визуальная сложность, звуковой ландшафт, климат и т. д.), и субъективные условия безопасности, связанные с особенностями ее восприятия жителями города. Для визуализации полученных условий психологической безопасности жителей городов и создания образа безопасного города применялась нейросеть Midjourney, позволяющая генерировать изображения на базе текста. Представлен анализ психологических исследований, посвященный изучению условий психологической безопасности жителей, описаны условия, формирующие состояние психологической безопасности горожан, при помощи нейросети Midjourney визуализирован образ безопасного города, показана роль звукового ландшафта, упорядоченной среды, наличия социального контроля, сегментации обитаемого пространства и его связи с природой, обоснована определенная степень взаимозаменяемости компонентов безопасности.

Ключевые слова: психологическая безопасность, жители городов, восприятие безопасности, окружающая среда, нейросеть, звуковой ландшафт, упорядоченная среда, социальный контроль

Благодарности и финансирование. Работа выполнена в рамках гранта Российского научного фонда (проект № 23-28-01355) «Измерение психологической безопасности жителей городов».

Введение

Психологическая безопасность является важным параметром, влияющим на субъективное восприятие жителями качества жизни в городе, способствуя физическому, психическому здоровью и увеличению продолжительности жизни. Более половины населения мира проживает в городах, при этом главной ценностью каждого города являются его жители, а ориентация на жителей и вовлеченность горожан – решающие факторы успеха для любого преобразования современного города. Преобразование городов для повышения безопасности жителей становится популярной темой в исследованиях городского планирования, географии, психологии и дизайна (Li et al., 2017; Li, Liu, 2021).

В течение последних десятилетий в отечественной и особенно в зарубежной психологии тема взаимодействия человека с городской средой изучается чрезвычайно интенсивно. Исследования в области психологии безопасности городской среды спровоцировали появление новых теорий, концепций и понятий, что свидетельствует о росте интереса к данной теме, с одной стороны, а с другой – о пребывании исследователей в состоянии поиска, что затрудняет интегрированное осмысление и формирование целостной картины изучаемого феномена. Так, по мнению российских психологов Т.В. Дробышевой и А.Л. Журавлева, именно «потребность оптимизации „социальной жизни“ города в рамках урбанистики стимулирует поиск специалистами взаимосвязи, взаимозависимости, взаимодействия города и его жителей» (Дробышева, Журавлев, 2016, с. 197). Современные авторы отмечают, что меняется взгляд на проблемы города – в последние годы в центре внимания оказывается человек, мотивы человеческих поступков и человеческие потребности (Волошинская, 2017).

Предметно-пространственная и физическая среда города конструируется человеком и является своего рода его физическим и психическим выражением организации пространства, которые играют очень важную роль в жизни городского пространства, отражая самобытность и специфический образ жизни горожан.

Предназначение городов заключается в том, чтобы удовлетворить многоуровневые потребности жителей путем создания более безопасной и комфортной среды. Психологическая безопасность жителей городов – это субъективная оценка жителями множества аспектов среды их обитания, то есть психологическая безопасность тесно связана с факторами окружающей среды. В то же время особенности реагирования жителей города на различные ситуации, принятие решений, поступки во многом зависят от их психического состояния. Состояние психологической безопасности отражает меру сбалансированности состояния и среды, а также взаимосвязь и зависимость психического состояния от среды. Если рассматривать психологическую безопасность как стабильность психического состояния, то можно утверждать, что она выполняет адаптивную функцию, выступая своеобразным фоном в жизни горожанина. Психическое состояние возникает вследствие субъективного отражения личностью ситуации, уравновешивая субъекта с окружающей средой (природной, предметной и социальной). Таким образом, психологиче-

ская безопасность как стабильное психическое состояние, создает наилучшие условия для функционирования психики, включая в себя базовые, глубинные состояния, обуславливающие формирование адаптивной функции личности.

Психологическая безопасность играет роль стабилизатора, поддерживая уверенность людей в том, что данный мир (город) пригоден для жизни, предсказуем, удобен и поддается управлению. Содержание психологической безопасности редко поддается рефлексии, как минимум до тех пор, пока не появляется явная угроза жизни, здоровью и благополучию. Еще А. Маслоу писал, что человек, испытывающий незащищенность, воспринимает мир, как джунгли, полные угроз, а людей вокруг – опасными и эгоистичными (Maslow, 1942). Депривация психологической безопасности вызывает повышенную бдительность в отношении окружающей среды, что приводит к когнитивным искажениям:

- восприятие мира как опасного при отсутствии объективных данных;
- акцентирование внимания только на опасные стороны жизни, игнорируя другие аспекты;
- поляризованное мышление, основанное на категоризации окружающего мира, построенной на крайностях (например, опасный – безопасный);
- снижение для себя возможности благополучного преодоления ситуации.

Таким образом, при отсутствии психологической безопасности когнитивные схемы отличаются большей ригидностью, новый опыт игнорируется благодаря целому ряду искажений восприятия реальности.

Систематизация разнородных исследований и их результатов представляется важной для выработки дальнейшей стратегии научного поиска, в связи с чем *целью обзора* является обобщение исследований в области психологии безопасности окружающей среды, направленных на выявление условий формирования психологической безопасности жителей города.

Для реализации поставленной цели проанализированы публикации на русском и английском языках, доступные в национальной библиографической базе данных научного цитирования (РИНЦ), в научных издательствах Elsevier, SpringerLink, SAGE Publishing, в издательствах научных журналов с открытым доступом MDPI, Frontiers Media, в цифровом репозитории с полнотекстовыми научными статьями открытого доступа PubMed Central (PMC). Общее количество изученных научных статей составило 385. Большая их часть датируется последним двадцатилетием. Из них отобрано 80. Систематизация рассматриваемых фактов проводилась по двум основаниям: объективные условия безопасности, которые связаны с физической средой (визуальная сложность, звуковой ландшафт, климат и т. д.), и субъективные условия безопасности, связанные с особенностями ее восприятия жителями города.

Восприятие безопасности окружающей среды

Чувство безопасности в повседневной жизни каждого человека является фундаментальным аспектом его существования. Понимание того, как различные аспекты жизни, в том числе и городская среда, в которой он живет, связаны с этой фундаментальной потребностью, может сформировать пони-

мание того, что значит чувствовать себя в безопасности и какие условия для этого необходимы.

Субъективное восприятие безопасности города его жителями во многом связано с представлениями о пространстве. Как указывает К. Линч (Lynch, 1973), разные группы могут иметь совершенно разные образы одной и той же реальности. К. Линч, развивая концепцию социальных представлений С. Московиси (Moscovici, 1984), считал, что читаемость имеет ключевое значение в восприятии города, в основе которой лежат ощущения цвета, формы, движения, а также обоняние, слух, осязание, кинестетика, чувство тяжести и т. д. (Lynch, 1973). Однако, несмотря на различия, существуют такие групповые образы, которые идентичны у большинства горожан. В качестве исследовательских методов К. Линч использовал «когнитивные карты» города, работа с которыми потом нашла отражение в работах многих зарубежных и отечественных исследователей (Milgram, 1972; Tuan, 1975; Downs, Stea, 1977; Gold, 2009; Чапля, 2019; Жоголева и др., 2020; Князева, 2020; Крашенинников, 2020; Семенова, 2020). Человек постоянно проводит анализ пространственной ситуации, при этом окружающий мир постоянно категоризируется по принципу опасный/безопасный, свой/чужой и т. д.

В современных исследованиях много внимания уделяется вопросам благополучия, здоровья и качества жизни жителей городов, особенностям восприятия городской среды. Проведенные исследования показали, что восприятие города и вызываемые им аффективные реакции не следует рассматривать отдельно: они по существу переплетены (Kuppens et al., 2012). Восприятие стимулирует основные эмоции (Izard, 2007), которые служат для определения положения человека в окружающей среде. В результате они привлекают к местам, ситуациям и людям, где человек чувствует себя в безопасности, благополучно и комфортно, и, наоборот, отталкивают от ситуаций, в которых выживанию угрожает опасность (Levenson, 1999). Это притяжение, влечение и неприятие, оценка с точки зрения положительного и отрицательного, прекрасного и уродливого, хорошего и плохого – центральная часть жизни людей в городе (Osgood et al., 1975), от которой зависит состояние психологической безопасности. В. Вундт утверждал, что субъективные переживания или впечатления от мира с точки зрения хорошего или плохого являются наиболее распространенным аспектом человеческого восприятия (Wundt, 1897).

В целом способность понимать и формировать восприятие окружающей среды на самом деле является достаточно сложной темой. Например, то, как люди воспринимают окружающую среду, различается в зависимости от пола, возраста, личного опыта и даже роста человека и его размера (Wohlwill, 1976). Например, взрослые и подростки по-разному понимают одни и те же знаки, например граффити на фасаде дома для одной группы будет нарушением порядка, для другой – красивое и приятное место. Несмотря на это, психологи, архитекторы и дизайнеры подчеркивают универсальные аспекты, общие закономерности пространственного опыта (Lippmann, 2010), доказывая это тем, что люди воспринимают аспекты организации пространства сходным образом (Ellard, 2009). Ряд исследований показал, что тесная визуальная связь

между обитаемым пространством и природой благотворно влияет на психологическое благополучие (Heerwagen, Orians, 1993), люди, живущие в более зеленой среде, чувствуют себя более счастливыми и защищенными (Куо, Sullivan, 2001), а визуально ограниченное пространство, монотонность пейзажа могут вызывать негативные реакции (Heerwagen, Orians, 1993). Дело в том, что легко прочитываемые одинаковые пространства неинтересны. Кроме того, в исследованиях часто отмечается предпочтение видов на воду, которые воспринимаются как успокаивающие (Heerwagen, 2017). По мнению О.А. Капцевич, степень знакомства окружения, смысловые коннотации его восприятия, личный опыт взаимодействия, воспринимаемая возможность удовлетворения актуальных потребностей могут существенно влиять на эффекты восприятия (Капцевич, 2021).

Еще одна объективная переменная, влияющая на условия психологической безопасности жителей городов, – климат, который воздействует на поведение людей (Rotton, Cohn, 2002), их восприятие, а также на значения, которые они приписывают местам (Knez, 2005). Дело в том, что климат является частью среды, он не только объективно образует место, но и субъективно влияет на то, как жители ощущают и запоминают город.

Различия в жизненном опыте, отражаемом в образах, установках, представлениях определяют уровень доверия человека к окружающему миру, которое в свою очередь влияет на оценку опасности/безопасности и готовности человека внести свой вклад, а «разделяемое чувство ответственности горожан мотивирует к активности и требовательности в отношении условий жизни» (Emelyanova et al., 2022, p. 9). Ученые Израиля и США А. Кармели и Дж. Гиттел считают, что психологическая безопасность и взгляды людей на их социальную среду и их реакции функционально связаны (Carmeli, Gittell, 2009). Объединив представления людей о себе, обществе и городской среде, китайские психологи определили психологическую безопасность городских жителей как оценку риска городскими жителями своих собственных городских условий жизни на основе прошлого опыта или интуиции (Wang et al., 2019).

Психологическая безопасность и физическая среда

Объективная характеристика города, или физическая среда, является одним из ключевых показателей того, пригодны ли городские условия для проживания (Chen, Liu, 2016). Так, сторонники теории разбитых окон (broken windows theory) утверждают, что как физический беспорядок (например, разбитые окна, граффити, мусор), так и социальные беспорядки (например, вандализм, антиобщественные действия) служат важными сигналами окружающей среды об отсутствии социального контроля, что связано с угрозами безопасности (Wilson, Kelling, 1982). Например, неухоженность территории, сломанные скамейки, разбитые фонари и т. д. могут сигнализировать о потенциальных проблемах с безопасностью для жителей данной местности. Подобная ситуация приводит к избеганию подобных мест, снижению социального контроля и усилению беспорядка. Бесконтрольная городская среда быстро разрушается, обречена на деградацию. Люди склонны к нарушению

общепринятых норм поведения, когда видят, что окружающим нет до этого никакого дела.

Другая, не менее интересная теория, разработанная Дж. Эпплтоном, – теория обзора и укрытия (*prospect refuge theory*) говорит о том, что мы находимся в безопасности и получаем удовольствие от проживания в среде, которая предлагает как видимость (обзор), так и чувство закрытости и замкнутости (Appleton, 1975). Эти условия универсальны и подсознательно влияют на наши повседневные решения (Ellard, 2009).

По мнению Дж. Эпплтона, безопасность жителей города зависит от того, насколько защищенными от преступлений они будут себя чувствовать в конкретной городской среде, которая должна отвечать следующим требованиям:

- 1) возможность наблюдения и контроля (освещенность территории);
- 2) перспектива (открытые пространства);
- 3) убежище (место, где нет преступников, где сложно увидеть предполагаемую жертву, где могут находиться другие, не представляющие угрозы люди – физическое присутствие других людей).

Таким образом, Джей Эпплтон в своей теории обзора и укрытия продемонстрировал, что возможность наблюдения, дистанция, позволяющая увидеть и услышать, наличие социального контроля, доступность, физическое присутствие других людей создают безопасную для проживания среду. Городская среда, соответствующая условиям социального контроля, предполагает возможность разглядеть намерения других участников и при необходимости вмешаться в события.

Основные положения теории Дж. Эпплтона могут быть связаны как с дарвиновскими антропологическими представлениями XIX в. об инстинктах выживания, так и с феноменологическими исследованиями, изучающими окружающую среду по отношению к человеку (Husserl, 1973). Теория условий обитания также имеет параллели с теорией возбуждения, которая предполагает, что увеличение удовольствия ощущается тогда, когда человек смотрит на пространство, в котором присутствует определенная степень неопределенности или новизны, но, если неопределенность возрастает сверх этого уровня, начинает возникать тревога (Berlyne, 1951). Теория Дж. Эпплтона нашла свое продолжение в работах Л. Лоуэна, Г. Стила и П. Зюдфилда, проанализировавших конкретные городские среды, в отношении которых люди чувствуют себя в безопасности от преступления (Loewen et al., 1993).

Согласно результатам исследования Л.В. Смоловой, внешний вид окружающей среды – неопрятность зданий и пространств вокруг них, надписи на стенах, мусор, обветшалое жилье и т. д. – сообщает о признаках упадка городской среды и означает, что порядок в обществе разрушен, а люди являются потенциальными жертвами (Смолова, 2009).

Американский ученый Грант Хильдебранд проанализировал пространственные характеристики тридцати трех домов архитектора Фрэнка Ллойда Райта и выделил повторяющиеся ключевые элементы во внутренней архитектуре домов, которые так нравились дизайнерам и клиентам и влияли на состояние психологической безопасности людей. Основываясь на теории

Дж. Эплтона, Г. Хильдебранд добавил критерий «сложность и порядок»¹, создав тем самым «внутренний мир защиты, комфорта» (Norberg-Schulz, 1985, p. 99) и безопасности, новое взаимодействие между внешним и внутренним.

Психологическая безопасность и визуальная сложность

В городском пространстве во всем мире преобладает искусственная визуальная среда. Современная визуальная среда города в силу своей однородности не позволяет зафиксировать особенности предмета. Монотонность видимого поля способна привносить эмоциональный дискомфорт человеку. Так, по мнению Л.В. Смоловой, основные типы поведения в непривлекательных пространствах – проходить мимо, девиантное поведение; эмоциональный фон – дискомфорт, тревога, страх, как повышенное чувство контроля, так и его отсутствие, одиночество, отвращение (Смолова, 2015). Такая визуальная среда порождает обезличенность городов, с одной стороны, а с другой – достаточно индифферентное отношение самих жителей. Если сравнить здание современной постройки и более ранней, то видны яркие различия. Во-первых, эти здания будут отличаться количеством деталей – современные здания более однородны, здания более ранней постройки более гетерогенны, разнородны, со множеством декора. Во-вторых, в современной архитектуре используется много прямых линий, углов, заостренных форм и недостаточно криволинейных форм. Такую «заостренную среду» некоторые исследователи называют агрессивной, способной провоцировать агрессивность в поведении (Филин, 2006). А.В. Крашенинников отмечает, что в историческом городе постепенно формируются образцы гармоничной среды, тогда как в городах и районах, придуманных для вымышленных форм социальной жизни, зачастую ощущается отсутствие психологического комфорта и безопасности (Крашенинников, 2020).

Большое значение для формирования условий психологической безопасности имеют пространственные границы в городе. О.А. Баевский писал, что чем яснее и компактнее границы в жилых районах, тем более освоена внутренняя территория (Баевский, 1985). Сегментация обитаемого пространства отражает наше стремление к порядку и безопасности (Крашенинников, 2020). Коридор видимости, установка ограждений, маркировка территории – все это способствует усилению социального контроля, психологическому комфорту и состоянию безопасности горожан. Упорядоченная среда вызывает чувство уверенности, состояние спокойствия, а выстроенные границы могут служить индикатором освоенности территории.

---

¹ «В домах Райта жилая площадь обычно находится прямо под поднимающейся крышей и на нижнем уровне с центральным камином. Низкая высота потолка значительно усиливает чувство убежища и защищенности. Камин обращен к сердцу дома. Есть внутренние виды на смежные пространства, застекленные двери располагаются на удаленных от огня стенах. Экстерьер состоит из глубоких нависающих карнизов, центральный дымоход, широкие горизонтальные группы оконных лент и бросающиеся в глаза балконы и террасы. Соединение внешнего мира с внутренним происходит посредством длинного и сложного пути» (Hildebrand, 1991, p. 25).

Следует отметить, что люди любят плавные изгибы. Изображения, содержащие мягкие волнистые линии, привлекают, а имеющие много острых углов, отталкивают. Это касается и того, как люди перемещаются в пространстве. Мы склонны входить в здание или комнату плавным, извилистым маршрутом, а не по прямой линии, особенно если прямой путь требует от нас разворота и резкой смены направления (Эллард, 2018)².

Большое влияние на психологическую безопасность оказывает и визуальный ландшафт города. Психологические исследования доказали, что люди воспринимают 80 % информации благодаря процессам построения зрительного образа окружающего мира (Kaumaz, 2012). Р. и С. Капланы классифицировали визуальную сложность как непосредственную информацию, извлекаемую из окружения для дальнейшего исследования пространства (Kaplan, Kaplan, 1989). Сложность относится к разнообразию и богатству ландшафта в сочетании с элементами и особенностями (Ode et al., 2008). С. Каплан уточняет, что сложность соответствует количеству вещей/элементов, которые можно увидеть в визуальном массиве, и уровню информации, предоставляемой воспринимающему (Kaplan, 1988). Таким образом, определенная степень визуальной сложности усиливает чувство безопасности (Dosen, Ostwald, 2013). В то время как голые стены из стекла и бетона, глухие заборы, переходы и асфальтовое покрытие ведут либо к стрессу, либо к усилению уже имеющегося негативного состояния.

Психологическая безопасность и звуковой ландшафт

Современное урбанизированное общество стало более механическим, менее гармоничным, предсказуемым и управляемым, что привело к более негативной оценке городских звуковых ландшафтов жителями городов и, безусловно, также влияет на психологическую безопасность.

В целом окружающая среда обрабатывается на основе характеристик полезных для выживания, и большую роль здесь играет слух, а наиболее важной функцией слуховой системы по отношению к другим органам чувств является оценка опасности и безопасности (Juslin, Västfjäll, 2008; Andringa, Lanser, 2013). Звук воспринимается всенаправленно, независимо от освещения, физических препятствий, и сильно привлекает внимание (Fritz et al., 2007). Кроме того, люди склонны обращать внимание на звуки, находящиеся за пределами поля зрения (Tajadura-Jiménez et al., 2010). Таким образом, звуковая безопасность может быть одним из центральных элементов в оценке окружающей среды, а звуковой ландшафт – важным критерием в формировании психологической безопасности. Н. Брюс и У. Дэвис описывают звуковой ландшафт как способность людей интерпретировать и осмысливать то, что они слышат, на основе предыдущего опыта, формируя свои ожидания (Bruce, Davies, 2014). К. Филипан с колл. предполагают, что наличие или отсутствие определенных ожидаемых звуков в контексте (например, в парке) может повлиять на оценку пользователями их спокойствия (Filipan et al.,

---

² Так, например, Темпл Грэндин, специалист по поведению животных, не раз писала о том, что животные, которых ведут на бойню, испытывают гораздо меньший стресс, когда идут по извилистому, а не прямому пути (Грэндин, Скарриано, 2012).

2017). Н. Брюс и колл. утверждали, что звуковой ландшафт «становится проблемой, когда он не соответствует воспринимаемому субъектом ощущению нормальности» (Bruce et al., 2009, p. 6). Точно так же простое снижение уровня шума не обязательно приводит к более позитивной оценке окружающей среды (Adams et al., 2006); напротив, это может даже привести к большему беспокойству (Stockfelt, 1991).

В целом звуковой ландшафт определяется привычными звуками жизни города: шум машин, трамваев, колокольный звон и т. д., что также способствует состоянию безопасности, комфорта и привычности. В таблице представлены исследования, описывающие признаки психологической безопасности в условиях физической среды города.

**Обзор исследований /
A review of studies**

Авторы / Authors	Признаки психологической безопасности в условиях физической среды города / Indicators of psychological security in the physical environment of the city
Дж. Хеерваген, Г. Орианс, 1993 J. Heerwagen, G. Orians, 1993	Тесная визуальная связь между обитаемым пространством и природой / Close visual connection between habitable space and nature
Ф. Куо, У. Салливан, 2001 F. Kuo, W. Sullivan, 2001	Зеленая среда / Green environment
Р. Ульрих, 1984; Дж. Хеерваген, Г. Орианс, 1993 R. Ulrich, 1984; J. Heerwagen, G. Orians, 1993	Вид на воду / Water view
Дж. Уилсон, Дж. Келлинг (теория разбитых окон), 1982 J. Wilson, G. Kelling, (Broken Windows Theory), 1982	Ухоженность территории, порядок / Well-groomed territory, order
Дж. Эпплтон (теория обзора и укрытия), 1975 J. Appleton (Prospect Refuge Theory), 1975	Беспрепятственный обзор (перспектива, видимость (освещенность)) при возможности скрывать или защищать свое жилище (убежище) / Unobstructed view (perspective, visibility (illuminance)) with the ability to hide or protect one's own home (shelter)
Д. Берлайн (теория возбуждения), 1951 D. Berlyne (Excitation Theory), 1951	Определенная степень неопределенности или новизны / Some degree of uncertainty or novelty
Г. Хильдебранд, 1991 G. Hildebrand, 1991	Сложность и порядок / Complexity and order
К. Филипан, М. Боес, Б. де Коэнсель, К. Лавандье, П. Делатр, Х. Домитрович, Д. Боттелдорен, 2017; Н. Брюс, У. Дэвис, М. Адамс, 2009 K. Filipan, M. Boes, B. De Coensel, C. Lavandier, P. Delaitre, H. Domitrović, D. Botteldooren, 2017; N.S. Bruce, W.J. Davies, M.D. Adams, 2009	Наличие звуков как ощущение нормальности / The presence of sounds as a sense of normality
К. Эллард, 2018 C. Ellard, 2018	Плавные изгибы / Smooth curves.
Р. Каплан, С. Каплан, 1989 R. Kaplan, S. Kaplan, 1989	Особенности восприятия разнообразия окружающего мира (пространства) / Features of perception of the diversity of the surrounding world (space)
А. Дозен, М. Оствальд, 2013 A. Dosen, M. Ostwald, 2013	Определенная степень визуальной сложности / Some degree of visual complexity
А.В. Крашенинников, 2020 A.V. Krashenninikov, 2020	Сегментация обитаемого пространства / Habitable space segmentation
О.А. Баевский, 1985 O.A. Baevskiy, 1985	Связь границ и освоенности территории / Relationship between borders and development of the territory
Л.В. Смолова, 2015 L.V. Smolova, 2015	Опрятность зданий и пространств, порядок / Neatness of buildings and spaces, order

Таким образом, предметно-пространственная и физическая среда города формирует психологическую безопасность горожан при условии гармоничного сочетания следующих характеристик:

- тесная визуальная связь между обитаемым пространством и природой;
- привычный звуковой ландшафт;
- упорядоченная среда (коридор видимости, возможность наблюдения, проницаемость места, ухоженность территории, доступность и т. д.);
- наличие социального контроля;
- физическое присутствие других людей, их доступность;
- определенная степень неопределенности, новизны и визуальной сложности;
- сегментация обитаемого пространства как индикатор освоенности территории.

Все эти условия реализации стремления к безопасности служат тому, чтобы увеличить возможность социального контроля над физическим и социальным окружением, обеспечить жителю города, с одной стороны, приватность, с другой – максимальную свободу. Данная форма структурирования безопасного мира может служить основой персонализации окружающей среды, механизмом взаимодействия горожанина и города, дающей возможность не только удовлетворения базовых человеческих потребностей, но и развития личности и ее благополучия.

Визуализация условий психологической безопасности жителей города

В последние годы растущее внедрение технологий искусственного интеллекта позволило генерировать изображения на основе текстов. Механизм генерации использует модель «язык – зрение», который заключается в создании высококачественных изображений любого стиля и содержания на основе преобразования текста. Кроме того, пользователи могут управлять системой, чтобы уточнять детали и получать больше вариантов изображений.

Для визуализации полученных условий психологической безопасности жителей городов и создания образа безопасного города была использована нейросеть Midjourney, позволяющая генерировать изображения на базе текста. Нейросети был задан запрос с выделенными теоретически условиями психологической безопасности жителей городов. На основании заданного повествования на рисунке представлено визуальное представление города, отвечающего условиям психологической безопасности его жителей. Мы видим город в проекции «взгляд сверху», который как бы удален, дистанцирован от горожанина. «Дистанция, сдержанность и анонимность... – одновременно составляют и атрибуты городского существования» (Трубина, 2011, с. 57). Это современный город – города стекла, бетона, небоскребов. Город, который отражается в зеркальных стеклах зданий, в глади реки, где зеркальный интерьер закрепляет пространственную сегрегацию.

Город состоит из отдельных сегментов, где каждая локация обладает своей структурой и самодостаточностью. Река делит город на несколько

островов, то есть мы видим границы. Город окружен зеленью, видно небо, есть перспектива. Сочетание быстрой городской жизни, зелени и воды дает ощущение спокойствия, комфорта и удовлетворения.

Безопасный город
Secure city

На рисунке присутствуют люди, что свидетельствует о том, что пространство активно контролируется. Этот город для работы и для жизни, а наличие небоскребов не создает ощущение «джунглей», они скорее выполняют роль приватности и защищенности.

Следует отметить, что все вышеперечисленные условия безопасности основаны на постоянстве, рутинности³, привычке и стабильности. Это безопасная база, безопасный мир, это базовая форма безопасности, при которой человек уверен в возможности бытия в мире.

---

³ Рутинность здесь понимается как будничность, однообразность, обыденность, консервативность, привычность.

Итак, город, в котором созданы условия для психологической безопасности его жителям, будет являться пространством для исследования и комфортной жизни. Реализация условий психологической безопасности в городской среде формируют привязанность к месту и психологическую безопасность у его жителей.

Безопасные условия жизни в городе связаны со стабильностью и привычностью жизни в нем. «Каждый день просыпаться в одно и то же время, надевать одежду в определенном порядке... и т. д. В этой рутинности и есть состояние безопасности и ощущение комфорта» (Cassell, 1993, p. 14). Пространственная стабильность, рутинность и привычность включает в себе атрибуты непрерывности и постоянства, которые формируют состояние безопасности. Стабильность и привычность дает жителю города чувство независимости, уверенности в том, что его жизнь управляема и контролируема.

Израильский психолог Й. Джабариин вводит понятие «онтологической структуры городской безопасности», которая с его точки зрения определяет самое базовое чувство безопасности, которое есть у человека в мире (Jabareen et al., 2017). В соответствии с этой структурой стабильность и привычность являются основными процессами, которые связывают социальные и физические компоненты (такие, как доверие к другим и удовлетворенность окружающей средой) для установления пространственной безопасности. Согласно этой теории, основное ощущение безопасности заключается в процессе рутинизации, встроенной в конкретное пространство и определяемой его стабильностью (Giddens, 1991; Laing, 1969).

Таким образом, психологическая безопасность жителей городов – это синтез объективного влияния особенностей города и субъективная оценка жителями множества аспектов среды их обитания. Условия психологической безопасности горожан можно рассматривать не просто как механизм взаимодействия человека и среды, но, прежде всего, как одну из существенных человеческих потребностей, а психологическую безопасность жителей города – как весомую характеристику качества человеческих отношений. Психологическая безопасность жителей городов – это такое отношение человека с окружающим миром, в котором он оказался субъектом идентификации с городской средой.

Заключение

На основе вышеизложенного можно заключить, что предметно-пространственная и физическая среда оказывает большое влияние на формирование психологической безопасности жителей городов и представляет собой сложную многомерную структуру.

Привычный звуковой ландшафт, тесная визуальная связь между обитаемым пространством и природой, упорядоченная среда, наличие социального контроля, физическое присутствие других людей, их доступность, определенная степень неопределенности, новизны и визуальной сложности, сегментация обитаемого пространства влияют на горожанина, формируя удовлетворенность городом и привязанность к нему.

Мы считаем перспективным использование в качестве инструмента социально-психологических исследований возможностей нейросетей, в част-

ности тех, которые генерируют изображения на базе текстов. Визуализация полученных результатов является потенциально мощным и многообещающим инструментом, который должен существенно облегчить психологические исследования.

Учитывая острую потребность в безопасности, события практически в любой важной сфере жизни имеют непосредственное отношение к другим областям. Более того, существует определенная степень взаимозаменяемости. Можно назвать эту динамическую сеть взаимосвязей системой безопасности (Hart et al., 2005). Например, когда один компонент безопасности усиливается или постоянно повышается в результате устойчивых психологических ресурсов человека (например, уверенность в контроле или межличностная безопасность), смягчаются защитные наклонности. Это можно объяснить множеством открытий, включая то, что межличностные прикосновения или безопасность диспозиционной привязанности уменьшают экзистенциальные проблемы (Koole et al., 2014); мысли о поддерживающих и любящих отношениях уменьшают предрассудки и дискриминацию (Saleem et al., 2015); чувство близости к Богу уменьшает страхи (Laurin et al., 2014) и снижает депрессию в конце жизни (Edmondson et al., 2008); чувство принадлежности связано с высоким уровнем самоуважения (Reitz et al., 2016) и осмысленности жизни (Lambert et al., 2013). Условия психологической безопасности в городах тесно связаны с такими психологическими феноменами, как привязанность к месту, городская идентичность, межличностная безопасность, доверие, лояльность к городскому сообществу и т. д. Таким образом, изучение субъективных и объективных условий формирования психологической безопасности имеет решающее значение для исследования восприятия городского пространства и связанных с ним переменных.

В обзоре предпринята попытка объединения тех явлений и ситуаций, которые вызывают у современного человека состояние безопасности проживания в городе. Представленная читателю широкая палитра концепций, теорий, идей и исследований, посвященная безопасным условиям проживания в городе, может оказаться полезной для поиска путей достижения психологической безопасности жителей городов. Многомерность выступает сущностной характеристикой психологической безопасности, что оставляет открытой возможность интеграции не только уже существующих идей, но и добавления новых и актуальных векторов исследования. В конечном счете наиболее успешными будут те города, которые смогут повысить психологическую безопасность своих жителей, что даст возможность людям лучше адаптироваться, справляться с невзгодами и сложностями, восстанавливаться и продолжать функционировать. А оценка психологической безопасности жителей городов позволит не только оценить конкурентные позиции города и изменения во времени, но и выявить слабые стороны, усилить соответствующие факторы на отдельных уровнях, обосновать стратегические городские решения, что имеет, безусловно, решающее значение для будущего городского планирования, а полученные результаты могут быть интересны градостроителям при проектировании привлекательной для жизни и безопасной среды обитания для горожан.

Представленный обзор не претендует на всеобъемлющий и исчерпывающий анализ характеристик предметно-пространственной и физической среды города. Это представляется нам перспективной задачей будущих исследований в области социальной и экологической психологии, а дальнейшее углубленное рассмотрение других условий психологической безопасности горожан может оказаться исключительно продуктивным в последующих исследованиях механизмов взаимодействия человека и города.

Список литературы

- Баевский О.А. Гуманизация жилой застройки (на примере сложившихся районов Москвы) // Молодые ученые – советской архитектуре: сборник статей / под ред. Л.И. Сейтхалилова. М., 1985. С. 30–32.
- Волошинская А.А. Эволюция зарубежных концепций городского развития: анализ основных тенденций // Государственное управление. Электронный вестник. 2017. № 63. С. 99–115.
- Грэндин Т., Скариано М.М. Отворяя двери надежды. Мой опыт преодоления аутизма. М.: Теревинф, 2012. 184 с.
- Дробышева Т.В., Журавлев А.Л. Город как объект исследования в социальной психологии: к истории вопроса // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2016. Т. 1. № 1. С. 196–213.
- Жоголева А.В., Леонова В.А., Полукеева Т.С. Особенности восприятия городского пространства исторического центра крупного города // Innovative Project. 2020. Т. 5. № 11. С. 24–29. <https://doi.org/10.17673/IP.2020.5.11.2>
- Капцевич О.А. Психологические эффекты визуального восприятия городской среды: систематический обзор // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 18. № 3. С. 575–597. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2021-3-575-597>
- Князева Е.Н. Визуальные образы на службе когнитивной науки // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. 2020. № 1 (23). С. 58–75. <https://doi.org/10.23951/2312-7899-2020-1-58-75>
- Крашенинников А.В. Когнитивная урбанистика: архетипы и прототипы городской среды. М.: КУРС, 2020. 208 с.
- Семенова Т.В. Городская ментальность: социально-психологическое исследование. Самара: Порто-принт, 2020. 250 с.
- Смолова Л.В. Безопасность городской среды в восприятии жителей с позиции психологии взаимодействия с окружающей средой // Обретение Астаной столичного статуса: сборник докладов Второй международной научной конференции. Астана: Елорда, 2009. С. 53–62.
- Смолова Л.В. Психология взаимодействия с окружающей средой (экологическая психология). М.: ФЛИНТА, 2015. 711 с.
- Трубина Е.Г. Город в теории: опыты осмысления пространства. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 520 с.
- Филин В.А. Видеоэкология: что для глаза хорошо, а что – плохо. М.: Видеоэкология; Рязань: Рязоблтипография, 2006. 505 с.
- Чапля Т.В. Когнитивная карта – чувственно-образное представление о пространстве // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2019. Т. 5. С. 138–144.
- Эллард К. Среда обитания: как архитектура влияет на наше поведение и самочувствие. М.: Альпина Паблишер, 2018. 287 с.
- Adams M., Cox T., Moore G., Croxford B., Refaee M., Sharples S. Sustainable soundscapes: Noise policy and the urban experience // Urban Studies. 2006. Vol. 43. No 13. Pp. 2385–2398. <https://doi.org/10.1080/00420980600972504>

- Andringa T.C., Lanser J.J.L.* How pleasant sounds promote and annoying sounds impede health: a cognitive approach // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2013. Vol. 10. No 4. Pp. 1439–1461. <https://doi.org/10.3390/ijerph10041439>
- Appleton J.* The experience of landscape. Chichester: Wiley, 1975. 308 p.
- Berlyne D.E.* Attention, perception and behaviour theory // *Psychological Review*. 1951. Vol. 58. No 2. Pp. 137–146.
- Bruce N.S., Davies W.J.* The effects of expectation on the perception of soundscapes // *Applied Acoustics*. 2014. Vol. 85. Pp. 1–11. <https://doi.org/10.1016/j.apacoust.2014.03.016>
- Bruce N.S., Davies W.J., Adams M.D.* Expectation as a factor in the perception of soundscapes // *Euronoise – 2009: Proceedings of the 8th European Conference on Noise Control (Edinburgh, 26–28 October 2009)*: 6 Vols. Vol. 3. St. Albans: Institute of Acoustics, 2009. Pp. 1439–1446.
- Carmeli A., Gittell J.H.* High-quality relationships, psychological safety, and learning from failures in work organizations // *Journal of Organizational Behavior*. 2009. Vol. 30. No 6. Pp. 709–729. <https://doi.org/10.1002/job.565>
- Cassell P.* Introduction // *The Giddens reader* / ed. by P. Cassell. London: Macmillan, 1993. Pp. 1–37.
- Chen S., Liu Z.* What determines the settlement intention of rural migrants in China? Economic incentives versus sociocultural conditions // *Habitat International*. 2016. Vol. 58. Pp. 42–50. <https://doi.org/10.1016/j.habitatint.2016.09.004>
- Dosen A.S., Ostwald M.J.* Prospect and refuge theory: constructing a critical definition for architecture and design // *International Journal of Design in Society*. 2013. Vol. 6. No 1. Pp. 9–24. <https://doi.org/10.18848/2325-1328/CGP/v06i01/38559>
- Downs R., Stea D.* Maps in minds: reflections on cognitive mapping. New York: Harper and Row, 1977. 204 p.
- Edmondson D., Park C.L., Chaudoir S.R., Wortmann J.H.* Death without God: religious struggle, death concerns, and depression in the terminally ill // *Psychological Science*. 2008. Vol. 19. No 8. Pp. 754–758. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9280.2008.02152.x>
- Ellard C.* You are here: Why we can find our way to the Moon, but get lost in the mall. New York: Anchor Books, 2009. 336 p.
- Emelyanova T.P., Drobysheva T.V., Vikentievna E.N., Tarasov S.V.* Activity of Muscovites in the urban environment: the role of the responsibility factor // *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*. 2022. Vol. 19. No 1. Pp. 7–20. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2022-19-1-7-20>
- Filipan K., Boes M., De Coensel B., Lavandier C., Delaitre P., Domitrović H., Botteldooren D.* The personal viewpoint on the meaning of tranquility affects the appraisal of the urban park soundscape // *Applied Sciences*. 2017. Vol. 7. No 1. Article 91. <https://doi.org/10.3390/app7010091>
- Fritz J.B., Elhilali M., David S.V., Shamma S.A.* Auditory attention – focusing the searchlight on sound // *Current Opinion in Neurobiology*. 2007. Vol. 17. No 4. Pp. 437–455. <https://doi.org/10.1016/j.conb.2007.07.011>
- Giddens A.* Modernity and self-identity: self and society in the late modern age. Stanford: Stanford University Press, 1991. 264 p.
- Gold J.R.* Behavioural geography // *International Encyclopedia of Human Geography* / ed. by R. Kitchin, N. Thrift. Amsterdam: Elsevier, 2009. Pp. 282–293.
- Hart J., Shaver P.R., Goldenberg J.L.* Attachment, self-esteem, worldviews, and terror management: evidence for a tripartite security system // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2005. Vol. 88. No 6. Pp. 999–1013. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.88.6.999>
- Heerwagen J.* Psychological value of space // *Whole Building Design Guide*. 2017. URL: http://www.wbdg.org/resources/psychspace_value.php (accessed: 22.02.2023).
- Heerwagen J., Orians G.* Humans, habitats and aesthetics // *The Biophilia Hypothesis* / ed. by S.R. Kellert, E.O. Wilson. Washington: Island Press, 1993. Pp. 138–172.
- Hildebrand G.* The Wright space: pattern and meaning in Frank Lloyd Wright's houses. Seattle: University of Washington Press, 1991. 192 p.

- Husserl E. Logical investigations. London: Routledge, 1973. 422 p.
- Izard C.E. Basic emotions, natural kinds, emotion schemas, and a new paradigm // *Perspectives on Psychological Science*. 2007. Vol. 2. No 3. Pp. 260–280. <https://doi.org/10.1111/j.1745-6916.2007.00044.x>
- Jabareen Y., Eizenberg E., Zilberman O. Conceptualizing urban ontological security: “Being-in-the-city” and its social and spatial dimensions // *Cities*. 2017. Vol. 68. Pp. 1–7. <https://doi.org/10.1016/j.cities.2017.05.003>
- Juslin P.N., Västfjäll D. Emotional responses to music: the need to consider underlying mechanisms // *Behavioral and Brain Sciences*. 2008. Vol. 31. No 5. Pp. 559–575. <https://doi.org/10.1017/S0140525X08005293>
- Kaplan R., Kaplan S. The experience of nature: a psychological perspective. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. 340 p.
- Kaplan S. Perception and landscape: conceptions and misconceptions // *Environmental Aesthetics: Theory, Research, and Application* / ed. by J.L. Nasar. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. Pp. 45–55.
- Kaymaz I.C. Landscape perception // *Landscape Planning* / ed. by M. Ozyavuz. Rijeka: InTech, 2012. Pp. 251–276.
- Knez I. Attachment and identity as related to a place and its perceived climate // *Journal of Environmental Psychology*. 2005. Vol. 25. No 2. Pp. 207–218. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2005.03.003>
- Koole S.L., Sin M.T.A., Schneider I.K. Embodied terror management: interpersonal touch alleviates existential concerns among individuals with low self-esteem // *Psychological Science*. 2014. Vol. 25. No 1. Pp. 30–37. <https://doi.org/10.1177/0956797613483478>
- Kuo F., Sullivan W. Environment and crime in the inner city: does vegetation reduce crime? // *Environment and Behavior*. 2001. Vol. 33. No 3. Pp. 343–367. <https://doi.org/10.1177/0013916501333002>
- Kuppens P., Champagne D., Tuerlinckx F. The dynamic interplay between appraisal and core affect in daily life // *Frontiers in Psychology*. 2012. Vol. 3. Article 380. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2012.00380>
- Laing R.D. The divided self. Harmondsworth: Penguin, 1969. 218 p.
- Lambert N.M., Stillman T.F., Hicks J.A., Kamble S., Baumeister R.F., Fincham F.D. To belong is to matter: Sense of belonging enhances meaning in life // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2013. Vol. 39. No 11. Pp. 1418–1427. <https://doi.org/10.1177/0146167213499186>
- Laurin K., Schumann K., Holmes J.G. A relationship with God? Connecting with the divine to assuage fears of interpersonal rejection // *Social Psychological and Personality Science*. 2014. Vol. 5. No 7. Pp. 777–785. <https://doi.org/10.1177/1948550614531800>
- Levenson R.W. The intrapersonal functions of emotion // *Cognition and Emotion*. 1999. Vol. 13. No 5. Pp. 481–504. <https://doi.org/10.1080/026999399379159>
- Li H., Li X., Tian S., Li S., Zhao P. Temporal and spatial variation characteristics and mechanism of urban human settlements: case study of Liaoning Province // *Geographical Research*. 2017. Vol. 36. No 7. Pp. 1323–1338. <https://doi.org/10.11821/dlyj201707011>
- Li X., Liu H. The influence of subjective and objective characteristics of urban human settlements on residents’ life satisfaction in China // *Land*. 2021. Vol. 10. No 12. Article 1400. <https://doi.org/10.3390/land10121400>
- Lippmann P.C. Evidence-based design of elementary and secondary schools: a responsive approach to creating learning environments. New York: Wiley, 2010. 368 p.
- Loewen L.J., Steel G.D., Suedfeld P. Perceived safety from crime in the urban environment // *Journal of Environmental Psychology*. 1993. Vol. 13. No 4. Pp. 323–331. [https://doi.org/10.1016/S0272-4944\(05\)80254-3](https://doi.org/10.1016/S0272-4944(05)80254-3)
- Lynch D. Some references to orientation // *Image and Environment: Cognitive Mapping and Spatial Behaviour* / ed. by R.M. Downs, D. Stea. Chicago: Aldine Publishing Company, 1973. Pp. 300–315.

- Maslow A.H. The dynamics of psychological security-insecurity // *Character and Personality*. 1942. Vol. 10. No 10. Pp. 331–344. <https://doi.org/10.1111/j.1467-6494.1942.tb01911.x>
- Milgram S. A psychological map of New York City // *American Scientist*. 1972. Vol. 60. No 2. Pp. 194–204.
- Moscovici S. The phenomenon of social representations // *Social Representations* / ed. by R.M. Farr, S. Moscovici. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. Pp. 3–69.
- Norberg-Schulz C. The concept of dwelling: on the way to figurative architecture. New York: Rizzoli, 1985. 140 p.
- Ode Å., Tveit M.S., Fry G. Capturing landscape visual character using indicators: touching base with Landscape Aesthetic Theory // *Landscape Research*. 2008. Vol. 33. No 1. Pp. 89–117. <https://doi.org/10.1080/01426390701773854>
- Osgood C.E., May W.S., Miron M.S. Cross-cultural universals of affective meaning. Chicago: University of Illinois Press, 1975. 520 p.
- Reitz A.K., Motti-Stefanidi F., Asendorpf J.B. Me, us, and them: testing sociometer theory in a socially diverse real-life context // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2016. Vol. 110. No 6. Pp. 908–920. <https://doi.org/10.1037/pspp0000073>
- Rotton J., Cohn E.G. Climate, weather, and crime // *The New Handbook of Environmental Psychology* / ed. by R. Bechtel, A. Churchman. New York: John Wiley, 2002. Pp. 461–498.
- Saleem M., Prot S., Cikara M., Lam B.C., Anderson C.A., Jelic M. Cutting Gordian knots: reducing prejudice through attachment security // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2015. Vol. 41. No 11. Pp. 1560–1574. <https://doi.org/10.1177/0146167215601829>
- Stockfelt T. Sound as an existential necessity // *Journal of Sound and Vibration*. 1991. Vol. 151. No 3. Pp. 367–370. [https://doi.org/10.1016/0022-460X\(91\)90533-P](https://doi.org/10.1016/0022-460X(91)90533-P)
- Tajadura-Jiménez A., Våljamäe A., Kitagawa N., Ho H.N. Whole-body vibration influences on sound localization in the median plane // *Proceedings of the Institution of Mechanical Engineers. Part D: Journal of Automobile Engineering*. 2010. Vol. 224. No 10. Pp. 1311–1320. <https://doi.org/10.1243/09544070JAUTO1600>
- Tuan Y.F. Images and mental maps // *Annals of the Association of American Geographers*. 1975. Vol. 65. No 2. Pp. 205–213.
- Ulrich R. View through a window may influence recovery from surgery // *Science*. 1984. Vol. 224. No 4647. Pp. 420–421. <https://doi.org/10.1126/science.6143402>
- Wang J., Long R., Chen H., Li Q. Measuring the psychological security of urban residents: construction and validation of a new scale // *Frontiers in Psychology*. 2019. Vol. 10. Article 2423. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.02423>
- Wilson J., Kelling G. Broken windows: police and neighborhood safety // *Atlantic Monthly*. 1982. Vol. 249. Pp. 29–38.
- Wohlwill J.F. Environmental aesthetics: the environment as a source of affect // *Human Behavior and Environment* / ed. by I. Altman, J.F. Wohlwill. New York: Plenum, 1976. Pp. 37–86.
- Wundt W. Grundriss der Psychologie. Leipzig: W. Engelmann, 1897. 392 s.

История статьи:

Поступила в редакцию 3 апреля 2023 г.

Принята к печати 11 мая 2023 г.

Для цитирования:

Зотова О.Ю. Предметно-пространственная и физическая среда города как условие психологической безопасности жителей городов // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика*. 2023. Т. 20. № 2. С. 352–373. <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2023-20-2-352-373>

Заявление о конфликте интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Сведения об авторе:

Зотова Ольга Юрьевна, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры социальной психологии, Гуманитарный университет (Екатеринбург, Россия). ORCID: 0000-0002-5607-6317; eLIBRARY SPIN-код: 7479-3901. E-mail: oiambusheva@mail.ru

DOI: 10.22363/2313-1683-2023-20-2-352-373

EDN: ХКCMIS

UDC 159.922.2

Review article

Subject-Spatial and Physical Urban Environment as a Condition for the Psychological Security of Urban Residents

Olga Yu. Zotova

Liberal Arts University – University for Humanities,
24a Surikova St, Yekaterinburg, 620144, Russian Federation

✉ oiambusheva@mail.ru

Abstract. Urban residents make up more than half of the world’s population. They are the main resource of any modern city or town, and focus on them and their involvement are decisive factors in any successful urbanistic transformation. The purpose of the study is to summarize research in the field of environmental psychology aimed at identifying the conditions for creating psychological security for urban residents. The author made an analysis of more than 385 articles in Russian and English available in the national bibliographic database of scientific publications (Russian Science Citation Index), scientific publishing houses (Elsevier, SpringerLink, SAGE Publishing), publishing houses of open-access scientific journals (MDPI, Frontiers Media), and free digital repository of open-access full-text scientific articles (PubMed Central). Most of them dated back to the last twenty years. Of these, 80 were selected for an analysis. The facts under consideration were systematized in two aspects: objective security conditions associated with the physical environment (visual complexity, soundscape, climate, etc.) and subjective security conditions associated with the peculiarities of their perception by urban residents. To visualize the obtained conditions of the psychological security of urban residents and create an image of a safe city, the Midjourney neural network was used, which makes it possible to generate text-based images. As a result of the analysis of studies of the psychological safety of urban life, it became possible to describe the conditions that form the feeling of psychological security among urban residents; using the Midjourney neural network, to visualize the image of a safe city; to show the role of the soundscape, ordered environment, social control, segmentation of habitable space and its connection with nature; and to justify to some extent the interchangeability of security components.

Key words: psychological security, urban residents, perception of security, environment, neural network, soundscape, ordered environment, social control

Acknowledgements and Funding. The work supported with the grant of the Russian Science Foundation (project No. 23-28-01355) “Measuring the psychological security of urban residents”.

References

- Adams, M., Cox, T., Moore, G., Croxford, B., Refaee, M., & Sharples, S. (2006). Sustainable soundscapes: Noise policy and the urban experience. *Urban Studies*, 43(13), 2385–2398. <https://doi.org/10.1080/00420980600972504>
- Andringa, T.C., & Lanser, J.J.L. (2013). How pleasant sounds promote and annoying sounds impede health: A cognitive approach. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 10(4), 1439–1461. <https://doi.org/10.3390/ijerph10041439>
- Appleton, J. (1975). *The experience of landscape*. Chichester: Wiley.
- Baevskiy, O.A. (1985). Humanization of residential development (on the example of established districts of Moscow). In L.I. Seytkhalilov (Ed.), *Young Scientists – Soviet Architecture* (pp. 30–32). Moscow. (In Russ.)
- Berlyne, D.E. (1951). Attention, perception and behaviour theory. *Psychological Review*, 58(2), 137–146.
- Bruce, N.S., & Davies, W.J. (2014). The effects of expectation on the perception of soundscapes. *Applied Acoustics*, 85, 1–11. <https://doi.org/10.1016/j.apacoust.2014.03.016>
- Bruce, N.S., Davies, W.J., & Adams, M.D. (2009). Expectation as a factor in the perception of soundscapes. *Proceedings of the 8th European Conference on Noise Control (Edinburgh, 26–28 October 2009)* (vol. 3, pp. 1439–1446). St. Albans: Institute of Acoustics.
- Carmeli, A., & Gittell, J.H. (2009). High-quality relationships, psychological safety, and learning from failures in work organizations. *Journal of Organizational Behavior*, 30(6), 709–729. <https://doi.org/10.1002/job.565>
- Cassell, P. (1993). Introduction. In Cassell, P. (Ed.), *The Giddens Reader* (pp. 1–37). London: Macmillan.
- Chaplya, T.V. (2019). Cognitive map – sensitive and imaginative vision of the environment. *Interespo Geo-Sibir*, 5, 138–144. (In Russ.)
- Chen, S., & Liu, Z. (2016). What determines the settlement intention of rural migrants in China? Economic incentives versus sociocultural conditions. *Habitat International*, 58, 42–50. <https://doi.org/10.1016/j.habitatint.2016.09.004>
- Dosen, A.S., & Ostwald, M.J. (2013). Prospect and refuge theory: Constructing a critical definition for architecture and design. *International Journal of Design in Society*, 6(1), 9–24. <https://doi.org/10.18848/2325-1328/CGP/v06i01/38559>
- Downs, R., & Stea, D. (1977). *Maps in minds: Reflections on cognitive mapping*. New York: Harper and Row.
- Drobysheva, T.V., & Jouravlev, A.L. (2016). The city as an object of research in the social psychology: To the historical background. *Institute of Psychology Russian Academy of Sciences. Social and Economic Psychology*, 1(1), 196–213. (In Russ.)
- Edmondson, D., Park, C.L., Chaudoir, S.R., & Wortmann, J.H. (2008). Death without God: Religious struggle, death concerns, and depression in the terminally ill. *Psychological Science*, 19(8), 754–758. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9280.2008.02152.x>
- Ellard, C. (2009). *You are here: Why we can find our way to the Moon, but get lost in the mall*. New York: Anchor Books.
- Ellard, C. (2018). *Habitat: How architecture affects our behaviour and well-being*. Moscow: Alpina Publisher. (In Russ.)
- Emelyanova, T.P., Drobysheva, T.V., Vikentieva, E.N., & Tarasov, S.V. (2022). Activity of Muscovites in the urban environment: The role of the responsibility factor. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 19(1), 7–20. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2022-19-1-7-20>
- Filin, V.A. (2006). *Videoecology: What is good and bad for the eye*. Moscow: Videoecology Publ.; Ryazan: Ryazobltipografiya Publ. (In Russ.)
- Filipan, K., Boes, M., De Coensel, B., Lavandier, C., Delaitre, P., Domitrović, H., & Botteldooren, D. (2017). The personal viewpoint on the meaning of tranquility affects the appraisal of the urban park soundscape. *Applied Sciences*, 7(1), 91. <https://doi.org/10.3390/app7010091>

- Fritz, J.B., Elhilali, M., David, S.V., & Shamma, S.A. (2007). Auditory attention – focusing the searchlight on sound. *Current Opinion in Neurobiology*, 17(4), 437–455. <https://doi.org/10.1016/j.conb.2007.07.011>
- Giddens, A. (1991). *Modernity and self-identity: Self and society in the late modern age*. Stanford: Stanford University Press.
- Gold, J.R. (2009). Behavioural geography. In R. Kitchin & N. Thrift (Eds.), *International Encyclopedia of Human Geography* (pp. 282–293). Amsterdam: Elsevier.
- Grandin, T., & Scariano, M.M. (2012). *Opening the door of hope: My experience of overcoming autism*. Moscow: Terevinf Publ. (In Russ.).
- Hart, J., Shaver, P.R., & Goldenberg, J.L. (2005). Attachment, self-esteem, worldviews, and terror management: Evidence for a tripartite security system. *Journal of Personality and Social Psychology*, 88(6), 999–1013. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.88.6.999>
- Heerwagen, J. (2017). Psychological value of space. *Whole Building Design Guide*. Retrieved February 22, 2023, from http://www.wbdg.org/resources/psychspace_value.php
- Heerwagen, J., & Orians, G. (1993). Humans, habitats and aesthetics. In S.R. Kellert & E.O. Wilson (Eds.), *The Biophilia Hypothesis* (pp. 138–172). Washington: Island Press.
- Hildebrand, G. (1991). *The Wright Space: Pattern and meaning in Frank Lloyd Wright's houses*. Seattle: University of Washington Press.
- Husserl, E. (1973). *Logical investigations*. London: Routledge.
- Izard, C.E. (2007). Basic emotions, natural kinds, emotion schemas, and a new paradigm. *Perspectives on Psychological Science*, 2(3), 260–280. <https://doi.org/10.1111/j.1745-6916.2007.00044.x>
- Jabareen, Y., Eizenberg, E., & Zilberman, O. (2017). Conceptualizing urban ontological security: “Being-in-the-city” and its social and spatial dimensions. *Cities*, 68, 1–7. <https://doi.org/10.1016/j.cities.2017.05.003>
- Juslin, P.N., & Västfjäll, D. (2008). Emotional responses to music: The need to consider underlying mechanisms. *Behavioral and Brain Sciences*, 31(5), 559–575. <https://doi.org/10.1017/S0140525X08005293>
- Kaplan, R., & Kaplan, S. (1989). *The experience of nature: A psychological perspective*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kaplan, S. (1988). Perception and landscape: Conceptions and misconceptions. In J.L. Nasar (Ed.), *Environmental Aesthetics: Theory, Research, and Application* (pp. 45–55). Cambridge: Cambridge University Press.
- Kaptsevich, O.A. (2021). Psychological effects of urban environment visual perception: A systematic review. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 18(3), 575–597. (In Russ.) <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2021-3-575-597>
- Kaymaz, I.C. (2012). Landscape perception. In Ozyavuz, M. (Ed.), *Landscape Planning* (pp. 251–276). Rijeka: InTech.
- Knez, I. (2005). Attachment and identity as related to a place and its perceived climate. *Journal of Environmental Psychology*, 25(2), 207–218. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2005.03.003>
- Knyazeva, E.N. (2020). Visual images in the service of cognitive science. *Praxema. Journal of Visual Semiotics*, 1(23), 58–75. (In Russ.) <https://doi.org/10.23951/2312-7899-2020-1-58-75>
- Koole, S.L., Sin, T.A.M., & Schneider, I.K. (2014). Embodied terror management: Interpersonal touch alleviates existential concerns among individuals with low self-esteem. *Psychological Science*, 25(1), 30–37. <https://doi.org/10.1177/0956797613483478>
- Krashennnikov, A.V. (2020). *Cognitive urbanism: Archetypes and prototypes of the urban environment*. Moscow: KURS Publ. (In Russ.)
- Kuo, F., & Sullivan, W. (2001). Environment and crime in the inner city: Does vegetation reduce crime? *Environment and Behavior*, 33(3), 343–367. <https://doi.org/10.1177/0013916501333002>
- Kuppens, P., Champagne, D., & Tuerlinckx, F. (2012). The dynamic interplay between appraisal and core affect in daily life. *Frontiers in Psychology*, 3, 380. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2012.00380>

- Laing, R.D. (1969). *The divided self*. Harmondsworth: Penguin.
- Lambert, N.M., Stillman, T.F., Hicks, J.A., Kamble, S., Baumeister, R.F., & Fincham, F.D. (2013). To belong is to matter: Sense of belonging enhances meaning in life. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 39(11), 1418–1427. <https://doi.org/10.1177/0146167213499186>
- Laurin, K., Schumann, K., & Holmes, J.G. (2014). A relationship with God? Connecting with the divine to assuage fears of interpersonal rejection. *Social Psychological and Personality Science*, 5(7), 777–785. <https://doi.org/10.1177/1948550614531800>
- Levenson, R.W. (1999). The intrapersonal functions of emotion. *Cognition and Emotion*, 13(5), 481–504. <https://doi.org/10.1080/026999399379159>
- Li, H., Li, X., Tian, S., Li, S., & Zhao, P. (2017). Temporal and spatial variation characteristics and mechanism of urban human settlements: Case study of Liaoning Province. *Geographical Research*, 36(7), 1323–1338. <https://doi.org/10.11821/dlyj201707011>
- Li, X., & Liu, H. (2021). The influence of subjective and objective characteristics of urban human settlements on residents' life satisfaction in China. *Land*, 10(12), 1400. <https://doi.org/10.3390/land10121400>
- Lippmann, P.C. (2010). *Evidence-based design of elementary and secondary schools: A responsive approach to creating learning environments*. New York: Wiley.
- Loewen, L.J., Steel, G.D., & Suedfeld, P. (1993). Perceived safety from crime in the urban environment. *Journal of Environmental Psychology*, 13(4), 323–331. [https://doi.org/10.1016/S0272-4944\(05\)80254-3](https://doi.org/10.1016/S0272-4944(05)80254-3)
- Lynch, D. (1973). Some references to orientation. In R.M. Downs & D. Stea (Eds.), *Image and Environment: Cognitive Mapping and Spatial Behaviour* (pp. 300–315). Chicago: Aldine Publishing Company.
- Maslow, A.H. (1942). The dynamics of psychological security-insecurity. *Character and Personality*, 10(10), 331–344. <https://doi.org/10.1111/j.1467-6494.1942.tb01911.x>
- Milgram, S. (1972). A psychological map of New York City. *American Scientist*, 60(2), 194–204.
- Moscovici, S. (1984). The phenomenon of social representations. In R.M. Farr & S. Moscovici (Eds.), *Social Representations* (pp. 3–69). Cambridge: Cambridge University Press.
- Norberg-Schulz, C. (1985). *The concept of dwelling: On the way to figurative architecture*. New York: Rizzoli.
- Ode, Å., Tveit, M.S., & Fry, G. (2008). Capturing landscape visual character using indicators: Touching base with Landscape Aesthetic Theory. *Landscape Research*, 33(1), 89–117. <https://doi.org/10.1080/01426390701773854>
- Osgood, C.E., May, W.S., & Miron, M.S. (1975). *Cross-cultural universals of affective meaning*. Chicago: University of Illinois Press.
- Reitz, A.K., Motti-Stefanidi, F., & Asendorpf, J.B. (2016). Me, us, and them: Testing sociometer theory in a socially diverse real-life context. *Journal of Personality and Social Psychology*, 110(6), 908–920. <https://doi.org/10.1037/pspp0000073>
- Rotton, J., & Cohn, E.G. (2002). Climate, weather, and crime. In R. Bechtel & A. Churchman (Eds.), *The New Handbook of Environmental Psychology* (461–498). New York: John Wiley.
- Saleem, M., Prot, S., Cikara, M., Lam, B.C., Anderson, C.A., & Jelic, M. (2015). Cutting Gordian knots: Reducing prejudice through attachment security. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 41(11), 1560–1574. <https://doi.org/10.1177/0146167215601829>
- Semenova, T.V. (2020). *Urban mentality: Socio-psychological research*. Samara: Porto-print. (In Russ.).
- Smolova, L.V. (2009). Safety of the urban environment in the perception of residents from the standpoint of the psychology of interaction with the environment. *Acquisition of Capital Status by Astana: Conference Proceedings* (pp. 53–62). Astana: Elorda Publ. (In Russ.)
- Smolova, L.V. (2015). *Psychology of interaction with the environment (environmental psychology)*. Moscow: FLINTA Publ. (In Russ.)
- Stockfelt, T. (1991). Sound as an existential necessity. *Journal of Sound and Vibration*, 151(3), 367–370. [https://doi.org/10.1016/0022-460X\(91\)90533-P](https://doi.org/10.1016/0022-460X(91)90533-P)

- Tajadura-Jiménez, A., Väljamäe, A., Kitagawa, N., & Ho, H.N. (2010). Whole-body vibration influences on sound localization in the median plane. *Proceedings of the Institution of Mechanical Engineers. Part D: Journal of Automobile Engineering*, 224(10), 1311–1320. <https://doi.org/10.1243/09544070JAUTO1600>
- Trubina, E.G. (2011). *City in theory: Experiences of understanding space*. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ. (In Russ.)
- Tuan, Y.F. (1975). Images and mental maps. *Annals of the Association of American Geographers*, 65(2), 205–213.
- Ulrich, R. (1984). View through a window may influence recovery from surgery. *Science*, 224(4647), 420–421. <https://doi.org/10.1126/science.6143402>
- Voloshinskaya, A.A. (2017). Urban concepts evolution: An analysis of the main trends. *E-Journal Public Administration*, 63, 99–115. (In Russ.)
- Wang, J., Long, R., Chen, H., & Li, Q. (2019). Measuring the psychological security of urban residents: Construction and validation of a new scale. *Frontiers in Psychology*, 10, 2423. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.02423>
- Wilson, J., & Kelling, G. (1982). Broken windows: Police and neighborhood safety. *Atlantic Monthly*, 249, 29–38.
- Wohlwill, J.F. (1976). Environmental aesthetics: The environment as a source of affect. In I. Altman & J.F. Wohlwill (Eds.), *Human Behavior and Environment* (pp. 37–86). New York: Plenum.
- Wundt, W. (1897). *Grundriss der Psychologie*. Leipzig: W. Engelmann.
- Zhogoleva, A.V. Leonova, V.A., & Polukeeva, T.S. (2020). Features of perception of urban space in the historical center of a large city. *Innovative Project*, 5(11), 24–29. (In Russ.) <https://doi.org/10.17673/IP.2020.5.11.2>

Article history:

Received 3 April 2023

Revised 8 May 2023

Accepted 11 May 2023

For citation:

Zotova, O.Yu. (2023). Subject-spatial and physical urban environment as a condition for the psychological security of urban residents. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 20(2), 352–373. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2023-20-2-352-373>

Conflicts of interest:

The author declares that there is no conflict of interest.

Bio note:

Olga Yu. Zotova, Doctor Science (Psychology), Associate Professor, Professor at Social Psychology Chair, Liberal Arts University – University for Humanities (Yekaterinburg, Russia). ORCID: 0000-0002-5607-6317; eLIBRARY SPIN-code: 7479-3901. E-mail: oiambusheva@mail.ru

DOI: 10.22363/2313-1683-2023-20-2-374-398

EDN: WTPCOM

УДК 316.454.3

Исследовательская статья

Конструирование опросника «Позитивное организационное поведение»: результаты предварительной валидизации

В.А. Штроо , В.В. Дайнеко

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20

 vdajneko@hse.ru

Аннотация. Цель исследования – конструирование авторского опросника для диагностики позитивного организационного поведения (ПОП) сотрудников и дальнейшая проверка психометрических показателей его валидности и надежности. Автор концепции ПОП Ф. Лютанс не предложил диагностического инструментария для оценки ПОП, в этой связи возникла необходимость в его создании. Проведен теоретический анализ концепции Ф. Лютанса и существующих шкал диагностики пяти компонентов ПОП (самоэффективность, надежда, оптимизм, субъективное благополучие и эмоциональный интеллект). Эмпирическое исследование выполнено посредством онлайн-опроса. Выборка составила 172 респондента, работающих в разных сферах деятельности, в возрасте от 22 до 60 лет. Оценивались психометрические показатели опросника ПОП: надежность и согласованность пунктов опросника, соответствие теоретической концептуализации факторной структуре опросника. Конструктивная валидность опросника проверялась с использованием шкалы удовлетворенности жизнью Э. Динера в адаптации Д. Леонтьева и Е. Осина и шкалы теста диспозиционного оптимизма в адаптации Т.О. Гордеевой, О.А. Сычева, Е.Н. Осина. В результате конфирматорного факторного анализа выделена пятифакторная структура опросника, что соответствует представлениям о пятикомпонентной структуре ПОП в теоретической концепции Ф. Лютанса. Надежность оценивалась с помощью анализа значений коэффициентов α Кронбаха, половинного расщепления Гутмана и Спирмена – Брауна. Полученные результаты свидетельствуют о достаточной надежности и согласованности пунктов опросника (значение α Кронбаха общей шкалы ПОП – 0,890). Оценка конструктивной валидности подтвердила наличие значимых взаимосвязей между отдельными субшкалами опросника ПОП и шкалами удовлетворенности жизнью и диспозиционного оптимизма, что свидетельствует о содержательном сходстве шкал. Установлено, что созданный измерительный инструмент обладает достаточной валидностью и надежностью и может быть использован для исследовательских целей.

Ключевые слова: позитивная психология, позитивное организационное поведение, самоэффективность, надежда, оптимизм, субъективное благополучие, эмоциональный интеллект

© Штроо В.А., Дайнеко В.В., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Благодарности и финансирование. Публикация подготовлена в ходе проведения исследования (№ проекта 22-00-014) в рамках программы «Научный фонд Национального исследовательского университета „Высшая школа экономики“ (НИУ ВШЭ)» в 2022 г.

Теоретическое обоснование конструкта «Позитивное организационное поведение»

Позитивное организационное поведение в концепции Ф. Лютанса.

Теоретическую основу конструкта составляет одноименная концепция Фреда Лютанса. Подход Ф. Лютанса созвучен позитивной психологии, которая нацелена на изучение сильных сторон и психологических возможностей людей. Автор определяет позитивное организационное поведение (positive organizational behavior, POB, ПОП) как концепцию, направленную на изучение и применение психологических способностей и позитивно ориентированных сильных сторон человека, которые можно измерить, развить и использовать для эффективного управления и повышения производительности на рабочем месте (Luthans, 2002). Ф. Лютанс подчеркивает, что данная концепция должна быть не столько теоретической, сколько иметь практическую значимость для организаций и сотрудников. Она должна быть адаптируемой к обучению и развитию руководителей и, что наиболее важно, способствовать повышению производительности на рабочем месте (Luthans, 2002).

На данный момент ПОП характеризуется учеными как зонтичное понятие. Критическое замечание, которое высказывается по отношению к данной концепции, состоит в том, что автор не дает объяснения того, почему именно эти составляющие включаются в состав ПОП, а также почему происходят изменения в структуре ПОП (Иванова и др., 2018).

В первоначальной версии концепции Ф. Лютанс описал позитивное организационное поведение пятью составляющими: уверенность в себе, или самоэффективность (confidence/self-efficacy), надежда (hope), оптимизм (optimism), субъективное благополучие, или счастье (subjective well-being/happiness) и эмоциональный интеллект (emotional intelligence). В более поздних работах Ф. Лютанс с соавт. описали другие элементы ПОП, включив в его структуру компонент жизнестойкости (Luthans, Youssef, 2007). Существуют и другие взгляды на структуру ПОП. Например, П. Кхатри и С. Датта на основании теоретической концепции Ф. Лютанса предложили в качестве структурных элементов ПОП считать шесть составляющих, а именно надежду, оптимизм, субъективное благополучие, смозффективность, эмоциональный интеллект и жизнестойкость (Dutta, Khatri, 2017).

Содержательный анализ составляющих ПОП представлен в одной из работ, посвященных данной проблематике (Дайнеко, 2022). При описании субшкалы «Самоэффективность» Ф. Лютанс опирается на теоретические разработки одного из ведущих исследователей в этой области – А. Бандуры. Подчеркивается, что уверенность в себе является важным элементом формирования позитивности. Субшкала «Надежда» формируется Ф. Лютансом на основе работ Р. Снайдера и его коллег. По мнению Р. Снайдера надежда отражает как веру в то, что поставленные цели могут быть достигнуты, так

и поиск путей достижения целей. Теоретической основой субшкалы «Субъективное благополучие» являются многочисленные работы Э. Динера, а субшкалы «Оптимизм» – труды М. Селигмана и К. Петерсона. При рассмотрении субшкалы «Эмоциональный интеллект» Ф. Лютанса опирается на таких авторов, как Дж. Мейер, П. Сэловей, Д. Карузо, Д. Гоулман.

Следует отметить, что в версии Ф. Лютанса и соавт. концепция ПОП имеет практически полное сходство с концепцией психологического капитала (Luthans et al., 2007). По мнению Ф. Лютанса, психологический капитал является производным конструктом, конструкцией второго порядка и следствием из теории ПОП (Broad, Luthans, 2020). Психологический капитал определяется как положительное психологическое состояние личности, характеризующееся тем, чтобы брать на себя ответственность и прилагать необходимые усилия для решения сложных задач, создавать положительный образ достижения успеха в настоящем и будущем, проявлять настойчивость в достижении поставленных целей и при необходимости корректирование пути по их достижению, поддерживать и продолжать движение к целям несмотря на ситуации невзгод и возникающих проблем (Luthans, Youssef, Avolio, 2007). На основе проведенного теоретического анализа выявлено, что концепции не совпадают, имеют различное содержание. В связи с этим принято решение, что в данной работе мы будем опираться на изначальную версию структуры ПОП, а именно: самооффективность, надежда, оптимизм, субъективное благополучие и эмоциональный интеллект (Luthans, 2002).

Ф. Лютанс не предложил измерительного инструмента, позволяющего диагностировать ПОП. В связи с этим нами предпринята попытка создать такой инструмент, который мог бы позволить осуществить эмпирические исследования в этой области, сохраняя теоретическую основу конструкта «позитивное организационное поведение», заданную Ф. Лютансом.

В работах создателей концепции ПОП отмечается, что ПОП в целом как интегральный показатель объясняет больше взаимосвязей с различными характеристиками, такими, например, как производительность сотрудника, удовлетворенность трудом, чем отдельные конструкты первого порядка: самооффективность, надежда, оптимизм, субъективное благополучие и эмоциональный интеллект (Luthans, 2002; Luthans, Youssef, Avolio, 2007). Схожие результаты получены в рамках исследований концепции психологического капитала: конструкт второго порядка показывает больше взаимосвязей с показателями удовлетворенности и производительности труда, чем конструкты первого порядка (Culbertson et al., 2010; Gooty et al., 2009).

Несмотря на наличие противоречивости и отсутствия полноценного теоретического обоснования концепции со стороны авторов, мы полагаем, что есть веские причины, которые определяют важность расширения исследований, касающихся ПОП, в том числе создание методики, позволяющей его измерить. Во-первых, длительное изучение девиантного поведения сотрудников привело к возрастанию интереса к позитивной психологии, к сильным сторонам личности сотрудника. Это, в свою очередь, расширило исследования в области позитивного поведения в организации. Во-вторых, существу-

ющие практические программы по развитию ПОП в различных сферах деятельности человека (Shults, 2008; Cartwright, Cooper, 2014; Lussier, Hartmann, 2017; Homburg et al., 2011) с неизбежностью приводят к необходимости создания способа измерения ПОП.

В ходе создания опросника мы стремились, с одной стороны, удержаться в рамках концепции Ф. Лютанса, а с другой, подбирая содержательное наполнение каждой из субшкал (формулируя конкретные пункты-суждения), сохранять связь с уже имеющимися в научном арсенале инструментами измерения соответствующих субконструктов (конструктов второго порядка). Тем самым результаты измерений ПОП могли бы быть соотнесены с другими исследованиями в смежных областях и включены в мета-аналитические процедуры. Также для каждого конструкта второго порядка (субшкалы) мы старались выделить ключевые аспекты его проявления в поведении сотрудника, объективно включенного в конкретную организацию.

Далее опишем процедуру теоретической разработки пунктов опросника, которая будет заключаться в содержательном анализе каждого компонента ПОП. Впоследствии будет осуществлена психометрическая проверка методики.

Субшкала «Самозффективность». Основоположник теории самоэффективности А. Бандура подчеркивает, что «уверенность в себе является наиболее важным элементом формирования позитивности» (Bandura, 1982, p. 129). Далее он уточняет, что «если человек не верит в то, что может производить желаемый результат и предупреждать нежелательные действия, он не будет иметь стимула к работе» (Bandura, 1982, p. 133). Существует два варианта теста, позволяющего диагностировать самоэффективность.

Шкала диагностики самоэффективности (Self-Efficacy Scale, SES), разработанная коллективом авторов под руководством М. Шерера и Дж.Е. Маддукса (Sherer et al., 1982). Перевод теста и его модификация осуществлены Л. Бояринцевой под руководством Р. Кричевского (Бояринцева, 1995, 2003). Речь идет об оценке человеком своего потенциала в сфере предметной деятельности и сфере общения, которым он реально может воспользоваться.

Русская версия шкалы общей самоэффективности (General Self-Efficacy Scale, GSE) Р. Шварцера и М. Ерусалема в адаптации В.Г. Ромека (Jerusalem, Schwarzer, 1986; Schwarzer, Jerusalem, 1992; Шварцер и др., 1996). Конструкт воспринимаемой самоэффективности отражает оптимистическую веру в себя (Schwarzer, Jerusalem, 1992). Это вера в то, что можно выполнить неизвестные или трудные задачи, а также справиться с невзгодами. Однако данный опросник непригоден для измерения самоэффективности в конкретной предметной области.

Для диагностики ПОП мы приняли решение сосредоточиться на предметной деятельности в организационном контексте, выделяя такие аспекты самоэффективности, как стремление к постановке сложных целей, уверенность в их достижении, готовность к преодолению возникающих трудностей, готовность учиться новому (табл. 1).

Исходный состав субшкалы «Самоэффективность» /
Aspects of Self-Efficacy Subscale

Субшкала / Subscale	Аспект, форма проявления конструкта / Aspects of the construct	Конкретная формулировка пункта (суждения) / Content of the questionnaire item
Самоэффективность / Self-efficacy	Стремление к постановке сложных целей / Aspiration for challenging goals	В своей работе я стараюсь ставить перед собой такие цели, которые требуют дополнительных усилий (+) / In my work, I try to set goals that require extra effort (+)
		Лишние усилия на работе быстро приводят к снижению работоспо- собности (-) / Excessive effort at work quickly leads to a decrease in performance (-)
	Уверенность в достижении поставленных целей / Confidence in achieving goals	Когда я что-либо планирую, я всегда уверен(а), что могу выполнить данную работу (+) / When I plan something, I am always sure that I can do this work (+)
		Когда я ставлю важные для себя цели, мне редко удается достичь их (-) / When I set goals that are important to me, I rarely manage to achieve them (-)
	Готовность к преодолению возникающих трудностей / Willingness to overcome emerging difficulties	Возникающие трудности в работе только раззадоривают меня (+) / Difficulties at work excite me (+)
		Я стараюсь избегать трудностей при выполнении рабочих заданий (-) / I try to avoid difficulties in completing work tasks (-)
	Готовность учиться новому / Willingness to learn new things	Если в работе у меня что-то не получается с первого раза, я найду возможность приобрести необходимые для этого знания или умения (+) / If something doesn't work out in my work on the first try, I will find an opportunity to acquire the knowledge or skills necessary in order to succeed (+)
		Я не пытаюсь научиться чему-то новому, если оно выглядит слишком сложным для меня (-) / I don't try to learn something new if it looks too complicated for me (-)

Примечание: (+) – прямой пункт; (-) – обратный пункт.
Note: (+) – direct point; (-) – reverse point.

Субшкала «Надежда». Многочисленные теории, описывающие феномен надежды, сводились к описанию ее как позитивного ожидания желаемой цели (Martin-Krumm et al., 2015). Э. Стотланд считает, что надежда – это когнитивный конструкт (Stotland, 1969). Р. Снайдер продолжил исследование данного конструкта и определил надежду как процесс обдумывания и поиск способов достижения своих целей, с учетом мотивации по их осуществлению (Snyder, 1995). Цели должны быть реалистичны и достижимы, соответствовать такому уровню сложности, чтобы могла сформироваться мотивация к их достижению. Сделано множество попыток создания оценивающего инструмента конструкта надежды, однако наиболее изученной и широко применяемой в исследованиях является шкала диагностика диспозиционной надежды Р. Снейдера.

Шкала диагностики диспозиционной надежды (State Hope Scale) была разработана группой ученых под руководством Р. Снайдера (Snyder et al., 1991, 1996). Диспозиционная надежда, по мнению Р. Снайдера, характеризуется готовностью к оценке возможных событий будущего, которая возникает при ожидании достижения труднодоступного блага; готовностью к осуществлению действия, заключающегося в определенном поведении ради достижения этого блага.

Адаптация шкалы на русскоязычной выборке осуществлена дважды (Муздыбаев, 1999а, 1999б; Елшанский и др., 2014). К. Муздыбаев определяет надежду как «обобщение ожидания благоприятного исхода событий, представляющего собой разновидность локуса контроля личности и играющего серьезную роль в саморегуляции поведения» (Муздыбаев, 1999б, с. 26).

Исходя из вышеизложенного, для диагностики ПОП мы выделили такие теоретические аспекты конструкта «Надежда», как уверенность в благоприятном исходе событий в будущем, готовность к поиску путей достижения поставленных целей, готовность совершить действие (определенное поведение) ради достижения цели (табл. 2).

Таблица 2 / Table 2

Исходный состав субшкалы «Надежда» /
Aspects of Hope Subscale

Субшкала / Subscale	Аспект, форма проявления конструкта / Aspects of the construct	Конкретная формулировка пункта (суждения) / Content of the questionnaire item
Надежда / Hope	Уверенность в благоприятном исходе событий в будущем / Confidence in a favorable outcome of events in the future	Уверен, компания, в которой я работаю, преуспеет в будущем (+) / I am confident that the company I work for will succeed in the future (+)
		Шансы на успех моей организации в будущем невелики (-) / The chances of my organization being successful in the future are slim (-)
	Готовность к поиску путей достижения поставленных целей / Readiness to find ways to achieve set goals	Я стремлюсь искать все возможные пути для упрочения моего места в организации (+) / I strive to look for all possible ways to strengthen my place in the organization (+)
		У меня нет желания находить способы улучшения качества своей работы, поскольку моя организация все равно это не оценит (-) / I have no desire to find ways to improve the quality of my work, because my organization will not appreciate it anyway (-)
	Готовность совершить действие (определенное поведение) ради достижения цели / Readiness to perform an action (a certain behavior) in order to achieve a goal	Я готов прилагать дополнительные усилия для достижения целей нашей организации (+) / I am ready to make extra efforts to achieve the goals of our organization (+)
		Не готов работать сверхурочно, даже если рабочие задачи не выполнены (-) / I'm not willing to work overtime even if work tasks are not completed (-)

Примечание: (+) – прямой пункт; (-) – обратный пункт.

Note: (+) – direct point; (-) – reverse point.

Субшкала «Оптимизм». В современной психологии принято выделять два подхода к рассмотрению оптимизма: оптимизм как атрибутивный стиль и оптимизм как диспозиция личности. Согласно М. Селигману, в ходе жизни у человека складывается устойчивая манера к объяснению происходящих с ним событий. Так, для человека с оптимистичным атрибутивным стилем свойственно воспринимать негативные события как временные и проходящие, а позитивные – как постоянные и непосредственно зависящие от его действий (Seligman, 2000). Согласно второму подходу, оптимизм рассматривается как обобщенное ожидание человеком наступления положительных событий в будущем. Оптимизм здесь предстает как конструкт когнитивного характера несмотря на то, что он неразрывно связан с аффективными и мотивационными процессами. Оптимистично настроенные люди имеют уверенность в том, что во всех сферах жизни их ждет улучшение. Следовательно, они мотивированы работать, расставлять приоритеты и в итоге получать желаемое, приближаться к своей цели. Таким образом, с этой теоретической точки зрения оптимизм понимается как относительно устойчивая черта личности на протяжении всей жизни (Carver, Scheier, 2014). Существует несколько вариантов методик, оценивающих оптимизм.

Таблица 3 / Table 3

**Исходный состав субшкалы «Оптимизм» /
Aspects of Optimism Subscale**

Субшкала / Subscale	Аспект, форма проявления конструкта / Aspects of the construct	Конкретная формулировка пункта (суждения) / Content of the questionnaire item
Оптимизм / Optimism	Личностный оптимизм / Personal optimism	Любая поручаемая мне работа служит повышению моего профессионального потенциала (+) / Any work entrusted to me serves to increase my professional potential (+)
		Неудачи в работе меня расстраивают и снижают интерес к выполнению задач (-) / Failures at work upset me and reduce my interest in completing tasks (-)
	Оптимизм самооффективности / Self-efficacy optimism	Мой персональный вклад в общую работу поможет преодолеть компании кризисные времена (+) / My personal contribution to the common work will help the company overcome the times of crisis (+)
		Большую часть своей работы мне не удается выполнить на должном уровне (-) / I fail to do most of my work as it should be (-)
Социальный оптимизм / Social optimism		После знакомства с коллегами я обычно настроен на сотрудничество с ними (+) / After making acquaintance with my colleagues, I am usually set to cooperate with them (+)
		Конфликты с коллегами разочаровывают меня и снижают интерес к выполнению совместной работы (-) / Conflicts with my colleagues frustrate me and reduce my interest in doing collaborative work (-)

Примечание: (+) – прямой пункт; (-) – обратный пункт.

Note: (+) – direct point; (-) – reverse point.

Шкала диспозиционного оптимизма (Life Orientation Test, LOT) разработана Ч. Карвером и М. Шайером (Scheier, Carver, 1985). Она была валидизирована и адаптирована на русскоязычной выборке (Гордеева и др., 2010; Циринг, Эвнина, 2013). Согласно теоретическим предпосылкам, диспозиционный оптимизм помогает человеку проводить эффективную саморегуляцию и впоследствии достигать поставленных целей. Люди склонны совершать определенные действия по достижению целей и преодолевать трудности в том случае, если они ожидают благоприятного исхода сложившейся ситуации.

Расширенная шкала персонального и социального оптимизма (Personal Optimism and Social Optimism Extended, POSO-E) разработана немецкими учеными К. Швайцером и В. Кохом (Schweizer, Koch, 2001). Шкала основана на теоретических исследованиях М. Шайера и Ч. Карвера о диспозиционном оптимизме и включает в себя оценку трех аспектов оптимизма: личностный, социальный и оптимизм самооффективности. Личностный оптимизм отражает то, как благоприятные события и положительное настроение могут внести позитивный вклад в жизнь человека и повлиять на общее самочувствие. Самооффективность считается одним из результатов оптимизма. Под социальным оптимизмом подразумевается связь благополучия человека с его социальными и экологическими условиями жизни.

Для диагностики ПОП нами выделены теоретические аспекты конструкта «Оптимизм», связанные с организационным контекстом: личностный оптимизм, оптимизм самооффективности и социальный оптимизм (табл. 3).

Субшкала «Субъективное благополучие, или счастье». В русскоязычной литературе существует два термина, описывающие единый смысловой психологический конструкт: субъективное благополучие и счастье. Одни ученые сходятся во мнении, что данные конструкты синонимичны, другие считают их разными понятиями и различают условия применения терминов «субъективное благополучие» и «счастье». По мнению одного из ведущих исследователей Э. Динера, субъективное благополучие определяется как оценка людьми своей жизни, в результате которой возникают когнитивные суждения об удовлетворенности жизнью и аффективные оценки собственного настроения и эмоций (Diener, 1984, p. 543). При анализе иных точек зрения можно сделать вывод, что авторы преимущественно выделяют двухкомпонентную структуру субъективного благополучия, в которую включены когнитивный и аффективный компоненты (Diener et al., 1985; Andrews, Crandall, 1976).

На сегодня в исследовательском арсенале существует множество шкал, измеряющих субъективное благополучие:

1. *Шкала удовлетворенности жизнью Э. Динера* (The Satisfaction with Life Scale, SWLS) в адаптации Д. Леонтьева и Е. Осина (Осин, Леонтьев, 2008). В подходе Э. Динера субъективное благополучие определяется через удовлетворенность как результат когнитивной оценки своей жизни (Расказова, Лебедева, 2020).

2. *Двухфакторная шкала аффективного баланса Н. Бредберна* (Affect Balance Scale, ABS), включающая положительный и негативный аффективные полюсы восприятия субъективного благополучия (Bradburn, 1969).

3. *Шкала субъективного благополучия А. Бадо и Г. Мендельсон* в русскоязычной адаптации М. Соколовой (Badoux, Mendelsohn, 1994; Соколова, 1996). Шкала оценивает такие параметры, как состояние здоровья, чувство собственного достоинства, удовлетворенность повседневной деятельностью, интенсивность переживаний, социальная среда.

Данные шкалы подвергались значительной критике в связи с тем, что измеряли только один аспект субъективного благополучия: либо когнитивный, либо эмоциональный. Впоследствии С. Любомирски создала шкалу, которая позволила проводить оценку по обоим аспектам.

Шкалы счастья С. Любомирски (Subjective Happiness Scale, SHS). Переведена и адаптирована на русскоязычной выборке Д. Леонтьевым и Е. Осиним (Lyubomirsky, Lepper, 1999; Осин, Леонтьев, 2008). С. Любомирски отмечает, что человек, который воспринимает себя счастливым, более адаптивно реагирует на повседневные сложности, принятие решений, восприятие и интерпретацию социальных ситуаций, а также на восстановление после негативных событий (Abbe et al., 2003). Для конструирования опросника ПОП нами выделены когнитивный и эмоциональный аспекты субъективного благополучия, связанные с организационной жизнью сотрудника (табл. 4).

Таблица 4 / Table 4

Исходный состав субшкалы «Субъективное благополучие» /
Aspects of Subjective Well-Being Subscale

Субшкала / Subscale	Аспект, форма проявления конструкта / Aspects of the construct	Конкретная формулировка пункта (суждения) / Content of the questionnaire item
Субъективное благополучие / Subjective well-being	Когнитивный аспект / Cognitive aspect	Считаю работу достойной моих возможностей (+) / I consider the work to be in line with my abilities (+)
		На мой взгляд, в компании необъективно оценивают мою работу (-) / In my opinion, the company does not objectively evaluate my work (-)
	Аффективный аспект / Affective aspect	Работа, которую я выполняю, не приносит мне радости (-) / The work I do does not bring me joy (-)
		Мне нравится, как строится моя карьера в компании (+) / I like how my career is built in the company (+)

Примечание: (+) – прямой пункт; (-) – обратный пункт.

Note: (+) – direct point; (-) – reverse point.

Субшкала «Эмоциональный интеллект». Существует несколько точек зрения относительно сущности эмоционального интеллекта. Одними из первых высказали свое мнение П. Саловей и Дж. Майер: эмоциональный интеллект – это способность контролировать свои эмоции, отличать собственные эмоции от эмоций окружающих людей и использовать полученную информацию для регулирования своих действий и мышления (Salovey, Mayer, 1990). Позднее Д. Гоулман внес дополнения в данное определение, добавив такие характеристики эмоционального интеллекта, как настойчивость, энтузиазм и социальные навыки (Goleman, 1995; Гоулман, 2013). Российской моделью эмоционального интеллекта как совокупности когнитивных способностей является модель Д.В. Люсина (Люсин, 2006; Социальный и эмоциональный

интеллект., 2009). В целом исследователи сходятся в мнении, что эмоциональный интеллект не является предиктором производительности труда, однако он способствует развитию компетенций, которые лежат в основе повышения производительности труда (Cherniss, 2000).

Существует несколько шкал эмоционального интеллекта. Наиболее часто применяемой является *методика измерения эмоционального интеллекта Дж. Майера, П. Саловея и Д. Карузо* (The Mayer – Salovey – Caruso Emotional Intelligence Test, MSCEIT V2.0). По мнению авторов, эмоциональный интеллект состоит из оценивания, выражения, управления и регулирования своих эмоций и эмоций других людей (Mayer et al., 2002). Адаптация на русскоязычной выборке проведена Е. Сергиенко и И. Ветровой (Сергиенко, Ветрова, 2009).

Таблица 5 / Table 5

**Исходный состав субшкалы «Эмоциональный интеллект» /
Aspects of Emotional Intelligence Subscale**

Субшкала / Subscale	Аспект, форма проявления конструкта / Aspects of the construct	Конкретная формулировка пункта (суждения) / Content of the questionnaire item
Эмоциональный интеллект / Emotional intelligence	Восприятие и оценивание эмоций / Perception and evaluation of emotions	Я легко замечаю, когда у коллег изменяется настроение (+) / I can easily notice it when my colleagues change their mood (+)
		Не всегда могу понять «эмоциональные выходки» своих коллег (-) / I can't always understand the 'emotional tricks' of my colleagues (-)
	Понимание и анализ эмоций / Understanding and analyzing emotions	Я понимаю настроение своих коллег и стараюсь приободить в трудной ситуации (+) / I understand the moods of my colleagues and try to cheer up them in a difficult situation (+)
		Если я вижу, что руководитель «не в настроении», даже не пытаюсь понять почему (-) / If I see that the manager is 'not in the mood', I don't even try to understand why (-)
Использование эмоций для регулирования мышления и действий / Using emotions to regulate thinking and action	Я могу эмоционально настроиться на решение сложных задач, несмотря на препятствия (+) / I can emotionally tune in to solving complex problems, despite obstacles (+)	
	Считаю бесполезным углубляться в анализ поведения коллег, потому что «чужая душа – потемки» (-) / I consider it useless to delve into the analysis of the behavior of colleagues, because 'another man's soul is always dark' (-)	
Способность управлять своими и чужими эмоциями / The ability to manage one's own and others' emotions	Мне удается контролировать свои и чужие эмоции в конфликтных ситуациях (+) / I manage to control my own and other people's emotions in conflict situations (+)	
	Наплыв негативных эмоций, как правило, не дает мне полноценно и эффективно выполнить порученное задание (-) / The influx of negative emotions, as a rule, does not allow me to fully and effectively complete the assigned task (-)	

Примечание: (+) – прямой пункт; (-) – обратный пункт.
Note: (+) – direct point; (-) – reverse point.

Шкала эмоционального интеллекта Ч. Вонг и К. Лоу (Wong and Law Emotional Intelligence Scale, WLEIS). Шкала основана на модели эмоционального интеллекта Дж. Майера, П. Саловея и Д. Карузо для оценки способностей личности распознавать и регулировать собственные эмоции (Wong, Law, 2002). Адаптации на русскоязычной выборке не имеет.

Шкала эмоционального интеллекта П. Саловея и соавт. (Trait-Meta Mood Scale, TMMS). Авторы описывают следующие компоненты эмоционального интеллекта: понимание эмоций (способность идентифицировать и различать различные эмоции); внимание к эмоциям (способность замечать свои чувства); способность регулировать эмоции, настроение и негативные эмоциональные переживания (Palmer et al., 2003; Кочетова, Климакова, 2019).

Роттердамская шкала эмоционального интеллекта (Rotterdam Emotional Intelligence Scale, REIS) разработана учеными под руководством К. Пекаара. Шкала оценивает четыре составляющих эмоционального интеллекта, такие как понимание эмоций других людей, идентификация собственных эмоций, использование и управление эмоциями для регуляции деятельности и достижения целей (Pekaar et al., 2018).

Опросник измерения эмоционального интеллекта (ЭМИн) Д.В. Люсина позволяет рассчитать показатели по шкалам «Общий эмоциональный интеллект», «Межличностный эмоциональный интеллект», «Внутриличностный эмоциональный интеллект» и по субшкалам «Понимание чужих эмоций», «Управление чужими эмоциями», «Понимание своих эмоций», «Управление своими эмоциями»; «Контроль экспрессии» (Люсин, 2006; Социальный и эмоциональный интеллект., 2009).

Для конструирования опросника мы выделили такие аспекты эмоционального интеллекта, которые отражают организационный контекст (табл. 5).

Психометрическая проверка опросника

Процедура. В результате теоретического анализа существующих измерительных методик пяти компонентов позитивного организационного поведения нами выделены основные содержательные аспекты каждой из субшкал для последующей операционализации данного конструкта. На этой основе создана первоначальная версия опросника «Позитивного организационного поведения», состоящая из 32 пунктов, образующих пять субшкал: «Самоэффективность», «Надежда», «Оптимизм», «Субъективное благополучие» и «Эмоциональный интеллект» (см. приложение).

Для проверки конструктивной валидности авторского опросника «Позитивное организационное поведение» нами использованы такие методические инструменты, как шкала удовлетворенности жизнью Э. Динера в адаптации Д. Леонтьева и Е. Осина (Diener et al., 1985; Осин, Леонтьев, 2008), а также тест диспозиционного оптимизма (Гордеева и др., 2010).

Выборка состояла из 172 респондентов, работающих на момент проведения исследования, в возрасте от 22 до 60 лет ($M = 31,76$; $SD = 11,92$), среди которых 46 % мужчин и 54 % женщин. Исследование проводилось в организациях с различными профилями деятельности – сфера информационных технологий (программирование, разработка программного обеспечения), сфера

образования (преподаватели высших учебных заведений, тренеры спортивных школ), сфера услуг (парикмахеры, специалисты службы доставки и др.). Данные исследования собирались анонимно.

Результаты

Обратные пункты опросника были перевернуты для дальнейшего анализа. Первоначально нами выполнена оценка факторной структуры опросника. Для этого проведен конфирматорный факторный анализ (КФА) с использованием программы AMOS SPSS, в рамках которого проверены две модели: пятифакторная и однофакторная структуры опросника. Первоначально проверены показатели соответствия модели данным для исходного варианта созданной методики для двух моделей, результаты описаны в табл. 6.

Таблица 6 / Table 6

Показатели соответствия модели данным
методики измерения позитивного организационного поведения /
Goodness-of-fit indicators of the questionnaire for measuring positive organizational behavior

Модель/ Model	df	χ^2	χ^2/df	CFI	TLI	RMSEA	90 % доверительный интервал для RMSEA / 90% confidence interval for RMSEA	PCLOSE
1-факторная модель / 1-factor model	434	1072,696	2,47	0,516	0,418	0,104	0,097–0,112	0,000
5-факторная модель / 5-factor model	464	1010,653	2,18	0,610	0,584	0,093	0,086–0,101	0,000

Примечание: CFI – сравнительный критерий согласия; TLI – индекс Такера – Льюиса; RMSEA – квадратичная усредненная ошибка аппроксимации; PCLOSE – тест значимости, показывающий близость показателя RMSEA к 0,05.

Note: CFI – comparative fit index; TLI – Tucker – Lewis index; RMSEA – root mean squared error of approximation; PCLOSE – p value of close fit.

Следует отметить, что по полученным статистическим результатам пятифакторная модель исходного опросника показала лучшие результаты по сравнению с однофакторной.

Далее для улучшения показателей соответствия модели данным проведен анализ факторных нагрузок на пункты и модификационных индексов. В результате предложены два варианта улучшения исходного опросника, состоящего из 32 пунктов. В рамках первого варианта улучшения методики исключен из исходного опросника ряд пунктов, имеющих двойные или низкие факторные нагрузки (пункты 8, 9, 11, 14, 18, 25, 28). Пункт 20 («Я могу эмоционально настроиться на решение сложных задач несмотря на препятствия») перенесен из шкалы «Эмоциональный интеллект» в шкалу «Самоеффективность», так как по результатам КФА он показал значимую корреляцию со шкалой «Самоеффективность» и его смысловое значение больше соответствует аспекту субшкалы «Самоеффективность» – готовность к преодолению возникающих трудностей. В модель включена одна ковариация ошибок: пункт 27 («Я готов прилагать дополнительные усилия для достижения целей нашей организации») и пункт 30 («Шансы на успех моей организации в будущем невелики»), относящиеся к одной субшкале «Надежда» и отражающие по смыслу схожее значение (с учетом противоположности) уверен-

ности в благоприятном исходе событий в будущем. Показатели соответствия модели данным первого варианта улучшенной модели представлены в табл. 7.

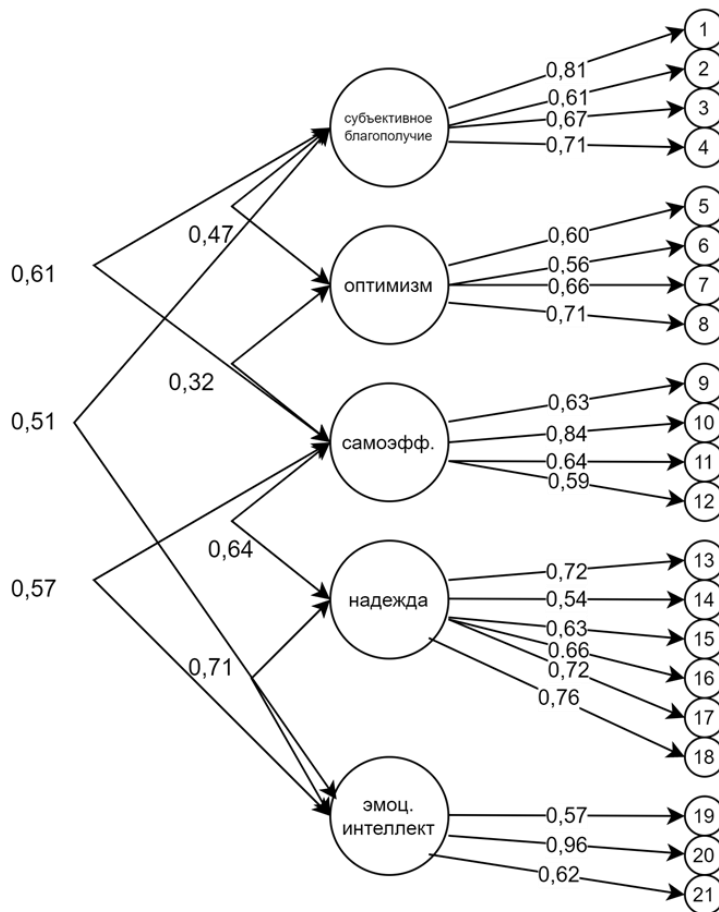
Таблица 7 / Table 7

Показатели соответствия модели данным методики измерения позитивного организационного поведения / Goodness-of-fit indicators of the questionnaire for measuring positive organizational behavior

Модель / Model	df	χ^2	χ^2/df	CFI	TLI	RMSEA	90% доверительный интервал для RMSEA / 90% confidence interval for RMSEA	PCLOSE
5-факторная модель (вариант 1) / 5-factor model (variant 1)	264	377,401	1,43	0,897	0,874	0,056	0,043–0,069	0,112
5-факторная модель (вариант 2) / 5-factor model (variant 2)	177	230,101	1,30	0,939	0,928	0,047	0,027–0,063	0,596

Примечание: CFI – сравнительный критерий согласия; TLI – индекс Такера – Льюиса; RMSEA – квадратичная усредненная ошибка аппроксимации; PCLOSE – тест значимости, показывающий близость показателя RMSEA к 0.05.

Note: CFI – comparative fit index; TLI – Tucker – Lewis index; RMSEA – root mean squared error of approximation; PCLOSE – p value of close fit.

Графическое изображение модели КФА 5-факторной модели опросника (вариант 2, 21 пункт) / Graphic image of the 5-factor model (variant 2, 21 items)

Примечание / Note: субъективное благополучие – Subjective Well-Being Subscale; оптимизм – Optimism Subscale; самооэфф. – Self-Efficacy Subscale; надежда – Hope Subscale; эмоц. интеллект – Emotional Intelligence Subscale.

Во втором варианте улучшенной модели (сокращенный вариант опросника) дополнительно исключены пункты 3, 4, 19, 22. В модель включены две ковариации ошибок: пункт 27 («Я готов прилагать дополнительные усилия для достижения целей нашей организации»), пункт 30 («Шансы на успех моей организации в будущем невелики»), пункт 5 («Уверен, компания, в которой я работаю, преуспеет в будущем»), пункт 29 («У меня нет желания находить способы улучшения качества своей работы, поскольку моя организация все равно это не оценит»), относящиеся к одной субшкале «Надежда» и отражающие по смыслу схожее значение с учетом противоположности готовности достижения поставленных целей. Показатели соответствия модели данным второго варианта улучшенной модели представлены в табл. 7. Графическое изображение модели приведено на рисунке.

Для дальнейшей проверки психометрических свойств опросника будет использоваться пятифакторная модель, которая продемонстрировала лучшие показатели соответствия модели данным во втором варианте преобразований, состоящая из 21 пункта.

Далее проведена проверка пунктов опросника «Позитивное организационное поведение» на нормальность, описательные статистики отражены в табл. 8.

Таблица 8 / Table 8

**Описательные статистики субшкал опросника «Позитивное организационное поведение» /
Descriptive statistics of Positive Organizational Behavior subscales**

Шкала / Scale	Минимальное и максимальное значения / Minimum and maximum values	Середина шкалы / Median	Средняя оценка / Mean	Стандартное отклонение / Standard deviation	Дисперсия / Dispersion	Асимметрия / Skewness	Экссесс / Kurtosis
Самоэффективность (4 пункта) / Self-efficacy (4 items)	1–5	3	2,191	0,769	0,591	0,734	0,849
Надежда (6 пунктов) / Hope (6 items)	1–5	3	2,311	0,719	0,517	0,612	0,553
Оптимизм (4 пункта) / Optimism (4 items)	1–5	3	2,262	0,716	0,476	0,656	0,841
Субъективное благополучие (4 пункта) / Subjective well-being (4 items)	1–5	3	2,480	0,781	0,609	0,594	0,587
Эмоциональный интеллект (3 пункта) / Emotional intelligence (3 items)	1–5	3	2,365	0,834	0,696	0,739	0,525

Полученные после повторного анализа сокращенной версии опросника (21 пункт) результаты также свидетельствуют о нормальном распределении данных.

Надежность и согласованность пунктов версии опросника «Позитивное организационное поведение» с 21 пунктом анализировались с помощью проверки согласованности пунктов посредством подсчета коэффициента α Кронбаха и межпунктовой корреляции. Данные анализа представлены в табл. 9.

Таблица 9 / Table 9

**Показатели надежности-согласованности субшкал
доработанного опросника «Позитивное организационное поведение» /
Reliability coefficients of Positive Organizational Behavior subscales**

Субшкала / Scale	Коэффициенты надежности / Reliability coefficients		
	Количество пунктов / Number of items	α Кронбаха / Cronbach's α	Межпунктовая корреляция / Average inter-item correlation
Общая шкала «Позитивного организационного поведения» / POB scale	21	0,890	0,771
Самозффективность / Self-efficacy	4	0,771	0,604
Надежда / Hope	6	0,759	0,665
Оптимизм / Optimism	4	0,671	0,609
Субъективное благополучие / Subjective well-being	4	0,711	0,624
Эмоциональный интеллект / Emotional intelligence	3	0,685	0,603

Значения коэффициента α Кронбаха находятся в диапазоне от 0,671 до 0,771 по отдельным субшкалам опросника. Для общей шкалы «Позитивное организационное поведение» значение α Кронбаха равно 0,890. Показатель межпунктовой корреляции находится в пределе от 0,603 до 0,771. Полученные результаты обработки данные свидетельствуют о достаточно хорошей согласованности между субшкалами опросника.

Проверка гипотезы о наличии значимых взаимосвязей субшкал опросника «Позитивное организационное поведение» с полом респондентов с помощью t -критерия Стьюдента для независимых выборок выявило их отсутствие.

Оценка конструктивной валидности осуществлялась при помощи корреляционного анализа со шкалой удовлетворенности жизнью Э. Динера в адаптации Д. Леонтьева и Е. Осина (Diener et al., 1985; Осин, Леонтьев, 2008), а также шкалой теста диспозиционного оптимизма (Гордеева и др., 2010). Использовалась отредактированная версия опросника, состоящая из 21 пункта. Результаты представлены в табл. 10.

Таблица 10 / Table 10

**Корреляционный анализ субшкал трех опросников (ρ Спирмена) /
Assessment of construct validity with Spearman's rank correlation coefficient ρ**

Субшкалы опросника «Позитивное организационное поведение» / Positive Organizational Behavior subscales	Шкала «Удовлетворенность жизнью» / Satisfaction With Life scale (E. Diener scale)	Шкала теста диспозиционного оптимизма / Life Orientation Test scale
Самозффективность / Self-efficacy	0,176*	0,260**
Надежда / Hope	0,293**	0,372**
Оптимизм / Optimism	0,244**	0,387**
Субъективное благополучие / Subjective well-being	0,312**	0,385**
Эмоциональный интеллект / Emotional intelligence	0,241**	0,358**

Примечание / Note: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$.

Результаты корреляционного анализа показали значимые связи всех субшкал опросника «Позитивное организационное поведение» со шкалой теста диспозиционного оптимизма (Гордеева и др., 2010) и шкалой удовлетворенности жизнью. Однако следует отметить, что выявленные величины коэффициентов валидности являются умеренными (в среднем в диапазоне от $\rho = 0,241$ до $\rho = 0,387$). Полученные результаты умеренных значений корреляции можно объяснить небольшим количеством выборки, а также ее разнородным составом (возраст респондентов от 22 до 60 лет, различные сферы деятельности).

Обсуждение результатов

По итогам апробации специально разработанного опросника «Позитивное организационное поведение», созданного на основе теоретической модели Ф. Лютанса, проведены расчеты его основных психометрических показателей. После конфирматорного факторного анализа выявлено, что пятифакторная модель опросника демонстрирует лучшие показатели соответствия модели данным, в отличие от однофакторной модели. В результате преобразований по улучшению показателей соответствия модели данным пятифакторной модели получены результаты, соответствующие стандартам КФА. Представлена итоговая версия опросника ПОП, состоящая из 21 пункта. Анализ описательных статистик данной версии опросника обнаружил, что показатели стандартного отклонения, дисперсии, асимметрии и эксцесса свидетельствуют о нормальном распределении данных.

Общая шкала позитивного организационного поведения показала высокие значения надежности и согласованности пунктов опросника. Отдельные субшкалы также показывают приемлемые результаты надежности – согласованности.

В результате оценки конструктивной валидности опросника «Позитивное организационное поведение» выявлены значимые, но умеренные взаимосвязи между отдельными субшкалами опросника «Позитивное организационное поведение» и шкалами «Удовлетворенность жизнью», «Диспозиционный оптимизм».

Заключение

Расчет ключевых психометрических показателей авторского опросника «Позитивное организационное поведение» показал надежность и валидность данного измерительного инструмента, который может быть использован для решения новых содержательных исследовательских задачи. Создание и апробация данного опросника расширяют методический инструментарий для изучения пока еще слабо представленного в отечественной исследовательской традиции предметного поля позитивной социальной и организационной психологии (Дайнеко, 2022; Дайнеко, Штроо, 2022). В нашей ближайшей перспективе изучение связи позитивного организационного поведения, психологического капитала и смысложизненных ориентаций сотрудников, а также связи между компонентами позитивного организационного поведения и различными параметрами организационной коммуникации, общим уровнем ее качества.

Разработка опросника «Позитивное организационное поведение» имеет существенное практическое значение. Созданная методика может применяться в организационной диагностике, практикуемыми организационными психологами в ходе выполнения работы. Данная методика позволяет оценить позитивное организационное поведение сотрудников компаний и впоследствии развивать психологические способности и повышать производительность на рабочем месте.

В качестве ограничений исследования следует указать объем выборки и способ проведения оценки конструктивной валидности. В связи с тем, что исследование выполнено на небольшой по численности выборке, в последующих исследованиях планируется значительно увеличить количество выборки для повторной оценки полученных в рамках данного исследования результатов. Для оценки конструктивной валидности использовались только два инструмента. В дальнейшие исследования планируется расширить оценку конструктивной валидности и проанализировать корреляции каждой субшкалы с ее содержательным аналогом.

Список литературы

- Бояринцева А.В.* Мотивационно-когнитивные характеристики личности молодого предпринимателя: дис. ... канд. психол. наук. М., 1995.
- Бояринцева А.В.* Тест на самооффективность // Психология развития конкурентоспособной личности / отв. ред. Л.М. Митина. М.: МПСИ, 2003. С. 217–219.
- Гордеева Т.О., Сычев О.А., Осин Е.Н.* Разработка русскоязычной версии теста диспозиционного оптимизма (LOT) // Психологическая диагностика. 2010. № 2. С. 36–64.
- Гоулман Д.* Эмоциональный интеллект: почему он может значить больше, чем IQ. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013.
- Дайнеко В.В.* Позитивная организационная доктрина: позитивное организационное поведение Ф. Лютанса и позитивное организационное видение К. Камерона // Организационная психология. 2022. Т. 12. № 1. С. 175–200. <https://doi.org/10.17323/2312-5942-2022-12-1-175-200>
- Дайнеко В.В., Штроо В.А.* Позитивный психологический капитал: теоретические концепции и методы измерения // Мир психологии. 2022. № 1. С. 4–14. https://doi.org/10.51944/20738528_2022_1_4
- Елианский С.П., Ануфриев А.Ф., Камалетдинова З.Ф., Сапарин О.Е., Семенов Д.В.* Психометрические показатели русскоязычной версии шкалы надежды Ч.Р. Снайдера // Современные научные исследования и инновации. 2014. № 9–2 (41). С. 92–98.
- Иванова Т.Ю., Леонтьев Д.А., Осин Е.Н., Рассказова Е.И., Кошелева Н.В.* Современные проблемы изучения личностных ресурсов в профессиональной деятельности // Организационная психология. 2018. № 8–1. С. 85–121.
- Кочетова Ю.А., Климакова М.В.* Методы диагностики эмоционального интеллекта // Современная зарубежная психология. 2019. № 8 (4). С. 106–114. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2019080411>
- Люсин Д.В.* Новая методика для измерения эмоционального интеллекта: опросник ЭИИ // Психологическая диагностика. 2006. № 4. С. 3–22.
- Муздыбаев К.* Измерение надежды (статья 2) // Психологический Журнал. 1999б. № 4. С. 26–35.
- Муздыбаев К.* Измерение надежды // Психологический журнал. 1999а. № 3. С. 18–27.
- Осин Е.Н., Леонтьев Д.А.* Апробация русскоязычных версий двух шкал экспресс-оценки субъективного благополучия // Материалы III Всероссийского социологического конгресса. М.: Институт социологии РАН, Российское общество социологов, 2008.

- Рассказова Е.И., Лебедева А.А. Скрининговая шкала позитивных и негативных переживаний Э. Динера: апробация русскоязычной версии // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2020. Т. 17. № 2. С. 250–263. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2020-2-250-263>
- Сергиенко Е.А., Ветрова И.И. Эмоциональный интеллект: русскоязычная адаптация теста Мэйера – Сэловея – Карузо (MSCEIT V2.0) // Психологические исследования. 2009. Т. 2. № 8. С. 10–21.
- Соколова М.В. Шкала субъективного благополучия. Ярославль: НПЦ «Психодиагностика», 1996. 11с.
- Социальный и эмоциональный интеллект: от процессов к измерениям / под ред. Д.В. Любина, Д.В. Ушакова. М.: Институт психологии РАН, 2009. 351 с.
- Циринг Д., Эвнина К. Вопросы диагностики оптимизма и пессимизма в контексте теории диспозиционного оптимизма // Психологические исследования. 2013. Т. 6. № 31. С. 6.
- Шварцер Р., Ерусалем М., Ромек В. Русская версия шкалы общей самооффективности Р. Шварцера и М. Ерусалема // Иностранная психология. 1996. № 7. С. 71–76.
- Abbe A., Tkach C., Lyubomirsky S. The art of living by dispositionally happy people // Journal of Happiness Studies. 2003. No. 4. Pp. 385–404.
- Andrews F.M., Crandall R. The validity of measures of self-reported well-being // Social Indicators Research. 1976. No. 3. Pp. 1–19.
- Badoux A., Mendelsohn G.A. Subjective well-being in French and American samples: scale development and comparative data // Quality of Life Research. 1994. No. 3. Pp. 395–401.
- Bandura A. Self-efficacy mechanism in human agency // American Psychologist. 1982. Vol. 37. No. 2. Pp. 122–147.
- Bandura A. Self-efficacy: toward a unifying theory of behavioral change // Psychological Review. 1977. Vol. 84. No. 2. Pp. 191–215.
- Bradburn N.M. The structure of psychological well-being. Chicago: Aldine, 1969.
- Broad J.D., Luthans F. Positive resources for psychiatry in the fourth industrial revolution: building patient and family focused psychological capital (PsyCap) // International Review of Psychiatry. 2020. Vol. 32. No. 7–8. Pp. 542–554. <https://doi.org/10.1080/09540261.2020.1796600>
- Cartwright S., Cooper C.L. Towards organizational health: stress, positive organizational behavior, and employee well-being // Bridging occupational, organizational and public health / ed. by S. Cartwright, C.L. Cooper. Amsterdam: Springer, 2014. Pp. 29–42.
- Carver C.S., Scheier M.F. Dispositional optimism // Trends in Cognitive Sciences. 2014. Vol. 18. No. 6. Pp. 293–299.
- Cherniss C. Emotional intelligence (EI): what it is and why it matters. New Orleans: Consortium for Research on Emotional Intelligence in Organizations, 2000.
- Culbertson S.S., Fullagar C.J., Mills M.J. Feeling good and doing great: the relationship between psychological capital and well-being // Journal of Occupational Health Psychology. 2010. Vol. 15. No. 4. Pp. 421–433. <https://doi.org/10.1037/a0020720>
- Diener E. Subjective well-being // Psychological Bulletin. 1984. Vol. 95. No. 3. Pp. 542–575.
- Diener E.D., Emmons R.A., Larsen R.J., Griffin S. The satisfaction with life scale // Journal of Personality Assessment. 1985. No. 49 (1). Pp. 71–75.
- Dutta S., Khatri P. Servant leadership and positive organizational behaviour: the road ahead to reduce employee's turnover intentions // On the Horizon. 2017. Vol. 25. No. 1. Pp. 60–82.
- Goleman D. Emotional intelligence. New York: Bantam Books Inc., 1995.
- Gooty J., Gavin M., Johnson P., Frazier L., Snow D. In the eyes of the beholder: transformational leadership, positive psychological capital and performance // Journal of Leadership & Organizational Studies. 2009. Vol. 15. No. 4. Pp. 353–357. <https://doi.org/10.1177/154805180933>
- Homburg C., Müller M., Klarmann M. When should the customer really be king? On the optimum level of salesperson customer orientation in sales encounters // Journal of Marketing. 2011. Vol. 75. No. 2. Pp. 55–74. <https://doi.org/10.1509/jm.75.2.55>
- Jerusalem M., Schwarzer R. Selbstwirksamkeit // Self-Efficacy: Thought Control of Action / ed. by R. Schwarzer. Berlin: Freie Universität Berlin, Institut für Psychologie, 1986. Pp. 15–28.

- Lussier B., Hartmann N.N.* Salesperson's positive organizational behavior capacities and their influence on customer relationship outcomes: an abstract // *Marketing at the Confluence between Entertainment and Analytics* / ed. by P. Rossi. Amsterdam: Springer, 2017. Pp. 801–802.
- Luthans F.* Positive organizational behavior: developing and managing psychological strengths // *Academy of Management Perspectives*. 2002. Vol. 16. No. 1. Pp. 57–72. <https://doi.org/10.5465/ame.2002.6640181>
- Luthans F., Avolio B.J., Avey J.B., Norman S.M.* Positive psychological capital: measurement and relationship with performance and satisfaction // *Personnel Psychology*. 2007. Vol. 60. No. 3. Pp. 541–572. <https://doi.org/10.1111/j.1744-6570.2007.00083>
- Luthans F., Youssef C., Avolio B.* *Psychological capital: developing the human competitive edge*. Oxford, UK: Oxford University Press, 2007.
- Luthans F., Youssef C.M.* Emerging positive organizational behavior // *Journal of Management*. 2007. Vol. 33. No. 3. Pp. 321–349. <https://doi.org/10.1177/0149206307300814>
- Lyubomirsky S., Lepper H.S.* A measure of subjective happiness: preliminary reliability and construct validation // *Social Indicators Research*. 1999. Vol. 46. No. 2. Pp. 137–155.
- Martin-Krumm C., Delas Y., Lafrenière M.A., Fenouillet F., Lopez S.J.* The structure of the state hope scale // *The Journal of Positive Psychology*. 2015. Vol. 10. No. 3. Pp. 272–281. <https://doi.org/10.1080/17439760.2014.936964>
- Mayer J.D., Salovey P., Caruso D.R.* *MSCEIT – Mayer – Salovey – Caruso Emotional Intelligence Test*. Toronto: Multi-Health Systems, 2002.
- Palmer B., Gignac G., Bates T., Stough C.* Examining the structure of the trait meta-mood scale // *Australian Journal of Psychology*. 2003. Vol. 55. No. 3. Pp. 154–158.
- Pekaar K.A., Bakker A.B., van der Linden D., Born M.P.* Self-and other-focused emotional intelligence: development and validation of the Rotterdam Emotional Intelligence Scale (REIS) // *Personality and Individual Differences*. 2018. Vol. 120. No. 1. Pp. 222–233. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2017.08.045>
- Salovey P., Mayer J.D.* Emotional intelligence // *Imagination, Cognition and Personality*. 1990. Vol. 9. No. 3. Pp. 185–11.
- Salovey P., Mayer J.D., Caruso D., Lopes P.N.* Measuring emotional intelligence as a set of abilities with the Mayer – Salovey – Caruso Emotional Intelligence Test // *Positive Psychological Assessment: A Handbook of Models and Measures* / ed. by S.J. Lopez, C.R. Snyder. New York: Taylor and Francis Group, 2003. Pp. 251–265.
- Scheier M.F., Carver C.S.* Optimism, coping, and health: assessment and implications of generalized outcome expectancies // *Health Psychology*. 1985. Vol. 4. No. 3. Pp. 219–247.
- Schwarzer R., Jerusalem M.* Self-efficacy as a resource factor in stress appraisal processes // *Self-Efficacy: Thought Control of Action* / ed. by R. Schwarzer. Washington: Hemisphere, 1992. Pp. 195–213.
- Schweizer K., Koch W.* The assessment of components of optimism by POSO-E // *Personality and Individual Differences*. 2001. Vol. 31. No. 1. Pp. 563–574.
- Seligman M.E.* Optimism, pessimism, and mortality // *Mayo Clinic Proceedings*. 2000. Vol. 75. No. 2. Pp. 133–134.
- Sherer M., Maddux J.E., Mercadante B., Prentice-Dunn S., Jacobs B., Rogers R.W.* The self-efficacy scale: construction and validation // *Psychological Reports*. 1982. Vol. 51. No. 2. Pp. 663–671.
- Shults C.* Making the case for a positive approach to improving organizational performance in higher education institutions: the community college abundance model // *Community College Review*. 2008. Vol. 36. No. 2. Pp. 133–159. <https://doi.org/10.1177/0091552108324656>
- Snyder C.R.* Conceptualizing, measuring, and nurturing hope // *Journal of Counseling & Development*. 1995. Vol. 73. No. 3. Pp. 355–360.
- Snyder C.R., Harris C., Anderson J.R., Holleran S.A., Irving L.M., Sigmon S.T., Harney P.* The will and the ways: development and validation of an individual-differences measure of hope // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1991. Vol. 60. No. 4. Pp. 570–585. <https://doi.org/10.1037//0022-3514.60.4.570>

Snyder C.R., Sympson S.C., Ybasco F.C., Borders T.F., Babyak M.A., Higgins R.L. Development and validation of the State Hope Scale // Journal of Personality and Social Psychology. 1996. Vol. 70. No. 2. Pp. 321–335.

Stotland E. The psychology of hope. San Fransisco: Jossey-Bass, 1996.

Wong C.S., Law K.S. Development of an emotional intelligence instrument and an investigation of its relationship with leader and follower performance and attitudes // The Leadership Quarterly. 2002. No. 13. Pp. 1–32. <https://doi.org/10.1037/t07398-000>

История статьи:

Поступила в редакцию 31 марта 2023 г.

Принята к печати 10 мая 2023 г.

Для цитирования:

Штроо В.А., Дайнеко В.В. Конструирование опросника «Позитивное организационное поведение»: результаты предварительной валидизации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2023. Т. 20. № 2. С. 374–398. <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2023-20-2-374-398>

Вклад авторов:

В.А. Штроо – концепция и дизайн исследования, редактирование текста. В.В. Дайнеко – сбор и обработка материалов, написание и редактирование текста.

Заявление о конфликте интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Сведения об авторах:

Штроо Владимир Артурович, кандидат психологических наук, доцент, профессор департамента психологии, факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). ORCID: 0000-0002-3627-9950; eLIBRARY SPIN-код: 1193-1908. E-mail: vstroh@hse.ru

Дайнеко Василиса Владимировна, аспирант 3-го года обучения, Аспирантская школа по психологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). ORCID: 0000-0002-6279-8463; eLIBRARY SPIN-код: 9110-7476. E-mail: vdajneko@hse.ru

ПРИЛОЖЕНИЕ

Окончательная версия опросника «Позитивное организационное поведение»

Инструкция. Вам предлагается пройти опрос, состоящий из нескольких частей. Ниже представлен список утверждений. Пожалуйста, оцените их в соответствии со шкалой от 1 до 5, где 1 – «Совершенно согласен», а 5 – «Полностью не согласен». Время прохождения около 6 минут. Спасибо!

1. Мне удастся контролировать свои и влиять на чужие эмоции в конфликтных ситуациях.
2. В своей работе я стараюсь ставить перед собой такие цели, которые требуют дополнительных усилий.
3. Уверен, компания, в которой я работаю, преуспееет в будущем.
4. Я стремлюсь искать различные пути для упрочения моего места в организации.

5. Если в работе у меня что-то не получается с первого раза, я найду возможность приобрести необходимые для этого знания или умения.
6. Когда я что-либо планирую, я всегда уверен(а), что могу выполнить данную работу.
7. Большая часть поручаемой мне работы служит повышению моего профессионального потенциала.
8. Мне нравится, как строится моя карьера в компании.
9. Мой персональный вклад в общую работу поможет преодолеть компании кризисные времена.
10. Я понимаю настроение своих коллег и стараюсь приободрить в трудной ситуации.
11. На мой взгляд, в компании необъективно оценивают мою работу.
12. Я могу эмоционально настроиться на решение сложных задач несмотря на препятствия.
13. Не готов работать сверхурочно, даже если рабочие задачи не выполнены.
14. Считаю выполняемую мной работу достойной имеющихся у меня возможностей.
15. После знакомства с коллегами я обычно настроен на сотрудничество с ними.
16. Работа, которую я выполняю, чаще всего не приносит мне радости.
17. Я готов прилагать дополнительные усилия для достижения целей нашей организации.
18. У меня нет желания находить способы улучшения качества своей работы, поскольку моя организация все равно это не оценит.
19. Шансы на успех моей организации в будущем невелики.
20. Большую часть своей работы мне не удастся выполнить на должном уровне.
21. Я легко замечаю, когда у коллег изменяется настроение

Примечание. Если данная версия опросника «Позитивное организационное поведение» используется в исследовательских целях либо подвергается адаптации и изменениям, то необходимо получить разрешение у авторов, написав на почты: dstroh@hse.ru, vdajneko@hse.ru

DOI: 10.22363/2313-1683-2023-20-2-374-398

EDN: WTPCOM

UDC 316.454.3

Research article

Designing the Positive Organizational Behavior Questionnaire: Prevalidation Results

Wladimir A. Stroh , Vasilisa V. Dayneko

National Research University Higher School of Economics,
20 Myasnitskaya St, Moscow, 101000, Russian Federation

 vdajneko@hse.ru

Abstract. The purpose of the study was to design an original questionnaire for diagnosing positive organizational behavior (POB) of employees and further test its psychometric indicators of validity and reliability. The author of the concept of POB F. Luthans did not offer any diagnostic tool for assessing it; therefore, the authors decided to create own question-

naire. A theoretical analysis of the concept and existing scales for diagnosing the five components of POB (self-efficacy, hope, optimism, subjective well-being and emotional intelligence) was conducted. The empirical study was in the form of an online survey. The sample consisted of 172 respondents, aged 22 to 60, who worked in various fields of activity. The psychometric indicators of the POB questionnaire were assessed, including the reliability and consistency of the items, the correspondence of the theoretical conceptualization to the factorial structure of the questionnaire. The construct validity of the questionnaire was tested using The Satisfaction With Life Scale by E. Diener et al. (adapted by D. Leontiev and E. Osin) and The Life Orientation Test by M. Scheier et al. (adapted by T. Gordeeva, O. Sychev and E. Osin). As a result of the confirmatory factor analysis, a five-factor structure of the questionnaire was formed, which corresponded to the ideas about the five-component structure of POB in F. Luthans' theoretical concept. The reliability was assessed by analyzing the values of Cronbach's alpha. The results showed sufficient reliability and consistency of the items of the questionnaire (the value of Cronbach's alpha of the total scale of POB was 0.890). The assessment of construct validity confirmed the presence of significant relationships between the individual subscales of the POB questionnaire and the scales of satisfaction with life and life orientation, which indicated the substantive similarity of the scales. The study showed that the created measuring tool had sufficient validity and reliability and could be used for further research purposes.

Key words: positive psychology, positive organizational behavior, self-efficacy, hope, optimism, subjective well-being, emotional intelligence

Acknowledgements and Funding. The publication was prepared within the framework of the Academic Fund Program at the HSE University in 2022 (grant No. 22-00-014).

References

- Abbe, A., Tkach, C., & Lyubomirsky, S. (2003). The art of living by dispositionally happy people. *Journal of Happiness Studies*, (4), 385–404.
- Andrews, F.M., & Crandall, R. (1976). The validity of measures of self-reported well-being. *Social Indicators Research*, (3), 1–19.
- Badoux, A., & Mendelsohn, G.A. (1994). Subjective well-being in French and American samples: Scale development and comparative data. *Quality of Life Research*, (3), 395–401.
- Bandura, A. (1977). Self-efficacy: Toward a unifying theory of behavioral change. *Psychological Review*, 84(2), 191–215.
- Bandura, A. (1982). Self-efficacy mechanism in human agency. *American Psychologist*, 37(2), 122–147.
- Boyarinceva, A.V. (1995). *Motivational and cognitive characteristics of the personality of a young entrepreneur*. Ph.D. in Psychology Thesis. Moscow. (In Russ.)
- Boyarinceva, A.V. (2003). Self-efficacy test. In L.M. Mitina (Ed.), *Psychology of Development of a Competitive Personality* (pp. 217–219). Moscow: MPSI Publ. (In Russ.)
- Bradburn, N.M. (1969). *The structure of psychological well-being*. Chicago: Aldine.
- Broad, J.D., & Luthans, F. (2020). Positive resources for psychiatry in the fourth industrial revolution: Building patient and family focused psychological capital (PsyCap). *International Review of Psychiatry*, 32(7–8), 542–554. <https://doi.org/10.1080/09540261.2020.1796600>
- Cartwright, S., & Cooper, C.L. (2014). Towards organizational health: Stress, positive organizational behavior, and employee well-being. In S. Cartwright, C.L. Cooper (Eds.), *Bridging Occupational, Organizational and Public Health* (pp. 29–42). Amsterdam: Springer. http://doi.org/10.1007/978-94-007-5640-3_3
- Carver, C.S., & Scheier, M.F. (2014). Dispositional optimism. *Trends in Cognitive Sciences*, 18(6), 293–299.

- Cherniss, C. (2000). *Emotional intelligence (EI): What it is and why it matters*. New Orleans: Consortium for Research on Emotional Intelligence in Organizations.
- Culbertson, S.S., Fullagar, C.J., & Mills, M.J. (2010). Feeling good and doing great: The relationship between psychological capital and well-being. *Journal of Occupational Health Psychology*, 15(4), 421–433. <https://doi.org/10.1037/a0020720>
- Dayneko, V.V. (2022). Positive organizational doctrine: Positive organizational behavior by F. Luthans and positive organizational scholarship by K. Cameron. *Organizational Psychology*, 12(1), 175–200. (In Russ.) <https://doi.org/10.17323/2312-5942-2022-12-1-175-200>
- Dayneko, V.V., & Stroh, W.A. (2022). Positive psychological capital: Concept and measurement. *Mir Psikhologii*, (1), 4–14. (In Russ.) https://doi.org/10.51944/20738528_2022_1_4
- Diener, E. (1984). Subjective well-being. *Psychological Bulletin*, 95(3), 542–575.
- Diener, E.D., Emmons, R.A., Larsen, R.J., & Griffin, S. (1985). The satisfaction with life scale. *Journal of Personality Assessment*, 49(1), 71–75.
- Dutta, S., & Khatri, P. (2017). Servant leadership and positive organizational behaviour: The road ahead to reduce employees' turnover intentions. *On the Horizon*, 25(1), 60–82.
- Goleman, D. (1995). *Emotional intelligence*. New York: Bantam Books, Inc.
- Goleman, D. (2013). *Emotional intelligence: Why it may matter more than IQ*. Moscow: Mann, Ivanov & Ferber Publ. (In Russ.)
- Gooty, J., Gavin, M., Johnson, P.D., Frazier, M.L., & Snow, D.B. (2009). In the eyes of the beholder: Transformational leadership, positive psychological capital, and performance. *Journal of Leadership & Organizational Studies*, 15(4), 353–367. <https://doi.org/10.1177/154805180933>
- Gordeeva, T.O., Sychev, O.A., & Osin, E.N. (2010). Development of a Russian-language version of the Life Orientation Test (LOT). *Psikhologicheskaya Diagnostika*, (2), 36–64. (In Russ.)
- Homburg, C., Müller, M., & Klarmann, M. (2011). When should the customer really be king? On the optimum level of salesperson customer orientation in sales encounters. *Journal of Marketing*, 75(2), 55–74. <https://doi.org/10.1509/jm.75.2.55>
- Ivanova, T.Yu., Leontiev, D.A., Osin, E.N., Rasskazova, E.I., & Kosheleva, N.V. (2018). Contemporary issues in the research of personality resources at work. *Organizational Psychology*, 8(1), 85–121. (In Russ.)
- Jerusalem M., & Schwarzer R. (1986). Selbstwirksamkeit. In R. Schwarzer (Ed.), *Self-Efficacy: Thought Control of Action* (pp. 15–28). Berlin: Freie Universität Berlin, Institut für Psychologie.
- Kochetova, Y.A., & Klimakova, M.V. (2019). Methods for diagnosing emotional intelligence. *Journal of Modern Foreign Psychology*, 8(4), 106–114. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/jmfp.2019080411>
- Lussier, B., & Hartmann, N.N. (2017). Salesperson's positive organizational behavior capacities and their influence on customer relationship outcomes: An abstract. In P. Rossi (Ed.), *Marketing at the Confluence between Entertainment and Analytics: Proceedings of the 2016 Academy of Marketing Science (AMS) World Marketing Congress* (pp. 801–802). Amsterdam: Springer.
- Luthans, F. (2002). Positive organizational behavior: Developing and managing psychological strengths. *Academy of Management Perspectives*, 16(1), 57–72. <https://doi.org/10.5465/ame.2002.6640181>
- Luthans, F., & Youssef, C.M. (2007). Emerging positive organizational behavior. *Journal of Management*, 33(3), 321–349. <https://doi.org/10.1177/0149206307300814>
- Luthans, F., Avolio, B.J., Avey, J.B., & Norman, S.M. (2007). Positive psychological capital: Measurement and relationship with performance and satisfaction. *Personnel Psychology*, 60(3), 541–572. <https://doi.org/10.1111/j.1744-6570.2007.00083>
- Luthans, F., Youssef, C., & Avolio, B. (2007). *Psychological capital: Developing the human competitive edge*. Oxford, UK: Oxford University Press.

- Lyubomirsky, S., & Lepper, H.S. (1999). A measure of subjective happiness: Preliminary reliability and construct validation. *Social Indicators Research*, (46), 137–155.
- Lysus, D.V. (2006). New technique for measuring emotional intelligence: EmIn Questionnaire. *Psikhologicheskaya Diagnostika*, (4), 3–22. (In Russ.)
- Lysus, D.V., & Ushakov, D.V. (Eds.) (2009). *Social and emotional intelligence: From processes to measurements*. Moscow: Institute of Psychology of RAS. (In Russ.)
- Martin-Krumm, C., Delas, Y., Lafrenière, M.A., Fenouillet, F., & Lopez, S.J. (2015). The structure of the state hope scale. *The Journal of Positive Psychology*, 10(3), 272–281. <https://doi.org/10.1080/17439760.2014.936964>
- Mayer, J.D., Salovey, P., & Caruso, D. (2002). D.R. *MSCEIT – Mayer – Salovey – Caruso Emotional Intelligence Test*. Toronto: Multi-Health Systems.
- Muzdybaev, K. (1999a). Phenomenology of the hope (first paper). *Psikhologicheskii Zhurnal*, (3), 18–27. (In Russ.)
- Muzdybaev, K. (1999b). Phenomenology of the hope (second paper). *Psikhologicheskii Zhurnal*, (4), 26–35. (In Russ.)
- Osin, E.N., & Leontiev, D.A. (2008). Approbation of the Russian-language versions of two scales for the express assessment of subjective well-being. *Proceedings of the 3rd All-Russian Sociological Congress*. Moscow: Institute of Sociology of RAS. (In Russ.)
- Palmer, B., Gignac, G., Bates, T., & Stough, C. (2003). Examining the structure of the trait meta-mood scale. *Australian Journal of Psychology*, 55(3), 154–158.
- Pekaar, K.A., Bakker, A.B., van der Linden, D., & Born, M.P. (2018). Self-and other-focused emotional intelligence: Development and validation of the Rotterdam Emotional Intelligence Scale (REIS). *Personality and Individual Differences*, (120), 222–233. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2017.08.045>
- Rasskazova, E.I., & Lebedeva, A.A. (2020). Screening Scale of Positive and Negative Experience (SPANEX): Validation of the Russian version. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 17(2), 250–263. (In Russ.) <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2020-2-250-263>
- Salovey, P., & Mayer, J.D. (1990). Emotional intelligence. *Imagination, Cognition and Personality*, 9(3), 185–211.
- Salovey, P., Mayer, J.D., Caruso, D., & Lopes, P.N. (2003). Measuring emotional intelligence as a set of abilities with the Mayer – Salovey – Caruso Emotional Intelligence Test. In S.J. Lopez, C.R. Snyder (Eds.), *Positive Psychological Assessment: A Handbook of Models and Measures* (pp. 251–265). New York: Taylor and Francis Group.
- Scheier, M.F., & Carver, C.S. (1985). Optimism, coping, and health: Assessment and implications of generalized outcome expectancies. *Health Psychology*, 4(3), 219–247.
- Schwarzer, R., & Jerusalem, M. (1992). Self-efficacy as a resource factor in stress appraisal processes. In R. Schwarzer (Ed.), *Self-Efficacy: Thought Control of Action* (pp. 195–213). Washington: Hemisphere.
- Schwarzer, R., Jerusalem, M., & Romek, V. (1996). Russian version of General Self-Efficacy Scale by R. Schwarzer and M. Jerusalem. *Inostrannaya Psikhologiya*, (7), 71–76. (In Russ.)
- Schweizer, K., & Koch, W. (2001). The assessment of components of optimism by POSO-E. *Personality and Individual Differences*, 31(4), 563–574.
- Seligman, M.E. (2000). Optimism, pessimism, and mortality. *Mayo Clinic Proceedings*, 75(2), 133–134.
- Sergienko, E.A., & Vetrova, I.I. (2009). Emotional intelligence: Russian-language adaptation of The Mayer – Salovey – Caruso Emotional Intelligence Test, Version 2.0. *Psychological Studies*, 2(8), 10–21. (In Russ.) <https://doi.org/10.54359/ps.v2i8.951>
- Sherer, M., Maddux, J.E., Mercandante, B., Prentice-Dunn, S., Jacobs, B., & Rogers, R.W. (1982). The self-efficacy scale: Construction and validation. *Psychological Reports*, 51(2), 663–671.
- Shults, C. (2008). Making the case for a positive approach to improving organizational performance in higher education institutions: The community college abundance model. *Community College Review*, 36(2), 133–159. <https://doi.org/10.1177/0091552108324656>

- Snyder, C.R. (1995). Conceptualizing, measuring, and nurturing hope. *Journal of Counseling & Development*, 73(3), 355–360.
- Snyder, C.R., Harris, C., Anderson, J.R., Holleran, S.A., Irving, L.M., Sigmon, S.T., & Harney, P. (1991). The will and the ways: development and validation of an individual-differences measure of hope. *Journal of Personality and Social Psychology*, 60(4), 570–585. <https://doi.org/10.1037//0022-3514.60.4.570>
- Snyder, C.R., Simpson, S.C., Ybasco, F.C., Borders, T.F., Babyak, M.A., & Higgins, R.L. (1996). Development and validation of the State Hope Scale. *Journal of Personality and Social Psychology*, 70(2), 321–335.
- Sokolova, M.V. (1996). *Scale of Subjective Well-Being*. Yaroslavl: NPC “Psihodiagnostika” Publ. (In Russ.)
- Stotland, E. (1996). *The psychology of hope*. San Francisco: Jossey-Bass.
- Tsiring, D.A., & Evnina, K.Yu. (2013). Issues of optimism and pessimism diagnostics in the context of dispositional optimism theory. *Psychological Studies*, 6(31), 6. (In Russ.) <https://doi.org/10.54359/ps.v6i31.674>
- Wong, C.S., & Law, K.S. (2002). Development of an emotional intelligence instrument and an investigation of its relationship with leader and follower performance and attitudes. *Leadership Quarterly*, 13(1), 1–32. <https://doi.org/10.1037/t07398-000>
- Yelshansky, S.P., Anufriev, A.F., Kamaletdinova, Z.F., Saporin, O.E., & Semyonov, D.V. (2014). Psychometrical indicators of the Russian-language version of the C.R. Snyder’s Scale of Hope. *Modern Scientific Researches and Innovations*, (9–2), 92–98. (In Russ.)

Article history:

Received 31 March 2023

Revised 7 May 2023

Accepted 10 May 2023

For citation:

Stroh, W.A., & Dayneko, V.V. (2023). Designing the positive organizational behavior questionnaire: Prevalidation results. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 20(2), 374–398. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2023-20-2-374-398>

Author’s contribution:

Wladimir A. Stroh – concept and design of the research, text editing. Vasilisa V. Dayneko – data collection, processing and analysis, text writing, text editing.

Conflicts of interest:

The authors declare that there is no conflict of interest.

Bio notes:

Wladimir A. Stroh, Ph.D. in Psychology, Associate Professor, Professor of the Department of Psychology, Faculty of Social Science, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia). ORCID: 0000-0002-3627-9950; eLIBRARY SPIN-code: 1193-1908. E-mail: vstroh@hse.ru

Vasilisa V. Dayneko, 3rd Year PhD Student, Doctoral School of Psychology, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia). ORCID: 0000-0002-6279-8463; eLIBRARY SPIN-code: 9110-7476. E-mail: vdajneko@hse.ru

DOI: 10.22363/2313-1683-2023-20-2-399-406

EDN: WRYHQT

UDC 005.963.2:001.89

Scientific report

Mentoring Technologies in Psychotherapy, Education, Management and Intercultural Relations: Results of the International Psychological Forum at the Russian-Armenian University

Asya S. Berberyan¹, Evgeniy B. Bashkin², Elene A. Bzhoyan²,
Dmitry S. Ermakov², Zhuldyz Amantay²

¹Russian-Armenian University,
123 O. Emin St, Yerevan, 0051, Republic of Armenia

² RUDN University,
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

 bzhoyan-ea@rudn.ru

Abstract. On May 16–17, 2023, the Russian-Armenian University (RAU; Yerevan, Republic of Armenia) hosted the International Psychological Forum “The Phenomenon of Mentoring: an Existential-Humanistic Paradigm and Implementation Technologies in Education, Management, Psychotherapy and Intercultural Relations”. The objectives of the Forum included (1) finding solutions to urgent problems of personal development through mentoring in the field of psychology, education, management, production, research, creative activities, etc.; (2) discussing scientific results and innovative technologies in the field of mentoring; (3) exchanging experience; and (4) establishing creative contacts. The forum brought together more than 100 participants (heads of scientific and educational organizations, scientific and pedagogical workers, practical psychologists, postgraduate and graduate students) from Armenia, Belarus, Germany, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Russia, the Czech Republic, Israel, etc. The article presents the main events that included plenary and breakout sessions, roundtable discussions, interactive lectures, master classes, and a teleconference.

Key words: mentoring, psychological forum, Russian-Armenian University, international cooperation

*In every person there is a sun.
Just let them shine.*

Socrates

On May 16–17, 2023, the Russian-Armenian University (RAU, Yerevan, Republic of Armenia) hosted the International Psychological Forum “The Phenomenon of Mentoring: an Existential-Humanistic Paradigm and Implementation

Technologies in Education, Management, Psychotherapy and Intercultural Relations”. The objectives of the Forum included (1) finding solutions to urgent problems of personal development through mentoring in the field of psychology, education, management, production, research, creative activities, etc.; (2) discussing scientific results and innovative technologies in the field of mentoring; (3) exchanging experience; and (4) establishing contacts between scientists and practitioners from different countries.

The event was organized by the Department of Psychology of the Institute for the Humanities of the RAU, among the co-organizers was the Department of Psychology and Pedagogy of the Faculty of Philology of the Peoples’ Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University). The RUDN University delegation was made up of N.V. Poplavskaya, Associate Professor, Deputy Dean for International Affairs, Candidate of Philological Sciences; E.B. Bashkin, Associate Professor, Head of the Department, Candidate of Psychological Sciences (co-chairman of the Organizing Committee); D.S. Erma- kov, Professor, Doctor of Pedagogical Sciences; R.V. Ershova, Professor, Doctor of Psychological Sciences; M.I. Kushchazli, Teaching Assistant, Candidate of Psychological Sciences; and Zh. Amantay and E.A. Bzhoyan, Teaching Assis- tants, who, along with the presentation of their reports, provided organizational and informational support.

The forum brought together more than 100 participants from Armenia, Bela- rus, Israel, Germany, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Russia, the Czech Republic, etc. (Figure).

Forum participants

Opening the plenary session, the Chairman of the Organizing Committee, Head of the Department of Psychology of the RAU, Doctor of Psychology, Professor A.S. Berberyan noted that 2023 was declared the Year of the Teacher and Mentor in the Russian Federation, which is important not only for Russia but also

for Armenia and other countries. Therefore, it was decided to dedicate a large-scale event, both in terms of the geography of participants and the variety of topics, to this problem.

Mentoring is methodologically based on the main provisions of the existential-humanistic paradigm of human needs for transcendence, rootedness, identity and connection with other people. It is existential needs, which are higher and more complicated than a simple prosperous existence, that make the human individual a personality with its spirituality, ideals, values and eternal search for the meaning of existence, without which it is impossible to find happiness. Mentoring implies transferring one's own experience to people, to a new generation, coupled with the acceptance of another person, the willingness to take responsibility, showing respect and care.

The participants were welcomed by the Head of the Russian Center for Science and Culture in Yerevan V.P. Fefilov; Rector of Khachatur Abovyan Armenian State Pedagogical University (ASPU), Doctor of Psychological Sciences, Professor S.R. Gevorkyan; President of the Union of Psychologists of Armenia, Head of the Department of General Psychology of Yerevan State University, Doctor of Psychological Sciences, Professor G.M. Avanesyan; Scientific Supervisor of the Center for Socio-Cultural Research of the National Research University Higher School of Economics (HSE University), Doctor of Psychological Sciences, Professor N.M. Lebedeva (Russia); Rector of Urartu University of Practical Psychology and Sociology, Doctor of Psychological Sciences, Professor S.A. Sedrakyan (Armenia); Deputy Director of the International Scientific and Educational Center of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia, Doctor of Psychological Sciences, Professor N.R. Akopyan; Associate Professor V.B. Yaramishyan (Nagorno-Karabakh Republic); Dean of the Faculty of Psychology, Pedagogy and Defectology, Head of the Department of General and Counseling Psychology, Don State Technical University, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Academician of the Russian Academy of Education, I.V. Abakumova (Russia).

At the plenary session, the key issues and prospects for the development of mentoring were presented.

V.V. Kozlov, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Head of the Department of Social and Political Psychology, P.G. Demidov Yaroslavl State University, President of the International Academy of Psychological Sciences, Russia ("Psychologist as a Spiritual Mentor") expressed the opinion that the 21st century imposes on psychologists special requirements: they need not only professional knowledge and personal development but also spiritual experience.

The report "Vocational Mentoring: A New Pedagogical Class" by O.A. Kornilova (Co-chair of the Organizing Committee, Doctor of Psychological Sciences, Professor, First Deputy Director of the Samara branch of MSPU, Russia) was devoted to the role of mentoring in the professional orientation of school students, which involves a shift in emphasis from ascertaining and recommending options of assistance to the activation of the students themselves through professional testing and developing their ability to navigate in various situations, to make responsible decisions. Within the framework of the presented project

“Pedagogical class”, a conscious choice of profession in the educational and other social spheres of activity is ensured.

E.B. Bashkin, Co-chairman of the Organizing Committee, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Head of Department and I.A. Novikova, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of Psychology and Pedagogy of the RUDN University (“Psychological Aspects of Mentoring in Modern HR Management”) noted the trend of transition from human resource management to human potential management, where the main competences for a career are the willingness to develop and learn, to find one’s own useful place in an organization in addition to mastery in a specific professional area. Basic psychological competences become the basis of any profession, and mentoring becomes the universal role of any manager. Such a change also requires a rethinking of mentoring in the organization to coaching the most talented, to discussing progress in development and regular dialogue between the manager and the employee.

A.S. Berberyan, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Head of the Department of Psychology of RAU (“The Phenomenon of Mentoring: An Existential-Humanistic Basis and Effective Models in Education”) spoke of mentoring as a universal technology for transferring experience and knowledge, developing skills, competences and values through informal, mutually enriching communication based on trust and partnership. Presenting the results of an empirical study, the speaker focused on the roles of mentors and the rules of communication, which, in her opinion, would be the most constructive and bring the desired effect. Mentoring is, first of all, facilitation, a positive influence on the mentee in order to stimulate and maintain the need for independent productive activity. In the words of C. Rogers, the teacher-facilitator, communicating with the students, can, figuratively speaking, stand in the other’s shoes, viewing the world, including himself, through the student’s eyes.

The plenary part ended with a piano concert by the participants of the inclusive festival “Bok o bok” (“Side by Side”) headed by N.S. Sargsyan (Armenia), who captivated the audience to the core with their artistic and vocal talents.

The program of the first day of the forum also included:

– the work of the Section “Mentoring as a Strategy for Continuous Development” (moderated by Doctor of Psychological Sciences, Professor V.S. Karapetyan, Candidate of Psychological Sciences, Senior Lecturer Z.A. Maloyan and Senior Lecturer I.A. Sarkisyan, RAU);

– roundtable discussion “Intercultural Relations in the Post-Soviet Space in the Context of Global Challenges” (moderated by N.M. Lebedeva, Doctor of Psychological Sciences, Professor, HSE University);

– interactive lectures: “Developing Professional Thinking in Psychology Students” (M.V. Tevosyan, Candidate of Psychological Sciences, Ayg Center for Psychological Services, RAU), “Socio-Psychological Support and Control of Personality in Modern Conditions” (M.P. Mkrtumyan, Doctor of Psychological Sciences, Professor of the Department of Psychology, ASPU, RAU);

– master classes: “Commitment to Mental Health Issues: The Role of a Psychologist, Manager, Mentor” (E.B. Bashkin, Candidate of Psychological Sciences, Head of the Department of Psychology and Pedagogy, RUDN University),

“The Role of Mentoring for the Development of Soft Skills” (D.S. Ermakov, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of Psychology and Pedagogy, RUDN University ; the study was supported by the grant of the Russian Science Foundation No. 23-28-01367, <https://rscf.ru/project/23-28-01367>); “Using the Methods of Rational-Emotional-Behavioral Therapy in Psychological Counseling” (R.V. Ershova, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Head of the Department of Psychology, State Social and Humanitarian University of the Moscow Region, Professor of the Department of Psychology and Pedagogy, RUDN University).

The work of the forum continued on the second day and included:

– interactive lectures: “Problems of the Mentoring System in Modern Medicine as a Result of the Transformation of Its Goals and Values” (Ye.N. Davtyan, Candidate of Medical Sciences, psychiatrist, Medical Clinics “MMCC” and “Dynasty”, Armenia, Russia); “Transformation of Values: The Temptation of St. Anthony” (Z.A. Maloyan, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of Psychology, ASPU, RAU); “Scientific Adviser as a Mentor of Higher Education” (M.I. Kushchazli, Candidate of Psychological Sciences, Assistant of the Department of Psychology and Pedagogy, RUDN University); “Correspondence with the Professor – An Innovative Technology of Self-Mentoring, Which Forms the Mechanisms for Independent Solution of Educational and Life Problems” (A. Prusak, Doctor of Philosophy, Professor, Oranim Academic College, Israel);

– master classes: “Technology for Conducting a Training Seminar for Teachers Working with Migrant Children” (M.Yu. Chibisova, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of Social Pedagogy and Psychology, N.V.Tkachenko, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Department of Psychological Anthropology, Moscow State Pedagogical University, Russia); “Mentoring as a Tool for Coordinating Group Processes in Management and Business” (O.V. Lobza, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, V.O. Leonova, Senior Lecturer, Department of General and Social Psychology, Moscow State Institute of International Relations (University), Russia).

As part of the online section, reports were presented by the students of the Department of Psychology of RUDN University A.M. Volkova and V.Ye. Yakovleva (“Comparative Analysis of Parenting Strategies among Young Mothers in Families with One Child and Large Families”, scientific supervisor: Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor M.A. Rushina), and Yu.F. Galimova (“The Role of the Family in Personality Development: Styles of Effective Childrearing”, scientific supervisor: Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor G.N. Kameneva).

The scientific program of the forum was completed by the Moscow – Yerevan – Samara teleconference “Practical Training of Students (Trainees) as a Condition for the Implementation of the Idea of Professional Mentoring” (moderated by Doctor of Psychological Sciences, Professor O.A. Kornilova, Samara Branch of MSPU; Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor E.B. Bashkin, RUDN; and Doctor of Psychological Sciences, Professor A.S. Berberyan, RAU); the teleconference was attended by V.S. Melkonyan, Director of Ayg Cen-

ter for Psychological Services, RAU; N.S. Sargsyan, Director of Side by Side Center for Inclusive Education; Ye.V. Bazhina, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Economics, Management and Sociology, I.L. Matasova, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Pedagogical and Applied Psychology, Samara Branch of MSPU.

As part of the teleconference, a roundtable discussion “Innovator, Teacher, Psychologist, Mentor” was also held, dedicated to the 200th anniversary of the birth of K. D. Ushinsky (1823–1871), at which the results of the forum were summed up. The participants noted the high scientific level of the event, expressed their gratitude to the organizing committee and wishes for continued cooperation.

An important event within the framework of the forum was the signing of the Working Program of Cooperation between the Faculty of Philology of the RUDN University and the Institute of Humanities, the Institute of Media, Advertising and Cinema of the RAU, which provides for academic exchanges, joint scientific research and scientific and practical events, as well as exchange of educational and methodological aids.

The Russian delegation expresses its gratitude to all the organizers of the event and personally to Asya S. Berberyan, the Chairman of the organizing committee, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Head of the Department of Psychology of the RAU Institute for the Humanities, for preparing and holding the forum, as well as for her invaluable contribution to strengthening international cooperation.

Article history:

Received 19 May 2023

Revised 22 May 2023

Accepted 24 May 2023

For citation:

Berberyan, A.S., Bashkin, E.B., Bzhoyan, E.A., Ermakov, D.S., & Amantay, Zh. (2023). Mentoring technologies in psychotherapy, education, management and intercultural relations: Results of the international psychological forum at the Russian-Armenian University. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 20(2), 399–406. <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2023-20-2-399-406>

Author’s contribution:

Asya S. Berberyan, Evgeniy B. Bashkin, Dmitry S. Ermakov – text writing and editing.
Elene A. Bzhoyan, Zhuldyz Amantay – text writing and formatting.

Conflicts of interest:

The authors declare that there is no conflict of interest.

Bio notes:

Asya S. Berberyan, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Head of the Department of Psychology, Institute for the Humanities, Russian-Armenian University (Yerevan, Armenia). ORCID: 0000-0003-0321-0161. E-mail: aspsy@inbox.ru

Evgeniy B. Bashkin, Candidate of Psychological Sciences, Head of the Department of Psychology and Pedagogy, Faculty of Philology, RUDN University (Moscow, Russia). ORCID: 0000-0002-4118-813X. E-mail: bashkin-eb@rudn.ru

Elene A. Bzhoyan, Assistant of the Department of Psychology and Pedagogy, Faculty of Philology, RUDN University (Moscow, Russia). ORCID: 0000-0002-3187-5024. E-mail: bzhoyan-ea@rudn.ru

Dmitry S. Ermakov, Doctor of Pedagogy, Professor of the Department of Psychology and Pedagogy, Faculty of Philology, RUDN University (Moscow, Russia). ORCID: 0000-0003-0737-0189. E-mail: ermakov-ds@rudn.ru

Zhuldyz Amantay, Assistant of the Department of Psychology and Pedagogy, Faculty of Philology, RUDN University (Moscow, Russia). ORCID: 0000-0001-7523-3886. E-mail: amantay-zh@rudn.ru

DOI: 10.22363/2313-1683-2023-20-2-399-406

EDN: WRYHQT

УДК 005.963.2:001.89

Научный репортаж

Технологии наставничества в психотерапии, образовании, управлении и межкультурных отношениях: итоги Международного психологического форума в Российско-Армянском университете

**А.С. Берберян¹ , Е.Б. Башкин² , Е.А. Бжоян² ,
Д.С. Ермаков² , Ж. Амантай² **

¹Российско-Армянский университет,
Республика Армения, 0051, Ереван, ул. О. Эмина, д. 123

²Российский университет дружбы народов,
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

 bzhoyan-ea@rudn.ru

Аннотация. Международный психологический форум «Феномен наставничества: экзистенциально-гуманистическая парадигма и технологии реализации в образовании, управлении, психотерапии и межкультурных отношениях» состоялся 16–17 мая 2023 г. в Ереване на базе Российско-Армянского университета. Цели мероприятия – поиск решений актуальных проблем личностного развития посредством наставничества в сфере психологии, образования, управления, производства, научно-исследовательской, творческой деятельности и т. п., обсуждение научных результатов, инновационных технологий в области наставничества, обмен опытом, установление творческих контактов. Форум объединил более 100 участников (руководители научных и образовательных организаций, научно-педагогические работники, практические психологи, аспиранты и студенты) из Армении, Беларуси, Германии, Казахстана, Кыргызстана, России, Чехии, Израиля и др. Репортаж освещает краткую хронику основных мероприятий форума (пленарное и секционные заседания, круглые столы, интерактивные лекции, мастер-классы, а также телемост).

Ключевые слова: наставничество, психологический форум, Российско-Армянский университет, международное сотрудничество

История статьи:

Поступила в редакцию 19 мая 2023 г.

Принята к печати 24 мая 2023 г.

Для цитирования:

Берберян А.С., Башкин Е.Б., Бжоян Е.А., Ермаков Д.С., Амантай Ж. Технологии наставничества в психотерапии, образовании, управлении и межкультурных отношениях: итоги Международного психологического форума в Российско-Армянском университете // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика.* 2023. Т. 20. № 2. С. 399–406. <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2023-20-2-399-406>

Вклад авторов:

А.С. Берберян, Е.Б. Башкин, Д.С. Ермаков – написание и редактирование текста.

Е.А. Бжоян, Ж. Амантай – написание и оформление текста.

Заявление о конфликте интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Сведения об авторах:

Берберян Ася Суреновна, доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой психологии, Институт гуманитарных наук, Российско-Армянский университет (Ереван, Армения). ORCID: 0000-0003-0321-0161. E-mail: aspsy@inbox.ru

Башкин Евгений Брониславович, кандидат психологических наук, заведующий кафедрой психологии и педагогики, филологический факультет, Российский университет дружбы народов (Москва, Россия). ORCID: 0000-0002-4118-813X. E-mail: bashkin-eb@rudn.ru

Бжоян Елене Артуровна, ассистент, кафедра психологии и педагогики, филологический факультет, Российский университет дружбы народов (Москва, Россия). ORCID: 0000-0002-3187-5024. E-mail: bzhoyan-ea@rudn.ru

Ермаков Дмитрий Сергеевич, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры психологии и педагогики, филологический факультет, Российский университет дружбы народов (Москва, Россия). ORCID: 0000-0003-0737-0189. E-mail: ermakov-ds@rudn.ru

Амантай Жулдыз, ассистент, кафедра психологии и педагогики, филологический факультет, Российский университет дружбы народов (Москва, Россия). ORCID: 0000-0001-7523-3886. E-mail: amantay-zh@rudn.ru

DOI: 10.22363/2313-1683-2023-20-2-407-412

EDN: WVCQRQ

УДК 159.99

Биографическая статья

Слова прощания: памяти А.И. Донцова

И.Б. Бовина

Московский государственный психолого-педагогический университет,
Российская Федерация, 127051, Москва, ул. Сретенка, д. 29

 innabovina@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена памяти профессора А.И. Донцова (1949–2023), доктора психологических наук, профессора кафедры социальной психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, заслуженного профессора Московского университета, академика РАО. Автор делится своими воспоминаниями о взаимодействии с А.И. Донцовым во время обучения и работы на кафедре социальной психологии на факультете психологии МГУ имени М.В. Ломоносова.

Ключевые слова: А.И. Донцов, социальная психология, кафедра социальной психологии, МГУ имени М.В. Ломоносова

8 марта 2023 г. вечером пришла очень печальная весть – не стало А.И. Донцова (рис. 1). Не сговариваясь, однокурсники и друзья с психфака с грустью и горечью заметили, что закончилась эпоха А.И. Донцова, первого аспиранта Г.М. Андреевой на кафедре социальной психологии МГУ имени М.В. Ломоносова (которого Галина Михайловна ласково называла «Санечка»).

В памяти всплывает целая вереница очень ярких моментов, героем которых был Александр Иванович. В эпоху студенчества – это, конечно, общий курс по социальной психологии, спецкурс по психологии конфликта и по массовому сознанию. Лекции увлекали, и дело тут не только в самом содержании, в глубине анализа социально-психологического знания, но и в яркой манере автора, в оригинальности, остроумии, таланте заинтриговать аудиторию.

После сдачи госэкзамена по социалке, поздравляя нашу группу в неформальной обстановке, Александр Иванович сказал одну замечательную фразу, которая очень тронула и запомнилась: «Вчера были „Мы“ и „Вы“, а сегодня все – „Мы“». Ах, это чувство профессиональной идентичности!

Рис. 1. Александр Иванович Донцов (1949–2023 гг.)
(фото с сайта факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова) /

Figure 1. Alexander I. Dontsov (1949–2023)
(photo from the website of the Faculty of Psychology of Lomonosov Moscow State University)

Мне посчастливилось проработать под руководством и рядом с А.И. Донцовым незабываемые 15 лет. Л.Я. Гозман¹ в юбилейной статье «ГМ» (Гозман, 2009) пишет о том ощущении защищенности, которое испытывали коллеги, когда кафедрой заведовала Г.М. Андреева (рис. 2). Ничего не изменилось, когда Александр Иванович был у руля кафедры (настоящий ученик Г.М. Андреевой!). К счастью, эту традицию вновь продолжает О.А. Тихомандрицкая, что создает благоприятную атмосферу для сотрудничества в научном коллективе.

Вклад Александра Ивановича в социальную психологию, несомненно, связан с разработкой теории мотивационно-ценностного единства коллектива, созданием концепции интеграции малой функциональной группы, формулированием подхода к анализу межличностного конфликта, а также изучением проблем влияния меньшинства или закономерностей массового сознания (Донцов, Тихомандрицкая, 2022). Однако не менее важным был тот вклад в науку, который делал Александр Иванович каждый раз, щедро делясь сво-

¹ Признан Минюстом РФ иностранным агентом, внесен в реестр СМИ-иноагентов.

ими идеями и гипотезами с коллегами и учениками. Слушать Александра Ивановича можно было часами, здесь и сейчас зарождалась новая научно-исследовательская программа. В этом плане мне очень повезло, Александру Ивановичу я обязана очень многим. Ведь благодаря не только работе А.И. Донцова и Т.П. Емельяновой (1987), но именно этим беседам с Александром Ивановичем, мне удалось открыть для себя теорию социальных представлений. Именно в этих дискуссиях зародилась программа исследования коллективной памяти о России среди потомков русских эмигрантов (Бовина, 2005). Был даже план совместной монографии по социальным представлениям в расширенном составе – на троих (А.И. Донцов. Т.П. Емельянова и я), жаль, что перипетии второй половины нулевых не только пошатнули здоровье Александра Ивановича, но и модифицировали литературные планы, хотя сама задумка и собранные материалы не пропали даром...

Рис. 2. Г.М. Андреева и А.И. Донцов на кафедре социальной психологии факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова, июнь 1999 г. (фото из личного архива автора) /

Figure 2. Galina M. Andreeva and Alexander I. Dontsov at the Department of Social Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, June 1999 (photo from the author's personal archive)

Зная историю социальной психологии (The handbook of the history of social psychology, 2012; Moscovici, Markova, 2006), в частности ее отечественные страницы, сложно говорить об интеграции в мировую науку (Андреева, 1997), но есть один немаловажный нюанс – многочисленные дискуссии С. Московиси и А.И. Донцова. При каждой возможности в Москве или Париже этим ученым было о чем говорить, обсуждая часами проблемы социального влияния, социальных представлений, социальной психологии в более широком понимании.

В это очень трудно поверить, но 8 марта 2023 г. не стало Александра Ивановича Донцова, невозможно представить психфак без него: так и думается, что дверь во двор откроется и на пороге появится Александр Иванович, как всегда, полный энергии, задора, необыкновенного чувства юмора и скажет: «Ребенок, постой со мной, я покурю...».

Список литературы

- Андреева Г.М. К истории становления социальной психологии в России // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 1997. № 4. С. 6–17.
- Бовина И.Б. Интервью с эмигрантами первой волны. Неопубликованный архив. 2005.
- Гозман Л.Я. ГМ // Константа в неопределенном и меняющемся мире. М.: МГУ, 2009. С. 30–40.
- Донцов А.И., Емельянова Т.П. Концепция социальных представлений в современной французской психологии. М.: Изд-во МГУ, 1987. 128 с.
- Донцов А.И., Тихомандрицкая О.А. К 50-летию кафедры социальной психологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2022. № 3. С. 3–7. <http://doi.org/10.11621/vsp.2022.03.01>
- The handbook of the history of social psychology / ed. by A. Kruglanski, W. Stroebe. New York, NY: Psychology Press, 2012. 530 p.
- Moscovici S., Markova I. The making of modern social psychology: the hidden story of how an international social science was created. Cambridge: Wiley, 2006. 296 p.

История статьи:

Поступила в редакцию 30 апреля 2023 г.
Принята к печати 15 мая 2023 г.

Для цитирования:

Бовина И.Б. Слова прощания: памяти А.И. Донцова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2023. Т. 20. № 2. С. 407–412. <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2023-20-2-407-412>

Заявление о конфликте интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Сведения об авторе:

Бовина Инна Борисовна, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры клинической и судебной психологии, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (Москва, Россия). ORCID: 0000-0002-9497-6199; eLIBRARY SPIN-код: 9663-3747; AuthorID: 276224. E-mail: innabovina@yandex.ru

DOI: 10.22363/2313-1683-2023-20-2-407-412

EDN: WVCQRQ

UDC 159.99

Biographical article

Farewell Words: In Memory of Alexander I. Dontsov

Inna B. Bovina

Moscow State University of Psychology and Education,
29 Sretenka St, Moscow, 127051, Russian Federation

✉ innabovina@yandex.ru

Abstract. The article is dedicated to the memory of Professor Alexander I. Dontsov (1949–2023), Doctor of Psychology, Professor of the Social Psychology Department at Lomonosov Moscow State University, Emeritus Professor of Lomonosov Moscow University, Academician of the Russian Academy of Education. The author shares her memories of the interaction with A.I. Dontsov during his studies and work at the Department of Social Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University.

Key words: A.I. Dontsov, social psychology, Social Psychology Department, Lomonosov Moscow State University

References

- Andreeva, G.M. (1997). On the history of the formation of social psychology in Russia. *Moscow University Psychology Bulletin*, (4), 6–17. (In Russ.)
- Bovina, I.B. (2005). *Interviews with emigrants of the first wave. Unpublished archive.* (In Russ.)
- Dontsov, A.I., & Emelyanova, T.P. (1987). *The concept of social representations in modern French psychology.* Moscow: MSU Publ. (In Russ.)
- Dontsov, A.I., Tikhomandritskaya, O.A. (2022). To the 50th Anniversary of the Department of Social Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University. *Moscow University Psychology Bulletin*, (3), 3–7. (In Russ.) <http://doi.org/10.11621/vsp.2022.03.01>
- Gozman, L.Ya. (2009). GM. *A Constant in an Uncertain and Changing World* (pp. 30–40). Moscow: MSU Publ. (In Russ.)
- Kruglanski, A., & Stroebe, W. (2012). *The handbook of the history of social psychology.* New York, NY: Psychology Press.
- Moscovici, S., & Markova, I. (2006). *The making of modern social psychology: The hidden story of how an international social science was created.* Cambridge: Wiley.

Article history:

Received 30 April 2023

Revised 14 May 2023

Accepted 15 May 2023

For citation:

Bovina, I.B. (2023). Farewell Words: In Memory of Alexander I. Dontsov. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 20(2), 407–412. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2023-20-2-407-412>

Conflicts of interest:

The author declares that there is no conflict of interest.

Bio note:

Inna B. Bovina, PhD in Psychology, is Research Director, Associate Professor, Department of Clinical and Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education (Moscow, Russia). ORCID: 0000-0002-9497-6199; eLIBRARY SPIN-code: 9663-3747; AuthorID: 276224. E-mail: innabovina@yandex.ru